UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323081 0

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ II.

(1886—1889)

[illegible]

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВА
[illegible]
1912

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ II.

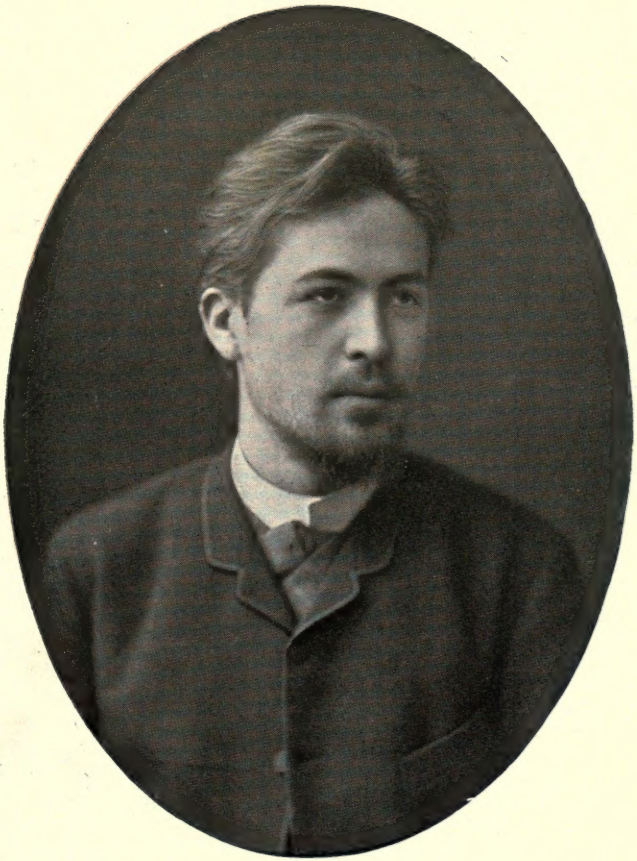
(1888—1889.)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ИЗДАНІЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1912.

PG
3458
A4
1912a
t.2

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.



Alfonso Reyes

Біографическій очеркъ (1888—1889).

II.

Осенью 1887 г. Антонъ Павловичъ написалъ свою первую пьесу «Ивановъ». Еще раньше, за годъ передъ этимъ, въ литературной дѣятельности писателя начался переломъ въ сторону болѣе серьезнаго, вдумчиваго творчества; теперь А. П. уже настоящій писатель, — о немъ пишутъ и говорятъ, и когда на сценѣ театра Корша въ Москвѣ появился въ первый разъ его «Ивановъ», то смотрѣть его собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ разсказовъ Антона П-ча, помѣщенныхъ имъ въ «Осколкахъ», другіе ожидали чего-то новаго, болѣе серьезнаго, и не ошиблись. Успѣхъ спектакля былъ пестрый: первые шикали, вторые, которыхъ было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но въ общемъ «Иванова» не поняли и еще долго потомъ газеты выясняли личность и характеръ главнаго героя. Но какъ бы то ни было, о пьесѣ заговорили. Въ январѣ 1889 г. «Ивановъ» былъ поставленъ въ С.-Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, прошелъ шумно, хотя и здѣсь еще долго обсуждался новый тогда типъ Иванова. Въ одномъ изъ писемъ къ Суворину А. П. долженъ былъ самъ выяснять, что представлялъ изъ себя Ивановъ и какъ нужно было бы его играть. Но новизна замысла и драматическихъ пріемовъ автора обратили на Антона П-ча всеобщее вниманіе,

какъ на драматурга, и съ этого времени начинается общій поворотъ въ психикѣ и въ литературной дѣятельности писателя,—онъ начинаетъ строже относиться къ себѣ и къ своему творчеству. Правда, вызвавшій столько толковъ и въ печати и въ обществѣ, «Ивановъ» былъ написанъ сплеча и на спѣхъ. Антонъ Павловичъ и раньше брался за драмы и водевили, но самъ же ихъ и уничтожалъ. Еще въ юношествѣ онъ написалъ драму «Безотцовщина» и водевиль «Не даромъ курица пѣла»; будучи студентомъ, онъ написалъ большую пьесу, которую мечталъ поставить на сценѣ Московскаго Малаго театра и даже носилъ ее извѣстной московской артисткѣ М. Н. Ермоловой на просмотръ. Пьеса эта была очень громоздка, съ поѣздомъ желѣзной дороги, съ конокрадами и съ самосудомъ цыганъ, но все это были шалости пера. Былъ еще у А. П. и драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи «На большой дорогѣ», запрещенный цензурой (1885 г.), изъ котораго впослѣдствіи онъ сдѣлалъ разсказъ. Но всѣ эти пьесы свѣта не видали. «Ивановъ» былъ исполненъ въ какія-нибудь двѣ недѣли. Встрѣтившись какъ-то съ содержателемъ Московскаго частнаго театра Ф. А. Коршемъ, въ его же театрѣ, А. П. разговорился съ нимъ о пьесахъ. Тогда ставили легкую комедію и водевиль, серьезныя пьесы были не въ ходу, и зная, что А. П. былъ юмористомъ, Ф. А. Коршъ предложилъ ему написать для него пьесу. Условія показались выгодными, и А. П-чъ принялся за исполненіе. Въ сумрачномъ кабинетѣ, въ домѣ Корнѣева, на Кудринской Садовой, Ант. П-чъ сталъ писать актъ за актомъ, которые тотчасъ же и передавались Коршу для цензуры и репетицій. Но, несмотря на такое спѣшное исполненіе, «Ивановъ» сразу же обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Антонъ П-чъ понюхалъ театральнаго пороха, къ тому же и матеріальные резуль-

таты постановки имъ «Иванова» порадовали его, и онъ написалъ вскорѣ водевиль «Медвѣдь», облетѣвшій всю Россію и не сходящій съ репертуара и до сихъ поръ. «Медвѣдь» былъ напечатанъ сперва въ «Новомъ Времени», а затѣмъ поставленъ въ первый разъ все въ томъ же театрѣ Корша въ Москвѣ. Заглавную роль въ немъ исполнялъ артистъ Н. Н. Соловцовъ, которому и посвященъ водевиль. Въ слѣдующемъ сезонѣ Н. Н. Соловцовъ вмѣстѣ съ Абрамовой открылъ въ Москвѣ свой собственный театръ, но дѣла ихъ не пошли. Оставалось одно Рождество, на которое только и возлагались надежды; но чтобы «сорвать» сборы, нужно было имѣть какую-нибудь новую, боевую пьесу, а ея то и не было. Тогда Соловцовъ обратился къ Антону П-чу: — «Поддержите, выручите, дайте пьесу!» У Антона П-ча въ запасѣ не было ни одной законченной. До наступленія Рождества оставалось всего только какихъ-нибудь 10—12 дней. Соловцовъ предлагалъ тысячу рублей. Условія были заманчивы. И вотъ Антонъ П-чъ принялся за пьесу. Каждый день онъ писалъ по акту, его братъ-студентъ переписывалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, пріѣзжалъ Соловцовъ, отбиралъ эти экземляры и посылалъ ихъ съ кондукторомъ въ Петербургъ на цензуру. Такимъ образомъ, пьеса къ сроку была готова, прошла нѣсколько разъ подрядъ, автора опять шумно вызывали, но самъ авторъ остался ею далеко недоволенъ. Это былъ «Лѣшій». Антонъ П—чъ тогда же снялъ ее съ репертуара, долго держалъ ее въ столѣ и только нѣсколько лѣтъ спустя передѣлалъ ее до неузнаваемости и уже подъ другимъ заглавіемъ («Дядя Ваня») поставилъ ее на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Но каковы бы ни были недостатки «Лѣшаго», и эта пьеса обратила на себя вниманіе литературныхъ круговъ и дала Антону Павловичу мѣсто среди видныхъ тогдашнихъ драматур-

говъ. Одновременно съ этимъ онъ писалъ какой-то большой романъ, о которомъ часто мечталъ вслухъ и любилъ говорить, но романъ этотъ такъ и не увидѣлъ свѣта и не былъ найденъ въ его бумагахъ; вѣроятно, требовательный къ себѣ, онъ остался имъ недоволенъ и уничтожилъ его или воспользовался имъ для разсказа. Писалъ онъ его нѣсколько лѣтъ. «Посвящаю его (этотъ романъ) Вамъ»,—писалъ онъ въ 1889 году А. Н. Плещееву, — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе къ сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.» (9 апр. 1889). Повидимому, въ этомъ именно романѣ Ант. П—чъ хотѣлъ воплотить въ художественныхъ образахъ свое міровоззрѣніе, которое онъ такъ формулируетъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву (въ окт 1889 г.). «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индеферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ—и только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретарь консисторіи, такъ и Н. съ Г.. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ;

я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія дѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». Это исповѣданіе вѣры, которое должно было лечь въ основу начатаго Антономъ П—чемъ романа, какъ нельзя болѣе характеризуетъ его самого и его внутренній міръ въ 1888—89 годахъ.

Литературная плодовитость Антона П—ча въ эти годы была громадна. Постановки на московской и петербургской сценахъ пьесъ не помѣшали ему написать большую повѣсть «Степь», показавшую читателямъ, какой это былъ значительный талантъ. Но и теперь Антонъ П—чъ еще мало довѣрялъ своему дарованію. Замѣтившій его еще раньше и первый приславшій ему привѣтственное письмо, Григоровичъ, а затѣмъ А. С. Суворинъ, съ которымъ Ант. П—чъ близко сошелся во время постановки на Александринской сценѣ «Иванова», открыли ему глаза на него самого; затѣмъ возмужалость и необыкновенное стремленіе къ личной свободѣ сдѣлали свое дѣло, и Антонъ П—чъ окончательно подвелъ себѣ итогъ и опредѣлился, какъ писатель и драматургъ. Врачебная практика сошла «на нѣтъ», и вывѣска на двери «Докторъ А. П. Чеховъ» стала уже ненужной, хотя и продолжала еще висѣть.

1888—1889 годы были какими-то необыкновенными въ душевномъ подъемѣ Антонъ П—ча. Онъ всегда былъ веселъ, шутилъ, много и безъ устали работалъ, не могъ обходиться безъ людей. Его небольшая квартира въ

Кудринѣ, маленькій двухъ-этажный домъ особнячокъ, похожій на комодъ, въ то время представляла изъ себя центръ, куда стекалась молодежь. Наверху играли на взятомъ на прокатъ піанино, пѣли, вели шутливые разговоры, а внизу онъ сидѣлъ у своего стола и подъ долетавшіе до него звуки писалъ. Но эти звуки только подбодряли его. Онъ не могъ жить безъ нихъ, принималъ самое живое участіе въ общемъ весельи. «Я положительно не могу жить безъ гостей,—писалъ онъ А. С. Суворину.— «Когда я одинъ, то мнѣ почему-то дѣлается страшно». Въ домѣ Корнѣева въ Кудринѣ посѣтили Антона П—ча Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ, Лейкинъ, и многіе другіе писатели, подарилъ его своимъ неожиданнымъ визитомъ композиторъ П. И. Чайковскій — и такимъ образомъ Антонъ П—чъ былъ признанъ тогда за величину. Царившіе въ то время у Антона П—ча въ квартирѣ веселье и смѣхъ заразили и покойнаго старика Д. В. Григоровича: онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и еще долго разсказывалъ въ Петербургѣ о той обстановкѣ, въ которой молодой писатель создавалъ тогда свои произведенія. Эта веселая жизнерадостная, многообѣщавшая жизнь прерывалась однако приступами сильнаго кашля, которые посѣщали Антона П-ча, въ особенности по ночамъ. Незамѣтно, но настойчиво этотъ кашель подготовлялъ почву для будущей серьезной его болѣзни, но онъ не хотѣлъ обращать на него вниманія и серьезно лѣчиться. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 14 октября 1888 г. онъ старается убѣдить себя, что этотъ кашель — вовсе не опасенъ. «Каждую зиму, осень и весну,—пишетъ онъ,— и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изъ рта, есть что то зловѣщее, какъ въ заревѣ.... Дѣло въ томъ, что чахотка... узнается только по совокупности признаковъ, а у меня то именно и нѣтъ этой со-

вокупности». Первое кровохарканье случилось у Антона П—ча еще въ 1885 году, когда онъ былъ почему-то (кажется, велъ для газеты записки по извѣстному дѣлу Скопинскаго банка) въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.... «Если бы то кровохарканье,—продолжаетъ онъ въ письмѣ къ Суворину,—какое случилось у меня въ Окружномъ Судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ,—вотъ моя логика». Этотъ кашель продолжался очень долго, и болѣзнь Антона П—ча стала окончательно выяснившейся для его семьи только многіе годы спустя, уже въ Мелиховѣ, когда писателя пришлось везти въ клиники. Но какъ бы то ни было, уже тогда, въ 1889—1890 гг. припадки этой болѣзни и геморроя вносили въ душу Антона П—ча разочарованіе. Онъ чувствовалъ себя иногда такъ плохо, что, любя общество, начиналъ тяготиться имъ, запрещалъ принимать гостей и часто въ такіе моменты отказывалъ въ пріемѣ людямъ, которымъ не отказалъ бы во всякое другое время. Но заканчивались эти болѣзни, и моментально мѣнялось настроеніе, двери широко отворялись, приходили гости, начиналась музыка, и подъ звуки ея и говоръ молодежи у Антона П—ча выростали крылья и чувствовалось отсутствіе досаднаго настроенія. Особенно тяжело протекла для писателя въ 1888 г. свирѣпствовавшая тогда инфлуэнца. Но и при ней, какъ, впрочемъ, и всегда, онъ не давалъ врачамъ выслушать себя и поставить точный діагнозъ.

Лѣто 1888 и 89 гг. Антонъ П—чъ провелъ съ семьей на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука, Сумскаго уѣзда. Нанялъ онъ эту дачу заглазно, по совѣту одного хохла изъ посѣщавшей его молодежи. Отправилъ по почтѣ задатокъ и тотчасъ же послалъ А. Н. Плещееву въ Петербургъ приглашеніе ѣхать къ нему въ тѣ мѣста, гдѣ

«свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Онъ заранѣе восхищался глубокой, широкой и богатой рыбой и раками рѣкой Псломъ, прудомъ съ карасями, плотиной, лѣсами, поднимавшимся въ гору старымъ садомъ, изобиліемъ барышенъ. Онъ обѣщалъ ему окунуться вмѣстѣ съ нимъ въ бездѣлье, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и т. д. Нанятая усадьба не обманула его ожиданій. Страстный рыболовъ и любитель музыки и общества, онъ нашелъ здѣсь все, чего искалъ. Правда, обстановка и удобства оставляли желать многаго, но зато рѣка, дуэты на рояли и віолончели и превосходные люди, владѣвшіе усадьбой, вполнѣ его удовлетворили. Онъ сталъ мечтать о покупкѣ въ Малороссіи своего собственнаго хутора и переселеніи въ него навсегда. Почти тотчасъ же вслѣдъ за переселеніемъ Антона П—ча на Луку, туда пріѣхалъ къ нему изъ Петербурга А. Н. Плещеевъ. Это былъ уже тогда дряхлый старикъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ. Для Алексѣя Николаевича была отведена у Антона П—ча отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ этого не замѣчалъ и велъ долгія бесѣды съ молодымъ писателемъ. Прожилъ онъ у него цѣлый мѣсяцъ, сочинялъ вслухъ и иногда такъ кричалъ при этомъ, что Антонъ П—чъ вбѣгалъ къ нему въ комнату и спрашивалъ его, не нужно-ли ему чего-нибудь. Маститый старецъ мило и виновато улыбался и продолжалъ свою работу. Къ А. Н. Плещееву Антонъ П—чъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье: старикъ очень любилъ мучное, а мать писателя Евгенія Яковлевна любила обкармливать,

и Антону П—чу то и дѣло приходилось быть его врачомъ.

Вслѣдъ за А. Н. Плещеевымъ Антона П—ча посѣтили на Лукѣ К. С. Баранцевичъ, а затѣмъ и А. С. Суворинъ. Пріѣздъ старика Суворина еще болѣе укрѣпилъ его дружбу съ Антономъ П—чемъ, начавшуюся еще въ Петербургѣ во время постановки тамъ «Иванова». Они близко сошлись. Не раздѣляя взглядовъ «Новаго Времени». Антонъ П—чъ высоко цѣнилъ старика Суворина, отдѣлялъ его отъ газеты и дорожилъ его дружбой. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ ему искреннія письма, въ которыхъ высказывалъ свои завѣтныя мысли и переживанія, которыя доказываютъ близкія отношенія, существовавшія между старымъ публицистомъ и молодымъ писателемъ. Верстахъ въ полутора отъ усадьбы, въ которой жилъ Антонъ Павловичъ, находилась большая вальцовая мельница о 16-ти колесахъ. Стояла она въ поэтическомъ мѣстѣ на Пслѣ, вся окруженная старымъ дубовымъ лѣсомъ. Сюда-то и ѣздили на простомъ, выдолбленомъ челнокѣ Чеховъ и Суворинъ на рыбную ловлю. Цѣлые часы они простаивали у ея колесъ, ловили рыбу и разговаривали на литературныя и общественныя темы. Оба изъ народа, оба—внуки бывшихъ крѣпостныхъ и оба одаренные отъ природы громадными талантами и отличавшіеся рѣдкой образованностью, они почувствовали другъ къ другу сильное влеченіе и близко сошлись. Эта дружба, повлекшая за собою громадную переписку съ обѣихъ сторонъ, продолжалась затѣмъ долгіе годы и окончилась только нѣсколько лѣтъ спустя, во время извѣстнаго процесса Дрейфуса, когда старикъ Суворинъ сталъ на сторону обвинителей Дрейфуса. Старикъ до самой смерти продолжалъ любить Чехова, но охлажденіе со стороны молодого писателя, начавшееся еще за границей во время процесса, продолжалось и въ

Россіи. Не разрывая сразу, Чеховъ переписывался съ Суворинымъ все рѣже и рѣже; время и отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга пространство тоже дѣлали свое дѣло, и, наконецъ, переписка эта, содержащая въ себѣ столько удивительныхъ мыслей, столько новыхъ и оригинальныхъ сужденій и такъ характеризовавшая Чехова, какъ мыслителя, прекратилась совсѣмъ. Литература, судъ, управленіе, общественная жизнь—все это глубоко захватывало Антона П—ча, вызывало въ немъ живой интересъ и находило отраженіе въ этой перепискѣ его съ Суворинымъ.

Постановка «Иванова» на Спб. Александринской сценѣ сблизила Антона П—ча съ артистомъ П. М. Свободинымъ [1]). Онъ тоже пріѣзжалъ въ то лѣто къ писателю на Луку. Оба талантливые и оба юмористы, они смѣшили все населеніе усадьбы остроумными выходками, затѣвали смѣхотворныя рыбныя ловли, наконорыя Свободинъ выходилъ во фрачной парѣ, и были неистощимы на шутки. Цѣлой компаніей ѣздили въ Ахтырку—тогда захолустный провинціальный городокъ, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, изображали изъ себя графовъ и князей, чѣмъ приводили въ немалое смущеніе лакеевъ.

Но какъ ни была содержательна и интересна жизнь Антона П—ча на Лукѣ, въ исторіи его творчества она не сыграла особой роли, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ чертъ, которыми А. П. воспользовался въ «Вишневомъ садѣ». Въ противоположность Бабкину, гдѣ онъ жилъ на дачѣ въ предыдущіе годы, во всѣхъ его дальнѣйшихъ разсказахъ нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ бы можно было узнать Луку. Ло-

---

[1]) Письма А. П. къ П. М. Свободину, повидимому, были затеряны послѣ смерти П. М.

вили рыбу, раковъ, слушали почти артистическую игру на рояли и віолончели, но уже не было того размаха молодости, той жизнерадостности, которыми сопровождалась жизнь въ Бабкинѣ.

Въ то-же лѣто 1888 года Антонъ П — чъ отправился на югъ, погостилъ въ Ѳеодосіи у Суворина и задумалъ вмѣстѣ съ его сыномъ А. А. далекое путешествіе въ Среднюю Азію и въ Персію. Они отправились моремъ до Батума, при чемъ едва не потерпѣли крушеніе на пароходѣ «Диръ» (см. письмо къ брату М. П. отъ 28 іюля 1888 г.), доѣхали уже черезъ Тифлисъ до Баку, какъ пришла неожиданная телеграмма изъ Ѳеодосіи о смерти младшаго Суворина. Пришлось возвращаться назадъ. Эта поѣздка произвела на Антона П — ча громадное впечатлѣніе. Каковы бы ни были ея конечные результаты, она удовлетворила его. «Впечатлѣнія новыя, рѣзкія»,—писалъ онъ А. Н. Плещееву,—до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ» (13 авг. 1888 г.). Его пугало тогда возвращеніе въ Москву. Москвы онъ тогда не любилъ. «Москва съ ея холодомъ, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—«пугаетъ мое воображеніе. Я охотно прожилъ бы зиму подальше отъ нея». Параллельно съ этимъ въ немъ начинаетъ замѣчаться привязанность къ Петербургу, онъ уже мечтаетъ поселиться въ немъ гдѣ-нибудь на окраинѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, его тянутъ туда литературныя связи и культурность жизни, и онъ пишетъ своему младшему брату: «Предубѣжденіе къ Петербургу — вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ». Но въ то же время его пугаетъ и Петербургъ, и, вѣроятно, благодаря приступамъ безпокоившаго его кашля, онъ мечтаетъ и о хуторѣ, обязательно на югѣ, въ Малороссіи. Онъ заранѣе мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ

давать возможность и другимъ писателямъ время отъ времени отдыхать на его хуторѣ, для чего онъ настроитъ отдѣльные флигеля. (См. письмо къ А. Н. Плещееву LXXV стр. 140). Жизнь, полная треволненій, погони за славой и успѣхомъ, кажется ему мелкой и нестоящей вниманія, и онъ пишетъ о себѣ И. Л. Щеглову: «Я не Потемкинъ, а Цинциннатъ. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и апплодирующая галлерея. Я очевидно уродъ и плебей» (18 февр. 1889).

Мысли о покупкѣ своего собственнаго хутора въ Малороссіи не оставляютъ его и на слѣдующій годъ, когда онъ снова поселяется на лѣто на Лукѣ. Онъ наводитъ справки, ѣздитъ осматривать хуторъ въ Полтавскую губернію въ Сорочинцы, но и эти очаровательныя поѣздки не оставляютъ никакого слѣда въ его литературныхъ произведеніяхъ: Малороссію Антонъ П — чъ любилъ лишь платонически. Но это лѣто проходитъ для него въ тяжкихъ испытаніяхъ. Весною заболѣваетъ чахоткой его братъ, художникъ Николай Павловичъ. Его болѣзнь захватываетъ Антона П — ча цѣликомъ и совершенно лишаетъ его способности работать. «Человѣкъ я малодушный,—пишетъ онъ по этому поводу А. Н. Плещееву, — не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, и поэтому вы мнѣ повѣрите, если я скажу вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ ужъ три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты» (9 апр. 1889 г.). Болѣзнь брата Николая прогрессировала, его перевезли на Луку, и тамъ онъ, въ отсутствіи Антона П—ча, поѣхавшаго хотя немного развлечься въ Полтавскую губернію, скончался. Было сѣрое небо, шелъ дождь, и писатель долженъ былъ цѣлую ночь скакать обратно, едва успѣвъ прибыть

на мѣсто, чтобы застать покойнаго брата еще на столѣ. Сама природа вооружилась противъ пистателя. «На половинѣ дороги полилъ дождь,—пишетъ онъ А. Н. Плещееву. — Пріѣхали къ Смагинымъ ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ. Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 ч. ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду: темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣной, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые» (26 іюня 89 г.).

Затѣмъ произошли похороны, милыя, поэтическія, полныя трогательной простоты. Николай Павловичъ остался навѣки лежать на скромномъ Лучанскомъ кладбищѣ, а Антонъ Павловичъ какъ-то сразу, вдругъ перемѣнился. Онъ вдругъ засуетился, сталъ тосковать, и вскорѣ же послѣ похоронъ уѣхалъ изъ Луки скитаться. Собирался онъ за границу, но не поѣхалъ, почему-то застрялъ въ Одессѣ, гдѣ въ то время была на гастроляхъ московская труппа Малаго театра, поѣхалъ въ Ялту... «Я ѣду въ Ялту и положительно не знаю, зачѣмъ я туда ѣду...» писалъ онъ тогда брату Ивану Павловичу.—Я не знаю, на чемъ остановить свой выборъ. А тутъ еще лѣнь, нежеланіе ѣхать куда-бы то ни было, равнодушіе и банкротство. Живу машинально, не разсуждая... У

меня нѣтъ ни желаній, ни намѣреній, а потому нѣтъ и опредѣленныхъ плановъ... Могу хоть въ Ахтырку ѣхать, мнѣ все равно» (16 іюля 1889 г.). Какое-то странное равнодушіе къ жизни овладѣваетъ писателемъ, онъ ко всему теряетъ охоту и интересъ, жалуется на банкротство и въ то же время пишетъ сестрѣ: «денегъ не жалѣйте, чортъ съ ними!» Но проходятъ два мѣсяца, и онъ снова полонъ вѣры въ себя, въ свое призваніе и уже пишетъ А. Н. Плещееву слѣдующія строки изъ Москвы: «Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за разсказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевиль и этакъ безъ конца до самой моей дохлой смерти. Такъ что при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты» (14 сент. 1889.). И, живя все въ томъ же домѣ Корнѣева на Кудринской-Садовой, онъ съ лихорадочностью принимается за литературную работу, и изъ-подъ его пера выходятъ такія вещи, какъ «Скучная исторія» и, какъ уже было упомянуто выше, пьеса «Лѣшій», которую онъ поставилъ въ театрѣ Абрамовой 27 декабря 1889 года. Къ этому присоединилась еще тяжелая, кропотливая работа по собиранію матеріаловъ для предположенной поѣздки на Сахалинъ.

Мих. Чеховъ.

I.

И. Л. Щеглову [1]).

(По копіи, доставленной адресатомъ).

1 январь. 1888 г. (Москва).

Милый Альба! Называю Васъ такъ потому, что Вашъ трагическій почеркъ — послѣднее слово инквизиціи. Онъ, пока я прочелъ Ваше письмо, вывихнулъ мнѣ глаза.

Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ. Будьте здоровы, счастливы въ любви и въ литературѣ, смѣйтесь тремя октавами ниже и да спасетъ Васъ Богъ отъ нашествія сибирскихъ дядюшекъ.

Отвѣчаю на ваше письмо. Подписываться въ «Осколкахъ» Щегловымъ нельзя. Придумайте для мелочей постоянный псевдонимъ, въ родѣ «Дачнаго мужа». Если Лейкинъ будетъ фордыбачиться, Вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте:

— Сэръ, отчего же это Чеховъ не подписываетъ своей фамиліи?

Познакомьтесь съ Билибинымъ и Голике [2]). Оба милые люди. «Миньона» — прелесть. Браво! Бисъ! Щегловъ!

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ первомъ томѣ (См. «Письма А. П. Чехова» т. I, стр. 241, CXXX).

[2]) Владѣлецъ типографіи въ СПБ.

Вы положительно талантливы! Васъ читаютъ. Пишите!

Впрочемъ, если бы Вы у Максима Бѣлинскаго [1]) поучились, то еще болѣе навострились.

Передайте добрѣйшему А. Н. Плещееву, что я началъ пустячокъ для «Сѣвернаго Вѣстника» (этого литературнаго «вдовьяго дома»). Когда кончу, не знаю. Мысль, что я пишу для толстаго журнала и что на мой пустякъ взглянутъ серьезнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, толкаетъ меня подъ локоть, какъ чортъ монаха. Пишу степной разсказъ [2]). Пишу, но чувствую, что не пахнетъ сѣномъ.

Бибиковъ [3]) не присылаетъ мнѣ своихъ романовъ. Никакъ не могу забыть его обѣщанія. Напугалъ человѣка ни за что, ни про что...

Видѣлъ Давыдова [4]): не кланяется съ Киселевскимъ и вообще находитъ, что такъ нельзя. Прощайте и будьте здоровы.

А. Чеховъ.

P. S. Пишите. Ваше письмо такъ мило, что я даже простилъ Вамъ трагизмъ Вашего почерка. Что новаго?

Напишите драму. Судя по «Миньонѣ», Вы можете отжарить хорошую драму.

Читайте новогодніе №№ газетъ, по возможности, всѣхъ петербургскихъ. Если найдете строки, касающіяся меня или Короленко, то вырѣжьте и пришлите.

Были ли въ академіи?

---

[1]) Псевдонимъ I. I. Ясинскаго.

[2]) «Степь».

[3]) Литераторъ.

[4]) В. Н. Давыдовъ — артистъ. Вмѣстѣ съ Киселевскимъ въ то время служилъ въ театрѣ Корша въ Москвѣ.

II.

А. П. Ленскому.

6 января (1888 г. Москва).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Александръ Павловичъ, экземпляръ Татьяны Рѣпиной [1]), въ который вошли всѣ поправки, сдѣланныя въ послѣднее время авторомъ. Такъ какъ, насколько помнится, отъ поправокъ и вставокъ досталось больше всего Адашеву, то посылаю Вамъ экземпляръ особо, не въ примѣръ прочимъ. Такой же экземпляръ посланъ и Никулиной.

Какъ вы поживаете? Небось утомились? Думаю, на сихъ дняхъ побывать у Васъ, а пока кланяюсь Вамъ и Лидіи Николаевнѣ и желаю всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Будьте добры сказать сестрѣ, когда начнутся репетиціи Татьяны и когда она пойдетъ.

III.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

6 Января 18888 [2]) *г. (Москва).*

Многоуважаемая Марія Владиміровна!

Посылаю Вамъ письмо, которое касается Васъ и Вашей литературной дѣятельности. Итакъ, значитъ, въ новомъ году Вы будете вести переписку ужъ не съ переваренной Яшенькой [3]), а съ гремучей С..... Теперь

---

[1]) «Татьяна Рѣпина» — драма А. С. Суворина.

[2]) Цифры А. П. (шутка).

[3]) Знакомая барышня.

я смѣло могу поздравить Васъ: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми психопатками! Я радъ за Ларьку [1].. Успѣхъ его, конечно, я объясняю не столько его сомнительными литературными достоинствами, сколько протекціей такого свѣтила, какъ я... Будетъ онъ напечатанъ въ мартѣ и съ такимъ оглавленіемъ: «Ларька - Геркулесъ» (напечатанный по протекціи А. П. Чехова). Безъ того, что въ скобкахъ, разсказъ потеряетъ всю свою соль. Теперь Вы и Ваше семейство можете судить, какъ Вы мало меня цѣнили!!!

За симъ, ради Создателя не пренебрегите слѣдующимъ совѣтомъ. Запросите съ С. *не менѣе* 50 рублей за листъ. Умоляю Васъ! Хоть разъ въ жизни уважьте меня! Если она, психопатически ноя и виляя въ письмѣ турнюромъ, будетъ жаловаться на бѣдность и предлагать Вамъ 30 — 40 руб., то ради всего святого имѣйте мужество не согласиться. Помните, что и 50 руб.— нищенская плата. Если вы возьмете дешево, то испортите и мнѣ коммерцію: вѣдь я тоже сотрудникъ Р..!

Слѣдующій разсказъ готовьте къ марту, не стѣсняясь размѣромъ, но возможно короче. Теперь ужъ Ваше дѣло въ шляпѣ и на счетъ «Р.» можете быть покойны. С. одолѣетъ Васъ письмами, а Вы въ отместку будете одолѣвать ее разсказами — и этакъ до гробовой доски.

Не забудьте: «Р.» не минуется критикою. Это привилегированный журналъ, не чета Дѣтскому отдыху.

Мы пріѣхали благополучно. Къ великому моему стыду я на станціи вспомнилъ, что не далъ ничего Никифору [2].. Послалъ ему мелочи съ Гаврилой, да думаю, что эта мелочь не уѣдетъ дальше Крюковскаго трактира.

---

[1]) Разсказъ адресатки.

[2]) Никифоръ — служащій Киселевыхъ, отвозившій А. П. на станцію жел. дор.

Если будете писать С., то не забудьте упомянуть о высылкѣ Вамъ журнала: Василисѣ и Грипу [1]) пригодится. Обратный путь показался короткимъ, ибо было свѣтло и тепло, но — увы! — пріѣхавъ домой, я сильно пожалѣлъ, что этотъ путь былъ обратнымъ: кабинетъ мой показался мнѣ противнымъ, а обѣдъ подали такой (насъ не ждали), что я съ тоской вспомнилъ о Вашихъ художественныхъ вареникахъ.

Жду къ 12-му январю Алексѣя Сергѣевича [2]).

Вотъ наше меню:

Селянка изъ осетрины по польски.
Супремъ изъ пулярдъ съ трюфелемъ.
Жаркое фазаны.
Рѣдька.

Вина: Бессарабское Кристи, Губонинское, Cognac и Абрикотинъ. Жду его обязательно. Сейчасъ пишу къ Успенскому [3]), чтобы онъ пріѣхалъ праздновать Таню [4]).

Непремѣнному члену, Василисѣ съ червонцами, Грипу и Елизаветѣ Александровнѣ — почтеніе.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

IV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи доставленной адресатомъ).

(Москва. 1888 г. янв.).

Милый Альба! Такъ таки одного слова я и не разобралъ въ Вашемъ письмѣ, хотя и глядѣлъ на него въ лупу. Ну, почеркъ!

---

[1]) Дѣти адресатки.

[2]) Мужъ адресатки.

[3]) С. П. Успенскій—звенигородскій врачъ, знакомый Киселевыхъ и А. П.

[4]) Татьянинъ день — 12 января, университетскій праздникъ.

Возвращаю письмо Горленко [1]) вмѣстѣ съ большимъ спасибо. Оно хорошо, но въ немъ есть одинъ очень крупный недостатокъ: Васъ нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете. Въ хорошенькой «Миньонѣ» я нашелъ нѣсколько промаховъ, которые объяснилъ себѣ только Вашимъ малописаніемъ. Зажгите себя. Вѣдь Вы такъ легко воспламеняетесь. «Малописаніе для пишущаго—такъ же вредно, какъ для медика отсутствіе практики». (Сократъ X, 5).

Если можно, пришлите мнѣ статью изъ 1 № «Недѣли». У меня ея нѣтъ и негдѣ достать [2]). Пишу повѣсть для *толстаго* журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!

Когда будете ужинать у А. Н. Плещеева, то выпейте вмѣсто меня рюмку водки за его боярское здоровье.

Позвольте сдѣлать Вамъ маленькое замѣчаніе относительно Вашей невоспитанности. Я послалъ Вамъ свою карточку и молчалъ, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мнѣ тѣмъ же. Но Вы отплатили мнѣ черною неблагодарностью. Извольте въ 24 часа выслать мнѣ Вашу карточку, иначе я черезъ полицію потребую у Васъ обратно свою.

Третьяго дня былъ у меня Давыдовъ [3]), просидѣлъ всю ночь и очень недурно читалъ кое-что изъ Толстовской «Власти тьмы». Ему бы Акима играть.

Будьте безконечно здоровы и счастливы. Жму руку и пребываю душевно преданный

А. Чеховъ.

---

[1]) В. П., сотрудникъ «Новаго Времени».

[2]) Здѣсь пропускъ, сдѣланный адресатомъ.

[3]) В. Н. Давыдовъ — тогда артистъ театра Корша въ Москвѣ.

1) Отчего не строчите субботниковъ [1]), злодѣй?

2) Знаете что? Давайте-ка лѣтомъ напишемъ по роману. Возьмемъ много денегъ и поѣдемъ куда-нибудь къ лѣшему.

12-го янв. У меня пьянство — Татьянинъ день.

17-го янв. Тоже пьянство — я именинникъ.

Итого — Каценъямеръ.

3) Напишите съ десятокъ такихъ прелестей, какъ «Миньона» и издайте сборникъ.

Въ мартѣ я ѣду въ Кубань. Тамъ:

«Amare et non morire»...

Какъ зовутъ по батюшкѣ К. Баранцевича? Я получилъ отъ него «Рабу». Хотѣлось бы поблагодарить письменно.

V.

В. Г. Короленко.

9 января (1888 г. Москва).

Я надулъ Васъ невольно, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ: мнѣ не удалось выручить оттискъ своей пьесы [2]); когда она отпечатается, я вышлю Вамъ, или же вручу ее при свиданіи, а пока не сердитесь.

Мнѣ пришла охота отдать переписать и послать Вамъ письмо старика Григоровича, которое я получилъ вчера. Цѣню я его по многимъ причинамъ на вѣсъ золота и боюсь прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія. Изъ него Вы увидите, что литературная извѣстность и хорошій гонораръ нисколько не

---

[1]) Беллетристическіе фельетоны въ «Новомъ Времени».

[2]) Рѣчь идетъ о пьесѣ А. П. «Ивановъ».

спасаетъ отъ такой мѣщанской прозы, какъ болѣзни, холодъ и одиночество: старикъ кончаетъ жизнь. Изъ письма Вамъ станетъ также извѣстно, что не Вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно.

Когда я прочелъ письмо Григоровича, я вспомнилъ Васъ, и мнѣ стало совѣстно. Мнѣ стало очевидно, что я не правъ. Пишу это именно Вамъ, потому что около меня нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее, а съ Вами я, не спрашивая Васъ, заключилъ въ душѣ союзъ.

Съ Вашего дружескаго совѣта я началъ маленькую повѣстушку для «Сѣверн. Вѣстника». Для почина взялся описать степь [1]), степныхъ людей и то, что я пережилъ въ степи. Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣснятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напримѣръ Вы, пойметъ меня, читатель же соскучится и плюнетъ.

Въ Питерѣ я прожилъ $2^1/_2$ недѣли и видѣлъ многихъ. Въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, которое можно свести къ тексту: «Не надѣйтеся на князи, сыны человѣческіе...» хорошихъ людей видѣлъ много, но судей нѣтъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это къ лучшему.

Жду февральскаго «Сѣв. Вѣстника», чтобы прочесть Ваше «По пути». Плещеевъ говорилъ, что цензура

---

[1]) «Степь».

сильно пощипала Васъ. Съ новымъ годомъ! Будьте здоровы и счастливы.

Искренно Вамъ преданный

А. Чеховъ.

P. S. Вашъ «Соколинецъ», мнѣ кажется, самое выдающееся произведеніе послѣдняго времени. Онъ написанъ, какъ хорошая музыкальная композиція, по всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя подсказываются художнику его инстинктомъ. Вообще въ Вашей книгѣ Вы такой здоровенный художникъ, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарѣзали бы другого художника, у Васъ проходятъ не замѣченными. Наприм., во всей Вашей книгѣ упрямо отсутствуетъ женщина и это я только недавно разнюхалъ.

VI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

19 январь. (1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Многія лѣта Вамъ здравствовать. Искренность моихъ благопожеланій и моя преданность Вамъ пусть послужатъ для меня смягчающимъ вину обстоятельствомъ и Вы простите мнѣ запоздалость моего поздравленія.

Я къ вамъ съ просьбой. На дняхъ я получилъ письмо отъ литератора Николая Аполлоновича Путяты, сотрудника московскихъ газетъ, переводчика и негласнаго редактора когда-то существовавшихъ журналовъ «Свѣтъ и тѣни», «Мірской толкъ» и «Европейская библіотека»,

автора кое-какихъ книжекъ и проч.. Онъ жалуется на безвыходное положеніе и слезно проситъ меня, не могу ли я написать кому-нибудь въ Питеръ, чтобы за него походатайствовали въ Литературномъ Фондѣ? Его просьбу исполняю я тѣмъ охотнѣе, что лѣчу его, вижу его непроходимую бѣдность и вѣрую въ неизлѣчимость болѣзни. Онъ боленъ чахоткой. Служитъ онъ корректоромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но по болѣзни работать ему приходится мало, или черезъ силу, и скоро, вѣроятно, ему откажутъ отъ мѣста.

Услугами Литературнаго фонда онъ уже пользовался *два раза*. Его адресъ: Типографія Моск. Вѣдомостей. Теперь два слова о себѣ. Я здравствую, работаю и скучаю. Пишу я теперь повѣстушку для толстаго журнала и, какъ только кончу, пришлю ее Вамъ: буду просить Васъ протежировать мнѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Описываю я *степъ*. Сюжетъ поэтичный и, если я не сорвусь съ того тона, какимъ началъ, то кое-что выйдетъ у меня «изъ ряда вонъ выходящее». Чувствую, что есть въ моей повѣстушкѣ мѣста, которыми я угожу Вамъ, мой милый поэтъ, но въ общемъ я едва ли потрафлю.. Выйдетъ у меня 4 — 5 печатныхъ листовъ; изъ нихъ два листа заняты описаніемъ природы и мѣстностей — скучно! Ахъ, какъ бы я хотѣлъ попасть къ Вамъ въ мартовскую книжку! Весь январь я работаю надъ степью, ничего больше не пишу, а потому разорился въ пухъ и прахъ. Если степь будетъ напечатана позже марта, то я взвою волкомъ. Вышлю я ее Вамъ къ 1 февралю. Если Вы предвидите, что въ мартовской книжкѣ мѣста не будетъ, то, дорогой мой, дайте мнѣ знать; я не буду спѣшить со степью и нацарапаю ради гонорара что-нибудь въ Новое Время и Пет. Газету.

Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую

уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу.

Прощайте и будьте счастливы. Почтеніе всему Вашему радушному семейству. Если позволите, обнимаю Васъ и пребываю неизмѣнно и искренно преданнымъ *Чеховымъ*.

Москва, Кудринская Садовая, д. Карнѣева.

VII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

Январь, 1888 г. (Москва).

Вы напрасно поспѣшили уѣхать, добрѣйшій коллега. Во-первыхъ, у меня 17 [1]) было многолюдно и весело; во-вторыхъ, я готовилъ Вамъ медицинское свидѣтельство, и, въ третьихъ, Ваше усердіе *) по службѣ совершенно безполезно, насколько мнѣ извѣстно, за то, что Вы поспѣшили, Васъ не произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники [2]).

Лейкинъ сердитъ на Васъ. На меня тоже. (Я потребовалъ прибавки.) Что жъ, будемъ съ покорностью сносить гнѣвъ нашихъ начальниковъ. Нѣсть власти, аще не отъ Бога... Посылаю еще разъ упрекъ за Ваше усердіе по службѣ. Пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

Пишу Вамъ на бумагѣ новѣйшаго формата. Новая мода. Надо идти въ уровень.

---

[1]) 17-го января — день именинъ А. П.

*) Вѣдь на вашу долю была закуплена провизія. *Примѣч. А. П.*

[2]) Адресатъ служилъ учителемъ въ провинціи.

VIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

22 Янв., (1888 г. Москва).

Милый Альба! Получилъ я и письмо, и Вашу физіогномію, и «Недѣлю». За все, за все благодарю! Статья въ «Недѣлѣ» дѣйствительно не плоха. Кое-какія мысли о нашемъ безсиліи, которое деликатный авторъ назвалъ безвластіемъ, приходили и мнѣ въ голову. Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы.

Впрочемъ, все это вздоръ. Покуксимъ объ этомъ при свиданіи, когда будемъ рикикикать [1]) у Палкина, а теперь успокоимся на увѣренія статьи «Недѣли», что мы виртоузы... Да, виртоузы, но играющіе свое. Дѣлаемъ что можемъ, а если человѣчеству не угодна наша служба, то ну его къ ляху!

Вамъ, о маловѣръ, интересно знать, какіе промахи нашелъ я въ Вашей «Миньонѣ»? [2]). Прежде чѣмъ указать на нихъ, предупреждаю, что они имѣютъ скорѣе «трагическій» интересъ, чѣмъ критико-литературный. Уловить ихъ можетъ только пишущій, но никакъ не читатель. Вотъ они... Мнѣ кажется, что Вы, какъ мнительный и маловѣрный авторъ, изъ страха, что лица и характеры будутъ недостаточно ясны, дали слишкомъ большое мѣсто тщательной детальной обрисовкѣ. Получилась отъ этого излишняя пестрота, дурно вліяющая на общее впечатлѣніе. Боясь, что читатель Вамъ не по-

---

[1]) Чокаться рюмками.

[2]) Разсказъ адресата.

вѣритъ, Вы въ доказательство того, какъ можетъ иногда сильно вліять музыка, занялись усердно психикой Вашего Фендрика; психика Вамъ удалась, но зато разстояніе между такими моментами, какъ «amari, morire» и выстрѣломъ, у Васъ получилось длинное, и читатель, прежде чѣмъ дойти до самоубійства, отдыхаетъ отъ боли, причиненной ему «amari, morire». А нельзя давать ему отдыха: нужно держать его напряженнымъ. Эти указанія не имѣли бы мѣста, если бы «Миньона» была большою повѣстью. У большихъ, толстыхъ произведеній свои цѣли, требующія исполненія самаго тщательнаго, независимо отъ общаго впечатлѣнія. Въ маленькихъ же разсказахъ лучше не досказать, чѣмъ пересказать, потому что... потому что... не знаю почему!.. Во всякомъ случаѣ помните, что Ваши промахи только я одинъ считаю промахами (весьма не важными, «трагическими»), а я очень часто ошибаюсь. Быть можетъ Вы правы, а не я... Я, надо замѣтить, очень часто ошибался и говорилъ не то, что думаю теперь. Стало быть, моя критика ничего не стоитъ.

Ахъ, какъ мнѣ хочется въ Питеръ!

Получилъ сегодня отъ А. Н. Плещеева очень милое «дѣдушкино» письмо. Жалуется, что Вы рѣдко съ нимъ видаетесь. Я оканчиваю рукопись для «Сѣвернаго Вѣстника». [1]). Какъ это трудно.

Поклонитесь Баранцевичу.

Весной я ѣду въ Кубань, а лѣтомъ буду жить съ семьей въ Славянскѣ. Не хотите ли жить вмѣстѣ? Прожить въ Славянскѣ стоитъ въ 3 раза дешевле, чѣмъ въ Питерѣ.

Будетъ не скучно.

Моя повѣсть появится въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Странная она какая-то, но есть от-

---

[1]) «Степь».

дѣльныя мѣста, которыми я доволенъ. Меня бѣситъ то, что въ ней нѣтъ романа. Безъ женщины повѣсть, что безъ паровъ машина. Впрочемъ женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу безъ женщинъ...

Напишите мнѣ письмо подлиннѣй, а я Вамъ отвѣчу тѣмъ же. Прощайте, Альба! Дай Богъ Вамъ здоровья!

Вашъ *А. Чеховъ.*

IX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

23 янв., (1888 г., Москва).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, большое Вамъ спасибо за Ваше доброе, ласковое письмецо. Какъ жаль, что оно не пришло тремя часами раньше! Представьте, оно застало меня за царапаньемъ плохонькаго разсказца для Пет. Газеты... Въ виду предстоящаго перваго числа съ его платежами, я смалодушествовалъ и сѣлъ за срочную работу. Но это не бѣда. На разсказъ потребовалось не больше полудня, теперь же я могу продолжать свою степь. Въ своемъ письмѣ Вы оказали моей повѣстушкѣ такой хорошій пріемъ, что я боюсь... Вы ждете отъ меня чего-то особенно хорошаго — какое поле для разочарованій! Робѣю и боюсь, что моя степь выйдетъ не значительной. Пишу я ее не спѣша, какъ гастрономы ѣдятъ дупелей: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Откровенно говоря, выжимаю изъ себя, натужаюсь и надуваюсь, но все-таки въ общемъ она не удовлетворяетъ меня, хотя мѣстами и попадаются въ ней «стихи въ прозѣ». Я еще не привыкъ писать длинно, да и лѣнивъ. Мелкая работа меня избаловала.

Кончу Степь къ 1 — 5 февраля, не раньше и не позже. Пришлю ее непремѣнно на Ваше имя, такъ какъ, дебютируя въ толстыхъ журналахъ, я хочу просить Васъ быть моимъ крестнымъ батькой. Вамъ не прійдется ѣздить въ почтамтъ и засвидѣтельствовать повѣстку, такъ какъ вышлю я Вамъ посылку «съ доставкой». Вы только заплатите четвертакъ, который я буду Вамъ долженъ. Ради Бога простите за безпокойство! У Васъ и такъ много заботъ, а тутъ я еще одолѣваю Васъ своими пустяками, да еще покушаюсь на четвертакъ..

Островскій [1]) мнѣ очень и очень понравился. Съ нимъ не только не скучно, но даже весело.. Да, онъ годился бы въ критики. Онъ имѣетъ хорошее чутье, массу читалъ, повидимому очень любитъ литературу и оригиналенъ. Я уловилъ нѣсколько оброненныхъ имъ опредѣленій, которыя цѣликомъ можно было бы напечатать въ учебникѣ «Теорія словесности». Я къ нему обязательно побѣгу, какъ только покончу со степью. Послѣ того, какъ я поговорилъ съ нимъ о моемъ выкидышѣ «Ивановѣ», я узналъ цѣну, какую имѣютъ для нашего брата такіе люди.

Что Леонтьевъ? [2]). Милый онъ человѣчина, симпатичный, теплый и талантливый, но любитъ падать духомъ и куксить. Его постоянно нужно возбуждать извнѣ и заводить, какъ часы.. Мы переписываемся. Онъ величаетъ меня въ письмахъ почему-то Эгмонтомъ, а я, чтобы не оставаться въ долгу, окрестилъ его Альбой.

До весны я побываю въ Питерѣ, а весной укачу куда-нибудь въ тепло. Поѣдемте!

Во всѣхъ нашихъ толстыхъ журналахъ царитъ кружковая, партійная скука. Душно! Не люблю я за это тол-

---

[1]) Петръ Ник. Островскій — братъ драматурга.

[2]) Писатель Ив. Л. Щегловъ.

стые журналы и не соблазняетъ меня работа въ нихъ. Партійность, особливо если она бездарна и суха, не любитъ свободы и широкаго размаха.

Прощайте, мой дорогой. Еще разъ спасибо Вамъ. Поклонитесь Вашему семейству, общимъ знакомымъ и пріѣзжайте на масляницу. Поѣдимъ блиновъ. Прихватите съ собой Щеглова.

Будьте здоровы и счастливы

Вашъ *А. Чеховъ.*

X.

Ему-же.

(Съ подлинника).

3-го февраля, 1888 г. (Москва).

Здравствуйте, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Степь кончена и посылается. Не было ни гроша и вдругъ алтынъ. Хотѣлъ я написать два-три листа, а написалъ цѣлыхъ пять. Утомился, замучился отъ непривычки писать длинно, писалъ не безъ напряженія и чувствую, что наерундилъ не мало.

Прошу снисхожденія!!

Сюжетъ «Степи» не значителенъ; если она будетъ имѣть хоть маленькій успѣхъ, то я положу ее въ основаніе большущей повѣсти и буду продолжать. Вы увидите въ ней не одну фигуру, заслуживающую вниманія и болѣе широкаго изображенія.

Пока писалъ, я чувствовалъ, что пахло около меня лѣтомъ и степью. Хорошо бы туда поѣхать!

Ради Бога, дорогой мой, не поцеремоньтесь и напишите, что моя повѣсть плоховата и заурядна, если это дѣйствительно такъ. Ужасно хочется знать сущую правду.

Если редакція найдетъ ее годной для Вѣстника, то я очень радъ служить ей и ея читателямъ. Похлопочите, чтобы моя «Степь» вся цѣликомъ вошла въ одинъ номеръ, ибо дробить ее не возможно, въ чемъ Вы сами убѣдитесь по прочтеніи. Попросите оставить для меня нѣсколько оттисковъ. Я хочу послать Григоровичу, Островскому... Насчетъ аванса у насъ ужъ былъ разговоръ. Скажу еще только, что чѣмъ раньше я получу его, тѣмъ лучше, ибо я зачахъ, какъ блоха въ вейнбергскомъ анекдотѣ. Если издательница спроситъ о цифрѣ гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ея волю, въ глубинѣ же души, грѣшный человѣкъ, мечтаю о двухстахъ за листъ.

Простите за безпокойство. Авось, коли живы будемъ, судьба дастъ мнѣ счастливый случай отплатить Вамъ хорошей услугой!

Степь писана на отдѣльныхъ четвертухахъ. Когда получите посылку, обрѣжьте ниточки.

Прощайте и будьте счастливы.

Я отдыхаю. Завтра побѣгу къ Островскому. Кланяйтесь Вашей семьѣ и Щеглову.

Душевно преданный дебютантъ

Антуанъ Чеховъ.

Моя степь похожа не на повѣсть, а на степную энциклопедію.

XI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

3 Февр. (1888 г. Москва).

Многоуважаемая Марія Владиміровна!! Ставлю два восклицательныхъ знака отъ злости. Вы согласились работать у С. за 30 рублей, да еще попросили вычесть

изъ гонорара за журналъ! Вы отослали свою (судя по словамъ Михайлы) [1]) прелестную повѣстушку Владиміру Петровичу [2]) для передачи въ какой-то литературный «Рылиндронъ!» Покорнѣйше Васъ благодарю! Очень Вами благодаренъ! Дѣлайте теперь, что хотите, обезцѣнивайте литературный трудъ, сколько угодно, ублажайте бѣлобрысыхъ . . . . . и медоточивыхъ С., посылайте свои повѣсти хоть въ «Странникъ» или въ «Тульскія Вѣдомости», я же воздержусь отъ совѣтовъ и указаній. Если моя маленькая опытность не имѣетъ цѣны, а доброжелательство мое не заслуживаетъ довѣрія, то мнѣ остается только посыпать пепломъ главу и хранить гробовое молчаніе.

Я утомленъ до мозга костей. Вчера окончилъ, а сегодня послалъ повѣсть, которую Вы увидите въ Мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Многое Вамъ въ ней понравится, а многое очень не понравится. Во всякомъ случаѣ увидите, сколько сока и напряженія пошло на нее. Давно ужъ въ толстыхъ журналахъ не было такихъ повѣстей; выступаю я оригинально, но за оригинальность мнѣ достанется такъ же, какъ за «Иванова». Разговоровъ будетъ много. Написалъ я около *пяти* печатныхъ листовъ. Запросилъ по двѣсти за листъ и непремѣннымъ условіемъ поставилъ — деньги впередъ! Написалъ въ редакцію, чтобы мнѣ высылали журналъ, но не попросилъ, чтобы за него вычли изъ гонорара.

Какъ живутъ Василиса и Коклюшъ? [3]).

Счастливцы, скоро весна!

Послѣ каторжной работы надъ повѣстью я гуляю сегодня и буду гулять завтра.

---

[1]) Братъ Михаилъ Павл.

[2]) Вл. Петр. Бегичевъ — отецъ адресатки.

[3]) Дѣти адресатки, такъ прозванные А. П - чемъ.

Откровенно говоря, никакъ не могу понять, о какомъ такомъ *благоразуміи* моемъ Вы упоминаете въ письмѣ къ Ма - Пѣ. [1]) Вы и Вашъ супругъ стали въ послѣднее время что-то очень часто прохаживаться на счетъ моихъ умственныхъ способностей. Онъ подарилъ мнѣ рюмку съ надписью: «Пьяный проспится, а дуракъ никогда», Вы же намѣренно подчеркиваете благоразуміе.. Хорошо-съ, такъ и запишемъ!

Съ Вашимъ супругомъ, когда онъ былъ въ Москвѣ, мы вели себя хорошо. Я его останавливалъ отъ нехорошихъ поступковъ.

Поклонъ всѣмъ! Алексѣю Сергѣевичу, Василисѣ, Коклюшу, Елизаветѣ Александровнѣ и Бабкину.

Спасибо за многочисленные именинные подарки.

Искренно преданный *Васенька*. [2])

XII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

4 Февраля. (1888 г. Москва).

Милый капитанъ! Простите, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше пессимистическое письмо. Былъ занятъ по горло и утомленъ какъ сукинъ сынъ.

Теперь отвѣчаю. Да, правда, жить иной разъ бываетъ противно и гадко; но Вы стрѣляете не туда, куда надо. Дѣло не въ Буренинѣ, не въ Бѣжецкомъ, не въ Миньонѣ, ни въ возвращенномъ субботникѣ. Все несчастье въ Вашей способности находиться подъ постояннымъ воздѣйствіемъ отдѣльныхъ явленій и лицъ.

---

[1]) Марія Павловна — сестра А. П.

[2]) Такъ прозвала А. П. дочь адресатки, дѣвочка Саша («Василиса»).

Вы хорошій писатель, но совсѣмъ не умѣете, или ни хотите обобщать и глядѣть на вещи объективно. Нервы, нервы и паки нервы!

Бѣжецкому не нравится Ваша Миньона. Это естественно. Писатели ревнивы, какъ голуби. Лейкину не нравится, если кто пишетъ изъ купеческаго быта, Лѣскову противно читать повѣсти изъ поповскаго быта, не имъ написанныя; а Бѣжецкій никогда не похвалитъ Вашихъ военныхъ очерковъ, потому что только себя считаетъ спеціалистомъ по военной части. Вѣдь Вамъ же не нравятся его превосходные «Военные на войнѣ». Всѣ нервны и ревнивы.

Вы пишете, что Буренинъ имѣетъ противъ Васъ нѣчто. Не правда. По привычкѣ, свойственной всѣмъ пишущимъ, онъ заглазно рѣдко говоритъ о комъ-нибудь хорошо, но если его спросятъ, кто лучше—Вы или Саліасъ, котораго онъ восхваляетъ, то ему станетъ смѣшно отъ этого вопроса и онъ засмѣется. Если субботникъ возвращенъ Вамъ, то, стало-быть, онъ въ самомъ дѣлѣ длиненъ.

Если онъ длиненъ и возвращенъ, то почему Вы не отослали его въ «Русскую Мысль», гдѣ его напечатаютъ съ удовольствіемъ? Почему не отдать его въ «Сѣверный Вѣстникъ», въ «Сѣверъ» и проч.?

Нѣтъ, не туда вы стрѣляете... Если бы Вы умѣли смотрѣть на жизнь объективно, то не пѣли бы Лазаря. Вы одинъ изъ счастливѣйшихъ изъ современныхъ писателей. Васъ читаютъ, любятъ, хвалятъ, избираютъ въ «члены»; Ваши пьесы ставятся и смотрятся... какого же лѣшаго Вамъ еще нужно отъ музъ? Въ литературѣ Вы уже по крайней мѣрѣ подполковникъ (съ золотымъ оружіемъ), а такого чина совершенно достаточно, чтобы не приходить въ ужасъ и не терять надеждъ на будущее только потому, что кусаются блохи и воетъ

подъ окномъ собака. Къ сожалѣнію все это длинно и не помѣщается въ письмѣ. Приходится подробности и продолженіе отложить до свиданія, а пока скажу: Вы не правы, Альба! Я знаю два десятка писателей, которые мечтаютъ о такой судьбѣ, какъ Ваша...

Ну-съ, я живъ и здоровъ. Свой «мартовскій плодъ» [1]) я кончилъ и послалъ А. Н. Плещееву. Не ждите ничего особенно хорошаго. Разочаруетесь въ Антуанѣ, потому что Антуанъ, какъ я теперь убѣдился, совсѣмъ не способенъ писать длинныя вещи.

Появленіе г. Ясинскаго въ Новомъ Времени — это большое литературное недоразумѣніе... Но его «Пожаръ» превосходная вещица.

Читаю Вашу «Идиллію». Чудакъ, отчего Вы не напишете большого романа! У Васъ всѣ данныя для этого. Прощайте. Пишите.

Вашъ *Антуанъ Чеховъ.*

XIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

5 февраль. (1888 г. Москва).

Большое Вамъ спасибо, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Вчера я получилъ и отвезъ Путятѣ [2]) 75 руб. Эти деньги пришли очень кстати, такъ какъ Путята, хотя и лежитъ въ постели, но быстро и широко шагаетъ къ могилкѣ.

Получили ли мою «Степь»? Забракована она, или же принята въ лоно Сѣвернаго Вѣстника? Я послалъ

---

[1]) «Степь».

[2]) Московскій журналистъ.

Вамъ ее вчера не посылкой, какъ предполагалъ раньше, а заказною бандеролью — этакъ скорѣе дойдетъ. Не опоздалъ ли я?

Жажду прочесть повѣсть Короленко. Это мой любимый изъ современныхъ писателей. Краски его колоритны и густы, языкъ безупреченъ, хотя мѣстами и изысканъ, образы благородны. Хорошъ и Леонтьевъ [3]). Этотъ не такъ спѣлъ и красивъ, но теплѣе Короленко, миролюбивѣе и женственнѣй.. Только — Аллахъ керимъ! — зачѣмъ они оба спеціализируются? Первый не разстается со своими арестантами, а второй питаетъ своихъ читателей только одними оберъ-офицерами.. Я признаю спеціальность въ искусствѣ, какъ жанръ, пейзажъ, исторію, понимаю я амплуа актера, школу музыканта, но не могу помириться съ такими спеціальностями, какъ арестанты, офицеры, попы.. Это ужъ не спеціальность, а пристрастіе. У васъ въ Питерѣ не любятъ Короленко, у насъ не читаютъ Щеглова, но я сильно вѣрю въ будущность обоихъ. Эхъ, если бы у насъ была путевая критика!

Масляница на носу. Вы почти обѣщали пріѣхать, и я жду Васъ.

Сегодня бенефисъ Давыдова. Ставитъ онъ «Мѣщанина во дворянствѣ». Будетъ душно, тѣсно и шумно. Послѣ спектакля я всю ночь буду кашлять. Разучился я ходить по театрамъ.

Если моя «Степь» не забракована, то при случаѣ замолвите словечко, чтобы мнѣ высылали «Сѣв. Вѣстникъ». Мнѣ очень хочется почитать «По пути» Короленко.

Я надоѣлъ Вамъ своими письмами. До свиданья! Почтеніе всему Вашему семейству.

Весь Вашъ душевно *А. Чеховъ.*

---

[3]) П. Л. Щегловъ.

XIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

9 февраля. (1888 г. Москва).

Сейчасъ изъ конторы Юнкера принесли мнѣ 500 цѣлковыхъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Очевидно, это изъ «Сѣвернаго Вѣстника», ибо больше получить мнѣ не откуда. Мегсі!

Послѣднее Ваше письмо меня безгранично порадовало и подбодрило. Я согласился бы всю жизнь не пить вина и не курить, но получать такія письма. Предпослѣднее же, на которое я отвѣтилъ Вамъ телеграммой, меня обезкуражило. Мнѣ стало неловко и совѣстно, что я вынудилъ Васъ говорить о гонорарѣ. Деньги мнѣ очень нужны, но говорить о нихъ да еще съ хорошими людьми, я терпѣть не могу. Ну ихъ къ чорту! Жалѣю, что я не показался Вамъ достаточно яснымъ въ томъ мѣстѣ моего письма, гдѣ я говорилъ, что въ денежныхъ дѣлахъ полагаюсь на волю издательницы и что мечтаю получить 200 руб. О требованіяхъ, или непремѣнныхъ условіяхъ съ моей стороны не было и рѣчи, а объ ультиматумѣ и подавно. Если я заикнулся въ скобкахъ о 200 руб., то потому что совсѣмъ не знакомъ съ толстожурнальными цѣнами и что цифру 200 не считалъ слишкомъ большой. Я мѣрилъ по нововременской мѣркѣ, т.-е. оцѣнивая Степь, старался получить ни больше и ни меньше того, что платитъ мнѣ Суворинъ (15 коп. строка), но и въ мысляхъ у меня не было сочинять ультиматумы. Я всегда беру только то, что мнѣ даютъ. Дастъ мнѣ Сѣв. Вѣстникъ 500 за листъ — я возьму, дастъ 50 — я тоже возьму.

На обѣщаніе помѣстить Степь цѣликомъ и высылать журналъ я отвѣчаю обѣщаніемъ угостить Васъ отличнѣйшимъ Донскимъ, когда мы будемъ ѣхать лѣтомъ по Волгѣ. Къ несчастью Короленко не пьетъ, а не умѣть пить въ дорогѣ, когда свѣтитъ луна и изъ воды выглядываютъ крокодилы, такъ же неудобно, какъ не умѣть читать. Вино и музыка всегда для меня были отличнѣйшимъ штопоромъ. Когда гдѣ-нибудь въ дорогѣ въ моей душѣ или въ головѣ сидѣла пробка, для меня было достаточно выпить стаканчикъ вина, чтобы я почувствовалъ у себя крылья и отсутствіе пробки.

Значитъ, завтра у меня будетъ Короленко. Это хорошая душа. Жаль, что его «По пути» ощипала цензура. Художественная, но замѣтно плѣшивая вещь (не цензура, а «По пути»). Зачѣмъ онъ отдалъ ее въ цензурный журналъ? Во-вторыхъ, зачѣмъ назвалъ «святочнымъ разсказомъ»?

Спѣшу засѣсть за мелкую работу, а самого такъ и подмываетъ взяться опять за что-нибудь большое. Ахъ, если бы Вы знали, какой сюжетъ для романа сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины! Какія похороны, какія свадьбы! Если бъ деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисъ и написалъ бы романъ въ 1 — 2 мѣсяца. У меня уже готовы три листа, можете себѣ представить! Впрочемъ, вру: будь у меня на рукахъ деньги, я такъ бы завертѣлся, что всѣ романы полетѣли бы вверхъ ногами.

Когда я напишу первую часть романа, то если позволите пришлю Вамъ на прочтеніе, но не въ Сѣверный Вѣстникъ, ибо мой романъ не годится для подцензурнаго изданія. Я жаденъ, люблю въ своихъ произведеніяхъ многолюдство, а посему романъ мой выйдетъ длиненъ. Къ тому же люди, которыхъ я изображаю, дороги и симпатичны для меня, а кто симпатиченъ, съ тѣмъ хочется подольше возиться.

Что касается Егорушки [1]), то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенькій о. Христофоръ уже померъ. Гр. Драницкая (Браницкая) живетъ прескверно. Варламовъ продолжаетъ кружиться [2]). Вы пишете, что Вамъ понравился Дымовъ, какъ матеріалъ.. Такія натуры, какъ озорникъ Дымовъ, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для осѣдлаго житья, а прямехонько для революціи.. Революціи въ Россіи никогда не будетъ и Дымовъ кончитъ тѣмъ, что сопьется или попадетъ въ острогъ. Это лишній человѣкъ.

Въ 1877 году я въ дорогѣ однажды заболѣлъ перитонитомъ (воспаленіемъ брюшины) и провелъ страдальческую ночь на постояломъ дворѣ Мойсея Мойсеича. Жидокъ всю ночь напролетъ ставилъ мнѣ горчишники и компрессы.

Видѣли ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вотъ куда бы намъ махнуть! Кресты до сихъ поръ цѣлы, но не та уже ширина; по сосѣдству провели чугунку и по дорогѣ теперь почти некому ѣздить: мало-по-малу поростаетъ травой, а пройдетъ лѣтъ 10, она совсѣмъ исчезнетъ, или изъ гиганта обратится въ обыкновенную проѣзжую дорогу.

Хорошо бы захватить съ собой и Щеглова. Онъ совсѣмъ разлимонился и смотритъ на свою литературную судьбу сквозь копченое стекло. Ему необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ и поглядѣть новыхъ людей.

Завтра я гуляю на свадьбѣ у портного [3]), не дурно пишущаго стихи и починившаго мнѣ изъ уваженія къ моему таланту (honoris causa) пиджакъ.

---

[1]) Герой повѣсти А. П. «Степь».

[2]) Дальнѣйшій планъ «Степи».

[3]) Поэтъ И. А. Бѣлоусовъ.

Я надоѣлъ Вамъ своими пустяками, а посему кончаю. Будьте здоровы. Кредиторамъ Вашимъ отъ души желаю провалиться въ тартарары.. Племя назойливое, хуже комаровъ.

Душевно Вашъ

А. Чеховъ.

Нѣтъ ли у Сѣвернаго Вѣстника обычая высылать авторамъ корректуру?

XV.

Г. М. Чехову.

Съ подлинника).

9 февр. (1888 г. Москва).

Напрасно ты не пишешь мнѣ, дорогой братуха! На меня глядѣть нечего. Я человѣкъ, стоящій въ исключительномъ положеніи писаря, у котораго всегда болятъ отъ писанья пальцы и поэтому противно писать. Весь январь я просидѣлъ надъ повѣстью, заработалъ около тысячи рублей, а теперь хожу съ высунутымъ языкомъ и съ отвращеніемъ поглядываю на чернильницу.

Напрасно также ты обидѣлся за то, что я прислалъ тебѣ марки для отсылки мнѣ Толстого. Я не хотѣлъ тебя обидѣть и мнѣ теперь больно, что ты изъ-за меня пережилъ не хорошую минутку. Если я послалъ тебѣ марки на расходы, то потому что это принято даже при наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Счетъ дружбы не портитъ — это разъ. Во-вторыхъ, если ты пришлешь мнѣ когда-нибудь въ подарокъ десятокъ марокъ, то я преспокойно положу ихъ къ себѣ въ карманъ и не обижусь такъ же, какъ не обижался

во времена оны, когда твой папаша, а мой дядя дарилъ мнѣ въ большіе праздники гривенникъ. Думаю, что и ты не обидишься, если случится въ будущемъ что-нибудь подобное.. Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и безъ китайскихъ церемоній, особливо въ грошевыхъ счетахъ.

Наши всѣ живы и здравствуютъ. Дѣла идутъ по маленьку. Мой «Ивановъ» гуляетъ по Руси и, какъ я читалъ, не разъ ужъ давался въ Харьковѣ. Сгодится дѣтишкамъ на молочишко...

Моя новая повѣсть [1]) будетъ напечатана въ мартовской книжкѣ журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Повѣсть большая. Этотъ журналъ получается въ обѣихъ клубныхъ библіотекахъ и, кажется, въ городской читальнѣ. Если хочешь, поищи, найди, возьми домой и почитай вслухъ всѣмъ твоимъ. Главное дѣйствующее лицо у меня называется Егорушкой, а дѣйствіе происходитъ на югѣ, недалеко отъ Таганрога. Повѣсть еще не напечатана, но уже въ Питерѣ надѣлала не мало шуму. Разговоровъ о ней въ столицахъ будетъ много.

«Сѣверный Вѣстникъ» толстый журналъ; онъ выходитъ книгами.

19 февраля въ Москвѣ идетъ моя новая пьеса, но маленькая, въ одномъ дѣйствіи [2]).

Семья хочетъ жить на югѣ и я уже писалъ въ Славянскъ, чтобы тамъ поискали для насъ усадьбу. Если услышишь, что гдѣ-нибудь на югѣ отдается въ наймы усадьба съ рѣкой и тѣнью (не дороже 200 руб. за лѣто), то напиши мнѣ. Главное условіе: рѣка, тѣнь и близость почтоваго отдѣленія. Я раннею весной опять поѣду странствовать.

---

[1]) «Степь».

[2]) «Трагикъ по неволѣ»

Если въ Таганрогѣ нигдѣ не найдешь Сѣвернаго Вѣстника, то напиши мнѣ.

Уже февраль; писалъ ли дядя въ Новое Время (т.-е. въ магазинъ Суворина), чтобы ему выслали разсчетъ? Уже пора.

Поклонись дядѣ, тетѣ, сестренкамъ и Иринушкѣ. Володѣ желаю всякихъ успѣховъ и здоровья. Думается мнѣ, что въ духовномъ училищѣ плохо кормятъ. Пиши мнѣ и попроси дядю, чтобы онъ подарилъ хоть одной строчкой уважающаго и преданнаго

А. Чехова.

XVI.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ Подлинника).

10 Февраля! (1888 г., Москва).

Милый Францъ Осиповичъ!

Посылаю Вамъ свой долгъ съ извиненіемъ, что такъ долго не возвращалъ его. Въ медлительности виноватъ не я, а человѣчество, которое не платитъ долговъ за своихъ геніевъ. Теперь я почти богатъ. Вчера получилъ 500 рублей задатку за повѣсть, которая будетъ помѣщена въ мартовской книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника. Если Вы не прочтете этой повѣсти, то не много потеряете.

Извините также за то, что я злюсь на Васъ, какъ Пастеровскій кроликъ. Вы меня совсѣмъ забыли. Вы сердитесь?

Вѣроятно—да, потому что не были у меня уже 19 мѣсяцевъ, хотя обѣщали побывать вмѣстѣ съ Натальей

Тимофеевной [1]). Каждый вечеръ я дома. Будьте здоровы и счастливы. Кланяйтесь Дервизу [2]) и напомните ему, что я не прочь былъ бы взять у него взаймы $^1/_2$ милліона. Очень просто!

Antoine Чеховъ.

XVII.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

15 Февраля (1888 г. Москва).

Баринъ!!

На Ваше милостивое письмо постараюсь отвѣтить дипломатически неопредѣленно и сухо, ибо точный и категорическій отвѣтъ на Ваши милостивые запросы считаю преждевременнымъ.

1) На счетъ поѣздки въ Бабкино на масляной недѣлѣ вся моя шайка разбойниковъ рѣшила такъ: ѣхать! Но такъ какъ до вождѣленнаго дня осталось еще двѣ недѣли, а за двѣ недѣли можетъ много воды уйти въ море, то положительно не отвѣтитъ Вамъ даже такой легкомысленный человѣкъ, какъ Финикъ. Весьма вѣроятно, что къ 1 марта я буду въ Питерѣ. Это такъ возможно, что о блинахъ я даже и не мечтаю.

2) На счетъ дачи. Все мое семейство просится на югъ. Для насъ уже въ пяти мѣстахъ ищется дача: въ Славянскѣ, въ Сумахъ, на Азовскомъ морѣ и проч. Очень возможно, что наши поиски увѣнчаются полнѣйшимъ неуспѣхомъ и срамомъ и мы останемся на сѣверѣ — въ

---

[1]) Супруга адресата.

[2]) Московскій капиталистъ, одинъ изъ главныхъ акціонеровъ Моск.-Каз. жел. дороги.

этомъ я почти увѣренъ —, но ужъ одно сіе колебаніе не даетъ намъ права разсчитывать на Бабкино. Я весною буду путешествовать и для меня безразлично, гдѣ будетъ жить семья; на югѣ мила только весна, а лѣто я охотнѣе провелъ бы въ Бабкинѣ. Ма — Па и Финикъ [1]) замѣтно тяготѣютъ къ Бабкину. Но мать и батька, какъ дѣти, мечтаютъ о своей Хохландіи. Отецъ ударился въ лирику и категорически заявляетъ, что ему въ виду его преклонныхъ лѣтъ хотѣлось бы «проститься» съ родными мѣстами...

Ваша картина уже готова.

Въ пятницу идетъ моя паршивенькая пьеска въ одномъ актѣ; «Ивановъ» гуляетъ по Руси и собираетъ дѣтишкамъ на молочишко..

Вчера былъ у меня Короленко. Слезно проситъ жить это лѣто на Волгѣ.

Моя повѣсть, посланная для мартовской книжки «Сѣвернаго Вѣстника», имѣетъ успѣхъ. Получаю захлебывающіяся письма.

Не увидимся ли мы съ Вами въ скоромъ времени? Нужно бы..

Если Бергъ возьметъ повѣсть Маріи Владиміровны [2]), то примите къ свѣдѣнію, что въ Питерѣ всѣ дамы — беллетристки берутъ по 125 р. за листъ. У Берга теперь есть деньги. Онъ платитъ недурно и, приглашая меня, безъ длинныхъ разговоровъ согласился платить мнѣ 100 руб. за каждый маленькій (хотя бы въ сто строкъ) разсказъ.

Ну, будьте здоровы. Поклоны всѣмъ бабкинцамъ! Скоро прилетятъ грачи и скворцы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Сестра Марія Павловна и братъ Мих. Павл.

[2]) Супруга адресата.

XVIII.

И. Л. Щеглову. [1])

(По копіи, доставленной адресатомъ).

(Москва. 1888 г. февр.).

Отвѣчаю на ваше письмо, храбрый капитанъ. До поѣздки на югъ, или на Волгу (у меня два проекта) я непремѣнно долженъ быть въ Питерѣ. Пріѣду вѣроятно въ началѣ в. поста.

Теперь насчетъ сниматься. Короленко будетъ въ Петербургѣ не раньше апрѣля, а меня въ апрѣлѣ и съ собаками не сыщете. Если моя физіомордія непремѣнно нужна, то ужъ я не знаю какъ быть. Поговоримъ объ этомъ при свиданіи; пока могу предложить только два выхода изъ безвыходнаго положенія: отложить сниманіе до осени, или же сняться не группой, а медальонами: [2])

Послѣднее удобнѣе, ибо пріѣздъ не обязателенъ, а снять портретъ можно съ карточки, которую вышлемъ и Короленко и я. Не забудьте написать мнѣ: кто будетъ сниматься? Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Фофановъ, Ясинскій, Гаршинъ, Короленко, Чеховъ... еще кто?

Простите за самоуправство. Попавъ вчера въ компанію «Русскихъ Вѣдомостей», я, не заручившись позволеніемъ, сосваталъ Васъ и Баранцевича съ музою «Русскихъ Вѣдомостей». Очень рады будутъ если Вы согласитесь работать въ этой честно-сухой газетѣ; по

---

[1]) Вслѣдствіе трудности опредѣлить дату этого письма, оно, къ сожалѣнію, было помѣщено не на своемъ мѣстѣ въ I-мъ томѣ (стр. 265, CXXXIX).

[2]) Въ подлинникѣ рисунокъ медальоновъ.

соблюденіи кое-какихъ формальностей мнѣ будетъ прислано редакціей письмо, въ которомъ меня попросятъ пригласить Васъ... Платятъ хорошо (не меньше 10 к. и аккуратно).

Откуда Вы знаете, что моя повѣсть — великолѣпна? Говори «гопъ», когда перескочишь... Не критикуйте, не читая.

Будьте здоровы. Короленко говоритъ, что побываетъ у Васъ.

Погода хорошая. Черезъ 1 — 2 недѣли прилетаютъ грачи, а черезъ 2 — 3 скворцы. Понимаете ли Вы, капитанъ, что это значитъ?

Votre à tous

А. Чеховъ.

XIX.

Ему-же.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

22 февр. (1888 г. Москва).

Милый капитанъ! Я прочиталъ всѣ Ваши книги, которыя до сихъ поръ читывалъ только урывками. Если хотите моей критики, то вотъ она. Прежде всего мнѣ кажется, что Васъ нельзя сравнивать ни съ Гоголемъ, ни съ Толстымъ, ни съ Достоевскимъ, какъ это дѣлаютъ всѣ Ваши рецензенты. Вы писака sui generis и самостоятельны, какъ орелъ въ поднебесьи. Если сравненія необходимы, то я скорѣе всего сравнилъ бы Васъ съ Помяловскимъ постольку, поскольку онъ и Вы—мѣщанскіе писатели. Называю Васъ мѣщанскимъ не потому, что во всѣхъ Вашихъ книгахъ сквозитъ чисто мѣщанская ненависть къ адъютантамъ и журфиксным людямъ, а потому, что Вы, какъ и Помяловскій, тяго-

тѣете къ идеализаціи сѣренькой мѣщанской среды и ея счастья. Вкусные кабачки у Цыпочки, любовь Горича къ Настѣ, солдатская газета, превосходно схваченный разговорный языкъ названной среды, потомъ замѣтное напряженіе и субъективность въ описаніи журфикса у «ma tante» — все это, вмѣстѣ взятое, поддерживаетъ мое положеніе о вашемъ мѣщанствѣ.

Если хотите, то я пожалуй сравнилъ бы Васъ еще и съ Додэ. Ваши милые, хорошіе «лошадники» тронуты слегка, но пока они попадались мнѣ на глаза, мнѣ все казалось, что я читаю Додэ.

Вообще надо быть осторожнымъ въ сравненіяхъ, которыя какъ бы они ни были невинны, всегда невольно вызываютъ подозрѣнія и обвиненія въ подражаніи и поддѣлкѣ. Вы ради Создателя не вѣрьте вашимъ прокурорамъ и продолжайте работать такъ, какъ деселѣ работали. И языкъ и манера, и характеры, и длинныя описанія и мелкія картинки—все это у васъ свое собственное, оргинальное и хорошее.

Лучшее изъ вашихъ дѣтищъ—это «Гордіевъ узелъ». Это трудъ капитальный. Какая масса лицъ и какое изобиліе положеній!

Номерная жизнь, Щураки, Голощапова съ опухшимъ отъ пива рыломъ, дождь, Лелька, ея б . . . . . сонъ Горича, особливо описаніе маскарада въ клубѣ— все это великолѣпно сдѣлано. Въ этомъ романѣ Вы не плотникъ, а токарь.

За «Узломъ» по достоинству слѣдуетъ «Поспѣловъ». Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повѣстушкѣ чувствуется тургеневскій пошибъ и я не знаю, почему это критики прозѣвали и не обвинили Васъ въ подражаніи Тургеневу, Поспѣловъ трогателенъ; онъ идейный человѣкъ и герой. Но къ сожалѣнію Вы субъективны до чортиковъ. Вамъ не слѣдовало бы описывать

себя. Право было бы лучше, если бы Вы подсунули ему на дорогѣ женщину и свои чувства вложили въ нее...

«Идиллію» я ставлю въ концѣ всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конецъ прекрасны, строго и умѣло выдержаны, въ серединѣ же чувствуется большая распущенность. Начать хоть съ того, что всю музыку Вы испортили провинціализмами, которыми усыпана вся середка. «Кабачки», «отчини дверь», «говорить» и проч.—за все это не скажетъ Вамъ спасиба великороссъ... Языкъ щедро попорченъ, Бомбочка часто попадается на глаза, Агишевъ блѣдноватъ... Лучше всего описаніе мазурки!..

Въ общемъ, по прочтеніи всѣхъ Вашихъ книгъ получается весьма опредѣленное впечатлѣніе, сильно говорящее въ пользу Вашей будущности. Теперь, если къ книгамъ прибавить еще Ваши пьесы, Дачнаго мужа, Миньону, Гремучую змѣю; если къ тому же еще принять во вниманіе Вашу «аристократическую медлительность» и наклонность къ кабинетному труду («Русскій мыслитель»), то прійдется остановиться на рѣшеніи, что Вы величина. Вы, не говоря ужъ о талантѣ, разнообразны, какъ актеръ старой школы, играющій одинаково хорошо и въ трагедіи, и въ водевилѣ, и въ опереткѣ, и въ мелодрамѣ. Это разнообразіе, котораго нѣтъ ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни у Ясинскаго, ни даже у Короленко, можетъ служить симптомомъ не распущенности, какъ думаютъ иные критики, а внутренняго богатства. Салютую Вамъ отъ души.

Теперь просьба. Умираетъ отъ чахотки одинъ москов. литераторъ [1]). Ни гроша денегъ. Есть у него богатая сестра, живущая въ Питерѣ. Адресъ ея не-

---

[1]) Н. А. Путята.

извѣстенъ. Не можете ли вы, голубчикъ, узнать въ адресномъ столѣ ея адресъ? Зовутъ ее такъ: жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Мужъ ея Дмитрій Васильевичъ. Жива ли она? Узнайте, будьте отцомъ роднымъ.

Ничего не дѣлаю. Отъ нечего дѣлать написалъ водевиль «Медвѣдь». Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

23 Февр. (1888 г. Москва).

Что съ Вами, дорогой Алексѣй Николаевичъ? Правда ли, что Вы хвораете? Quod licet bovi, non licet Jovi., Что къ лицу намъ, нытикамъ и дохленькимъ литераторамъ, то ужъ совсѣмъ не подобаетъ Вамъ, обладателю широкихъ плечъ.. Я. П. Полонскій писалъ мнѣ, что у Васъ бронхитъ и слабость по вечерамъ. Вѣроятно, Вы простудились и, что не подлежитъ сомнѣнію, утомились. Вамъ нужно хотя на мѣсяцъ совлечь съ себя петербургскаго человѣка, махнуть на все рукой и обратиться въ бѣгство. Поѣздка на Волгу — идея хорошая и здоровая. Свѣжій воздухъ, разнообразіе видовъ и отсутствіе стола съ дамскими рукописями помогутъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ Доверовы порошки. Поѣздка обойдется очень дешево, дешевле грибовъ; ѣда на пароходахъ не совсѣмъ плохая; сырость и туманы *) насъ не одолѣютъ, потому что мы будемъ тепло одѣты; къ тому же еще у Васъ всегда подъ рукой будетъ докторъ, хотя и плохой.

*) Ранней весной безъ нихъ не обойтись. Прим. *А. П.*

но безплатный. Серьезно, Вы подумайте и дайте себѣ слово не отказываться отъ задуманной поѣздки. Короленко увѣренъ, что вы поѣдете...

Былъ я у Островскаго. [1]) Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ оттиска моей Степи. Сидѣлъ я у него часа два и къ сожалѣнію я разболтался и говорилъ гораздо больше, чѣмъ онъ, а для меня, согласитесь, его разговоры гораздо полезнѣе, чѣмъ мои собственные.

Посылаемая рукопись принадлежитъ перу московскаго литератора Н. Л. Хлопова, автора нѣсколькихъ пьесъ («На лонѣ природы» и проч.). Это талантливый, хорошій и робкій человѣчекъ, затертый льдами московскаго равнодушія. Ему страстно хочется выскочить и онъ просилъ меня протежировать ему въ Питерѣ. Не найдете ли Вы возможнымъ помѣстить его разсказикъ въ Сѣверномъ Вѣстн.? Разсказъ маленькій, безъ претензій и написанъ достаточно талантливо. Почеркъ безобразный, противно читать, но это не суть важно. Въ случаѣ, если найдете, что разсказъ для С. В. неудобенъ, то будьте добры, вручите его при свиданіи Щеглову, чтобы сей послѣдній передалъ его въ Новое Время Буренину съ просьбой отъ моего имени —не бросать въ корзину, а прочесть..

Жду самыхъ хорошихъ извѣстій о Вашемъ здоровьи. Поправляйтесь и пріѣзжайте въ Москву ѣсть блины.

Вчера смотрѣлъ я Ленскаго-Отелло. Билетъ стоилъ 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля. Постановка хорошая, игра добросовѣстная, но не было главнаго — ревности.

Будьте здоровы.

Весь Вашъ *А. Чеховъ.*

Почтеніе Вашему семейству.

---

[1]) Братъ драматурга.

XXI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

24 Февр. (1888 г. Москва).

Отвѣчаю, добрѣйшій Николай Александровичъ, на Ваше письмо по пунктамъ:

1) Ваше сѣтованіе на то, что я не подаю о себѣ вѣсточки, подлежитъ кассаціи: дней 5 — 6 тому назадъ я послалъ Вамъ письмо.

2) Въ Питерѣ я пробылъ около половины мѣсяца; вернувшись, живу уже въ Москвѣ почти мѣсяцъ и за все это время *ни разу* не видѣлся съ Пальминымъ. Откуда же ему извѣстно, что я истекаю кровью, хандрю и боюсь сойти съ ума? Все это плодъ фантазіи поэта, сильно приправленной винными парами. Кровохарканья, Богъ миловалъ, у меня не было съ самаго Питера *). О хандрѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ я веселъ больше, чѣмъ нужно. Денегъ у меня достаточно, весна скоро, состояніе духа отмѣнное. Работаю много, ибо спѣшу покончить съ работой непремѣнно къ апрѣлю, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ расчитываю выѣхать на югъ. Причинъ, которыя заставили бы меня бояться скораго умопомѣшательства, нѣтъ, ибо водки по цѣлымъ днямъ я не трескаю, спиритизмомъ не занимаюсь, поэта Пальмина не читаю и бездѣлью не предаюсь.

3) Посылаю фотографію, гдѣ я чернѣе и серьезнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Лучшей фотографіи у меня не имѣется. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, а за желаніе имѣть у себя мою рожу — большое merci. Польщенъ.

---

*) Было, но чуть-чуть. *Прим. А. П.*

А. П. Чеховъ въ 1888 г.

4) Въ посланномъ мною письмѣ я просилъ, кромѣ книги еще кума пожарнаго [1]).

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Я купилъ себѣ выигрышный билетъ. 1-го Марта выиграю 75.000.

XXII.

Ему-же.

(Съ подлинника).

26 Февр. (1888 г. Москва).

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Наконецъ то, добрѣйшій Николай Александровичъ, я получилъ отъ Васъ письмо, и не одно письмо, а еще и толстую книжищу въ видѣ преміи, за которую, конечно, искренно благодарю. А ужъ я, признаться, думалъ, что Вы сердитесь и грѣшный человѣкъ не разъ терялся въ догадкахъ и задавалъ себѣ вопросъ: ужъ не замутила ли ясной воды какая-нибудь сплетня, пущенная моими московскими благопріятелями?

Книгу завтра посылаю въ переплетъ.

Если Вы *навѣрное* будете въ Москвѣ не позже первой недѣли поста, то я подожду Васъ и вмѣстѣ съ Вами поѣду въ Питеръ.

Какова погода въ Москвѣ, сказать не умѣю, ибо какъ схимонахъ сижу въ четырехъ стѣнахъ и не показываю носа на улицу.

Отчего у Васъ не работаетъ Щегловъ? Это очень полезный сотрудникъ. Во-вторыхъ: зачѣмъ Вы такъ часто

---

[1]) Пьеса адресата.

стали помѣщать на первой страницѣ голопупіе и голоножіе? Право, публикѣ теперь не до б . . . . . Къ тому же Осколкамъ не слѣдуетъ сбиваться съ разъ заведенной программы.

Грузинскій замѣтно улучшается. Ежовъ становится хорошимъ въ стихахъ. Оба что-то замолчали про семгу.

Будьте здоровы. Поклонъ Вашему семейству.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

6 Марта (1888 г. Москва).

Сегодня, дорогой Алексѣй Николаевичъ, я прочелъ 2 критики, касающіяся моей Степи: фельетонъ Буренина и письмо П. Н. Островскаго. Послѣднее въ высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплаго участія, составляющаго сущность его и цѣль, оно имѣетъ много достоинствъ, даже чисто внѣшнихъ: 1) оно, если смотрѣть на него, какъ на критическую статейку, написано съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой, какъ хорошій, дѣльный рапортъ; въ немъ я не нашелъ ни одного жалкаго слова, чѣмъ оно рѣзко отличается отъ обычныхъ критическихъ фельетоновъ, всегда поросшихъ предисловіями и жалкими словами, какъ заброшенный прудъ водорослями. 2) оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочетъ человѣкъ. 3) оно свободно отъ мудрствованій объ атавизмѣ, пакибытіи и проч., просто и холодно трактуетъ объ элементарныхъ вещахъ, какъ хорошій учебникъ, старается быть точнымъ и т. д., и т. д. — всего не сочтешь.. Я про-

челъ письмо П. Н. три раза и жалѣю теперь, что онъ прячется отъ публики.

Среди журнальныхъ работниковъ онъ былъ бы очень не лишнимъ. Важно не то, что у него есть опредѣленные взгляды, убѣжденія, міровоззрѣнія — все это въ данную минуту есть у каждаго человѣка —, но важно, что онъ обладаетъ *методомъ*; для аналитика, будь онъ ученый или критикъ, методъ составляетъ половину таланта.

Завтра я поѣду къ П. Н. и предложу ему одну штуку. Я напомню ему двѣнадцатый годъ и партизанскую войну, когда бить француза могъ всякій желающій, не надѣвая военнаго мундира; быть-можетъ, ему понравится моя мысль, что въ наше время, когда литература попала въ плѣнъ двунадесяти тысячъ лжеученій, партизанская, иррегулярная критика была бы далеко не лишней. Не захочетъ ли онъ, минуя журналы и газеты, выскочить изъ засады и налетѣть наскокомъ, по казацки? Это вполнѣ исполнимо, если вспомнить о брошюрочномъ способѣ. Брошюра теперь въ модѣ; она и не дорога и легко читается. Попы это поняли и ежедневно бомбардируютъ публику своими фарисейскими отрыжками. П. Н. въ убыткѣ не будетъ.

Теперь — какъ Ваше здоровье? Выходите ли Вы на воздухъ? Если судить по критикѣ Буренина о Мережковскомъ, то у Васъ теперь 15 — 20° мороза.. Холодно чертовски, а вѣдь бѣдныя птицы уже летятъ въ Россію! Ихъ гонятъ тоска по родинѣ и любовь къ отечеству: если бы поэты знали, сколько милліоновъ птицъ дѣлаются жертвою тоски и любви къ роднымъ мѣстамъ, сколько ихъ мерзнетъ на пути, сколько мукъ претерпѣваютъ онѣ въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, прибывъ на родину, то давно бы воспѣли ихъ... Войдите Вы въ положеніе коростеля, который всю дорогу не летитъ, а идетъ пѣшкомъ, или дикаго гуся, отдающагося живьемъ въ руки

человѣка, чтобы только не замерзнуть.. Тяжело жить на этомъ свѣтѣ!

Я пріѣду въ Питеръ въ началѣ поста, черезъ 2 — 3 дня послѣ того, какъ получу изъ С. В. гонораръ. Если во вторникъ Вы будете въ редакціи, то, проходя мимо конторщицы, напомните ей о моемъ существованіи и безденежьи.

Весь февраль я не напечаталъ ни одной строки, а потому чувствую большой кавардакъ въ своемъ бюджетѣ.

Надѣюсь, что Вы не забыли про Волгу.

Будьте здоровы; желаю Вамъ хорошаго аппетита, хорошаго сна и побольше денегъ.

До свиданья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

7 Марта (1888 г. Москва).

Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ. Я жду Васъ въ четвергъ. Въ $12^1/_2$ часовъ я приготовлю завтракъ, каковой и приглашаю Васъ раздѣлить со мной. Отъ меня поѣдемъ, куда нужно. А главное потолкуемъ.

У меня есть фракъ, но нѣтъ охоты и умѣнья читать. Я не въ состояніи одной минуты почитать вслухъ, тѣмъ паче публично: сохнетъ горло и кружится голова. Итакъ — читать *я не буду*. Прошу прощенія у Васъ и у В. В. Комарова и увѣренъ, что Вы не будете въ претензіи, тѣмъ болѣе, что мое отсутствіе не испортитъ вечера.

Пахнетъ кислой капустой и покаяніемъ.

Грузинскій въ Москвѣ. Я скажу ему, чтобы онъ былъ у меня въ четвергъ къ 12 часамъ. Онъ будетъ радъ познакомиться съ Вами.

Почтеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. До свиданья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXV.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(СПБ., 1888 г. 15 марта.)

Пишу сіе въ редакціи Нов. Времени. Только что вошелъ Лѣсковъ. Если онъ не помѣшаетъ, то письмо будетъ кончено.

Доѣхалъ я благополучно, но ѣхалъ скверно, благодаря болтливому Л.... Онъ мѣшалъ мнѣ читать, ѣсть, спать... Все время с.... хвасталъ и приставалъ съ вопросами. Только что начинаю засыпать, какъ онъ трогаетъ меня за ногу и спрашиваетъ:

— А вы знаете, что моя «Христова Невѣста» переведена на итальянскій языкъ?

Остановился я въ «Москвѣ», но сегодня переѣзжаю въ редакцію Новаго Времени, гдѣ m-me С. предоставила мнѣ 2 комнаты съ роялью и съ кушеткой въ турнюрѣ. Поселяюсь у С. — это стѣснитъ меня не мало. Сухари отданы Александру. Семья его здорова, сыта, одѣта чисто. Онъ не пьетъ абсолютно, чѣмъ не мало удивилъ меня.

Идетъ снѣгъ. Холодно. Куда ни прійду, всюду говорятъ о моей «Степи». Былъ у Плещеева, Щеглова и пр., а вечеромъ ѣду къ Полонскому.

Я перѣхалъ на новую фатеру. Рояль, фисъ-гармонія, кушетка въ турнюрѣ, лакей В., кровать, каминъ, шикарный письменный столъ — это мои удобства. Что касается неудобствъ, то ихъ не перечтешь. Начать хоть съ того, что я лишенъ возможности явиться домой въ подпитіи и съ компаніей..

До обѣда—длинный разговоръ съ M-me NN о томъ, какъ она ненавидитъ родъ человѣческій, и о томъ, что сегодня она купила какую-то кофточку за 120 р.

За обѣдомъ разговоръ о мигрени, при чемъ дѣтишки не отрываютъ отъ меня глазъ и ждутъ, что я скажу что-нибудь необыкновенно умное. А по ихъ мнѣнію, я геніаленъ, такъ какъ написалъ повѣсть о Каштанкѣ. У С. одна собака называется Ѳедоромъ Тимофеичемъ, другая теткой, третья Иваномъ Иванычемъ [1]).

Отъ обѣда до чая хожденіе изъ угла въ уголъ въ суворинскомъ кабинетѣ и философія.

Чай. За чаемъ разговоръ о медицинѣ. Наконецъ я свободенъ, сижу въ своемъ кабинетѣ и не слышу голосовъ. Завтра убѣгаю на цѣлый день: буду у Плещеева, въ Сабашниковскомъ [2]) Вѣстникѣ, у Полонскаго, у Палкина и вернусь поздно ночью безъ заднихъ ногъ. Кстати: у меня особый с . . . и особый выходъ—безъ этого хоть ложись да умирай. Мой В. одѣтъ приличнѣе меня, имѣетъ благородную физіономію и мнѣ какъ-то странно, что онъ ходитъ возлѣ меня благоговѣйно на цыпочкахъ и старается предугадать мои желанія.

Вообще неудобно быть литераторомъ.

Хочется спать, а мои хозяева ложатся въ 3 часа. Здѣсь не ужинаютъ, а къ Палкину идти лѣнь.

Честь имѣю кланяться. Поклонъ всѣмъ.

Votre à tous *А. Чеховъ.*

---

[1]) По имени персонажей разсказа «Каштанка».

[2]) Сѣверномъ.

Писать лѣнь, да и мѣшаютъ.

Ночь. Слышенъ стукъ билліардныхъ шаровъ: это играютъ Г. и мой В. Подойдя къ своей постели, я нахожу стаканъ молока и кусокъ хлѣба; голоденъ. Ложусь и читаю отрывной календарь «Стрекозы».

Вотъ и все умное и великое, что успѣлъ я совершить по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ.

XXVI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 Мартабря, (1888 г. Москва).

О. Архимандритъ! Посылаю Вамъ черезъ поручика Плещеева кипу моихъ проповѣдей и поученій для второй книги [1]), каковую благоволите благословить печатать тотчасъ же по полученіи кипы. Названіе книги: М..... жизни, или подъ Ж... палкой. Другого названія пока еще не придумалъ. Разсказы должны быть расположены въ такомъ порядкѣ:

1) Счастье.
2) Тифъ.
3) Ванька.
4) Свирѣль.
5) Перекати - поле.
6) Задача.
7) Степь.
8) Поцѣлуй.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ изданіи Суворинымъ второй книги А. П-ча «Разсказы».

Книга должна содержать въ себѣ не менѣе 20 листовъ. Если присланнаго не хватитъ, то пусть Неупокоевъ, [1]) упокой Господи его душу, дастъ тебѣ знать, дабы я могъ поспѣшить высылкой новаго матеріала.

«Счастье» помѣщено въ 4046 №. Если утеряешь посылаемый 4046 №, то запомни сію цифру. Подъ заглавіемъ «Счастье» надо будетъ написать: «Посвящ. Я. П. Полонскому» — долгъ платежемъ красенъ: онъ посвятилъ мнѣ стихотвореніе. Остальныхъ моихъ распоряженій жди.

Разсчетъ за Сумерки сдѣлай послѣ 15 Апрѣля. Изъ полученныхъ денегъ ты обязуешься взять себѣ пропорцію, какъ мы уговорились, иначе ты хамъ и мерзавецъ. Магазинъ долженъ намъ за оставшіеся 445 экз. 311 р. 50 к. Значитъ, тебѣ третья часть.

Надѣюсь, что второе изданіе Сумерекъ уже печатается.

Кланяйся Суворинымъ. Недѣля, прожитая у нихъ, промелькнула, какъ единый мигъ, про который устами Пушкина могу сказать: «Я помню чудное мгновенье».. Въ одну недѣлю было пережито: и ландо, и философія, и романсы Павловской, и путешествія ночью въ типографію, и Колоколъ, и шампанское...

Сейчасъ вернулся съ практики: лѣчилъ у графини Келлеръ... няньку и получилъ 3 руб. Имѣлъ счастье бесѣдовать съ ея сіятельствомъ.

Въ Москвѣ скучища. Всѣ здоровы. Мать, тетка и сестра ждутъ Анну Ивановну съ цуцыками.

Поклонъ Буренину, Маслову и проч.

Votre à tous

А. Чеховъ.

---

[1]) Служащій въ типографіи Суворина.

XXVII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника)

25 Мартъ. (1888 г. Москва).

Прежде всего, многоуважаемая Марія Владиміровна, поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Ангела. Да хранитъ Васъ Богъ на многія лѣта! Желаю Вамъ прожить еще 87 лѣтъ и еще 87 разъ наблюдать прилетъ скворцовъ и жаворонковъ, въ которыхъ Вы теперь влюблены.

Читалъ я Ваше письмо къ Мишѣ [1]) и въ отвѣтъ на Ваше желаніе имѣть оттискъ моей «Степи» посылаю Вамъ обѣщаніе преподнести Вамъ въ недалекомъ будущемъ мою новую книжку, въ которой будетъ помѣщена эта Степь.

На дняхъ я вернулся изъ Питера. Купался тамъ въ славѣ и нюхалъ фиміамы. Жилъ я у С., привыкъ къ его семьѣ и весною ѣду къ нему къ Крымъ. На правахъ великаго писателя я все время въ Питерѣ катался въ ландо и пилъ шампанское. Вообще чувствовалъ себя прохвостомъ.

У С. я не былъ, но за то три раза былъ и даже обѣдалъ у редакторши Сѣвернаго Вѣстника Евреиновой, очень милой и умной старой дѣвы, имѣющей степень «доктора правъ» . . . . . Вообще въ Питерѣ столько умныхъ дамъ и дѣвъ, что я былъ очень радъ отсутствію возлѣ меня Вашего наблюдающаго ока. Сегодня у меня былъ редакторъ «Родника» Альмедингенъ, офицеръ генеральнаго штаба, племянникъ Вашей медоточивой С.

---

[1]) Братъ А. П.

Будетъ онъ у меня и завтра. Говорили мы съ нимъ о Васъ. Онъ хвалитъ, а я говорю: «Гм..»

Печатается второе изданіе «Въ сумеркахъ».

За первое я получилъ уже деньги. Въ началѣ сего года я заработалъ и прожилъ полторы тысячи рублей. Деньги улетучиваются, какъ черти отъ ладона..

Поклонитесь барину, Василисѣ и Коклюшу, а Елизаветѣ Александровнѣ пожелайте выграть 200 тыс.

Застрѣлите Екатерину Васильевну и Голохвастову.

Когда баринъ [1]) будетъ въ Москвѣ? Давно ужъ мы его не видѣли. Ахъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я пожилъ это время въ Бабкинѣ! До зарѣза хочется весны. При мнѣ въ Питерѣ была чудная погода.

Будьте здоровы и денежны.

Сегодня я лѣчилъ няньку графини Келлеръ и имѣлъ честь бесѣдовать съ ея сіятельствомъ. Получилъ три рубля.

Меня въ Питерѣ почему-то прозвали Потемкинымъ, хотя у меня нѣтъ никакой Екатерины. Очевидно, считаютъ меня временщикомъ у музъ.

Работается плохо. Хочется влюбиться, или жениться, или полетѣть на воздушномъ шарѣ.

Всѣ наши здравствуютъ и собираются на югъ. Прощайте.

Душевно преданный и нелицемѣрно уважающій

А. Чеховъ.

Барину буду писать особо. Пусть проститъ за молчаніе.

---

[1]) Мужъ адресатки.

XXVIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва, 1888 г. мартъ).

Бездѣльникъ!

Сегодня я послалъ для Неупокоева (когда онъ упокоится?) еще текста. Разсказъ «Тина» поставь передъ «Степью», а два прочіе послѣ, но «Поцѣлуй» долженъ быть въ концѣ книги.

Еще разъ напоминаю: разсказъ «Счастье» долженъ быть первымъ и «посвящается Я. П. Полонскому съ костылемъ». Книгу надо будетъ назвать такъ:

Антонъ Чеховъ.

Разсказы

и тутъ же на обложкѣ перечисленіе разсказовъ петитомъ.

Считался ли за Сумерки?

2-е изд. Сумерекъ пора печатать. По крайней мѣрѣ пора объявить объ этомъ въ понедѣльницкомъ анонсѣ.

На задней сторонѣ обложки должны быть объявленія о моихъ книгахъ: «Пестрыхъ разсказахъ», «Сумеркахъ» и «Разсказахъ».

Это, братъ, тебѣ не Англія!

Получилъ отъ старичины [1]) длинное письмо и сопричислилъ его къ автографамъ.

Денегъ нѣтъ и нѣтъ. Писать разучился. Хочу поступить въ аптеку.

---

[1]) А. С. Суворинъ.

Если тебѣ кажется, что я затрудняю тебя своими изданіями, то напиши мнѣ.

Если увидишь Михаила Суворина, то передай ему, что моихъ книгъ нѣтъ *ни на одной* станціи. Этакъ много не поторгуешь.

Графъ Платовъ.

XXIX.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

29 Марта (1888 г. Москва).

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Леухинъ, вѣроятно, уже написалъ Вамъ, что Ваши книги у него проданы и что онъ ждетъ только приказа: кому и куда послать деньги?

«Милой женщинѣ» книги уже вручены и росписка ея Вамъ посылается. Миша говоритъ, что, принимая отъ него книги, она сердилась.

Ну, какъ Ваше здравіе? Если хорошо, то я очень радъ; если плохо т.-е. если лихорадка все еще продолжается, то не ограничивайтесь одной только баней, а обратитесь къ медицинѣ, матери всѣхъ наукъ.

Я нашелъ себѣ дачу и вчера послалъ задатокъ. Городъ Сумы, Харьк. губ., на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), недалеко отъ Полтавы. Я нанялъ флигель въ усадьбѣ, за 100 руб. въ лѣто; флигель съ трехъ сторонъ окруженъ садомъ; близки прудъ и рѣка. Буду все лѣто кружиться по Украйнѣ и на манеръ Ноздрева ѣздить по ярмаркамъ.

Я писалъ Грузинскому о Петерб. Газетѣ. Онъ благодарилъ меня, хотя я тутъ ни причемъ и написалъ ему

ясно, что протежируете ему Вы, а не я. Писалъ ли онъ Вамъ о своемъ согласіи?

Разсказъ брата я читалъ въ Новомъ Времени. Мертвая старуха не такъ страшна. Разсказъ мѣстами юмористиченъ, и я думаю, что Оск—и не стали бы мрачнѣе отъ того, что помѣстили бы его, тѣмъ болѣе, что разсказъ не плохъ. Впрочемъ, не мое это дѣло; Вамъ виднѣй.

Вернувшись изъ Питера, я засталъ въ Москвѣ ледоходъ и наводненіе. Очень красиво. До 28-го стояли теплые, ясные дни, а сегодня жаритъ дождь.

Семья моя Вамъ кланяется. Будьте здоровы и въ свою очередь поклонитесь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Въ комнатѣ у меня сумеречно отъ дождя; не видно на бумагѣ линеекъ, а потому пишу криво. Совѣтуйте Билибину взять лѣтомъ отпускъ и отдохнуть, а то онъ хирѣетъ и старѣетъ не по днямъ, а по часамъ.

Прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XXX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

31 марта (1888 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ! На дворѣ идетъ дождь, въ комнатѣ у меня сумеречно, на душѣ грустно, работать лѣнь — вообще я выбился изъ колеи и чувствую себя не въ своей тарелкѣ. Но тѣмъ не менѣе это письмо не должно быть грустнымъ. Пока я пишу его, меня волнуетъ веселая мысль, что черезъ 30 — 35 дней я буду уже далеко отъ Москвы. Я уже нанялъ себѣ дачу въ

усадьбѣ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), въ Сумскомъ уѣздѣ, не далече отъ Полтавы и тѣхъ маленькихъ, уютныхъ и грязненькихъ городовъ, въ которыхъ свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Иванычъ съ Иванъ Никиф. Третьяго дня я послалъ задатокъ. Пселъ рѣка глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кромѣ него на моей дачѣ имѣется еще прудъ съ карасями, отдѣленный отъ рѣки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садомъ. Кругомъ лѣса. Изобиліе барышень.

Вы такъ нерѣшительно говорили о Волгѣ, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что путешествіе наше не состоится. Если Вы не поѣдете на Волгу, то пріѣзжайте ко мнѣ на Пселъ! Отъ Москвы туда сутки ѣзды и III классъ стоитъ 10 р. 30 коп. Мѣсто, увѣряю Васъ, восхитительное. Тамъ

Все тихо... тополи надъ спящими водами,
Какъ призраки стоятъ луной озарены.....
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки..

Даю Вамъ честное слово, что мы не будемъ дѣлать *ничего*, окунемся въ бездѣлье, которое для Васъ такъ здорово. Мы будемъ ѣсть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и больше ничего.. Отъ такого режима Вы убавите себѣ животъ, загорѣете, повеселѣете и переживете время, когда

И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпенѣньи...

Вся моя команда будетъ состоять всплошную изъ молодежи, а гдѣ молодежь, тамъ Ваше присутствіе, что Вы уже не разъ испытали, имѣетъ свою особую прелесть.

Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдого старика...

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня — вообще, когда хотите — укладывайте чемоданъ, берите денегъ только на проѣздъ, запасайтесь сигарами, которыхъ Вы на югѣ, пожалуй, не найдете, прощайтесь съ Меланхолической Мандолиной [1]) на цѣлый мѣсяцъ и

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья..

Привозите съ собой Щеглова. Вашъ сынъ Н. А. тоже обѣщалъ пріѣхать и, конечно, не пріѣдетъ, такъ какъ его не пуститъ служба.

Какъ и куда ѣхать, я напишу Вамъ въ маѣ.

Пишу повѣстушку для С. Вѣстн. и чувствую, что она хромаетъ. Читалъ сегодня Аристархова въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Какое лакейство передъ именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дѣло касается начинающихъ! Всѣ эти критики и подхалимы и трусы: они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся въ какой-то жалкой, сѣрой серединѣ. А главное не вѣрятъ себѣ.. «Живыя цифры»—вздоръ, который трудно читать и понимать. Аристарх. съ трудомъ читалъ и не понималъ, но развѣ у него хватитъ мужества признаться въ этомъ? Моя Степь утомила его, но развѣ онъ сознается въ этомъ, если другіе кричатъ :«талантъ! талантъ!»?

Впрочемъ, ну ихъ къ лѣшему!

Передайте Николаю Алексѣевичу [2]), что я видѣлся съ И. М. Кондратьевымъ (агентомъ драм. общ.) и что сей послѣдній выслалъ гонораръ Александру Алекс. [3]) 26-го марта, какъ обѣщалъ; гонораръ высланъ весь, безъ вычетовъ.

Ну, будьте здоровы. Поклонитесь Вашимъ и А. М. Евреиновой. На дняхъ я получилъ отъ Я. П. Полонскаго душевное письмо. Прощайте.

Вашъ всей душой *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ».
[2], [3]) Сыновья адресата.

XXXI.

Ему же.

(Съ подлинника).

(31. Мартъ. 1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Едва успѣлъ послать Вамъ сегодня письмо, какъ въ догонку пишу и посылаю другое. Сейчасъ у меня былъ Вашъ А. А. [1]) съ письмомъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Пора какимъ бы то ни было образомъ прекратить безобразіе, предусмотрѣнное уложеніемъ о наказаніяхъ. Я говорю объ оскорбленіи могилъ, практикуемомъ такъ часто литературными альфонсиками и маркерами въ родѣ г. Л. Недостаетъ еще, чтобы на могилахъ писателей говорили рѣчи театральные барышники и трактирные половые! Меня покоробило, когда въ телеграммѣ изъ Петербурга о похоронахъ я прочелъ, что рѣчь говорилъ между прочимъ и «писатель Л.». Что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба?

Что касается отсутствія на похоронахъ представителя Новаго Времени, то въ этомъ я не вижу злого умысла. Я убѣжденъ, что смерть Гаршина произвела на Суворина гнетущее впечатлѣніе. Не были же нововременцы по простой причинѣ: они спятъ до двухъ часовъ дня. На счетъ слезъ, которые прольются на могилу Жителя [2]), Вы тоже заблуждаетесь.

Вчера я послалъ Баранцевичу согласіе участвовать въ его сборникѣ «Памяти Гаршина». Ваше приглашеніе пришло поздно. Какъ мнѣ быть? Передайте Аннѣ Михайловнѣ [3]), что я всей душой сочувствую идеѣ и цѣли

---

[1]) Сынъ адресата.
[2]) Сотрудникъ «Новаго Времени», Дьяковъ.
[3]) Г-жа Евреинова — издательница «Сѣвернаго Вѣстника».

сборника и благодарю за приглашеніе, но не знаю, какъ мнѣ быть съ Баранцевичемъ. Вернуть согласіе нельзя.

А. А. говорилъ мнѣ, что проѣздомъ въ Крымъ Вы побываете въ Москвѣ. Это очень пріятно. Мы съ Вами покутимъ и поговоримъ подробно объ Украйнѣ, о Михайловскомъ и проч.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ всѣмъ Вашимъ, Аннѣ Михайловнѣ и Маріи Дмитріевнѣ.

Два раза былъ я у Гаршина и въ оба раза не засталъ. Видѣлъ только одну лѣстницу...

Къ сожалѣнію я вовсе не зналъ этого человѣка.

Мнѣ приходилось говорить съ нимъ только одинъ разъ, да и то мелькомъ.

XXXII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

(1 апр. 1888 г. Москва).

Милый Георгій! Спасибо тебѣ, дружище, за хлопоты и безпокойство; къ сожалѣнію мы теперь не можемъ воспользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. Я уже нашелъ дачу въ помѣщицкой усадьбѣ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра) близъ города Сумъ Харьков. губ., не далеко отъ Полтавы, съ рѣкой, съ садомъ, съ лѣсами, съ мебелью и даже съ посудой. Покровская неудобна во многихъ отношеніяхъ: главное въ ней скучно, лѣсъ далеко отъ деревни и многолюдно. Карантинъ [1]) стоитъ на припекѣ и бѣденъ растительностью, дачи неудобныя, все дорого,

[1]) Дачное мѣсто подъ Таганрогомъ.

помѣщенія малы и, что очень неудобно, нужно каждый день быть хорошо одѣтымъ, а Маша и мама не любятъ щеголять лѣтомъ. Да и лѣчить некого въ Карантинѣ.

Въ своихъ поискахъ дачи я имѣлъ единственною цѣлью — доставить удовольствіе моей мамашѣ, отцу, сестрѣ, вообще всей семьѣ, которая замѣтно тоскуетъ по югѣ. Я старался найти такое мѣсто, гдѣ удобства жизни, необходимыя для стариковъ, были бы на первомъ планѣ: покой, тишина, близость церкви, изобиліе тѣни и проч. И чтобы рядомъ съ этимъ и молодежь не оставалась при шиковомъ интересѣ. А для молодежи нужны красивая природа, изобиліе воды, лѣсъ и проч., для меня же лично кромѣ того необходимы близость почты и люди, которыхъ бы я могъ на досугѣ лѣчить.

Мѣсто, нанятое нами, удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ и, если вѣрить тѣмъ, которые видѣли его, оно по красотѣ природы можетъ быть названо замѣчательнымъ.

Нашъ караванъ двинется на югъ въ началѣ мая. Я въ концѣ мая ѣду въ Крымъ, въ усадьбу Суворина, оттуда моремъ на Кавказъ, изъ Кавказа назадъ въ Сумы; проѣздомъ буду, вѣроятно, въ Таганрогѣ.

Твой дядя Павелъ Егоров. [1]) пріѣдетъ къ намъ на дачу къ 29 іюня и пробудетъ около 2 — 3 недѣль. Онъ поѣдетъ отъ насъ въ Кіевъ. Проѣхать отъ нашей дачи до Кіева стоитъ 3 руб. Мы почти увѣрены, что въ день Петра и Павла къ намъ изъ Таганрога пріѣдутъ гости. Это не только желательно, но и очень кстати, такъ какъ твой папаша М. Е. не откажетъ себѣ и моему отцу въ удовольствіи совершить совмѣстное путешествіе въ Кіевъ, а оттуда обратно въ Таганрогъ, тоже вмѣстѣ. Объ этомъ мы еще будемъ писать подробно, а просить дядю Митро-

---

[1]) Отецъ А. П.

фана Егоровича и тетю пріѣхать къ намъ пошлемъ въ Таганрогъ нарочитаго депутата (Михалика [1]), который краснорѣчивѣе всѣхъ насъ).

Я недавно вернулся изъ Питера. Жилъ тамъ у Суворина; съ нимъ и съ его семьей я въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Семья почтенная и симпатичная, несмотря на то, что живетъ въ золотѣ. Вообще говоря, моя литературная дѣятельность дала мнѣ въ послѣднее время не мало хорошихъ знакомствъ. Столько приходится видѣть прекрасныхъ людей и семей, что душа радуется.

Пиши намъ побольше. Послѣ перваго мая нашъ адресъ будетъ таковъ: «г. Сумы, Харьк. губ., усадьба Линтваревой, д-ру Чехову».

Нельзя ли тебѣ будетъ взять отпускъ на недѣльку и прикатить къ намъ? Пселъ рѣка рыбная. Поѣхали бы мы вмѣстѣ рыбу ловить.

Поклонись всѣмъ и будь здоровъ. Дядѣ и тетѣ я отъ души желаю всего лучшаго, а дѣвочкамъ скажи, что я очень жалѣю, что не могу провести съ ними Пасху по примѣру прошлаго года.

Спасибо за карточку.

Твой *А. Чеховъ.*

XXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 Апрѣля 88 (Москва).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ! Отъ лучшей бумаги, какъ Вы говорили брату и какъ онъ писалъ мнѣ, моя книжка станетъ дороже почти вдвое. Это было бы ни-

---

[1]) Братъ А. П.

чего, если бы я былъ увѣренъ, что мое изданіе не сядетъ на мель, но такъ какъ этой увѣренности у меня нѣтъ, то приходится взять и сдѣлать по старому т.-е. печатать на дешевой бумагѣ. Это не суть важно. А коли нужно, чтобы книга была потолще, то я пришлю еще текста, котораго у меня куры не клюютъ. Мечты же объ изяществѣ изданія я цѣликомъ перенесу на «Каштанку»; если рисунки будутъ хороши и изданіе изящно, то не жалко будетъ и убытокъ понести.

Благодарю Васъ за Крамского, котораго я теперь читаю. Какая умница! Если бы онъ былъ писателемъ, то писалъ бы непремѣнно длинно, оригинально и искренно, и я жалѣю, что онъ не былъ писателемъ. Наши беллетристы и драматурги любятъ въ своихъ произведеніяхъ изображать художниковъ; теперь, читая Крамского, я вижу, какъ мало и плохо они и публика знаютъ русскаго художника. Я не думаю, чтобы Крамской былъ единственнымъ; вѣроятно, въ мірѣ Рѣпиныхъ и Бакаловичей найдется не мало замѣчательныхъ людей.

Въ изданіи, по моему мнѣнію, въ отдѣлѣ «приложеній» есть пропускъ, который для многихъ покажется существеннымъ: нѣтъ реферата, или вѣрнѣе доклада о болѣзни и смерти Крамского, читаннаго въ медицинскомъ обществѣ С. П. Боткинымъ.

Спасибо Виктору Петровичу [1]) за фельетонъ о Гаршинѣ. Говорятъ, что Гаршинъ мечталъ объ историческомъ романѣ и, вѣроятно, началъ его. Интересно, что за недѣлю до смерти онъ зналъ, что бросится въ пролетъ лѣстницы, и готовился къ этому концу. Невыносимая жизнь! А лѣстница ужасная. Я ее видѣлъ: темная, грязная..

---

[1]) Буренину.

Изъ писателей послѣдняго времени для меня имѣютъ цѣну только Гаршинъ, Короленко, Щегловъ и Масловъ. Все это очень хорошіе и не узкіе люди. Ясинскій не понятенъ. . . . . .
Альбовъ и Баранцевичъ наблюдаютъ жизнь въ потемкахъ и сырости водосточныхъ трубъ, всѣ же остальные бездарны и сунулись въ литературу только потому, что литература представляетъ собой широкое поприще для подхалимства, легкаго заработка и лѣни.

Передайте моей тещѣ Аннѣ Ивановнѣ, что синяя матерія, которую мы покупали вмѣстѣ у Коровина, понравилась сестрѣ — *очень*. Настѣ и Борѣ поклонъ. Я непремѣнно пріѣду въ Ѳеодосію. Дачу я себѣ нанялъ на рѣкѣ Пслѣ (притокъ Днѣпра), въ усадьбѣ. Изъ Украйны до Крыма близко. Не поручите ли Вы мнѣ купить для Васъ рыболовныхъ снастей? У завзятыхъ рыболововъ есть примѣта: чѣмъ дешевле и хуже снасти, тѣмъ лучше ловится рыба. Я обыкновенно покупаю сырой матеріалъ и ужъ изъ него самъ дѣлаю то, что нужно.

Мои доброжелатели - критики радуются, что я «ушолъ» изъ Нов. Врем. Надо бы поэтому, пока радость ихъ еще не охладилась, возможно скорѣе напечатать что-нибудь въ Нов. Врем. Но нѣтъ силъ писать. Никакъ не покончу съ повѣстушкой (разговоръ съ инженерами въ баракѣ [1]), она связала меня по рукамъ и ногамъ.

Простите, что письмо вышло такъ длинно и позвольте еще разъ поблагодарить Васъ за гостепріимство и радушіе. Ей-Богу, мнѣ не хотѣлось уѣзжать отъ Васъ. Желаю Вамъ всего хорошаго. Искренно преданный

А. Чеховъ.

---

[1]) «Огни».

XXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

4 Апр. (1888 г. Москва,).

Милый Жанъ и дачный мужъ! Поздравляю Васъ съ благополучнымъ окончаніемъ Вашей книжной торговли, съ весенней хандрой и съ бабушкой. Простите, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо: лѣнь и весна обуяли. Да и ничего не могу написать, что пришлось бы Вамъ по душѣ. Мало веселаго, много скучнаго...

Б. и К° столкнулись носъ къ носу съ Евреиновой и К° въ одномъ и томъ же дѣлѣ (памятникъ Гаршина) и, точно испугавшись конкуренціи, облаяли другъ друга «лже-либералами». Судя по письмамъ той и другой стороны, доброе дѣло оказалось дурнымъ, ибо поссорило порядочныхъ людей. Я незналъ, что Б. такъ нервенъ. Оказывается, что по части нервовъ онъ можетъ дать Вамъ 20 очковъ впередъ. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ написалъ очень много несправедливаго.

Г. говорилъ мнѣ, что Вашъ разсказъ онъ передалъ Соболевскому и «умываетъ руки». Вообще всѣ эти Г. хорошіе люди, но гдѣ касается литературы и литературныхъ порядковъ, то тамъ слѣдовало бы мыть имъ не руки, а хари. Бездарны, сухи и туги, какъ оглоданныя вороньи кости.

Если пришлете отзывы о «Степи», то скажу большое спасибо. Высылайте и «завистливо-ругательные». Отзывы «Нов. Вр.», «Пет. Вѣд». и «Бирж. Вѣд.» у меня уже есть.

Пишите мнѣ, капитанъ. Если будете у padre А. Н. [1]), то поклонитесь этому симпатичному старику. Какъ я жалѣю, что книжная коммерція, на которой Вы нажили кукишъ съ масломъ, помѣшала намъ видѣться чаще.

Поклонитесь Вашей женѣ. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

(Потемкинъ).

XXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

4 Апр. (1888 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Я получилъ Ваше письмо. Очень жаль, что Сѣвер. Вѣстникъ и Б. не пришли къ соглашенію. Два сборника, освященныхъ одной и той же цѣлью и выходящихъ одинъ тремя мѣсяцами раньше другого, составляютъ чувствительное неудобство другъ для друга. Насколько не обманываетъ меня мое грошевое чутье, я почти увѣренъ, что сборникъ, выпущенный вторымъ, успѣха имѣть не будетъ, т.-е. сядетъ на мель. Впрочемъ, можно пуститься на хитрость: объявите теперь, пока впечатлѣніе смерти еще свѣжо, подписку на предполагаемый сборникъ, объявите и объявляйте безъ перерыва до сентября.

Быть можетъ, въ этихъ дѣлахъ я ничего не смыслю. Если такъ, то простите за совѣты.

Теперь объ Украйнѣ. На лошадяхъ Вамъ придется ѣхать только двѣ версты.

---

[1]) А. Н. Плещеева.

Самое лучшее время — май. Самое невеселое — іюнь; самое сытое и разнообразное по наслажденіямъ — іюль. Августъ хорошъ арбузами и дынями. Совѣтую Вамъ ѣхать *въ маѣ*. Мнѣ хочется, чтобы Вы понюхали украинскій сѣнокосъ.

На дачѣ я усажу Васъ подъ надзоръ медицины и убавлю Вамъ Вашъ животъ, который дѣлаетъ одышку. Придумаемъ такой режимъ, который, не требуя съ Вашей стороны никакихъ жертвъ, принесъ бы пользу Вамъ и моей медицинской репутаціи.

Напрасно Михайловскій огласилъ свой уходъ [1]). Прощайте. Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Передайте Короленко, что я жду его. Имѣю сказать ему нѣчто пріятное. Поклонъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Получилъ отъ фонда приглашеніе читать на Гаршинскомъ вечерѣ. Отвѣчаю, что не могу выѣхать изъ Москвы по домашнимъ обстоятельствамъ. Откровенно говоря, нѣтъ денегъ на дорогу.

XXXVI.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

5 Апр. (1888 г. Москва).

Многоуважаемая Марія Владиміровна!

Сегодня у меня былъ издатель «Русскаго Вѣстника» Бергъ. Я спросилъ его, видѣлъ ли онъ повѣсть г-жи Киселевой. Онъ сказалъ, что *не видѣлъ*, а о г-жѣ Киселевой слышитъ только первый разъ въ жизни. (Ахъ, какая

---

[1]) Изъ «Сѣвернаго Вѣстника».

непопулярная писательница!) Онъ спросилъ меня: талантлива ли г-жа Киселева? Я отвѣтилъ:

— Гм.. Какъ Вамъ сказать? Пожалуй...

Онъ сказалъ: я буду ее имѣть въ виду.

И такъ, повѣсти Вашей онъ не видѣлъ и не читалъ, съ чѣмъ Васъ и поздравляю (не безъ ехидства). Вы наказаны за многократное непослушаніе, что же касается меня, то я не перестану и впредь при всякомъ удобномъ случаѣ говорить: гм..

Въ литературныхъ сферахъ я теперь сила, которая можетъ принести Вамъ много добра, или много зла, смотря по тому, какъ Вы будете вести себя по отношенію къ моей геніальности. Если не будете угощать меня наливкой, восхвалять мой талантъ и будете позволять Вашимъ большимъ глазамъ шпіонить за мной, то я уроню Васъ во мнѣніи всей Европы и не позволю Вамъ напечатать ни одной строки..

Что касается размѣра Вашей повѣсти, т.-е. *девяти* листовъ, то, правда, такое половодье составляетъ для журнала и для автора чувствительное неудобство. Не найдете ли Вы возможнымъ сократить Ваше дѣтище (не крещеное) до 5 — 6 листовъ? Дѣло въ томъ, что большія повѣсти долго ждутъ очереди, а маленькія подобны городничему, который найдетъ себѣ мѣсто въ церкви даже когда негдѣ яблоку упасть. Вѣдь 9 листовъ прійдется дробить на 3 номера! Въ одномъ номерѣ авторъ можетъ располагать maximum тремя листами. Правда, въ моей «Степи» шесть листовъ, но вѣдь для Чеховыхъ и Шекспировъ законъ не писанъ, особливо если Шекспиръ, или Чеховъ беретъ редакторшу за горло и говоритъ:

— Печатай, Ма — Сте, всѣ шесть листовъ, а то получишь кукишъ съ масломъ!

Вы же не Шекспиръ и не Чеховъ, хотя впрочемъ и мечтаете (о, я знаю Ваши хитрости!) дать въ будущемъ Вашей дочери мое имя съ тѣмъ, чтобы свои произведенія выдавать за ея и подписывать вмѣсто «Киселева» — «Чехова». Но это Вамъ не удастся!

Если найдете возможнымъ сокращать повѣсть, то не особенно усердствуйте и не выбросьте того, что нужно и важно.

Я посматриваю за Вашимъ мужемъ, а потому относительно его поведенія будьте покойны.

Поклонъ Василисѣ и Елизаветѣ Александровнѣ. Коклюшу передайте, что мы уже очистили для него чуланчикъ, гдѣ онъ будетъ жить съ собачкой безъ спины и съ кошкой. По условію, заключенному у меня съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, Коклюша мы будемъ сѣчь два раза въ недѣлю, а Василису всякій разъ, когда она будетъ пріѣзжать. За сѣченіе особая плата. Обѣдать будемъ давать пансіонеру на Пасху и на Троицу.

Я очень жалѣю, что не могу сейчасъ поѣхать въ Бабкино. Погода анаѳемски—хороша.

Будьте здравы и Богомъ хранимы.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ

А. Чеховъ.

XXXVII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 Апр. (1888 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ. Получилъ я вчера отъ Вашего Ал. Ал. письмо, въ которомъ онъ приводитъ строки изъ Вашего письма къ нему. Пишетъ онъ о Салтыковѣ и о Вашемъ желаніи имѣть возможно скорѣе

мою повѣсть для Сѣв. Вѣстн. Первое для меня крайне лестно, на второе же отвѣтствую тако. Я давно уже (съ середины апрѣля) сижу за небольшою (1—1½ печатныхъ листа) повѣстушкой для С. В., давно уже пора кончить ее, но—увы! — чувствую, что я ее кончу едва къ маю. Къ прискорбію моему она у меня не вытанцовывается т.-е. не удовлетворяетъ меня и я порѣшилъ выслать вамъ ее не ранѣе, пока не поборю ее. Сегодня я прочелъ все написанное и уже переписанное начисто, подумалъ и рѣшилъ начать опять снова. Пусть она выйдетъ плоха, но все-таки я буду знать, что отнесся я къ ней добросовѣстно и что деньги получилъ не за даромъ.

Повѣстушка скучная, какъ зыбь морская; я сокращалъ ее, шлифовалъ, фокусничалъ и такъ она подлая надоѣла мнѣ, что я далъ себѣ слово кончить ее непремѣнно къ маю, иначе я ее заброшу ко всѣмъ чертямъ.

Во всякомъ случаѣ передайте Аннѣ Михайловнѣ, что я не тороплюсь исполнить свое обѣщаніе только потому, что недоволенъ своей работой. Вышлю, когда мнѣ будетъ казаться, что я доволенъ или почти доволенъ. Во всякомъ случаѣ Сѣв. Вѣстн. можетъ считать себя по части моей беллетристики *обезпеченнымъ* на іюньскую, или въ крайнемъ случаѣ на іюльскую. Вѣрнѣе, что на іюньскую.. Я бы и сейчасъ послалъ повѣсть, но не нахожу полезнымъ торопиться.. Я трусъ и мнителенъ; боюсь торопиться и вообще боюсь печататься. Мнѣ все кажется, что я скоро надоѣмъ и обращусь въ поставщики балласта, какъ обратились Я., М., Б. и проч., какъ и я, «подававшіе большія надежды». Боязнь эта имѣетъ свое основаніе: я давно уже печатаюсь, напечаталъ пять пудовъ разсказовъ, но до сихъ поръ еще не знаю, въ чемъ моя сила и въ чемъ слабость.

Теперь объ авансѣ. Объ этой штукѣ Вы не разъ писали мнѣ; говорилъ о ней и Короленко. Если понадобится, то я воспользуюсь любезностью редакціи и не буду чувствовать себя неловко, ибо въ долгу не останусь. Теперь пока мнѣ еще не нужны деньги. Понадобятся, вѣроятно, въ концѣ апрѣля. Если увижу, что безъ аванса не обойтись мнѣ, то напишу.

Что касается Введенскаго, то претензія его на меня мнѣ кажется неожиданной и по меньшей мѣрѣ странной. Быть у него я не могъ, потому что не знакомъ съ нимъ. Во вторыхъ, я не бываю у тѣхъ людей, къ которымъ я равнодушенъ, какъ не обѣдаю на юбилеяхъ тѣхъ писателей, которыхъ я не читалъ. Въ третьихъ, для меня еще не наступило время, чтобы идти въ Мекку на поклоненіе...

Былъ у меня Островскій. Ѣздили вмѣстѣ въ Третьяковскую галлерею. У меня онъ познакомился съ Короленко.

Я готовъ поклясться, что Короленко *очень* хорошій человѣкъ. Идти не только рядомъ, но даже за этимъ парнемъ, весело.

Вы сильно огорчите меня, если не пріѣдете въ Украйну. Что я долженъ пообѣщать Вамъ, чтобы вы тронулись изъ Питера?

Погода чудесная. Работать совсѣмъ не хочется. Кланяйтесь Вашимъ и редакціи.

Будьте здоровы и живите такъ, чтобы каждую минуту чувствовать весну.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Прочелъ я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно.

XXXVIII.

Ал. П. Чехову.

Съ подлинника).

(Москва, 1888 г. апр.).

Гусіади. [1])

Не писалъ я тебѣ такъ долго, потому что мѣшала лѣнь; хочется не писать, а лежать пластомъ и плевать въ потолокъ.

Я отдыхаю. Недавно написалъ большую (5 печатныхъ листовъ) повѣсть, которую, буде пожелаешь, узришь въ Мартовской книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника. Получилъ задатку 500 р. Повѣсть называется такъ: «Степь».

Вообще чувствую собачью старость. Едва ли ужъ я вернусь въ газеты! Прощай, прошлое! Буду изрѣдка пописывать Суворину, а остальныхъ, вѣроятно, похѣрю.

Правда ли, что ты работаешь въ «Гражданинѣ»?....

Во всякомъ случаѣ я радъ, что она выздоравливаетъ, и что Кнохъ, Слюнинъ и К° потерпѣли срамъ. Радъ, что ты обратился, какъ я совѣтовалъ тебѣ, къ знающему человѣку; радъ я, что не вѣрилъ бугорчаткѣ, абсцессу печени, операціи, катарру желчныхъ путей и проч. Мнѣ казалось, что я знаю больше Кноха и К° и теперь я въ этомъ убѣжденъ. Очень пріятно, хотя съ другой стороны и жаль, что я «фастаю» [2]).

---

[1]) Шутливое прозвище.
[2]) Хвастаю.

19-го идетъ моя новая пьеска въ одномъ дѣйствіи. «Ивановъ» ходитъ по Руси и не разъ ужъ давался въ Харьковѣ.

М. Б — скій сотрудникъ подходящій. Но можешь не скрыть это мое мнѣніе отъ Буренина — своимъ появленіемъ въ Новомъ Времени онъ плюнулъ себѣ въ лицо. Ни одна кошка во всемъ мірѣ не издѣвалась такъ надъ мышью, какъ Буренинъ издѣвался надъ Я — скимъ и.. и что же? Всякому безобразію есть свое приличіе, а посему на мѣстѣ Я — скаго я не показывалъ бы носа не только въ Нов. Время, но даже на Малую Итальянскую.

Буду сегодня писать Суворину. Напрасно этотъ серьезный, талантливый и старый человѣкъ занимается такой ерундой, какъ актрисы, плохія пьесы...

Семья лѣтомъ будетъ жить на югѣ.

Попроси Петерсена и Буренина отъ моего имени прочитать въ Мартѣ мою повѣсть. Вѣдь они виноваты отчасти, что я написалъ большое! Пусть они и расхлебываютъ.

Будь здоровъ. Аннѣ Ивановнѣ поклонъ, а дѣтей пори. Говоритъ ли Николка?

Твой 33 моментально.

Благодарю за письмо и за безпокойство о моемъ неказистомъ здравіи.

XXXIX.

В. Г. Короленко.

9 апрѣля (1888 г. Москва).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, разсказъ про самоубійцу. Я прочелъ его и не нашелъ

въ немъ ничего такого, что могло бы показаться Вамъ интереснымъ — онъ плохъ, — но все-таки посылаю, ибо обѣщалъ.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы на многія лѣта. Поклонитесь Волгѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Семья моя кланяется.

Вчера далъ прочесть одной дѣвицѣ разсказъ, который готовлю для «Сѣв. Вѣстн.». Она прочла и сказала: «Ахъ, какъ скучно!»

Въ самомъ дѣлѣ, выходитъ очень скучно. Пускаюсь на всякіе фокусы, сокращаю, шлифую, а все-таки скучно. Срамъ на всю губернію!

XL.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

15 Апр. (1888 г. Москва).

Милѣйшій капитанъ! Я послалъ Вамъ письмо. Вы не отвѣчаете... Что съ Вами? Не больны ли Вы?

Получили ли мое письмо? Я по разсѣянности въ адресѣ написалъ вмѣсто «Леонтьеву» — «Щеглову»... Увидѣвши ошибку, я полѣнился перемѣнить конвертъ и ограничился только тѣмъ, что впереди Щеглова поставилъ Леонтьева.

Вышла Ваша новая книга? Да? Пришлите мнѣ... Послѣ перваго мая мой адресъ будетъ таковъ: «г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой, д-ру Чехову». Вообще когда Вы будете адресоваться ко мнѣ въ провинцію, то не забывайте величать меня на

адресѣ «докторомъ». Адресъ докторовъ почта отлично помнитъ.

И такъ, я ѣду въ Украйну, а Вы, крокодилъ, остаетесь въ тундрѣ... Зачѣмъ Вы остаетесь? Къ чему? Не говорите мнѣ, что у Васъ денегъ нѣтъ на дорогу.. Безденежье не можетъ быть препятствіемъ. Надо только рѣшиться... Если у Васъ есть 100 руб., то поѣзжайте. На ѣду и карманные расходы Вы заработаете на мѣстѣ. А ѣда въ Украйнѣ дешевле прозы Сына Отечества. Проживете цѣлое лѣто отлично за 300 руб., даже роскошно... И сами бы поправились, да и жена бы Вамъ сказала спасибо. На зиму Вы можете Вашу квартиру бросить, а мебель сложить въ сараѣ какого-нибудь благопріятеля. Если хотите, я найму Вамъ квартирку въ Сумахъ. Проѣздъ туда въ III классѣ стоитъ (изъ Питера) 19 руб. Квартира не дороже 10 — 15 р. въ мѣсяцъ. Мясо 6—7 коп. фунтъ. Довольно одного субботника въ мѣсяцъ, чтобы прожить безбѣдно. Ахъ, какими бы я пирогами угощалъ Васъ! Какая рѣка! Какая рыбная ловля! Знаете что? Махните на все рукой, пошлите все къ чертовой матери и рѣшайтесь. Если у Васъ нѣтъ на дорогу ста рублей (т.-е. на дорогу за двоихъ 40 руб. или 50, и за квартиру впередъ 30 р.), то возьмите въ Нов. Вр. авансомъ. Вамъ дадутъ, особливо, если Вы скажете Суворину, что ѣдете со мной на рѣку Пселъ.

Обѣщаю Вамъ: a) чудную рѣку; b) лѣса и сады; c) смѣшную публику; d) пироги; e) скуку, о которой Вы съ наслажденіемъ будете вспоминать зимою, и экскурсію въ Полтаву на ярмарку.

Рѣшайтесь! Если рѣшитесь, то дайте мнѣ знать моментально. Я похлопочу на счетъ квартиры. Баронессу [1])

---

[1]) Бабушка И. Л. Щеглова — урожденная баронесса М. И. Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ.

Вы можете сдать подъ росписку въ опекунскій совѣтъ.

Въ Москвѣ продаются прекрасныя походныя кровати съ матрасами, складныя, по 5 р. за штуку. Купилъ и отправилъ въ Сумы товарнымъ поѣздомъ. Если рѣшитесь, то я и Вамъ куплю парочку. Однако прощайте.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Апр. (1888 г, Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Выѣду я изъ Москвы въ Сумы *пятаго* мая и, стало-быть, буду въ усадьбѣ въ ночь подъ *седьмое*. Послѣ этого числа Вы можете застать меня въ усадьбѣ *ежедневно* отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ утра. Милости просимъ! Вотъ Вамъ маршрутъ: Вы ѣдете *до Курска, отсюда на Ворожбу, изъ Ворожбы въ Сумы.* Если сегодня выѣдете изъ Москвы, то завтра въ 12 часовъ ночи будете въ Сумахъ. Выѣхавъ изъ Курска, или лучше, обѣдая въ Курскѣ, Вы не забудьте послать такую телеграмму: «Сумы, Линтваревой. Скажите Чехову: ѣду. Плещеевъ». Я выѣду на вокзалъ встрѣчать Васъ.

Вы боитесь стѣснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы Васъ стѣснимъ, т.-е. не дадимъ Вамъ того комфорта, какой подобаетъ Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаемъ, каковы комнаты въ нашей усадьбѣ, какова мебель и проч. Мы наняли наудачу. Очень возможно, что мы вмѣсто палаццо найдемъ свиной

хлѣвокъ.. Завтра братишка ѣдетъ произвести рекогносцировку. Во всякомъ случаѣ, во всю ивановскую будемъ стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортабельнѣе и задержать Васъ больше, чѣмъ на двѣ недѣльки. А что Вы насъ не стѣсните, Вы въ этомъ убѣдитесь, познакомившись съ моей командой.

Теперь о повѣсти. Вы предостерегаете меня отъ излишней отдѣлки и боитесь, чтобы, перестаравшись, я не сталъ холоденъ и сухъ. Это резонъ и большой резонъ, но исторія въ томъ, что рѣчь въ моемъ письмѣ шла вовсе не объ отдѣлкѣ. Я передѣлывалъ *весь* корпусъ повѣсти, оставивъ въ цѣлости только одинъ фундаментъ. Мнѣ не нравилась *вся* повѣсть, а не въ деталяхъ. Тутъ поневолѣ просидишь вмѣсто одного мѣсяца цѣлыхъ три. Вообще повѣсть выйдетъ не изъ аховыхъ, критики только носомъ покрутятъ. Это я не скромничаю. Достоинство повѣсти: краткость и кое-что новенькое... Стало-быть, повѣсть по случаю Вашего отъѣзда будетъ послана на имя Анны Михайловны. Буду просить у нея авансъ.

Мнѣ кажется, что относительно Короленко Вы заблуждаетесь. Изъ нашихъ разговоровъ о Васъ я замѣтилъ только одно, что онъ чтитъ Васъ сильно и искренно. Того мнѣнія о Васъ, которое Вы подозрѣваете въ немъ, онъ, честное слово, не высказывалъ мнѣ даже намекомъ. У Михайловскаго онъ бывалъ и будетъ бывать, такъ какъ онъ, подобно мнѣ, провинціалъ, т.-е. человѣкъ, далеко стоящій отъ редакціоннаго центра и принимающій не такъ близко къ сердцу всѣ редакціонныя событія. Петербургскіе пожары обжигаютъ только петербуржцевъ, а москвичи и нижегородцы знакомы съ этими пожарами только изъ писемъ да газетъ, т.-е. теоретически. Впрочемъ я кажется пишу уже вздоръ. Умолкни, муза!

О Гаршинскомъ сборникѣ потолкуемъ лѣтомъ въ Сумахъ.

Я приглашалъ Щеглова нанять дачу по сосѣдству со мной, увѣрялъ его, что это стоитъ гроши, соблазнялъ его всѣми благами міра (кромѣ женщинъ, которыхъ онъ, какъ женатый, долженъ отрицать), но онъ отказался, ссылаясь на какой-то «родственный клобокъ». Эти родственники его точно глисты замучили. Экій малодушный человѣкъ!

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ и будьте здоровы. Погода хорошая, хочется гулять.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Денегъ нѣтъ! О ужасъ! Какъ только пріѣду въ Сумы, тотчасъ же сяду строчить мелочь.

Я хочу взять у Анны Михайловны авансъ въ размѣрѣ *пятисотъ* (250 сейчасъ и 250 въ іюнѣ). Дастъ?..

Изъ Москвы въ Курскъ идетъ почтовый поѣздъ въ три часа пополудни. Садитесь на этотъ поѣздъ.

XLII.

Я. А. Корнѣеву [1]).

(Москва, 1888 г. апр.).

Антонъ Павловичъ

Чеховъ

поздравляетъ съ причастниками и отъ души желаетъ всего хорошаго. Затѣваемъ на праздникахъ олимпій-

---

[1]) Записка эта была написана на визитной карточкѣ.

скія игры въ нашемъ дворѣ и, между прочимъ, хотимъ играть въ бабки. Гдѣ ихъ можно достать и имѣются ли въ Москвѣ въ продажѣ свинчатки?

XLIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 Апрѣля (1888 г. Москва).

Дорогой капитанъ! Получилъ и «Дачнаго мужа» и критику на мою «Степь». Итакъ, мы пантеисты, съ чѣмъ Васъ и поздравляю.

Выѣзжаю я изъ Москвы *пятаго* мая. Успѣете еще разъ 5 написать мнѣ и даже пріѣхать на праздникахъ ко мнѣ въ гости. Если бы Вы не были трусомъ, капитанъ, то пріѣхали бы.

Про Корша ничего не вѣдаю. Слуховъ никакихъ.

Осталось у меня 75 р... Съ чѣмъ я поѣду въ Сумы? Если не дадутъ аванса, то застрѣлюсь. У меня тоже есть «родственный клобокъ». Чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ, я всегда ѣзжу съ нимъ, какъ съ багажемъ, и привыкъ къ нему, какъ къ шишкѣ на лбу. Гораздо покойнѣе и дешевле брать его съ собой, чѣмъ оставлять дома. Впрочемъ, мой клобокъ, если сравнивать его съ наростомъ, представляетъ изъ себя наростъ доброкачественный, но не злокачественный. Клобокъ мой отлично шьетъ мнѣ сорочки, отлично варитъ и всегда веселъ. Зимою клобокъ состоитъ изъ 8 человѣкъ, а лѣтомъ изъ 5 (въ томъ числѣ 2 прислуги).

Во всякомъ случаѣ мнѣ чаще бываетъ весело, чѣмъ грустно, хотя если вдуматься, я связанъ по рукамъ и ногамъ... У Васъ, батенька, квартирка, а вѣдь у меня цѣлый домъ, хоть и паршивенькій, но все-таки домъ, да еще двухъ-этажный.. У васъ *жена*, которая проститъ Вамъ безденежье, а у меня *порядокъ*, который рухнетъ, если я не заработаю опредѣленное количество рублей въ мѣсяцъ, рухнетъ и повалится мнѣ на плечи тяжелымъ камнемъ.

Впрочемъ, наплюве на это... Я оканчиваю скучнѣйшую повѣстушку [1]). Вздумалъ пофилософствовать, а вышелъ канифоль съ уксусомъ. Перечитываю написанное и чувствую слюнотеченіе отъ тошноты: противно. Ну, да ничего... Наплюве!.. Какую бы мы глупость ни написали теперь, какъ бы ни мудрили надъ нами наши индюки критики, а черезъ десять лѣтъ мы уже не будемъ чувствовать этого, а потому, капитанъ,—впередъ безъ страха и сомнѣнія! Читали Вы Ба... (или Би.., С. Б-скаго) воспоминанія о Гаршинѣ во «Всем. Иллюстраціи»? Какая самолюбивая, приторная, кислая, хвастливая и нетактичная мочалка. Я завидую его апломбу и наивному самомнѣнію, завидую его дружбѣ съ Минскимъ и его обожанію, доходящему до дизентеріи, передъ полубогомъ Я... Онъ счастливъ и доволенъ.

Прощайте и будьте здоровы. Михайловскій не такъ противенъ, какъ Вы думаете и не такъ страшенъ чортъ, какъ его размалевали нервы.

Вашъ *А. Чеховъ*.

---

[1]) «Огни».

XLIV.

В. А. Тихонову. [1])

(Съ подлинника).

21 Апрѣль 88 (Москва).

Милостивый Государь

Владиміръ Алексѣевичъ!

Приношу Вамъ мою сердечную благодарность за книгу и за лестную надпись на ней.

Я видѣлъ нѣкоторыя Ваши пьесы на сценѣ и достаточно знакомъ съ Вашимъ талантомъ, а потому пожалуйста не подумайте, что Вы посылали книгу человѣку, который не знаетъ и не цѣнитъ Васъ, и вѣрьте мнѣ, что Ваше вниманіе тронуло меня. Мнѣ хочется отплатить Вамъ тѣмъ же, но къ сожалѣнію въ настоящее время у меня дома нѣтъ ни одной моей книги. Пришлите мнѣ Вашъ адресъ, и я постараюсь возможно скорѣе поквитаться съ Вами.

Если будете въ Москвѣ, то убѣдительно прошу Васъ пожаловать ко мнѣ. Застать меня можно во всѣ времена года (кромѣ лѣта *) днемъ до 2-хъ часовъ и вечеромъ отъ шести до двѣнадцати. Я былъ бы очень радъ познакомиться и поблагодарить Васъ словесно.

Позвольте пожелать Вамъ успѣха и здоровья, и пребыть искренно уважающимъ

А. Чеховъ.

Кудринская Садовая, д. Карнѣева.

---

[1]) Это письмо было написано въ отвѣтъ на присланную Антону П-чу адресатомъ книгу своихъ произведеній. Впослѣдствіи Ант. П-чъ послалъ адресату свои «Въ сумеркахъ».

*) Мой лѣтній адресъ: г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой. *Примѣч. А. П.*

XLV.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. апр.).

Христосъ Воскресъ!

О дачѣ [1]) ты написалъ очень мало. Надо бы написать побольше. Напримѣръ, хотѣлось бы знать, прилична ли въ общемъ дача, или не прилична? Я получилъ извѣстіе, что Суворинъ хочетъ побывать у насъ на Пслѣ.. Если помѣщеніе похоже на сарай, то... ты понимаешь.. Плещеевъ пріѣдетъ 10-го мая. Есть ли столы? и т. д.

Кланяйся дядѣ и тетѣ. Дѣвочки очень милыя, ты подружишься съ ними скоро. Кланяйся Егорушкѣ и Володѣ. Выѣзжаемъ 5-го мая. Завтра посылаю повѣсть и просьбу выслать авансъ.

Въ «Другѣ дѣтей» твой пасхальный разсказъ. Ходили мы на Каменный мостъ слушать звонъ: хорошо! Въ вечернѣ были въ храмѣ Спасителя: тоже хорошо! Погода чудесная. Деревья зелены.

Получилъ приглашеніе ѣхать на юбилей къ поэту Майкову. Однако, будь здоровъ и σιῶπα ἡ γὰρ σιωπή ἐστὶ ὁ κόσμος τῶν νεανιῶν [2]).

Графъ Платовъ.

---

[1]) Въ г. Сумахъ, усадьба Лука.

[2]) Молчи, ибо молчаніе есть украшеніе юношей.

XLVI.

А. Н. Плещеву.

(Съ подлинника).

25 Апр. (1888 г., Москва).

Христосъ воскресъ, мой будущій жилецъ! Поздравляю Васъ съ праздникомъ и желаю всего, всего хорошаго.

Вчера я получилъ письмо отъ брата, посланнаго осмотрѣть нанятую дачу. Природа, пишетъ онъ, чудесная, рѣка шире и глубже Москвы-рѣки, садъ старый-престарый, запущенный, дворъ съ грязной, невысыхающей лужей, двѣ эмансипированныя барышни и проч. Удобствъ никакихъ. Комфорта, котораго Вы боитесь, нѣтъ и въ зародышѣ. Крыльцо обвалилось и вся усадьба представляетъ изъ себя не поэтическую руину. Мебель, по выраженію письма, паскудная.. Вотъ въ какое гнѣздышко я хочу затянуть Васъ! Какъ оно ни плохо, но, думаю, оно здоровѣе и просторнѣе питерской тундры. Пріѣзжайте *непремѣнно.*

Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вамъ лучшую комнату.. Лучшей комнаты на нашей дачѣ нѣтъ: всѣ худшія. Кромѣ кровати и стула Вы ничего не получите.. Пожалуй, расщедримся и дадимъ Вамъ еще столъ, но не ломберный, а какой-нибудь трехногій и хромой.. За то ѣсть, пить и гулять будемъ здорово, безъ мѣры и безсовѣстно.

Моя повѣстушка можетъ теперь пѣть вмѣстѣ съ Прекрасной Еленой: «Готова! Готова!» Кончилъ ее и завтра посылаю. Скучна она, какъ статистика Сольвычегодскаго уѣзда.

Въ рѣкѣ Пелѣ водятся между прочимъ судаки и карпіи. Жалко, что Вы не рыболовъ! Поймать судака — это выше и слаже любви!

Не забудьте изъ Курска послать телеграмму.

Изъ Москвы Вы выѣдете въ 3 часа дня, въ Курскѣ будете въ 11 $^1/_2$ час., въ Ворожбѣ (тутъ пересадка) въ 8 час. вечера, въ Сумахъ въ 11 $^1/_2$ час. вечера, у меня на дачѣ въ 12 час. ночи.

Поздравляю всѣхъ Вашихъ съ праздникомъ.

Будьте благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLVII.

В. Г. Короленко.

2 мая (1888 г. Москва).

Въ четвергъ я ѣду, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, въ Украйну. Напоминаю Вамъ о Вашемъ обѣщаніи побывать у меня въ концѣ іюля или въ августѣ. Адресъ такой: «Г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой». Маршрутъ: Москва, Курскъ, Ворожба, Сумы, извозчикъ...

Послалъ въ «Сѣв. Вѣстн.» разсказъ и получилъ авансъ (500 р.).

Я хотѣлъ было поѣхать въ Ярославль и сѣсть на Охотника, но 19 число оказалось неудобнымъ. Если бы я выѣхалъ къ этому числу, а не раньше, то не вернулся бы въ Москву къ Пасхѣ, отсутствіе же кого-нибудь въ Свѣтлый праздникъ у моихъ домочадцевъ считается смертнымъ грѣхомъ.

Посылали ли Вы Баранцевичу разсказъ? Онъ теперь требуетъ разсказъ, который не былъ бы нигдѣ напечатанъ.

Я почему-то не въ духѣ и пишу всѣмъ ругательныя письма. Отвѣтилъ ругательно Баранцевичу на одно его письмо. Отвѣтилъ ругательно А. Леману, который

прислалъ мнѣ предложеніе — напечатать въ своихъ книгахъ общее объявленіе о книгахъ тѣхъ изъ молодыхъ писателей, «которые болѣе или менѣе солидарны съ нами». Я отвѣтилъ ему согласіемъ и фразой: «Откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Вообще замѣчаю, что мой характеръ начинаетъ измѣняться, и къ худшему. Мѣняется и моя манера писать — тоже къ худшему. Мнѣ сдается, что я утомился, а впрочемъ, чортъ его знаетъ...

Моя семья Вамъ кланяется.

Дорогой буду читать Вашего «Слѣпого музыканта» и изучать Вашу манеру.

Везу съ собой медикаменты и мечтаю о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ, соринкахъ въ глазу и о прочей благодати. Лѣтомъ обыкновенно я полдня принимаю разслабленныхъ, а моя сестрица ассистентируетъ мнѣ, это работа веселая. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLVIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

3 Мая (1888 г. Москва).

Милый Альба! Наконецъ Вы можете меня поздравить: послѣ завтра т.-е. 5-го Мая я уѣзжаю dahin... Сталобыть, отвѣтъ на сіе письмо Вы будете адресовать тако: «Г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой». Послѣ 10-го Мая ко мнѣ пріѣдетъ А. Н. Плещеевъ... Отчего бы Вамъ не пріѣхать? Эхъ, вы! Во всякомъ случаѣ буду ожидать Васъ въ теченіе всего лѣта. Авось надумаете и пріѣдете! Впрочемъ не буду ждать Васъ

въ Іюнѣ. Весь этотъ мѣсяцъ я буду путешествовать. Если пріѣдете, то привезите 3 ф. хорошей ветчинной колбасы, самой дорогой (въ мой счетъ).

Послалъ въ Сѣв. Вѣстн. разсказъ [1]). Мнѣ немножко стыдно за него. Скучища и такъ много философудріи, что приторно. Непріятно, но нельзя было не послать, ибо деньги нужны какъ воздухъ. Завтра кончаю разсказъ для Новаго Времени. Лѣтомъ буду писать только мелочи.

Получилъ я отъ Лемана письмо; онъ извѣщаетъ, что «мы (т.-е. всѣ вы, питерцы) согласились печатать объявленія другъ о другѣ на своихъ книгахъ», приглашаетъ меня согласиться и предостерегаетъ, что можно въ число избранныхъ «включить лишь лицъ, болѣе или менѣе солидарныхъ съ нами». Въ отвѣтъ я послалъ согласіе и вопросъ: «откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Какъ у васъ въ Питерѣ любятъ духоту! Неужели вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч. Солидарность и прочія штуки я понимаю на биржѣ, въ политикѣ, въ дѣлахъ религіозныхъ (секта) и т. п., солидарность же молодыхъ литераторовъ невозможна и не нужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можемъ, цѣли у насъ различныя, или ихъ нѣтъ вовсе, знаемъ мы другъ друга мало, или вовсе не знаемъ, и, стало-быть, нѣтъ ничего такого, къ чему могла бы прочно прицѣпиться солидарность... А нужна она? Нѣтъ.. Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ — для всего этого нужно быть

---

[1]) «Огни». Были исключены А. П. изъ полнаго собранія сочиненій.

не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности. Настойчивое же стремленіе къ частной, профессіональной кружковой солидарности, какой хотятъ у Васъ, породитъ невольное шпіонство другъ за другомъ, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, содѣлаемся чѣмъ-то въ родѣ іезуитскихъ соціусовъ другъ у друга... я, милый Жанъ, не солидаренъ съ Вами, но обѣщаю Вамъ по гробъ жизни полную свободу, какъ литератору; то-есть Вы можете писать гдѣ и какъ угодно, мыслить хотя бы на манеръ Корейши [1]), измѣнять 1000 разъ убѣжденіямъ и направленіямъ и проч. и проч. и человѣческія отношенія мои къ вамъ не измѣнятся ни на одинъ гранъ, и я всегда буду на своихъ обложкахъ печатать объявленія о Вашихъ книгахъ.

То же самое я могу обѣщать и прочимъ моимъ коллегамъ, того же хотѣлъ бы и для себя. По моему, это самыя нормальныя отошенія. Только при нихъ возможны и уваженіе, и даже дружба, и сочувствіе въ тяжелыя минуты жизни.

Однако я заболтался. Да хранитъ Васъ небо!

Вашъ *А. Чеховъ.*

XLIX

П. А. Сергѣенко.

(Съ подлинника).

Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнѣева (зимній адресъ). 88, V, 4.

Только сегодня получилъ твое письмо, милѣйшій Йорикъ; гдѣ оно пропадало половину апрѣля, не вѣмъ. Очень радъ, что ты имѣешь о кое-чемъ погово-

---

[1]) Извѣстный московскій юродивый и прорицатель.

рить со мной; очень радъ буду и послушать. Спѣшу сообщить свой лѣтній адресъ: г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Лѣто я думаю провести въ Украйнѣ и уже нанялъ себѣ берлогу на рѣкѣ Пслѣ. Завтра ѣду туда съ фамиліей.

Насчетъ Афона [1]) бабушка еще на двое сказала, хотя съѣздить очень хочется. Въ маѣ ѣхать не стоитъ, жаль потерять русское лѣто, которое я очень люблю. Если поѣду, то въ октябрѣ — такъ совѣтуетъ сынъ Суворина, Алексѣй Алекс., съ которымъ мы уговорились ѣхать вмѣстѣ.

Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

Если лѣтомъ буду въ Одессѣ, то не откажи подарить часокъ времени: поболтаемъ. Въ началѣ іюня я поѣду внизъ по Днѣпру до Одессы, изъ Одессы въ Крымъ.

L.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Сумы (1888 г. май).

Иванъ. Мы пріѣхали. Дача великолѣпна. Мѣстность поэтична, флигель просторный и чистенькій,- мебель удобная и въ изобиліи. Комнаты свѣтлы и красивы, хозяева, повидимому, любезны.

Прудъ громадный, съ версту длиной. Судя по его виду, рыбы въ немъ до чорта. Передай папашѣ, что мы его ждемъ и что ему будетъ покойно. Бабкино въ сравненіи съ теперешней дачей гроша мѣднаго не стоитъ. Одинъ ночной шумъ можетъ съ ума свести! Пахнетъ чудно, садъ старый-

[1]) На Кавказѣ.

престарый, хохлы смѣшные, дворъ чистенькій. Нѣтъ и слѣда лужи.

Жара ужасная. Нѣтъ силъ ходить въ крахмальной сорочкѣ.

Поклонись всѣмъ и будь здоровъ. Ѣхать до Сумъ скучно и утомительно. Привези бутылку водки. Здѣшняя водка воняетъ . . . . . Я задержу здѣсь папашу на 3 недѣли. Очень ужъ хорошо!

Твой *А. Чеховъ.*

Рѣка шире Москвы-рѣки. Лодокъ и острововъ много. Подробности завтра или послѣзавтра.

LI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г. май).

Маленькая польза!

Я уже перебрался въ Малороссію и живу въ мѣстности, обозначенной въ заголовкѣ. Живу на берегу Псла, ловлю рыбу и наблюдаю хохловъ. Какъ-нибудь я опишу тебѣ здѣшнее бытье-житье, а пока поговоримъ о дѣлахъ.

Получилъ ли ты мои два письма, въ которыхъ я писалъ тебѣ о дѣтяхъ и о моей книгѣ? Когда выйдетъ книга, то 10 экз. ея отправь мнѣ посылкой (безъ доставки, конечно). Слѣдующія редакціи имѣютъ право на полученіе ея: 1) Вѣстникъ Европы 2) Русское Богатство 3) Русскій Вѣстникъ 4) Сѣверъ 5) Нива 6) Московскія Вѣдомости 7) Русская Мысль 8) Недѣля.

Флигель на Лукѣ, близъ Сумъ, въ усадьбѣ Линтваревыхъ, въ которомъ жилъ Антонъ Павловичъ съ семьей въ 1888 и 1889 годахъ. Рисунокъ М. П. Чехова.

По экземпляру вручи Петерсену, Маслову, себѣ, Аннѣ Ивановнѣ Сувориной и Щеглову. Скажешь Маслову, чтобы онъ по вышеписанному адресу выслалъ мнѣ свою новую книжку.

Одинъ экз. послать Я. П. Полонскому, буде онъ въ Питерѣ. Если въ Питерѣ его нѣтъ, то узнай, буде это возможно, его лѣтній адресъ и сообщи мнѣ.

Пселъ — притокъ Днѣпра. Очень широкая и глубокая рѣка. Зелени по берегамъ тьма.

Ну будь здоровъ. Пиши.

Твой *А. Чеховъ.*

Сѣверному Вѣстнику я пошлю книжку самъ.

LII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

10 мая (1888 г., Сумы).

Сейчасъ ѣду въ городъ, и посему долженъ быть кратокъ. Пишу по пунктамъ: 1) Всѣ здравствуютъ. Кашли и насморки мало по малу проходятъ.

2) Квартира просторна и удобна. Но удобствъ нѣтъ. За удобствами приходится каждый разъ ходить въ кусты и въ канавы. «Бывалыча на чистомъ воздухѣ» имѣетъ свою прелесть, когда тепло и сухо, но каково-то будетъ въ дождь, въ холодъ, или во время поноса?

3) Рѣка широка, глубока и красива. Водятся въ ней слѣдующія рыбы: окунь, чебакъ, язь, судакъ, бѣлизна (породы шелишпера), голавль, плотва, сомъ, сибиль, щука ласкирка.. Первая рыба, какую я поймалъ на удочку, была щука, вторая — большой окунь. Окуней здѣсь

Флигель, въ которомъ жилъ А. П. (со стороны сада).

ловятъ на рачьи шейки. Раковъ тьма тьмущая. Въ прудѣ не клюетъ.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези возможно больше *всякихъ* крючковъ, очень большихъ, среднихъ и очень малыхъ, немного съ волосками для насъ и много безъ волосковъ для раздачи хохламъ и хохлятамъ. Требуются большіе крючки для сомовъ такой [1]), или чуточку даже больше. Привези лесокъ и струнъ. Лодокъ здѣсь много и рыбу ловятъ съ лодокъ. Жерлицъ не крадутъ.

5) Хозяева народъ хорошій, но не веселый, подавленный горемъ. Одна изъ дѣвицъ Линтваревыхъ, женщина-врачъ ослѣпла отъ опухоли въ мозгу и неизлѣчимо больна. Семья серьезная. Лиза̀къ не существуетъ. Народъ здѣсь литературный. Знаютъ про все.

---

[1]) Рисунокъ крючка.

6) Провизія не такъ дешева, какъ думала мать.

7) Бутылка Сантуринскаго въ Сумахъ стоитъ 35 коп.

8) Получаемъ Всемірную Иллюстрацію.

9) Ѣздили на лодкѣ по рѣкѣ на мельницу.

А вчера ѣздили на линейкѣ куда то въ «мызу».

10) Хохлы страстные рыболовы. Я уже со многими знакомъ и учусь у нихъ премудрости. Вчера въ день св. Николая хохлы ѣздили по Пслу въ лодкахъ и играли на скрипкахъ.

А какіе разговоры! Ихъ передать нельзя, надо послушать.

Поклонись папашѣ, тетѣ и Алексѣю. Сегодня немножко холодно, а вчера ходилъ я въ че-чунчѣ. Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

Купи рубля на три копѣечныхъ книжекъ священныхъ и свѣтскихъ (Филаретъ милостивый, Григоровичъ, Гоголь и проч.) для раздачи червекопателямъ. Книжки вышли съ кѣмъ-нибудь. Изъ священныхъ книгъ выбирай только житія.

LIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

10 Мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Капитанъ! Я уже не литераторъ и не Эгмонтъ. Я сижу у открытаго окна и слушаю, какъ въ старомъ, заброшенномъ саду кричатъ соловьи, кукушки и удоды. Мнѣ слышно, какъ мимо нашей двери проѣзжаютъ къ рѣкѣ хохлята верхомъ на лошадяхъ и какъ ржутъ жеребята. Солнце печетъ...

Сейчасъ я ѣду въ городъ за провизіей и на почту. Вернувшись изъ города, пойду на рѣку ловить рыбу. Рѣка широкая, глубокая, съ островами... Одинъ берегъ высокій, крутой, обросшій дубами и вербой, другой отлогій, усыпанный бѣлыми хатками и садами. По рѣкѣ шныряютъ лодки. Вчера въ Николинъ день хохлы ѣздили по рѣкѣ и играли на скрипкахъ. Кричатъ лягушки и всякія птицы. Кричитъ гдѣ-то въ камышахъ какая-то таинственная птица, которую трудно увидѣть и которую зовутъ здѣсь бугаемъ. Кричитъ она какъ корова, запертая въ сараѣ, или какъ труба, будящая мертвецовъ. Ее слышно день и ночь. По берегу ходятъ съ удилищами хохлята.

Много лодокъ. Ѣздимъ каждый лень на мельницу. Мѣсто чудное. Право, нужно быть большимъ крокодиломъ, чтобы подобно Вамъ коптѣть теперь въ городѣ. Послушайте, отчего бы Вамъ не пріѣхать? Если у Васъ есть

Старый заброшенный садъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ.

70 рублей, то, увѣряю Васъ этихъ денегъ совершенно достаточно, чтобы пріѣхать, пожить въ свое удовольствіе и благополучно вернуться. Если же у Васъ нѣтъ этихъ денегъ, то возьмите въ займы, украдьте, но пріѣзжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700. Вы найдете здѣсь не мало сюжетовъ и запасетесь гарниромъ на 5 повѣстей. А сколько здѣсь декорацій, которыя пригодились бы Вамъ!

Пріѣзжайте. Мѣста хватитъ на всѣхъ. Приглашаю я Васъ *серьезно*, а посему и Вы подумайте серьезно.

Пишите мнѣ. Въ деревнѣ очень интересны газеты и письма. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Н—ка нѣтъ. Приходится отдавать долгъ природѣ на глазахъ природы, въ оврагахъ и подъ кустами. Вся моя . . . . искусана комарами.

LIV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

11 мая. Г. Сумы Харьков. губ., усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ изъ теплаго и зеленаго далека, гдѣ я уже водворился купно съ своей фамиліей. Живу я въ усадьбѣ близъ Сумъ на высокомъ берегу рѣки Псла (притокъ Днѣпра). Рѣка широкая и глубокая; рыбы въ ней столько, что если бы пустить сюда Вашего бородатаго Тимофея, то онъ сбѣсился бы и забылъ, что служилъ когда-то у графа Строганова.

Вокругъ въ бѣлыхъ хатахъ живутъ хохлы. Народъ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Му-

жики здѣсь не продаютъ ни масла, ни молока, ни яицъ, а ѣдятъ все сами—признакъ хорошій. Нищихъ нѣтъ, Пьяныхъ я еще не видѣлъ а . . . . . слышится очень рѣдко, да и то въ формѣ болѣе или менѣе художественной. Помѣщики—хозяева, у которыхъ я обѣдаю, люди хорошіе и веселые.

Очень жалѣю, что Вы почти на все лѣто остаетесь сиротой. Одному на дачѣ скучновато, особливо если кругомъ нѣтъ знакомыхъ, которые симпатичны.. ....

Катаетесь ли Вы на лодкѣ? Прекрасная гимнастика! Я ежедневно катаюсь на лодкѣ и съ каждымъ разомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что работа веслами упражняетъ мышцы рукъ и туловища, отчасти ногъ и шеи, и что такимъ образомъ эта гимнастика приближается къ общей.

Съ Сатиромъ и Нимфой [1]) у меня произошелъ досадный казусъ. Еще до Вашего пріѣзда въ Москву взялъ у меня книгу переплетчикъ (работающій для училища брата); взялъ, запилъ и доставилъ только на Фоминой недѣлѣ. Прочесть я не успѣлъ, хотя мнѣ очень хотѣлось покритиковать Васъ. Я читалъ романъ въ газетѣ, помню и купца, и Акулину, и дьяволящую Катерину, и адвоката, и Пантелея, помню завязку и развязку; но знанія дѣйствующихъ лицъ и содержанія романа недостаточно для того, чтобы смѣть сужденіе имѣть. Люди въ романѣ живые, но вѣдь для романа этого недостаточно. Нужно еще знать, какъ Вы справились съ архитектурой. Вообще меня очень интересуютъ Ваши большія вещи и я читаю ихъ съ большимъ любопытствомъ. Стукинъ и Хрустальниковъ [2]), по моему мнѣнію, очень хорошая вещь, гораздо лучше тѣхъ романовъ, которые пекутся баба-

---

[1]) Книга адресата.

[2]) Тоже книга адресата.

ми, Мачтетомъ и проч. Стукинъ лучше «Рабы» Баранцевича... Главное ваше достоинство въ большихъ вещахъ— отсутствіе претензій и великолѣпный разговорный языкъ. Главный недостатокъ — Вы любите повторяться и въ каждой большой вещи Пантелеи и Катерины такъ много говорятъ объ одномъ и томъ же, что читатель нѣсколько утомляется. Засимъ, еще одно достоинство: чѣмъ проще фабула, тѣмъ лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны. На Вашемъ мѣстѣ я написалъ бы маленькій романъ изъ купеческой жизни во вкусѣ Островскаго; описалъ бы обыкновенную любовь и семейную жизнь безъ злодѣевъ и ангеловъ, безъ адвокатовъ и дьяволицъ; взялъ бы я сюжетомъ жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самомъ дѣлѣ, и изобразилъ бы «купеческое счастіе», какъ Помяловскій изобразилъ мѣщанское. Жизнь русскаго торговаго человѣка цѣльнѣе, полезнѣе, умнѣе и типичнѣе, чѣмъ жизни нытиковъ и пыжиковъ, которыхъ рисуютъ Альбовъ, Баранцевичъ, Муравлинъ и проч. Однако я заболтался. Будьте здравы. Поклонъ Вашимъ.. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LV

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

Барину.

Постороннимъ лицамъ входъ запрещается.

15 Май. (Сумы, усадьба Линтваревой, 1888 г.).

Здравствуйте, милый баринъ! Вотъ ужъ недѣля прошла, какъ жаритъ сплошной дождь. Комары рыжіе, злющіе: отъ болотъ и прудовъ вѣетъ лихорадкой, однимъ словомъ—

Азія! Страдаю за свои же деньги. Впрочемъ, природа величественна, рѣка широка, рыбы много и на мельницѣ живетъ такая муха̀, что просто хоть караулъ кричи отъ вожделѣнія. Въ началѣ іюня хочу уѣхать въ Крымъ, а оттуда на Кавказъ. Я буду описывать Вамъ свое здѣшнсе житье-бытье и свое путешествіе, а Вы будете платить мнѣ по 15 коп. за строчку и тоже писать. Смѣшного и курьезнаго много. А пока будьте здравы и благополучны.

Поклонъ всѣмъ бабкинцамъ.

Муха̀ полненькая, похожая на куличъ съ изюмомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LVI.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

23 Май (1888 г., Сумы).

У насъ Плещеевъ и Иваненко. Съ Иваненко мы учинили комедію, о которой разскажу, когда пріѣдешь.

Спасибо за крючки, книжки и удилище. Не мѣшало бы привезти еще одно удилище и письма Крамского, которыя здѣсь нужны.

Сегодня поймалъ въ прудѣ двухъ карасей и послалъ Суворину разсказъ. Больше писать не о чемъ. Впрочемъ, вчера на Лукѣ была свадьба съ музыкой: очень курьезно. Поклонъ всѣмъ.

А. Чеховъ.

Паспорты *нужны*, Мишка [1]) еще не пріѣхалъ.

---

[1]) Братъ Мих. Павл.

LVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

27 мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой. (1888 г.).

Недоумѣнный умъ!

Твое письмо съ 30 цѣлкачами получилъ и шлю благодарность. Книгъ еще не получилъ и боюсь, какъ бы онѣ не пошли по московскому адресу. Суворинъ у меня не былъ. Плещеевъ же гоститъ уже цѣлую недѣлю. Старцу у меня нравится, а я боюсь, какъ бы онъ не объѣлся и не захворалъ.

Ахъ, судьба, судьба! Сущая индѣйка. Отчего бы тебѣ въ самомъ дѣлѣ не быть на моемъ мѣстѣ? Не скрою, у меня очень недурно живется. По крайней мѣрѣ всѣ здоровы и никто явно не собирается умирать въ скоромъ времени. Природа чудеснѣйшая, запихающая за поясъ все, что я видѣлъ гдѣ-либо доселѣ. Люди новые, оригинальные, житье дешевое, сытное, тепла много. Досуга изобиліе.

А сколько рыбы и раковъ! Разжигаю твой аппетитъ, потому что, какъ бы то ни было, не теряю надежды въ теченіе этого лѣта повидать тебя на Пслѣ. До осени еще много времени и многое успѣется. Въ іюнѣ я буду въ Ѳеодосіи у Суворина и поговорю о твоемъ отпускѣ. Если побудешь у меня недѣлю или двѣ въ началѣ августа, то газета ничего не потеряетъ, а на свои потери можешь наплевать, ибо Пселъ и отдыхъ стоитъ потерь. На счетъ расходовъ, буде у тебя въ августѣ не будетъ денегъ, потолкуемъ своевременно, а пока могу тебя успокоить, что поѣздка изъ Питера ко мнѣ и обратно обойдется (считая и обѣды на станціяхъ и извощиковъ) не дороже

50 рублей — деньги не большія, тѣмъ паче, что ты вернешь ихъ съ лихвой, написавъ у меня что-нибудь беллетристическое. Не сердись на это приглашеніе. Я нарочно приглашаю не раньше августа, ибо надѣюсь, что до августа многое измѣнится.

Мѣсто на р. Пслѣ, гдѣ А. П. ловилъ раковъ.

LVIII.

В. Г. Короленко.

Г. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой. (1888 г. Май).

Посылаю Вамъ, милый Владимиръ Галактіоновичъ, свою книжицу [1]) и напоминаю Вамъ кстати о Вашемъ обѣщаніи побывать на Пслѣ. Ужъ очень у меня хорошо,

---

[1]) «Разсказы», изд. А. С. Суворина.

такъ хорошо, что и описать нельзя! Природа великолѣпна; всюду красиво, простора пропасть, люди хорошіе, воздухъ теплый, тоны тоже теплые, мягкіе. Вечерами не бываетъ сырости, ночи теплыя... Однимъ словомъ, Вы не раскаетесь, если пріѣдете. Жду Васъ въ концѣ іюля или въ августѣ, и надѣюсь, что Вы не откажете мнѣ съѣздить со мной на Сорочинскую ярмарку.

У меня гоститъ А. Н. Плещеевъ, который Вамъ кланяется «очень даже» (его слова).

Семья тоже шлетъ свой привѣтъ. Будьте здоровы, и да хранятъ Васъ небесные ангелы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Май, Сумы, усадьба Линтваревой (1888 г.).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ!

Отвѣчаю на Ваше письмо, которое получено мною только вчера; конвертъ у письма разорванъ, помятъ и испачканъ, чему мои хозяева и домочадцы придали густую политическую окраску.

Живу я на берегу Псла, во флигелѣ старой, барской усадьбы. Нанялъ я дачу заглазно, наугадъ, и пока еще не раскаялся въ этомъ. Рѣка широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками. Берега красивы, зелени много.. А главное, просторно до такой степени, что мнѣ кажется, что за свои 100 рублей я получилъ право жить на пространствѣ, которому не видно конца. Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь такъ устарѣлъ

и бракуется въ редакціяхъ: не говоря ужъ о соловьяхъ, которые поютъ день и ночь, о лаѣ собакъ, который слышится издали, о старыхъ запущенныхъ садахъ, о забитыхъ наглухо, очень поэтичныхъ и грустныхъ усадьбахъ, въ которыхъ живутъ души красивыхъ женщинъ, не говоря ужъ о старыхъ, дышущихъ на ладанъ лакеяхъ-крѣпостникахъ, о дѣвицахъ, жаждущихъ самой шаблонной любви, недалеко отъ меня имѣется даже такой заѣзженный шаблонъ, какъ водяная мельница (о 16 колесахъ) съ мельникомъ и его дочкой, которая всегда сидитъ у окна и, повидимому, чего-то ждетъ. Все, что я теперь вижу и слышу, мнѣ кажется, давно уже знакомо мнѣ по стариннымъ повѣстямъ и сказкамъ. Новизной повѣяло на меня только отъ таинственной птицы — «водяной бугай», который сидитъ гдѣ-то далеко въ камышахъ и днемъ и ночью издаетъ крикъ, похожій отчасти на ударъ по пустой

Мельница на Пслѣ. Общій видъ.

бочкѣ, отчасти на ревъ запертой въ сараѣ коровы. Каждый изъ хохловъ видѣлъ на своемъ вѣку эту птицу, но всѣ описываютъ ее различно, стало-быть, никто ее не видѣлъ. Есть новизна и другого сорта, но наносная, а потому и не совсѣмъ новая.

Каждый день я ѣзжу въ лодкѣ на мельницу, а вечерами съ маньяками-рыболовами изъ завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бываютъ интересные. Подъ Троицу всѣ маньяки будутъ ночевать на островахъ и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные.

Хозяева мои оказались очень милыми и гостепріимными людьми. Семья, достойная изученія. Состоитъ она изъ 6 членовъ. Мать-старуха, очень добрая, сырая, настрадавшаяся вдоволь женщина; читаетъ Шопенгауэра и ѣздитъ въ церковь на акаѳистъ; добросовѣстно штудируетъ каждый номеръ Вѣстника Европы и Сѣвернаго Вѣстника и знаетъ такихъ беллетристовъ, какіе мнѣ и во снѣ не снились; придаетъ большое значеніе тому, что въ ея флигелѣ жилъ когда-то худ. Маковскій, а теперь живетъ молодой литераторъ; разговаривая съ Плещеевымъ, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ священную дрожь и ежеминутно радутся, что «сподобилась» видѣть великаго поэта.

Ея старшая дочь, женщина-врачъ — гордость всей семьи и, какъ величаютъ ее мужики, святая —, изображаетъ изъ себя воистину что-то необыкновенное. У нея опухоль въ мозгу; отъ этого она совершенно слѣпа, страдаетъ эпилепсіей и постоянной головной болью. Она знаетъ, что ожидаетъ ее, и стоически, съ поразительнымъ хладнокровіемъ говоритъ о смерти, которая близка. Врачуя публику, я привыкъ видѣть людей, которые скоро умрутъ, и я всегда чувствовалъ себя какъ-то странно, когда при мнѣ говорили, улыбались, или плакали люди, смерть которыхъ была близка, но здѣсь, когда я вижу на тер-

расѣ слѣпую, которая смѣется, шутитъ, или слушаетъ, какъ ей читаютъ мои Сумерки, мнѣ ужъ начинаетъ казаться страннымъ не то, что докторша умретъ, а то, что мы не чувствуемъ своей собственной смерти и пишемъ Сумерки, точно никогда не умремъ.

Вторая дочь — тоже женщина-врачъ тихое, застѣнчивое, безконечно доброе, любящее всѣхъ . . . . . созданіе. Больные для нея сущая пытка и съ ними она мнительна до психоза. На консиліумахъ мы всегда не соглашаемся: я являюсь благовѣстникомъ тамъ, гдѣ она видитъ смерть, и удваиваю тѣ дозы, которыя она даетъ. Гдѣ же смерть очевидна и необходима, тамъ моя докторша чувствуетъ себя совсѣмъ не подокторски. Разъ я принималъ съ нею больныхъ на фельдшерскомъ пунктѣ; пришла молодая хохлушка съ злокачественной опухолью железъ на шеѣ и на затылкѣ. Пораженіе захватило такъ много мѣста, что немыслимо никакое лѣченіе. И вотъ оттого, что баба теперь не чувствуетъ боли, а черезъ полгода умретъ въ страшныхъ мученіяхъ, докторша глядѣла на нее такъ глубоко-виновато, какъ будто извинялась за свое здоровье и совѣстилась, что медицина безпомощна. Она занимается усердно хозяйствомъ и понимаетъ его во всѣхъ мелочахъ. Даже лошадей знаетъ. Когда, напримѣръ, пристяжная не везетъ, или начинаетъ безпокоиться, она знаетъ, какъ помочь бѣдѣ, и наставляетъ кучера... Я думаю, что она никому никогда не сдѣлала зла, и сдается мнѣ, что она никогда не была и не будетъ счастлива ни одной минуты.

Третья дщерь, кончившая курсъ въ Бестужевкѣ, молодая дѣвица, сильная, загорѣлая, горластая... Хохочетъ такъ, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя въ усадьбѣ на свой счетъ школу и учитъ хохлятъ баснямъ Крылова

въ малороссійскомъ переводѣ. Ѣздитъ на могилу Шевченко, какъ турокъ въ Мекку. Не стрижется, носитъ корсетъ и турнюръ, занимается хозяйствомъ, любитъ пѣть и хохотать...

Старшій сынъ, тихій, скромный, умный, безталанный и трудящійся молодой человѣкъ, безъ претензій и повидимому довольный тѣмъ, что дала ему жизнь. Исключенъ изъ 4 курса университета, чѣмъ не хвастаетъ. Говоритъ мало. Любитъ хозяйство и землю, съ хохлами живетъ въ согласіи.

Второй сынъ—молодой человѣкъ, помѣшанный на томъ, что Чайковскій геній. Піанистъ. Мечтаетъ о жизни по Толстому.

Вотъ Вамъ краткое описаніе публики, около которой я теперь живу. Что касается хохловъ, то женщины напоминаютъ мнѣ Зеньковецкую, а всѣ мужчины—Панаса Садовскаго [1]). Бываетъ много гостей.

У меня гоститъ А. Н. Плещеевъ. На него глядятъ всѣ, какъ на полубога, считаютъ за счастье, если онъ удостоитъ своимъ вниманіемъ чью-нибудь простоквашу, подносятъ ему букеты, приглашаютъ всюду и проч. Особенно ухаживаетъ за нимъ дѣвица Вата, полтавская институтка, которая гоститъ у хозяевъ. А онъ «слушаетъ да ѣстъ» и куритъ свои сигары, отъ которыхъ у его поклонницъ разбаливаются головы. Онъ тугоподвиженъ и старчески лѣнивъ, но это не мѣшаетъ прекрасному полу катать его на лодкахъ, возить въ сосѣднія имѣнія и пѣть ему романсы. Здѣсь онъ изображаетъ изъ себя то же, что и въ Петербургѣ, т.-е. икону, которой молятся за то, что она стара и висѣла когда-то рядомъ съ чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что онъ очень хорошій, теплый и искренній человѣкъ, вижу въ немъ

---

[1]) Украинскіе артисты.

сосудъ, полный традицій, интересныхъ воспоминаній и хорошихъ общихъ мѣстъ.

Я написалъ и уже послалъ въ Новое Время разсказъ.

То, что пишете Вы объ Огняхъ, совершенно справедливо. «Николай и Маша» проходятъ черезъ Огни красной ниткой, но что дѣлать? Отъ непривычки писать длинно я мнителенъ; когда я пишу, меня всякій разъ пугаетъ мысль, что моя повѣсть длинна не по чину, и я стараюсь писать возможно короче. Финалъ инженера съ Кисочкой представлялся мнѣ неважной деталью, запружающей повѣсть, а потому я выбросилъ его, поневнлѣ, замѣнивъ его «Николаемъ и Машей».

Вы пишете, что ни разговоръ о пессимизмѣ, ни повѣсть Кисочки нимало не подвигаютъ и не рѣшаютъ вопроса о пессимизмѣ. Мнѣ кажется, что не беллетристы должны рѣшать такіе вопросы, какъ Богъ, пессимизмъ и т. п. Дѣло беллетриста изобразить только, кто, какъ и при какихъ обстоятельствахъ говорили или думали о Богѣ или пессимизмѣ. Художникъ долженъ быть не судьею своихъ персонажей и того, о чемъ говорятъ они, а только безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Я слышалъ безпорядочный, ничего не рѣшающій разговоръ двухъ русскихъ людей о пессимизмѣ и долженъ передать этотъ разговоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ, а дѣлать оцѣнку ему будутъ присяжные т.-е. читатели. Мое дѣло только въ томъ, чтобы быть талантливымъ, т.-е. умѣть отличать важныя показанія отъ неважныхъ, умѣть освѣщать фигуры и говорить ихъ языкомъ. Щегловъ-Леонтьевъ ставитъ мнѣ въ вину, что я кончилъ разсказъ фразой: «Ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ!» По его мнѣнію, художникъ-психологъ *долженъ* разобрать, на то онъ психологъ. Но я съ нимъ не согласенъ. Пишущимъ людямъ, особливо художникамъ, пора уже сознаться, что на этомъ свѣтѣ ничего не раз-

берешь, какъ когда-то сознался Сократъ и какъ сознавался Вольтеръ. Толпа думаетъ, что она все знаетъ и все понимаетъ; и чѣмъ она глупѣе, тѣмъ, кажется, шире ея кругозоръ. Если же художникъ, которому толпа вѣритъ, рѣшится заявить, что онъ ничего не понимаетъ изъ того, что видитъ, то ужъ это одно составитъ большое знаніе въ области мысли и большой шагъ впередъ.

Что касается Вашей пьесы [1]), то Вы напрасно ее хаете. Недостатки ея не въ томъ, что у Васъ не хватило таланта и наблюдательности, а въ характерѣ Вашей творческой способности. Вы больше склонны къ творчеству строгому, воспитанному въ Васъ частымъ чтеніемъ классическихъ образцовъ и любовью къ нимъ. Вообразите, что Ваша Татьяна написана стихами, и тогда увидите, что ея недостатки получатъ иную физіономію. Если бы она была написана въ стихахъ, то никто бы не замѣтилъ, что всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, никто не упрекнулъ бы Вашихъ героевъ въ томъ, что они не говорятъ, а философствуютъ и фельетонизируютъ— все это въ стихотворной, классической формѣ сливается съ общимъ фономъ, какъ дымъ съ воздухомъ,—и не было бы замѣтно отсутствіе пошлаго языка и пошлыхъ, мелкихъ движеній, коими должны изобиловать современныя драма и комедія, и коихъ въ Вашей Татьянѣ нѣтъ совсѣмъ. Дайте Вашимъ героямъ латинскія фамиліи, одѣньте ихъ въ тоги и получится то же самое.. Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органическіе. Утѣшайтесь на томъ, что они являются у Васъ продуктомъ Вашихъ положительныхъ качествъ и что если бы Вы эти Ваши недостатки подарили другимъ драматургамъ, напр., Крылову или Т..., то ихъ пьесы стали бы и интереснѣе, и умнѣе.

---

[1]) «Татьяна Рѣпина».

Теперь о будущемъ. Въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля я поѣду въ Кіевъ, оттуда внизъ по Днѣпру въ Екатеринославъ, потомъ въ Александровскъ и такъ до Чернаго моря. Побываю въ Ѳеодосіи. Если въ самомъ дѣлѣ поѣдете въ Константинополь, то нельзя ли и мнѣ съ Вами поѣхать? Мы побывали бы у о. Паисія, который докажетъ намъ, что ученіе Толстого идетъ отъ бѣса. Весь іюнь я буду писать, а потому, по всей вѣроятности, денегъ у меня на дорогу хватитъ. Изъ Крыма я поѣду въ Поти, изъ Поти въ Тифлисъ, изъ Тифлиса на Донъ, съ Дона на Пселъ.. Въ Крыму начну писать лирическую пьесу.

Какое однако письмо я Вамъ накаталъ! Надо кончить. Поклонитесь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ. Алексѣй Николаевичъ шлетъ вамъ привѣтъ. Онъ сегодня немножко болѣнъ: тяжело дышать и пульсъ хромаетъ, какъ Лейкинъ. Буду его лѣчить. Прощайте, будьте здоровы и дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Искренно преданный

А. Чеховъ.

LX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

9 Іюнь. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Кланяюсь Вамъ, милый мой драматургъ, купно съ дѣдомъ А. Н. Плещеевымъ, который вотъ уже мѣсяцъ какъ гоститъ у меня. Оба мы читаемъ газеты и слѣдимъ за Вашими успѣхами. Я радуюсь и завидую, хотя въ то же время и ненавижу Васъ за то, что Вашъ успѣхъ мѣшаетъ Вамъ пріѣхать ко мнѣ на Пселъ. Конечно, о вкусахъ

не спорятъ, но на мой вкусъ жить на Пслѣ и ничего не дѣлать гораздо душеспасительнѣе, чѣмъ работать и имѣть успѣхъ. Соитіе съ музами вкусно только зимой.

Вы человѣкъ несомнѣнно талантливый, литературный, испытанный въ буряхъ боевыхъ, остроумный, не угнетенный предвзятыми идеями и системами, а потому можете быть убѣждены въ томъ, что изъ Вашей пьесопекарни выйдетъ большой толкъ. Благословляю Васъ обѣими руками и шлю тысячу душевныхъ пожеланій. Вы хотите посвятить себя всецѣло сценѣ—это хорошо и стоитъ тутъ овчинка выдѣлки и игра свѣчъ, но... хватитъ ли у Васъ силъ? Нужно много нервной энергіи и устойчивости, чтобы нести бремя россійскаго драмописца. Я боюсь, что Вы измочалитесь, не достигнувъ и сорока лѣтъ. Вѣдь у каждаго драматурга (профессіональнаго, какимъ Вы хотите быть) на 10 пьесъ приходится 8 неудачныхъ, каждому приходится переживать неуспѣхъ, и неуспѣхъ иногда тянется годами, а хватитъ ли у Васъ силъ мириться съ этимъ. Вы по своей нервности склонны ставить каждое лыко въ строку и малѣйшая неудача причиняетъ Вамъ боль, а для драматурга это не годится. Засимъ я боюсь, что изъ Васъ выйдетъ не русскій драматургъ, а петербургскій. Писать для сцены и имѣть успѣхъ во всей Россіи можетъ только тотъ, кто бываетъ въ Питерѣ только гостемъ и наблюдаетъ жизнь не съ Тучкова моста. Вамъ надо уѣхать, а Вы едва ли рѣшитесь когда-нибудь разстаться съ тундрой и баронессой [1]). «Въ горахъ Кавказа» Вы написали потому, что были на Кавказѣ; пьесы изъ военнаго быта написаны благодаря тому, что Вы скитались по Россіи. Петербургъ же далъ Вамъ только Дачнаго мужа... Если Вы скажете, что и «Гордіевъ узелъ» есть продуктъ петербургскаго созерца-

---

[1]) Бабушка адресата.

нія, то я не повѣрю Вамъ. Пишу все сіе опять-таки съ зловредною цѣлью — заманить Васъ къ себѣ хотя на одну минутку. Пріѣзжайте! Обѣщаю Вамъ дюжину сюжетовъ и сотню характеровъ.

Относительно конца моихъ «Огней» я позволю себѣ не согласиться съ Вами. Не дѣло психолога понимать то, чего онъ не понимаетъ. Паче сего, не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны. Однако будьте здоровы и счастливы. Пишите мнѣ, голубчикъ, и не скупитесь. Я начинаю привыкать къ Вашему почерку и разбираю его уже превосходно.

Вашъ *Эгмонтъ.*

Вышла моя книжка. Если братъ не выдалъ Вамъ ее, то напомните ему, буде встрѣтитесь.

Не брезгуйте водевилемъ. Пишите ихъ дюжинами. Водевиль хорошая штука. Имъ кормится пока вся провинція.

LXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника.

Троица (Іюнь. 1888 г. Сумы).

Во-первыхъ, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, большое и сердечное спасибо Вамъ за то, что побывали у меня; искренно Вамъ говорю, что 3 недѣли, проведенныя мною на Лукѣ въ Вашемъ незамѣнимомъ обществѣ составляютъ одну изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ стра-

ничекъ моей біографіи. Во-вторыхъ, Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ досадно, что Вы уѣхали, и какъ всѣ мы стали грустны и кислы, когда посадили Васъ въ вагонъ. Да—мы едва удерживались отъ слезъ, а я мысленно далъ небу обѣтъ, что и на будущій годъ постараюсь увлечь Васъ въ обѣтованную землю.

Едва Вы уѣхали, какъ мы вернулись на вокзалъ и выпили еще одинъ кувшинъ крюшону за Ваше здоровье. Напившись, мы послали телеграмму и только черезъ 2—3 часа послѣ этого сообразили, что она т.-е. телеграмма обезпокоитъ Васъ. Я думаю, что она Васъ разбудила.

Обратный путь изъ Ворожбы совершали мы въ III классѣ: шумѣли, галдѣли и слушали, какъ пѣли въ вагонѣ хохлы. Дома мы еще разъ выпили за Ваше здоровье и уснули съ грустной мыслью, что завтра мы уже не увидимъ Васъ. Даже Цензура [1]) пила—это что-нибудь да значитъ!

Сегодня въ Сумахъ ярмарка. Купилъ я двѣ свистульки, 8 никому ненужныхъ ложекъ, 4 чашечки, пахнущія лакомъ, и серьги за 10 коп., которыя я подарилъ уважаемому товарищу [2]). Купилъ между прочимъ и портсигаръ съ дѣвицей за 15 коп.

Наняли четверку лошадей, чтобы ѣхать завтра къ Смагинымъ [3]) и въ Сорочинцы. У Смагиныхъ я напишу Вамъ письмо.

Всѣ Чеховы и Линтваревы шлютъ Вамъ привѣтъ. Симпатичный Жукъ, добродушный Барбосъ, фатоватый Пулька и ingenue — Розка [4]) здравствуютъ и попреж-

---

[1]) Одна изъ барышень.

[2]) Е. М. Линтваревой (женщинѣ-врачу).

[3]) Смагины — родственники Линтваревыхъ, жили въ Бакумовкѣ, въ своемъ имѣніи, въ Миргородскомъ уѣздѣ близъ Сорочинецъ.

[4]) Собаки Линтваревыхъ.

нему хватаютъ свиней за уши и лѣзутъ къ намъ въ столовую.

Артеменко [1]) поймалъ сегодня щуку, а я вынулъ изъ вентерей 6 карасей.

Ѣдемъ мы завтра въ громаднѣйшей дѣдовской коляскѣ, въ той самой, которая перешла въ наслѣдство Линтваревымъ отъ тетушки Ивана Федоровича Шпоньки.

Ну, будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте насъ многогрѣшныхъ.

Почтеніе всѣмъ Вашимъ.

Ложусь спать.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Прекрасная ночь. На небѣ ни облачка, а луна свѣтитъ во всю ивановскую.

LXII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

26 іюня 1888 г. (Сумы).

Завидую Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ! Завидую, что Вы женитесь и что Вы не утонули по уши въ суету и не разучились еще писать, какъ азъ многогрѣшный. Поздравляю Васъ, женише, съ поступленіемъ въ ряды несчастныхъ, осмѣянныхъ Вашими афоризмами и желаю Вамъ отъ души, чтобы Вашъ медовый мѣсяцъ тянулся десятки лѣтъ, чтобы теща бывала у Васъ не чаще одного раза въ годъ и чтобы дѣти Ваши не знались ни съ музами, ни съ нечистыми духами, ни съ Н. А. Лейкинымъ.

---

[1]) Рыбакъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ.

Если счастливую семейную жизнь съ ея чадами, восторгами и ежедневнымъ поломойствомъ можно сочетать съ выдающимися литературными успѣхами, то желаю Вамъ и сихъ послѣднихъ, желаю отъ души и чистаго сердца, ибо Вы, какъ мнѣ казалось и кажется, имѣете всѣ данныя для этихъ успѣховъ.

Если увидите Ежова, то передайте ему мое сердечное поздравленіе. Вы и Ежовъ женитесь одновременно — въ этомъ я усматриваю стачку, противозаконную демонстрацію, направленную противъ моей холостой персоны. По моему мнѣнію, Вы, какъ младшіе литераторы, не имѣете никакого права жениться раньше тѣхъ, кто старше (я началъ писать въ 1880 году), ибо еще въ писаніи сказано: «впередъ батьки въ петлю не суйся».

Недавно я путешествовалъ по Полтавской губерніи. Былъ въ Сорочинцахъ. Все то, что я видѣлъ и слышалъ, такъ плѣнительно и ново, что Вы позволите мнѣ не описывать здѣсь въ письмѣ этого путешествія. Тихія, благоухающія отъ свѣжаго сѣна ночи, звуки далекой, далекой хохлацкой скрипки, вечерній бликъ рѣкъ и прудовъ, хохлы, дѣвки, — все это такъ широколиственно, какъ хохлацкая зелень, и помѣститься въ короткомъ письмѣ не сумѣетъ.

У меня гостилъ три недѣли старикъ Плещеевъ. Теперь гоститъ Баранцевичъ.

Дуетъ сильный вѣтеръ. Пселъ вообразилъ себя моремъ, разбушевался и вздымаетъ одинъ за другимъ девятые валы. Дождь. Погода свирѣпствуетъ. Въ общемъ погода стоитъ хорошая, и я ею доволенъ.

Когда Вы рѣшитесь написать «субботникъ»? [1]).

Пора, увѣряю Васъ. Я боюсь, чтобы Вы не опоздали. Впрочемъ, простите... Я забылъ, что Вы теперь женихъ,

---

[1]) Для «Новаго Времени»

Острова на Пслѣ.

и пристаю къ Вамъ съ прозой. Будьте счастливы, глядите почаще на луну, нюхайте цвѣты, глубоко вздыхайте и говорите возвышеннымъ языкомъ — таковъ удѣлъ всѣхъ жениховъ.

А мнѣ позвольте пребыть попрежнему одинокимъ, старымъ заржавленнымъ холостякомъ.

А. Чеховъ.

Я жалѣю, что я не женатъ, или, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ дѣтей.

LXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Іюнь (1888 г., Сумы).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ! На дняхъ я ѣздилъ въ Полтавскую губернію. Былъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, въ Сорочинцахъ, видѣлъ отличныхъ людей и природу,

которой раньше никогда не видѣлъ, слышалъ много поваго.. Вернувшись, я засѣлъ писать Вамъ и исписалъ 3 листика почтовой бумаги, но впечатлѣній такъ много, что въ письмо не влѣзло и двадцатой доли того, что я хотѣлъ передать Вамъ. Пришлось бросить письмо и отложить описаніе путешествія до 15 іюля, когда я думаю быть въ Крыму.

Если до 15 іюля Вы уѣдете изъ Ѳеодосіи въ Константинополь, или въ Кіевъ, то пожалуйста увѣдомьте телеграммой: я боюсь не застать Васъ.

Плещеевъ уѣхалъ. Теперь гоститъ у меня Баранцевичъ. Страстный раколовъ.

Когда я разбогатѣю, то куплю себѣ на Пслѣ, или на Хоролѣ хуторъ, гдѣ устрою «климатическую станцію» для петербургскихъ писателей. Когда по цѣлымъ недѣлямъ не видишь ничего, кромѣ деревьевъ и рѣки, когда то и дѣло прячешься отъ грозы, или обороняешься отъ злыхъ собакъ, то поневолѣ, какъ бы ни былъ уменъ пріобрѣтаешь новыя привычки, а все новое производитъ въ организмѣ реакцію болѣе рѣзкую, чѣмъ рецепты Бертенсона [1]). Подъ вліяніемъ простора и встрѣчъ съ людьми, которые въ большинствѣ оказываются превосходными людьми, всѣ петербургскія тенденціи становятся необыкновенно куцыми и блѣдными. Тотъ, кто въ Петербургѣ близко принималъ къ сердцу выходъ Михайловскаго изъ Сѣвернаго Вѣстника, или ненавидѣлъ Михневича, или злился на Буренина, или плакался на невниманіе и отсутствіе критики и проч., тотъ здѣсь, вдали отъ родныхъ тундръ, вспоминаетъ о Петербургѣ только въ тѣ минуты, когда, ознакомившись съ просторомъ и людьми, заявляетъ громогласно:—«Нѣтъ, не то мы пишемъ,

---

[1]) Знаменитый петербургскій врачъ.

что нужно!» А все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствуетъ на нервы чудодѣйственно.

У насъ буря. Пселъ вообразилъ себя моремъ и разбунтовался не на шутку. Такія высокія волны, что нѣтъ возможности переѣхать на тотъ берегъ. Всѣ лодки и челноки полны воды.

Поѣду я въ Крымъ не по Днѣпру, какъ предполагалъ, а черезъ Лозовую. Обанкротился.

Ваше письмо я получилъ какъ разъ передъ отъѣздомъ въ Полтавск. губ., когда были поданы лошади.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте здоровы и счастливы. Искренно преданный эскулапъ.

А. Чеховъ.

Домъ въ усадьбѣ Линтваревыхъ, гдѣ жили сами хозяева и гдѣ происходили литературно-музыкальные вечера въ присутствіи А. Н. Плещеева.

LXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

28 Іюнь (1888 г., Сумы).

Здравствуйте, дорогой мой жилецъ, Алексѣй Николаевичъ! Письмо Ваше вчера получено, но упрекъ за слово «незамѣнимый» не принятъ и возвращается Вамъ назадъ, ибо Вы дѣйствительно никѣмъ на Лукѣ незамѣнимы. Безъ Васъ нѣтъ ужъ того движенія, нѣтъ мороженаго, нѣтъ литературныхъ вечеровъ, а главное нѣтъ Васъ и Вашего присутствія, вдохновлявшаго Вату [1]) и прочихъ почитательницъ вашихъ. При Васъ и пѣли, и играли иначе.

Были мы въ Полтавск. губ. Были и у Смагиныхъ и въ Сорочинцахъ. Ѣздили мы на четверикѣ, въ дѣдовской очень удобной коляскѣ. Смѣху, приключеній, недоразумѣній, остановокъ, встрѣчъ по дорогѣ было многое множество. Все время на встрѣчу попадались такіе чудные, за душу хватающіе пейзажи и жанры, которые поддаются описанію только въ романѣ, или въ повѣсти, но никакъ не въ короткомъ письмѣ. Ахъ, если бы Вы были съ нами и видѣли нашего сердитаго ямщика Романа, на котораго нельзя было глядѣть безъ смѣха, если бы Вы видѣли мѣста, гдѣ мы ночевали, восьми и десяти верстныя села, которыми мы проѣзжали, если бы пили съ нами поганую водку, отъ которой отрыгается, какъ послѣ сельтерской воды. Какія свадьбы попадались намъ на пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ! То-есть

---

[1]) Полтавская институтка, гостившая на Лукѣ.

душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ.. Жаль, что Васъ не было! Въ коляскѣ Вы чувствовали бы себя, какъ въ постели. Ѣли мы и пили каждые полчаса, не отказывали себѣ ни въ чемъ, смѣялись до коликъ..

Къ Смагинымъ пріѣхали мы ночью. Встрѣча сопровождалась членовредительствомъ. Узнавъ наши голоса Сергѣй Смагинъ выскочилъ изъ дому, полетѣлъ къ воротамъ и, наткнувшись въ потемкахъ на скамью, растянулся во весь свой ростъ, Александръ тоже выскочилъ изъ дому и въ потемкахъ изо всей силы трахнулся лбомъ о старый каштанъ, послѣ чего 3 — 4 дня ходилъ съ красной шишкой, Вата набила себѣ щеку. Послѣ самой сердечной, радостной встрѣчи поднялся общій, безпричинный хохотъ, и этотъ хохотъ повторялся потомъ аккуратно каждый вечеръ.

По части безпричиннаго хохота особенно отличались Наталья Михайловна и Александръ Смагинъ.

Имѣнье Смагиныхъ велико и обильно, но старо, запущено и мертво, какъ прошлогодняя паутина. Домъ осѣлъ, двери не затворяются, изразцы на печкѣ выпираютъ другъ друга и образуютъ углы, изъ щелей половъ выглядываютъ молодые побѣги вишень и сливъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и ставней, соловей свилъ себѣ гнѣздо и при мнѣ вывелись изъ яицъ маленькіе, голенькіе соловейчики, похожіе на раздѣтыхъ жиденятъ. На ригѣ живутъ солидные аисты. На пасѣкѣ обитаетъ дѣдъ, помнящій царя Гороха и Клеопатру Египетскую.

Все ветхо и гнило, но за то поэтично, грустно и красиво въ высшей степени.

Сестра Смагиныхъ — чудное, когда-то красивое, въ высшей степени доброе и кроткое созданіе съ роскошной черной косой и съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое

вѣроятно, лѣтъ 6 — 8 тому назадъ было плѣнительно, теперь же наводитъ на грустныя мысли... Она такъ же хороша, какъ и ея братья, которые положительно очаровали меня, особливо Сергѣй.

Прогостили мы у Смагиныхъ 5 дней и уѣхали, давши имъ слово, что побываемъ у нихъ еще разъ въ этомъ году и сто разъ въ будущемъ.

Тополи у нихъ удивительные.

Жоржъ уѣхалъ въ Славянскъ, Вата — въ Купянскъ, Петровскій—въ Черниговъ. Къ Линтваревымъ пріѣхалъ полубогъ Воронцовъ [1]) — очень вумная, политико-экономическая фигура съ гиппократовскимъ выраженіемъ лица, вѣчно молчащая и думающая о спасеніи Россіи. У меня гоститъ Баранцевичъ.

Въ Полтавскую губ. я поѣду въ августѣ. Къ 15 постараюсь быть въ Ѳеодосіи. Ну, будьте здоровы, счастливы и покойны. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Antonio.

Всѣ наши шлютъ Вамъ свой привѣтъ.

LXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Сумы, 1888 г. Іюль).

Пишу Вамъ сіе, Милый Алексѣй Николаевичъ, въ то время, когда вся Лука стала на дыбы, пускаетъ пыль подъ небеса, шумитъ, гремитъ и стонетъ: рожаетъ Антонида Ѳедоровна, жена Павла М. То и дѣло приходится бѣгать во флигилечекъ vis-à-vis, гдѣ живутъ новоиспекаемые родители. Роды не тяжелые, но долгіе.

---

[1]) Публицистъ В. В.

Ѣду я въ Ѳеодосію 19-го іюля. Мой адресъ таковъ: Ѳеодосія Суворину для Чехова. Черкните два словечка, а я Вамъ черкну, коли не ошалѣю отъ палящаго зноя.

Радуюсь за Гиляровскаго. Это человѣчина хорошій и не безъ таланта, но литературно необразованный. Ужасно падокъ до общихъ мѣстъ, жалкихъ словъ и трескучихъ описаній, вѣруя, что безъ этихъ орнаментовъ не обойдется дѣло. Онъ чуетъ красоту въ чужихъ произведеніяхъ, знаетъ, что первая и главная прелесть разсказа — это простота и искренность, но быть искреннимъ и простымъ въ своихъ разсказахъ онъ не можетъ: не хватаетъ мужества. Подобенъ онъ тѣмъ вѣрующимъ, которые не рѣшаются молиться Богу на русскомъ языкѣ, а на славянскомъ, хотя сознаютъ, что русскій ближе и къ правдѣ, и къ сердцу.

Книжку его конфисковали еще въ ноябрѣ, за то, что въ ней всѣ герои — отставные военные нищенствуютъ и умираютъ съ голода. Общій тонъ книжки унылъ и мраченъ, какъ дно колодезя, въ которомъ живутъ жабы и мокрицы.

Вы забыли у насъ сорочку. Это значитъ, что Вы побываете у меня еще не одинъ разъ. Охотно вѣрю бабьимъ примѣтамъ и буду настаивать, чтобы онѣ сбывались.

Смагины Ваше письмо получили. Стихотвореніе [1]) и до сихъ поръ еще производитъ сенсацію въ Миргородскомъ уѣздѣ. Его копируютъ безъ конца.

Воронцовъ (Веве) мало-по-малу разошолся и даже—о ужасъ! — плясалъ вальсъ. Человѣчина угнетенъ сухою умственностью и насквозь протухъ чужими мыслями, но по всѣмъ видимостямъ малый добрый, несчастный и чистый въ своихъ намѣреніяхъ. Ваше предположеніе

---

[1]) Это стих. А. Н. Плещеева, написанное для семьи Линтваревыхъ, помѣщено ниже въ приложеніи къ настоящему письму (стр. 118—119).

о его намѣреніи окрутить Линтваревыхъ «Эпохой» едва ли основательно. Онъ, какъ старый знакомый Л-выхъ, отлично знаетъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ денегъ.

Идетъ дождь. Симпатичный Жукъ ревнуетъ Розку къ добродушному Барбосу [1]) и грызется съ нимъ.

Наши всѣ шлютъ Вамъ свой привѣтъ и желаютъ ясныхъ дней. Будьте здоровы, счастливы и да хранятъ Васъ небесныя силы на многія лѣта.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Николая Алексѣевича [2]) благодарю за поклонъ. Напомните ему объ его обѣщаніи пріѣхать къ намъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Цвѣтущій, мирный уголокъ,
Гдѣ отдыхалъ я отъ тревогъ
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь въ нее опять,
Судьбы велѣніямъ послушный.
Отрадно будетъ мнѣ мечтой
Перенестись сюда порой, —
Перенестись къ семьѣ радушной
Гдѣ милый, дружескій привѣтъ
Нежданно встрѣтилъ я, гдѣ нѣтъ
Ни свѣтской чопорности скучной,
Ни картъ, ни пошлой болтовни,
Съ пустою жизнью неразлучной,
Но гдѣ въ трудахъ проходятъ дни,
И чистый, безкорыстный трудъ
На благо края своего
Цѣнить умѣетъ темный людъ,
Платя любовью за него...
Не разъ мечта перенесетъ
Меня въ уютный домикъ тотъ,
Гдѣ вечеромъ, подъ звукъ рояли
Въ душѣ усталой оживали

---

[1]) Собаки на Лукѣ.

[2]) Сынъ адресата.

Волненья давнихъ, прошлыхъ дней
Весны умчавшейся моей —
Ея восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привѣтъ,
Которымъ былъ я здѣсь согрѣтъ!
Спасибо вамъ! И если снова
Не встрѣчусь съ вами въ жизни я,
То вспомяните добрымъ словомъ
Въ бесѣдѣ дружеской меня.
Усадьба Лука. 1888 г. 6/VI.

LXVI.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

Ѳеодосія. Четвергъ. (Іюль. 1888 г.).

Мадемуазель сестра!

Очень жарко и душно, а потому придется писать недолго и коротко. Начну съ того, что я живъ и здравъ, все обстоитъ благополучно, деньги пока есть.. Легкое не хрипитъ, но хрипитъ совѣсть, что я ничего не дѣлаю и бью баклуши. — Дорога отъ Сумъ до Харькова прескучнѣйшая. Отъ Харькова до Лозовой и отъ Лозовой до Симферополя можно околѣть съ тоски. Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, безколоритна, какъ разсказы Иваненко, и въ общемъ похожа на тундру. Когда я, ѣдучи черезъ Крымъ, глядѣлъ на нее, то думалъ:—«Ничего я, Саша, не вижу въ этомъ хорошаго» [1].. Судя по степи, по ея обитателямъ и по отсутствію того, что мило и плѣнительно въ другихъ степяхъ, Крымскій полуостровъ блестящей будущности

[1]) Обычная фраза министра М. Н. Островскаго при разговорѣ съ его братомъ - драматургомъ А. Н. Островскимъ.

не имѣетъ и имѣть не можетъ. Отъ Симферополя начинаются горы, а вмѣстѣ съ ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, изъ ямъ торчатъ тополи, на горахъ темнѣютъ виноградники — все это залито луннымъ свѣтомъ, дико, ново и настраиваетъ фантазію на мотивъ гоголевской «Страшной мести». Особенно фантастично чередованіе пропастей и тунелей, когда видишь то пропасти, полныя луннаго свѣта, то безпросвѣтную, нехорошую тьму.. Немножко жутко и пріятно. Чувствуется что-то не русское и чужое. Въ Севастополь я пріѣхалъ ночью. Городъ красивъ самъ по себѣ, красивъ и потому, что стоитъ у чудеснѣйшаго моря. Самое лучшее у моря, это — его цвѣтъ, а цвѣтъ описать нельзя. Похоже на синій купоросъ. Что касается пароходовъ и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается въ глаза бѣдность русскаго человѣка. Кромѣ «поповокъ», похожихъ на московскихъ купчихъ и кромѣ 2 — 3 сносныхъ пароходовъ нѣтъ въ гавани ничего путнаго, и я удивляюсь нашему капитану Мишелю [1]), который сумѣлъ увидѣть въ Севастополѣ не только отсутствующій флотъ, но даже и то, чего нѣтъ.. Ночевалъ въ гостинницѣ съ полтавскимъ помѣщикомъ Кривобокомъ, съ которымъ сошелся дорогой. Поужинали разварной кефалью и цыплятами, натрескались вина и легли спать. Утромъ — скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется.. На гавани воняетъ канатомъ, мелькаютъ какія-то рожи съ красной какъ кирпичъ кожей, слышны звуки лебедки, плескъ помоевъ, стукъ, татарщина и всякая неинтересная чепуха. Подойдешь къ пароходу: люди въ отрепьяхъ, потные, сожженные на половину солнцемъ, ошалѣлые, съ дырами на плечахъ и спинѣ выгружаютъ портландскій цементъ; постоишь, поглядишь и вся картина начинаетъ представляться чѣмъ то такимъ

---

[1]) Братъ Мих. Павл.

чужимъ и далекимъ, что становится нестерпимо скучно и не любопытно. Садиться на пароходъ и трогаться съ якоря интересно, плыть же и бесѣдовать съ публикой, которая вся цѣликомъ состоитъ изъ элементовъ уже надоѣвшихъ и устарѣвшихъ, скучновато. Море и однообразный, голый берегъ красивы только въ первые часы, но скоро къ нимъ привыкаешь; поневолѣ идешь въ каюту и пьешь вино. Берегъ красивымъ не представляется.. Красота его преувеличена. Всѣ эти гурзуфы, массандры и кедры, воспѣтые гастрономами по части поэзіи, кажутся съ парохода тощими кустиками, крапивой, а потому о красотѣ можно только догадываться, а видѣть ее можно развѣ только въ сильный бинокль. Долина Псла съ Сарами и Рашевкой гораздо разнообразнѣе и богаче содержаніемъ и красками. Глядя на берегъ съ парохода, я понялъ, почему это онъ еще не вдохновилъ ни одного поэта и не далъ сюжета ни одному порядочному художнику-беллетристу. Онъ рекламированъ докторами и барынями — въ этомъ вся его сила. Ялта — это помѣсь чего-то европейскаго, напоминающаго виды Ниццы, съ чѣмъ-то мѣщански—ярмарочнымъ. Коробообразныя гостинницы, въ которыхъ чахнутъ несчастные чахоточные, наглыя татарскія хари, турнюры съ очень откровеннымъ выраженіемъ чего-то очень гнуснаго, эти рожи бездѣльниковъ-богачей съ жаждой грошовыхъ приключеній, парфюмерный запахъ вмѣсто запаха кедровъ и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на морѣ, болтовня барышень и кавалеровъ, понаѣхавшихъ сюда наслаждаться природой, въ которой они ничего не понимаютъ — все это въ общемъ даетъ такое унылое впечатлѣніе и такъ внушительно, что начинаешь обвинять себя въ предубѣжденіи и пристрастіи.

Спалъ я хорошо, въ каютѣ I класса, на кровати. Утромъ въ 5 часовъ изволилъ прибыть въ Ѳеодосію — сѣровато-

бурый, унылый и скучный на видъ городишко. Травы нѣтъ, деревца жалкія, почва крупно зернистая, безнадежно-тощая. Все выжжено солнцемъ и улыбается одно только море, которому нѣтъ дѣла до мелкихъ городишекъ и туристовъ. Купанье до того хорошо, что я окунувшись сталъ смѣяться безъ всякой причины. Суворины, живущіе тутъ въ самой лучшей дачѣ, обрадовались мнѣ; оказалось, что комната для меня давно уже готова и что меня давно уже ждутъ, чтобы начать экскурсіи. Черезъ часъ послѣ пріѣзда меня повезли на завтракъ къ нѣкоему Мурзѣ, татарину. Тутъ собралась большая компанія: Суворины, главный морской прокуроръ, его жена, мѣстные тузы, Айвазовскій.. Было подаваемо около 8 татарскихъ блюдъ, очень вкусныхъ и очень жирныхъ. Завтракали до 5 часовъ и напились, какъ сапожники. Мурза и прокуроръ (еще не старый питерскій дѣлецъ) обѣщали свозить меня въ татарскія деревни и показать мнѣ гаремы богачей. Конечно, поѣду.

Писать душно. Думаю, что долго не высижу въ этой жарѣ. Пріѣду скоро, хотя Суворины и обѣщаютъ задержать меня до сентября.

У насъ съ Суворинымъ разговоры безконечные. . .

. . . . . .

Ѣду въ городъ. Прощай. Поклонъ всѣмъ. Писать буду.

Твой *А. Чеховъ.*

LXVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

Ѳеодосія 18 Іюля (1888 г.).

Пишу Вамъ, милый капитанъ, съ береговъ Чернаго моря. Живу въ Ѳеодосіи у генерала Суворина. Жарища и духота невозможныя, вѣтеръ сухой и жесткій, какъ

переплетъ, просто хоть караулъ кричи. Деревьевъ и травы въ Ѳеодосіи нѣтъ, спрятаться некуда. Остается одно — купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нѣжное, какъ волосы невинной дѣвушки. На берегу его можно жить 1000 лѣтъ и не соскучиться.

Цѣлый день проводимъ въ разговорахъ. Ночь тоже. И мало-по-малу я обращаюсь въ разговорную машину. Рѣшили мы уже всѣ вопросы и намѣтили тьму новыхъ, еще ни кѣмъ не приподнятыхъ вопросовъ. Говоримъ, говоримъ, говоримъ и по всей вѣроятности кончимъ тѣмъ, что умремъ отъ воспаленія языка и голосовыхъ связокъ. Быть съ Суворинымъ и молчать такъ же не легко, какъ сидѣть у Палкина и не пить. Дѣйствительно, Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя то же самое, что сетеръ въ охотѣ на бекасовъ, т.-е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многаго не знаетъ, во всемъ онъ самоучка— отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа, поневолѣ онъ развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ. Ваше Суворинъ-шмерцъ я отлично понимаю.

Пришлите мнѣ «Театральнаго воробья» [1]). Если Вы въ самомъ дѣлѣ написали комедію, то Вы молодецъ и умница. Пишите во всѣ лопатки и такъ, какъ Вамъ въ дан-

---

[1]) Комедія адресата.

ную минуту писать хочется. Хотите писать трагедію — пишите, хотите писать пустой водевиль — пишите. У Васъ не такая натура, чтобы Вы могли соображаться съ чужими взглядами и приговорами. Вы должны слѣдовать своему внутреннему чувству, которое у людей нервныхъ и чувствительныхъ составляетъ лучшій барометръ. И чѣмъ больше напишете пьесъ, тѣмъ лучше. Ахъ, я опять впадаю въ мораль! Простите, голубчикъ... это не мораль, а разговоръ съ Вами. Когда я пишу къ Вамъ, я вижу Ваше лицо.

Ѣду въ городъ на почту. Прощайте. Да хранитъ Васъ Аллахъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

22 Іюль. Ѳеодосія (1888 г.).

Милые домочадцы! Симъ извѣщаю Васъ, что завтра я выѣзжаю изъ Ѳеодосіи. Гонитъ меня изъ Крыма моя лѣнь. Я не написалъ ни одной строки и не заработалъ ни копѣйки; если мой гнусный кейфъ продлится еще 1 — 2 недѣли, то у меня не останется ни гроша и Чеховской фамиліи придется зимовать на Лукѣ. Мечталъ я написать въ Крыму пьесу и 2—3 разсказа, но оказалось, что подъ южнымъ небомъ гораздо легче взлетѣть живымъ на небо, чѣмъ написать хоть одну строку. Встаю я въ 11 часовъ, ложусь въ 3 ночи, цѣлый день ѣмъ, пью и говорю, говорю, говорю безъ конца. Обратился въ разговорную машину. Суворинъ тоже ничего не дѣлаетъ и мы съ нимъ перерѣшали всѣ вопросы. Жизнь сытая, полная, какъ чаша, затягивающая.. Кейфъ

на берегу, шартрезы, крюшоны, ракеты, купанье, веселые ужины, поѣздки, романсы — все это дѣлаетъ дни короткими и едва замѣтными; время летитъ, летитъ, а голова подъ шумъ волнъ дремлетъ и не хочетъ работать.. Дни жаркіе, ночи душныя, азіятскія.. Нѣтъ, надо уѣхать!

Вчера я ѣздилъ въ Шахъ-мамай, имѣнье Айвазовскаго, за 25 верстъ отъ Ѳеодосіи. Имѣнье роскошное, нѣсколько сказочное; такія имѣнія, вѣроятно, можно видѣть въ Персіи. Самъ Айвазовскій, бодрый старикъ лѣтъ 75, представляетъ изъ себя помѣсь добродушнаго армяшки съ заѣвшимся архіереемъ; полонъ собственнаго достоинства, руки имѣетъ мягкія и подаетъ ихъ погенеральски. Недалекъ, но натура сложная и достойная вниманія. Въ себѣ одномъ онъ совмѣщаетъ и генерала, и архіерея, и художника, и армянина, и наивнаго дѣда, и Отелло. Женатъ на молодой и очень красивой женщинѣ, которую держитъ въ ежахъ. Знакомъ съ султанами, шахами и эмирами. Писалъ вмѣстѣ съ Глинкой «Руслана и Людмилу». Былъ пріятелемъ Пушкина, но Пушкина не читалъ. Въ своей жизни онъ не прочелъ ни одной книги. Когда ему предлагаютъ читать, онъ говоритъ:—«Зачѣмъ мнѣ читать, если у меня есть свои мнѣнія?» Я у него пробылъ цѣлый день и обѣдалъ. Обѣдъ длинный, тягучій, съ безконечными тостами. Между прочимъ на обѣдѣ познакомился я съ женщиной-врачомъ . . . . . ., женою извѣстнаго профессора. Это толстый, ожирѣвшій комокъ мяса. Если ее раздѣть голой и выкрасить въ зеленую краску, то получится болотная лягушка. Поговоривши съ ней, я мысленно вычеркнулъ ее изъ списка врачей..

Видаю много женщинъ; лучшая изъ нихъ—С. Она такъ же оригинальна, какъ и ея мужъ, и мыслитъ не поженски. Говоритъ много вздора, но если захочетъ говорить серьез-

но, то говоритъ умно и самостоятельно. Влюблена въ Толстого по уши и поэтому всей душой не терпитъ современной литературы. Когда говоришь съ ней о литературѣ, то чувствуешь, что Короленко, Бѣжецкій, я и прочіе— ея личные враги. Обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ безъ умолку болтать вздоръ, болтать талантливо и интересно, такъ что ее можно слушать весь день безъ скуки, какъ канарейку. Вообще человѣкъ она интересный, умный и хорошій. По вечерамъ сидитъ на пескѣ у моря и плачетъ, по утрамъ хохочетъ и поетъ цыганскіе романсы.. Что-нибудь изъ двухъ: или я поѣду прямо домой, или же туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Если первое, то ждите меня черезъ недѣлю, если же второе, то не ждите черезъ недѣлю.

Поклонъ Александрѣ Васильевнѣ, Зинаидѣ Михайловнѣ, уважаемому товарищу, Натальѣ Михайловнѣ, Павлу и Георгію Михайловичу и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Антонидѣ Федоровнѣ съ ея младенцемъ тоже поклонъ.

Сидитъ сейчасъ у меня въ комнатѣ С. и стонетъ:—«дайте прочесть письмо!» Стонетъ и бранится. Ѣду сейчасъ въ городъ.

Деньги на покупку хутора есть 2.000 руб. Суворинъ подарилъ мнѣ 2 лодки и линейку. Лодки, говорятъ, великолѣпныя. Я постараюсь, чтобы ихъ выслали на Пселъ. Куплены онѣ въ петербургск. Яхтъ-клубѣ. Одна парусная.

Матери цѣлую руку. Надѣюсь, что всѣ сыты, что табакъ есть и проч. Денегъ не жалѣйте. Тѣмъ болѣе не жалѣйте, что ихъ нѣтъ.

Всѣхъ цѣлую.

А. Чеховъ.

Антонъ Павловичъ въ Ѳеодосіи въ 1888 г.

LXIX.

Ей же.

(Съ подлинника).

(Θеодосія, 1888 г. Іюль).

3 часа ночи подъ субботу. Только что вернулся изъ сада и поужиналъ. Прощался съ Θеодосійцами. Поцѣлуямъ, пожеланіямъ, совѣтамъ и изліяніямъ не было конца. Черезъ $1^1/_2$ часа идетъ пароходъ. Ѣду съ сыномъ Суворина [1]) куда глаза глядятъ. Начинается вѣтеръ. Быть рвотѣ.

Черезъ 2 — 3 дня получите еще письмо.

Берегите Новое Время начиная съ 20 Іюля. Вообще— всѣ газеты берегите.

Скажите Лидіи Федоровнѣ [2]), что ея гребенка цѣла и служитъ свою службу: ежеминутно вычесываю изъ головы морской песокъ.

Письма адресуйте (въ случаѣ надобности) къ Суворину въ Θеодосію. Онъ будетъ знать, гдѣ я.

Душно!

Меня мучаетъ совѣсть, что уѣзжая изъ дому я не простился съ Еленой Ивановной и Лидіей Федоровной.

LXX.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника.)

28 Іюль 1888 г.

По морямъ Черному, Житейскому и Каспійскому.

(Посвящается капитану собственныхъ пароходовъ М. П. Чехову.)

---

[1]) Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

[2]) Московская учительница, гостившая на Лукѣ и подарившая А. П. на дорогу гребенку.

Паршивенькій грузовой пароходъ Диръ мчится на всѣхъ парахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поти. Двѣнадцатый часъ ночи.. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на ватеръ-клозетъ, нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ.. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ, бумъ»... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила.. Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается.. Все вниманіе желудка устремлено на кровать и онъ, словно нивеллируя, то подкатываетъ выпитую зельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ.. Чтобы не облевать въ потемкахъ одежи, быстро одѣваюсь и выхожу.. Темно.. Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье.. Подъ подошвами угольный мусоръ.. Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшетчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ.. Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ.. Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку.. Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку.. Качаетъ.. Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется.. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ.. Ни огонька..

Сзади меня окно.. Гляжу въ него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича [1].. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію.. Рядомъ со мной стоитъ

---

[1]) П. М. Линтварева.

маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ, похожій фигурою и лицомъ на Корнелія Пушкарева [1]). Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега..

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! — говоритъ онъ между прочимъ кому-то; или: — Тутъ должны быть видны огоньки.. Видишь?

— Никакъ нѣтъ! отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣша лѣзетъ куда-то вверхъ.. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу.. Проходитъ полчаса, часъ.. Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку.. Темноты нѣтъ, но жутко..

Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: «Чорртова кукла!» бѣжитъ куда-то назадъ.

— Влѣво! — кричитъ онъ съ тревогой во все горло.— Влѣво... вправо! Аря..ва..а-а!

Слышится непонятная команда, пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... — «Ава-ва-ва!» кричитъ капитанъ; у самаго носа звонятъ въ колоколъ, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики.. Диръ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ..

— Что такое? спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, чорртова кукла! слышится рѣзкій крикъ капитана.. Влѣ-ѣва-а!

---

[1]) Братъ издателя журнала «Свѣтъ и Тѣни».

У носа показываются какіе-то красные огни и вдругъ раздается среди шума свистъ не Дира, а какого-то другого парохода.. Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пыхтитъ, дрожитъ и какъ будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну. (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полминуты, но доставившее мнѣ не мало мученій.. Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи разскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно нѣтъ мочи)..

Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода.. Длинное черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ..

— Уфъ! Какой это пароходъ? спрашиваю я капитана.

Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ:

— Это Твиди.

Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человѣка, и глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость.. Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой.. [1])

---

[1]) По возвращеніи братъ разсказывалъ мнѣ, вспоминаетъ М. П. Чеховъ, почему именно онъ считалъ себя причиной возможнаго столкновенія «Дира» и «Твиди». Въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ машины. Братъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. Предсказаніе брата относительно капитана оправдалось отчасти: въ ту же осень «Диръ» погибъ у береговъ Алупки.

Иду къ себѣ въ каютку.. Душно и воняетъ кухней.. Мой спутникъ Суворинъ-фисъ уже спитъ.. Раздѣваюсь до нага и ложусь.. Темнота колеблется, кровать словно дышетъ.. Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаясь потомъ, задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя:—«Зачѣмъ я здѣсь»?

Просыпаюсь.. Уже не темно.. Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу.. Все покрыто росой.. Козули глядятъ по человѣчески сквозь рѣшотку и, кажется, хотятъ спросить: зачѣмъ мы здѣсь? Капитанъ попрежнему стоитъ неподвижно и всматривается вдаль..

Налѣво тянется гористый берегъ.. Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ, вотъ такъ: [1])

Восходитъ мутное солнце.. Видна зеленая Ріонская долина, а возлѣ нея Потійская бухта...

(Продолженіе слѣдуетъ) [2]).

LXXI.

Неизвѣстному лицу.

(Съ подлинника).

(Сухумъ. 1888 г. Іюль).

Я въ Абхазіи! Ночь ночевалъ въ монастырѣ «Новый Аѳонъ», а сегодня съ утра сижу въ Сухумѣ. Природа удивительная до бѣшенства и отчаянія. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, си-

---

[1]) Здѣсь рисунокъ, котораго мы не воспроизводимъ.

[2]) Продолженія такъ и не послѣдовало, потому что А. П. изъ Баку вернулся домой.

зые журавли, а главное — горы, горы и горы безъ конца и краю.. Сижу я сейчасъ на балконѣ, а мимо лѣниво прохаживаются абхазцы въ костюмахъ маскарадныхъ капуциновъ; черезъ дорогу бульваръ съ маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваромъ темносинее море.

Жарко невыносимо! Варюсь въ собственномъ потѣ. Мой красный шнурокъ на сорочкѣ раскисъ отъ пота и пустилъ красный сокъ; рубаха, лобъ и подмышки хоть выжми. Кое-какъ спасаюсь купаньемъ.. Вечерѣетъ.. Скоро поѣду на пароходъ. Вы не повѣрите, голубчикъ, до какой степени вкусны здѣсь персики! Величиной съ большое яблоко, бархатистые, сочные.. Ѣшь, а путро такъ и ползетъ по пальцамъ..

Изъ Ѳеодосіи выѣхалъ на Юнонѣ, сегодня ѣхалъ на Дирѣ, завтра поѣду на Бабушкѣ.. Много я перепробовалъ пароходовъ, но еще ни разу не рвалъ.

На Аѳонѣ познакомился съ архіереемъ Геннадіемъ, епископомъ Сухумскимъ, ѣздящимъ по эпархіи верхомъ на лошади. Любопытная личность.—Купилъ матери образокъ, который привезу.

Если бы я пожилъ въ Абхазіи хотя мѣсяцъ, то, думаю, написалъ бы съ полсотни обольстительныхъ сказокъ. Изъ каждаго кустика, со всѣхъ тѣней и полутѣней на горахъ, съ моря и съ неба глядятъ тысячи сюжетовъ. Подлецъ я за то, что не умѣю рисовать.

Ну оставайтесь живы и здоровы Да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Поклонъ всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Не подумайте, что я ѣду въ Персію.

Был я в Керчи, в Новом
Афоне, в Сухуме, теперь
гуляю по Поти. Послезавтра
обратно поеду на почтовых
в Батум. В каждом городе
сижу по дню.
Поклон Папаше. Подробно напишу в Батум.

А. Чехов

Письмо П. П. Чехову (см. № LXXII настоящаго тома, стр. 133).

LXXII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Поти. Іюль 1888 г.).

Былъ я въ Керчи, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, теперь гуляю по Поти. Послѣ обѣда поѣду на почтовыхъ на Батумъ. Въ каждомъ городѣ сижу по дню.

Поклонъ Папашѣ. Подробно напишу въ Батумѣ.

А. Чеховъ.

LXXIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

12 Авг. Сумы. (1888 г.)

Изъ дальнихъ странствій возвратясь, посылаю Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, привѣтъ и отчетъ. Отчетъ будетъ кратокъ по неволѣ, ибо тѣ мѣста, гдѣ я былъ, и люди, которыхъ я видѣлъ, слишкомъ многочисленны. Поѣхалъ я въ Крымъ. Жилъ въ Ѳеодосіи у Суворина 12 дней, купался въ морѣ, бездѣльничалъ; ѣздилъ въ имѣніе Айвазовскаго. Изъ Ѳеодосіи на пароходѣ махнулъ въ Батумъ. По дорогѣ заѣзжалъ на полъ дня въ Сухумъ—прекраснѣйшій городокъ съ тропической жарой, весь тонущій въ густой, не русской зелени—и на сутки въ Новый Аѳонъ, монастырь. Здѣсь на Аѳонѣ такъ хорошо, что и описать нельзя: водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное—море и горы, горы, горы.. Изъ Аѳона и Сухума пріѣхалъ въ

Поти. Тутъ рѣка Ріонъ, знаменитая своей Ріонской долиной и осетрами. Изобиліе зелени. Всѣ улицы изображаютъ изъ себя аллеи изъ тополей. Батумъ большой, военно-торгово-иностранно-кафе-шантанный городъ, въ которомъ вы на каждомъ шагу чувствуете, что мы побѣдили турокъ. Особеннаго въ немъ ничего нѣтъ (впрочемъ, изобиліе домовъ терпимости), за то окрестности восхитительны. Особенно хороша дорога въ Карсъ и быстрая рѣчка Чораксу.

Дорога отъ Батума до Тифлиса съ знаменитымъ Сурамскимъ переваломъ оригинальна и поэтична; все время глядишь въ окно и ахаешь: горы, тунели, скалы, рѣки, водопады, водопадики. Дорога же отъ Тифлиса до Баку — это мерзость запустѣнія, лысина, покрытая пескомъ и созданная для жилья персовъ, тарантуловъ и фалангъ; ни одного деревца, травы нѣтъ... скука адская. Самъ Баку и Каспійское море — такая дрянь, что я и за милліонъ не согласился бы жить тамъ. Крышъ нѣтъ, деревьевъ тоже нѣтъ, всюду персидскія хари, жара въ 50°, воняетъ керосиномъ, подъ ногами всхлипываетъ нефтяная грязь, вода для питья соленая..

Изъ Баку хотѣлъ я плыть по Каспію въ Узунада на Закаспійскую дорогу, въ Бухару и въ Персію, но пришлось повернуть оглобли назадъ: мой спутникъ Суворинъ-фисъ получилъ телеграмму о смерти брата и не могъ ѣхать дальше..

Кавказъ Вы видѣли. Кажется, видѣли Вы и военно-грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ѣздили по этой дорогѣ, то заложите жонъ, дѣтей, Осколки и поѣзжайте. Я никогда въ жизни не видѣлъ ничего подобнаго. Это сплошная поэзія, не дорога, а чудный фантастическій разсказъ, написанный демономъ, который влюбленъ въ Тамару.

Въ Москвѣ я буду къ 5 Сентября. Живу пока на Пслѣ. Погода не дурная.

Всѣ наши кланяются Вамъ.

Въ Кисловодскѣ и вообще на курортахъ я не былъ. Проѣзжіе говорятъ, что всѣ эти милыя мѣста дрянь ужасная. Я не терплю, когда поэзію мѣшаютъ съ . . . . . и кулачествомъ. Ялта произвела на меня впечатлѣніе скверное.

Если соблаговолите пожертвовать вашему почитателю «Пухъ и перья», то благоволите послать эту книжицу въ Москву, на имя Якова Алексѣевича Корнѣева, въ домъ Корнѣева. (Кудринская Садовая). Я получу ее по пріѣздѣ въ Москву.

Будьте здоровы на многія лѣта. Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

13 Авг. (1888 г. Сумы).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Я вернулся во-свояси. Былъ я въ Крыму, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, въ Батумѣ, въ Тифлисѣ, въ Баку; хотѣлъ съѣздить въ Бухару и въ Персію, но судьбѣ угодно было повернуть мои оглобли назадъ [1]). Впечатлѣнія новыя, рѣзкія, до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ. Писать Вамъ съ дороги не было возможности, ибо было нестерпимо жарко, я

---

[1]) Въ Ѳеодосіи умеръ братъ спутника А. П. — Алексѣя Алексѣевича Суворина, и имъ пришлось возвращаться, не кончивъ предположеннаго путешествія.

чувствовалъ себя гоняемымъ на кордѣ и впечатлѣній было такъ много, что я рѣшительно оболдѣлъ и не зналъ, о чемъ писать. Въ Ѳеодосіи я получилъ Ваше письмо; отвѣтить толкомъ и пространно, когда кружится голова отъ крымскаго и во рту пересохло отъ длинныхъ разговоровъ, когда впечатлѣнія смѣшались въ окрошку, трудно.

О своемъ путешествіи разскажу Вамъ въ Питерѣ. Буду разсказывать часа два, а описывать его на бумагѣ не буду, ибо описаніе выйдетъ кратко и блѣдно.

Теперь сижу я у окна, пишу, поглядываю въ окна на зелень, залитую солнцемъ, и уныло предвкушаю прозу московскаго житія. Ахъ, какъ не хочется уѣзжать отсюда! Каналья Пселъ, какъ нарочно, съ каждымъ днемъ становится все красивѣе, погода прекрасная; съ поля возятъ хлѣбъ... Москва съ ея холодомъ, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями пугаетъ мое воображеніе.. Я охотно прожилъ бы зиму подальше отъ нея.

Черезъ шесть мѣсяцевъ весна. Черезъ пять я начну бомбардировать Васъ приглашеніями къ себѣ. Вѣроятно и будущее лѣто я буду жить на Пслѣ.

Вы пріѣдете въ маѣ и проживете мѣсяца два.

Мнѣ хочется, чтобы Вы познакомились съ Полтавской губерніей. Сегодня въ камерѣ разбирательство. Мать хочетъ подать прошеніе министру юстиціи: мировой судья мѣшаетъ ей стряпать. Тотъ маленькій «манасеинъ», къ которому Вы хаживали по утрамъ, цѣлъ и невредимъ.

Романъ мой на точкѣ замерзанія. Онъ не сталъ длиннѣе.. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для Сѣв. Вѣстн. дамъ повѣстушку въ Ноябрѣ или Октябрѣ, но романъ едва ли попадетъ на его страницы. Я такъ уже и порѣшилъ, что романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре.

Суворинъ, пока я гостилъ у него, былъ здоровъ и веселъ. Теперь же, когда у него умеръ сынъ, онъ, какъ можно судить по его телеграммамъ, которыя приходилось читать, въ отчаяніи. Что то фатальное тяготѣетъ надъ его семьей.

Вышелъ ли и когда выйдетъ Гаршинскій сборникъ?

У Баранцевича дѣло, кажется, затормозилось.

Жоржъ [1]) играетъ. Думаетъ ѣхать въ консерваторію.

Ну, будьте счастливы, здоровы и да хранитъ Васъ небо! Увидимся, вѣроятно, въ Ноябрѣ. Плановъ у меня много, ахъ какъ много! Объ одномъ изъ своихъ плановъ, касающихся отчасти и Васъ, сообщу черезъ недѣлю.

Низкій поклонъ всѣмъ вашимъ. Не забывайте кланяться отъ меня вашимъ сыновьямъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

27 Авг. Сумы. (1888 г.)

Отвѣчаю Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, на Ваше послѣднее письмо.

Разсказъ для октябрьской книжки Сѣв. Вѣстника непремѣнно будетъ. Размѣръ=1—2 листа. Авансъ едва ли понадобится; денегъ у меня нѣтъ, буду жить впроголодь, но постараюсь не брать денегъ впередъ, ибо авансы понадобятся лѣтомъ, когда я бездѣльничаю и нуждаюсь въ лишнихъ, шальныхъ деньгахъ. Ради весеннихъ и лѣтнихъ дебоширствъ стоитъ поголодать зимою.

Вчера я вернулся изъ Полтавской губерніи. Опять былъ у Смагиныхъ, опять сдѣлалъ тьму верстъ и уто-

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

мился, запылился и истрепался, какъ сукинъ сынъ. Ѣздилъ съ спеціальною цѣлью—купить (?!?) хуторъ. Хочу путемъ всякихъ фокусовъ и сдѣлокъ съ банкомъ пріобрѣсти десятинъ 20 съ садомъ и рѣкой. Хуторъ стоитъ 3000 руб. Буду платить проценты, а въ будущемъ по немногу выкуплю. Въ цѣнѣ не сошелся, но вѣроятно сойдусь и, не успѣетъ наступить унылый октябрь, какъ я стану подписываться такъ: «Полтавскій помѣщикъ, врачъ и литераторъ Антуанъ Шпонька».

Вотъ это и есть та новость, которая касается Васъ. Вѣдь Вы не откажете мнѣ побывать у меня на хуторѣ? Полтавская губ. теплѣе и красивѣе Крыма въ сто разъ; мѣсто здоровое, веселое, сытое, многолюдное.. Проживете у меня мѣсяца 2—3, будемъ ѣздить въ Сорочинцы, въ Миргородъ, къ Смагинымъ, на Луку и проч. Покупаю я для того, чтобы Вы и всѣ мои хорошіе знакомые, отъ которыхъ я, по совѣсти говоря, до сихъ поръ не видѣлъ ничего, кромѣ хорошаго, смотрѣли бы на мой паршивенькій хуторъ, какъ на свой собственный, и имѣли бы мѣсто отдыха. Если въ самомъ дѣлѣ удастся купить, то я настрою на берегу Хорола флигелей и дамъ начало литературной колоніи.

Еще новость (секретная): сестры Линтваревы собираются женить моего брата Ивана учителя на Ватѣ. Если это случится, то, значитъ, милѣйшая Ватина мамаша будетъ моей родней, съ чѣмъ я и поздравляю себя. Но Вата молодецъ. Она отличная хозяйка и держитъ свою чудесную мамашу въ ежахъ.

Сергѣй Смагинъ уѣхалъ въ Харьковъ поступать въ Ветеринарный Институтъ. Будетъ 4 года томиться въ анатомическомъ театрѣ и рѣзать дохлыхъ скотовъ не ради скотовъ, а ради ценза, который необходимъ ему при его 1500 десятинахъ.

Рѣка Хоролъ Полтавской губ. близъ Сорочинецъ, гдѣ А. П. хотѣлъ купить хуторъ.

Погодите, Р. М. будетъ выкидывать еще и не такіе фортели. Подъ флагомъ науки, искусства и угнетаемаго свободомыслія у насъ на Руси будутъ царить такіе жабы и крокодилы, какихъ не знавала даже Испанія во времена инквизиціи. Вотъ Вы увидите! Узкость, большія претензіи, чрезмѣрное самолюбіе и полное отсутствіе литературной и общественной совѣсти сдѣлаютъ свое дѣло. Всѣ эти..... напустятъ такой духоты, что всякому свѣжему человѣку литература опротивѣетъ, какъ чертъ знаетъ что, а всякому шарлатану и волку въ овечьей шкурѣ будетъ гдѣ лгать, лицемѣрить и умирать «съ честью»..

Я радъ тому, что Вашъ сынъ написалъ большую пьесу. Вашихъ сыновей я знаю мало, но когда я видѣлъ ихъ, или говорилъ съ ними, то мнѣ всякій разъ казалось, что въ какіе бы передѣлы они не попали, всюду вывезетъ ихъ свойственное имъ чрезмѣрное добродушіе. Добродушіе ихъ до того типично, что угадать его легко съ перваго взгляда.

До свиданія. Почтеніе Аннѣ Михайловнѣ.

5-го сентября буду уже въ Москвѣ. Тяжело туда ѣхать! Будь деньги, поѣхалъ бы въ Питеръ.

Поклонъ Фаусека переданъ по назначенію.

Будьте здоровы. Вашъ душевно

А. Чеховъ.

LXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

29 Авг. (1888 г. Сумы.)

2-го Сентября, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, лѣто мое кончается и я ѣду въ Москву. Адресъ мой остается прошлогодній, т. е. Москва, Кудринская Садовая,

д. Корнѣева. Когда будете ѣхать домой черезъ Москву, то, если будетъ время, побывайте у меня, или же по крайней мѣрѣ дайте мнѣ знать—я прійду повидаться и проводить Васъ на вокзалъ.

Всѣ эти дни я занятъ мыслью о Вашемъ Энциклопедическомъ словарѣ. Если Вы въ самомъ дѣлѣ будете издавать его, то своевременно дайте мнѣ знать: я сообщу Вамъ свои соображенія, которыя, быть-можетъ, пригодятся.

Третьяго дня я вернулся изъ Полтавской губ. Смотрѣлъ хуторъ, въ цѣнѣ не сошелся и удалился вспять. Попалъ я туда какъ разъ на молотьбу. Урожай великолѣпный. Кто сѣялъ пшеницу, тотъ несмотря на плохія цѣны получилъ чистыхъ 70—80 руб. съ десятины, а рожь такъ тяжела, что при мнѣ въ одинъ день шестисильная паровая молотилка намолотила 1200 пудовъ и рабочіе изнемогли отъ усталости—до такой степени тяжелы снопы! Работа утомительная, но веселая, какъ хорошій балъ. Въ дѣтствѣ, живя у дѣдушки въ имѣньи гр. Платова, я по цѣлымъ днямъ отъ зари до зари долженъ былъ просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченнаго зерна; свистки, шипѣнье и басовой, волчкообразный звукъ, к-рый издается паровикомъ въ разгаръ работы, скрипъ колесъ, лѣнивая походка воловъ, облака пыли, черныя, потныя лица полсотни человѣкъ—все это врѣзалось въ мою память, какъ Отче нашъ. И теперь я цѣлые часы проводилъ на молотьбѣ и чувствовалъ себя въ высшей степени хорошо.—Паровикъ, когда онъ работаетъ, кажется живымъ; выраженіе у него хитрое, игривое; люди же и волы, наоборотъ, кажутся машинами.—Въ Миргородскомъ уѣздѣ рѣдко кто имѣетъ собственный локомобиль, но всякій можетъ брать на прокатъ. Паровикъ занимается проституціей, т.-е. ѣздитъ по всему уѣзду на шестерикѣ воловъ и предлагаетъ себя всякому желающему. Беретъ

онъ по 4 коп. съ пуда т. е. около 40 руб. въ день. Сегодня онъ гудитъ въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ и вездѣ его пріѣздъ является событіемъ на манеръ архіерейскаго пріѣзда.

Хуторъ, к-рый я смотрѣлъ, мнѣ понравился. Очень уютное, поэтическое мѣстечко. Великолѣпная земля, заливной лугъ, Хоролъ, прудъ, садъ, а въ саду изобиліе фруктовъ, садокъ для рыбы и липовая аллея. Стоитъ онъ между двумя громадными селами, Хомутцемъ и Бакумовкой, гдѣ нѣтъ ни одного врача, такъ что онъ можетъ быть прекраснымъ медицинскимъ пунктомъ. Все очень дешово. . . . . .
Не сошелся я съ хозиномъ казакомъ въ трехстахъ рубляхъ. Больше того, что я предлагаю ему, дать я не могу и не дамъ, ибо онъ проситъ не справедливое. На случай, если онъ согласится, я оставляю одному пріятелю довѣренность для совершенія купчей и, пожалуй, не успѣетъ еще наступить октябрь, какъ я попаду въ сонмъ Шпонекъ и Коробочекъ. Если купля состоится, то я воспользуюсь Вашимъ предложеніемъ и возьму у Васъ полторы тысячи, но пожалуйста съ непремѣннымъ условіемъ, что на мой долгъ Вы будете смотрѣть, какъ на долгъ, т.-е. не увлекаясь ни родствомъ, ни дружбой, Вы не будете мнѣ мѣшать уплачивать его, не будете дѣлать скидокъ и уступокъ, иначе этотъ долгъ поставитъ меня въ положеніе, которое Вы можете угадать. До сихъ поръ, когда я бывалъ долженъ, то впадалъ въ лицемѣріе—очень противное, психопатическое состояніе. Вообще въ денежныхъ дѣлахъ я до крайности мнителенъ и лживъ противъ воли. Скажу Вамъ откровенно и между нами: когда я начиналъ работать въ Новомъ Времени, то почувствовалъ себя въ Калифорніи (до Нов. Вр. я не получалъ болѣе 7—8 коп. со строки) и далъ себѣ слово писать возможно чаще, чтобы получать больше—въ этомъ нѣтъ

ничего дурного; но когда я поближе познакомился съ Вами и когда Вы стали для меня своимъ человѣкомъ, мнительность моя стала на дыбы и работа въ газетѣ, сопряженная съ получкой гонорара, потеряла для меня свою настоящую цѣну, и я сталъ больше говорить и обѣщать, чѣмъ дѣлать; я сталъ бояться, чтобы наши отношенія не были омрачены чьей-нибудь мыслью, что Вы нужны мнѣ какъ издатель, а не какъ человѣкъ и проч. и проч. Все это глупо, оскорбительно и доказываетъ только, что я придаю большое значеніе деньгамъ, но ничего я съ собою не подѣлаю. Занять въ газетѣ опредѣленное рабочее и денежное положеніе я рѣшусь развѣ только тогда, когда мы охладѣемъ другъ къ другу, а пока останусь для Васъ безполезнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ хорошаго знакомаго я буду вертѣться при газетѣ и энциклопедическомъ словарѣ, возьму pour plaisir какой-нибудь отдѣлъ въ послѣднемъ, буду изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ писать субботники, но стать въ газетѣ прочно не рѣшусь ни за какія тысячи, хоть Вы меня зарѣжьте. Это не значитъ, что я отношусь къ Вамъ душевнѣе и искреннѣе, чѣмъ другіе; это значитъ, что я страшно испорченъ тѣмъ, что родился, выросъ, учился и началъ писать въ средѣ, въ которой деньги играютъ безобразно большую роль. Простите за эту непріятную откровенность; надо разъ навсегда объяснить то, что можетъ показаться непонятнымъ.

На всякій случай я написалъ брату, чтобы онъ удерживалъ мою книжную выручку и 25% гонорара. Этотъ долгъ можетъ покрыться въ $1^1/_2$—2 года.

Вчера прочелъ въ письмѣ ужасную новость. Сынъ покойнаго А. Н. Островскаго наканунѣ своей свадьбы умеръ отъ дифтерита; его невѣста послѣ похоронъ отравилась карболовой кислотой; братъ невѣсты упалъ съ лошади и расшибся.

Прощайте, будьте здоровы. Выписалъ ли аптекарь фенацетинъ? Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Алексѣю Алексѣевичу, его фамиліи, Виноградовымъ и дѣтямъ. Если куплю хуторъ, то начну разсылать приглашенія въ климатическую станцію. Алексѣю Алексѣевичу пришлю планъ мѣстности.

Дай Богъ вамъ душевнаго покоя и бодрости.

Вашъ сердечно

А. Чеховъ.

Бросаю на нѣкоторое время писать крупныя вещи и займусь опять мелкими разсказами. Соскучился.

Если Алексѣй Алексѣевичъ будетъ писать мнѣ, то пусть пишетъ по московскому адресу.

LXXVII.

Г. М. Чехову.

(Съ подлинника).

10 сент. (1888 г. Москва.)

Спасибо тебѣ, милый Георгій, за письмо и прости пожалуйста, что я проѣздомъ черезъ Таганрогъ не побывалъ у Васъ.

Всей душой хотѣлъ я повидаться съ вами, пожить въ Таганрогѣ, погулять по саду, мечталъ объ этомъ еще зимою, но бѣда въ томъ, что когда я проѣзжалъ черезъ Таганрогъ и съ вокзала глядѣлъ на Михайловскую церковь (это было 6 августа, въ день Преображенія), то чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и рѣшительно не былъ въ состояніи исполнить свое и твое желаніе, т.-е. остаться въ Таганрогѣ. Цѣлый мѣсяцъ я ѣздилъ по Крыму и Закавказью и утомился страшно; мнѣ опротивѣли вагоны, и виды, и города и я думалъ только о

томъ, какъ бы скорѣе попасть мнѣ домой, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали семья и работа. Не далъ же я вамъ знать о своемъ проѣздѣ, потому что боялся оторвать тебя отъ дѣла, а дядю отъ праздничнаго отдыха.

Былъ я въ Крыму, въ Сухумѣ, Новомъ Аѳонѣ, Поти, Батумѣ, Тифлисѣ, Баку, купался въ Черномъ и въ Каспійскомъ моряхъ, ѣздилъ на пароходахъ: В. К. Михаилъ, Юнона, Диръ, Дѣдушка [1]), былъ на Пушкинѣ и на Коцебу, а въ будущемъ году поѣду на Ольгѣ въ Константинополь, а оттуда въ Старый Аѳонъ.

Миша говорилъ, что ты зимою побываешь въ Москвѣ. Буду очень радъ и употреблю всѣ силы, чтобы тебѣ не показалось скучно. Не знаешь ли чего о докторѣ Еремѣевѣ? [2])

Поклонъ всѣмъ. Твоей мамашѣ цѣлую руку и желаю здоровья. Будь счастливъ и да хранятъ тебя ангелы небесные.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Сент. (1888 г. Москва.)

Думаю, что это мое письмо застанетъ еще Васъ въ Ѳеодосіи, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ.

Корректуру московской эскулапіи для вашего календаря я возьму съ удовольствіемъ и буду радъ, если угожу. Мнѣ еще не высылали ее, но вѣроятно скоро вышлютъ. Я буду хозяйничать въ ней и сдѣлаю, что съумѣю, но боюсь, что она выйдетъ у меня не похо-

---

[1]) Вѣроятно, «Бабушка».

[2]) Таганрогскій докторъ.

жа на петербургскую, т. е. будетъ полнѣе, или тоще. Если эту мою боязнь Вы находите основательной, то телеграфируйте типографіи, чтобы мнѣ для соображенія выслали и петерб. корректуру. Не хорошо, если въ одномъ и томъ же отдѣлѣ Петербургъ будетъ изображать тощую корову, а Москва тучную, или наоборотъ; обѣимъ столицамъ должна быть воздаваема одинаковая честь, или покрайности Москвѣ меньшая..

Воспользуюсь случаемъ и вставлю «Дома умалишенныхъ въ Россіи» — вопросъ молодой, для врачей и земцевъ интересный. Дамъ только краткій перечень. Въ будущемъ году, если позволите, я возьму на себя всю медицинскую часть вашего календаря, теперь же я только волью новое вино въ старые мѣха—больше сдѣлать не съумѣю, ибо у меня нѣтъ пока ни плана, ни матеріала подъ руками.

Вы совѣтуете мнѣ не гоняться за двумя зайцами и не помышлять о занятіяхъ медициной. Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже въ буквальномъ значеніи этихъ словъ? Были бы гончія, а гнаться можно. Гончихъ у меня, по всей вѣроятности, нѣтъ (теперь въ переносномъ смыслѣ), но я чувствую себя бодрѣе и довольнѣе собой, когда сознаю, что у меня два дѣла, а не одно.. Медицина—моя законная жена, а литература любовница. Когда надоѣдаетъ одна, я ночую у другой. Это хотя и безпорядочно, но зато не такъ скучно, да и къ тому же отъ моего вѣроломства обѣ рѣшительно ничего не теряютъ. Не будь у меня медицины, то я свой досугъ и свои лишнія мысли едва ли отдавалъ бы литературѣ. Во мнѣ нѣтъ дисциплины.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Вамъ я написалъ много несообразностей (былъ въ грустяхъ), но, увѣряю Васъ честнымъ словомъ, говоря о своихъ отношеніяхъ къ Вамъ, я имѣлъ въ виду не Васъ, а только одного себя.

Ваши предложенія аванса, расположеніе ко мнѣ и прочее всегда имѣли для меня свой настоящій смыслъ; надо плохо знать Васъ и въ то же время быть психопатомъ 84 пробы, чтобы въ предлагаемомъ Вами хлѣбѣ подозрѣвать камень. Распространяясь о своей мнительности, я имѣлъ въ виду только свою собственную милую черту, при которой я, напечатавъ въ газетѣ одинъ разсказъ, стѣсняюсь вскорѣ печатать другой, чтобы такіе же порядочные, какъ я, люди не подумали, что я печатаюсь слишкомъ часто ради частой мзды.. Простите Бога ради, что я ни къ селу, ни (къ) городу затѣялъ эту неловкую и ненужную «полемику».

Сегодня я получилъ письмо отъ Алексѣя Алексѣевича. Передайте ему мой совѣтъ, основанный на опытѣ: держать г.г. художниковъ въ ежахъ и въ постоянномъ подозрѣніи, какъ бы они милы и краснорѣчивы ни были. Передайте ему и кстати Борѣ, что наѣздницу Годфруа я знаю. Она вовсе не хороша. Кромѣ ѣзды «высшей школы» и прекрасныхъ мышцъ, у нея ничего нѣтъ, все же остальное обыкновенно и вульгарно. Если судить по лицу, то должно быть милая женщина.....

Поклоны всѣмъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

14 Сент. (1888 г. Москва.)

Ахъ, милый Жанъ, да проглотитъ Васъ адъ за Вашъ возмутительный святотатственный почеркъ! Я не разобралъ пяти словъ... Воображаю же, во что обходится Вашъ почеркъ наборщикамъ и переписчикамъ!

Я живъ и здоровъ, живу въ Москвѣ. Больше о себѣ ничего не имѣю сказать. Не въ обиду будь мнѣ сказано, природа и абсолютное бездѣлье безконечно удовлетворяли меня: я былъ доволенъ и покоенъ; теперь же, когда мнѣ lege necessitatis приходится садиться за обязательный трудъ и по людски въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, я не доволенъ, вдаюсь въ хандру, ною, читаю мораль, мизантропствую и строю въ своей башкѣ такіе конечные выводы, что упаси Боже. За 10 дней, пока я живу въ Москвѣ, изъ дому я выходилъ только 2 раза, на минутку, а то все время сижу въ четырехъ стѣнахъ, понукаю себя къ работѣ и жду весны, когда бы мнѣ опять можно было бездѣльничать, шататься, ѣсть, писать длинныя письма и спорить съ либеральными дѣвицами.

Моя мечта: заработать къ веснѣ возможно больше денегъ, каковыя нужны мнѣ для осуществленія моихъ плановъ, въ тиши задуманныхъ. Буду стараться писать во-всю, сѣмо и овамо, вкривь и вкось, не щадя живота, пока не опротивѣю; вернусь въ Пет. Газ., въ Осколки и въ прочія колыбели моей славы, пойду въ Сѣверъ, въ Ниву и куда хотите... Денегъ, денегъ! Жениться мнѣ, что ли???

Вамъ нравится Медвѣдь? Коли такъ, пошлю его въ цензуру. Воображаю, сколько деньжищъ заработали Вы вашими «Горами Кавказа!» Я сижу съ 15 рублями, а будущее, когда я начну получать гонорарій, представляется мнѣ такимъ же отдаленнымъ, какъ страшный судъ. Задолжалъ я за лѣто болѣе 500 рублевъ. Ну не курицынъ ли я сынъ?

Чтобы освѣжить и обновить воздухъ въ своей квартирѣ, взялъ къ себѣ въ жильцы молодость въ образѣ гимназиста первоклассника, ходящаго на головѣ, получающаго единицы и прыгающаго всѣмъ на спины [1]).

---

[1]) Сережа Киселевъ.

Какъ идетъ ваша книжная торговля?

Если будете въ Москвѣ, то милости просимъ въ мою берлогу. Буде увидите Тихонова, передайте и ему мое приглашеніе. Про «Дачнаго мужа»—пьесу я еще ничего не слышалъ и не читалъ; если буду у Корша, то поразспрошу его насчетъ новыхъ пьесъ, кину камешекъ въ Вашъ огородъ и о результатахъ бесѣды сообщу Вамъ. Но это едва ли случится раньше 2—3 недѣль.

Суворинъ еще въ Ѳеодосіи, гдѣ воздвигаетъ себѣ замокъ.

Ну, будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А что мы теряемъ жизнь—это такъ же вѣрно, какъ то, что Вы носите очки. Впрочемъ чортъ его знаетъ!

LXXX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Сент.).

Сейчасъ получилъ твое письмо, ὦ νεανιά! [1]) Прежде всего считаю пріятнымъ долгомъ сказать нѣсколько лестныхъ словъ по адресу твоего послѣдняго субботника. Онъ очень хорошъ, хотя и писанъ съ перваго лица. Лизавета—настоящая Лизавета, живой человѣкъ; языкъ прелестенъ, сюжетъ симпатичный.

Рукоплещу твоимъ покушеніямъ на маленькій фельетонъ. Только избери какой нибудь постоянный псевдонимъ, ибо одна буква не годится. Къ псевдониму редак-

---

[1]) О юноша.

торы и читатели привыкаютъ, а къ литерамъ нѣтъ. Не мѣшало бы тебѣ также мало по малу перейти къ коротенькимъ замѣткамъ на первую страницу на сюжеты Скальковскаго. Почему бы тебѣ не ругать, напримѣръ, нижегородскихъ купцовъ за ихъ петиціи, полныя безнадежной глупости и жалкихъ фразъ?

Вчера получилъ отъ старичины [1]) длинное письмо. Будетъ въ Москвѣ около 20-го. Онъ пишетъ мнѣ:

(слѣдуетъ выписка изъ письма).

И все письмо такое. Необычайно симпатичныя письма, рисующія этого хорошаго человѣчину.

Сегодня получилъ громадное, въ 6—7 листовъ письмо и отъ Суворина-фиса. Рѣшаемъ съ нимъ въ письмахъ разные высокой важности вопросы. Вообще семья Суворинихъ великолѣпная, теплая; я къ ней сильно привязался, а что дальше будетъ, не знаю.

Выписка изъ письма—секретъ. Порви.

Мать бы поѣхала къ тебѣ, да денегъ нѣтъ.

Справку въ своемъ архивѣ насчетъ цуцыка [2]) сдѣлаю, а ты за это поскорѣе вышли мнѣ отчетъ о сумасшедшихъ домахъ д-ра Архангельскаго, возвращенный тебѣ Поповымъ. Этотъ отчетъ нуженъ мнѣ для суворинскаго календаря. Не отдалъ ли ты его осколочнымъ дамамъ? Вышли заказной бандеролью — безъ атласа, к-рый я увезу изъ Питера самъ.

Поклоны всѣмъ и отъ всѣхъ.

Женитьба не уйдетъ, была бы охота.

Начинаю писать для Н. В. [3]).

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) А. С. Суворина.

[2]) Сынъ адресата.

[3]) Новаго Времени.

LXXXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Сент. Москва. (1888 г.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, не велите казнить, велите слово вымолвить! Теперь вижу, что когда я обѣщалъ Вамъ разсказъ для *октябрьской* книжки, въ моей головѣ перепуталась вся ариѳметика. Ѣдучи въ Москву, я рѣшилъ въ сентябрѣ писать для Сѣв. Вѣстника, кончить къ 1—2 октября и послать не позже 5-го октября.. Вотъ это то канальское «октября» и перепуталось въ моей башкѣ съ «октябрьской» книжкой. Начавъ писать въ началѣ сентября я ни коимъ образомъ не могъ бы поспѣть къ той книжкѣ, которая печатается въ сентябрѣ! Прошу убѣдительно Васъ и Анну Михайловну простить меня за разсѣянность. Въ Ноябрской книжкѣ разсказъ мой будетъ [1]), это внѣ всякаго сомнѣнія, (если не забракуете его). Я пишу его помаленьку и выходитъ онъ у меня сердитый, потому что я самъ сердитъ ужасно..

Что касается Гаршинскаго сборника, то не знаю, что и сказать Вамъ. Не дать разсказа—не хочется. Во первыхъ, такихъ людей, какъ покойный Гаршинъ, я люблю всей душой и считаю своимъ долгомъ публично расписываться въ симпатіи къ нимъ; во вторыхъ, Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; въ-третьихъ—отказаться отъ участія въ сборникѣ, значитъ поступить не по-товарищески, сирѣчь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелѣпое положеніе!

---

[1]) «Именины».

У меня рѣшительно нѣтъ темъ, сколько-нибудь годныхъ для сборника.

Все, что есть, или очень пошло, или очень весело, или очень длинно; былъ одинъ неважный сюжетецъ, да и тотъ я уже пустилъ въ дѣло и въ образѣ небольшого очерка послалъ въ Новое Время, гдѣ я по уши залѣзъ въ долги. Впрочемъ есть у меня еще одна тема: молодой человѣкъ Гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткій, попадаетъ первый разъ въ жизни въ домъ терпимости. Такъ какъ о серьезномъ нужно говорить серьезно, то въ разсказѣ этомъ всѣ вещи будутъ названы настоящими ихъ именами. Быть можетъ, мнѣ удастся написать его такъ, что онъ произведетъ, какъ бы я хотѣлъ, гнетущее впечатлѣніе; быть можетъ онъ выйдетъ хорошъ и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура, или сама редакція не выхватитъ изъ него то, что въ немъ я считаю за важное? Вѣдь сборникъ иллюстрированный, стало-быть, цензурный. Если поручитесь, что *ни одно* слово не будетъ вычеркнуто, я напишу разсказъ въ два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недѣльку, я дамъ Вамъ мой окончательный отвѣтъ: авось надумаю сюжетъ! Исполать многопишущимъ Щедрину и Щеглову! Конечно, много работать лучше, чѣмъ ничего не дѣлать, и Вашъ упрекъ по адресу молодыхъ писателей вполнѣ заслуженъ. Съ другой же стороны, многописаніе къ лицу не всякому писателю. Взять бы хоть меня къ примѣру. Въ истекшій сезонъ я написалъ Степь, Огни, пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, началъ романъ.. и что же? Если промыть 100 пудовъ этого песку, то получится (если не считать гонорара) 5 золотниковъ золота, только.

Все-таки мнѣ и въ предстоящій сезонъ не избѣжать многописанія. Буду во всѣ лопатки стараться заработать возможно больше денегъ, чтобы опять провести

лѣто ничего не дѣлая.. Ахъ, какъ мнѣ опостылѣла Москва! Осень еще только началась, а ужъ я помышляю о веснѣ. Покупку хутора я отложилъ до Декабря. Вы боитесь, чтобы я не опуталъ себя банковскими цѣпями. Едва ли это возможно. Дѣло въ томъ, что я покупаю пустяки и въ банкъ мнѣ прійдется платить не болѣе того, что я ежегодно плачу за дачу, т.-е. 100—150—200 руб., а на это меня хватитъ. А банковскій долгъ при среднемъ заработкѣ можно будетъ похѣрить въ 2—3 года. Если же вздумаю строиться, то самая дорогая постройка въ 6—7 комнатъ, высокихъ, съ полами обойдется не дороже тысячи рублей, которую я могу лѣтомъ авансировать въ трехъ мѣстахъ, или же просто заработать къ лѣту. Крыша въ первое время будетъ соломенная (что въ Полтавской губ. очень красиво дѣлается), полы и окна выкрасимъ сами (Миша отлично краситъ), и многое сами сдѣлаемъ, ибо къ этому съ малолѣтства пріучены. Главное—мебель и обстановка. Если нѣтъ комфорта, то самый хорошій домъ покажется чортъ знаетъ чѣмъ. А мебели-то у меня и нѣтъ. Увы!

Если ваша догадка относительно Короленко справедлива, то очень жаль. Короленко незамѣнимъ. Его любятъ, читаютъ, да и человѣкъ онъ очень хорошій. Откровенно говоря, мнѣ грустно, что и Михайловскій уже больше не работаетъ въ Сѣв. Вѣстн. Онъ талантливъ и уменъ, хотя и скучноватъ былъ въ послѣднее время; замѣнить его Протопоповымъ [1]) или Impacatus'омъ такъ же трудно, какъ замѣнить луну свѣчкой. Вѣроятно, будущимъ лѣтомъ, по крайней мѣрѣ до іюля, мы опять будемъ жить у Линтваревыхъ. Въ Крымъ ѣхать я Вамъ не совѣтую; ужъ коли хотите ошеломиться природой и ахнуть, то поѣзжайте на Кавказъ. Минуя курорты

---

[1]) Извѣстный критикъ.

въ родѣ Кисловодска, поѣзжайте по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, оттуда въ Боржомъ, изъ Боржома черезъ Сурамскій перевалъ въ Батумъ. Это дешевле, чѣмъ житье въ ..... Ялтѣ.

Жоржикъ [1]), кажется, ѣдетъ въ консерваторію.

Поклонъ всѣмъ вашимъ и Леонтьеву.

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ Питерѣ буду въ ноябрѣ.

LXXXII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(1888 г. Москва).

17 Сент. 3½ часа пополудни.

Свѣжая новость:

Къ Финику [2]) приходилъ Ивановъ сообщить, какіе заданы уроки. Будучи приглашенъ наверхъ, онъ вошолъ въ комнату Финика, самъ сконфузился, сконфузился и Финикъ. Угрюмо глядя въ одну точку, онъ басомъ сообщилъ, что задано, толкнулъ локтемъ Финика въ бокъ и сказалъ: «Прощай, Киселевъ!» И не подавая руки, удалился. Повидимому, соціалистъ.

А. Чеховъ.

Кашля нѣтъ.

На случай нашествія на вашу квартиру Ивановыхъ, Петровыхъ и Сидоровыхъ, не найдете ли Вы нужнымъ ассигновать сумму на возмѣщеніе причиняемыхъ ими убытковъ?

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

[2]) Сынъ адрессатки гимназистъ Сережа, жившій у А. П. Ивановъ— его товарищъ по гимназіи.

LXXXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

24 (Сент. 1888 г. Москва).

Отче Александре!

Сейчасъ былъ у меня С. и со свойственною ему нервозностью, съ хожденіемъ изъ угла въ уголъ и смотрѣніемъ черезъ очки, сталъ мнѣ слезно каяться, что онъ сдѣлалъ «непростительную и неловкую глупость», которую никогда себѣ не проститъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что, садясь въ вагонъ близь Симферополя и будучи удрученъ тяжкими мыслями и дифтеритообразной болѣзнью своего маленькаго сынишки, онъ прочелъ твой разсказъ «Письмо» (разсказъ очень не плохой), который ему не понравился, и тотчасъ же написалъ тебѣ грубое письмо, что-то въ родѣ: «Писать и печатать плохіе разсказы можно, но узурпировать чужое имя нельзя и проч.».. Письмо это написано просто изъ желанія сорвать свою хандру на первомъ попавшемся. Ты былъ первый, тебѣ и влетѣло.

По пріѣздѣ въ Петерб., С. будетъ передъ тобой извиняться. Съ своей стороны считаю нужнымъ заявить тебѣ слѣдующее. Объ узурпаціи и поддѣлкѣ подъ чужое имя не можетъ быть и рѣчи, ибо:

1) Каждый русскоподданый властенъ писать что угодно, и подписываться какъ угодно, тѣмъ паче подписывать свое собственное имя.

2) О томъ, что подпись «Ал. Чеховъ» не представляетъ для меня неудобства и не вовлекаетъ меня въ протори и безславіе, у насъ съ тобой былъ уже разговоръ, и мы на этотъ счетъ съ тобой уже условились.

Критерій «одинъ пишетъ лучше, другой хуже» не можетъ имѣть мѣста, ибо времена перемѣнчивы, взгляды и вкусы различны. Кто сегодня писалъ хорошо, тотъ завтра можетъ превратиться въ бездарность и наоборотъ. То, что мною уже изданы 4 книги, ни мало не говоритъ противъ тебя и противъ твоего права. Черезъ 3—5 лѣтъ у тебя можетъ быть 10 книгъ, такъ неужели же и мнѣ прійдется просить у тебя позволеніе расписываться Антономъ, а не Антипомъ Чеховымъ?

3) Когда С.-фисъ отъ имени редакціи спросилъ меня, не имѣю ли я чего-нибудь противъ Ал. Чехова, и когда я отвѣтилъ отрицательно, то онъ сказалъ:

— Это ваше дѣло. Намъ же лучше, если имя Чехова будетъ чаще встрѣчаться въ газетѣ.

Извиняясь, С. будетъ въ свое оправданіе приводить свой разговоръ съ Альфонсомъ Додэ, который жаловался ему на брата Эрнеста Додэ. Этотъ разговоръ доказываетъ только то, что А. Додэ не скроменъ и открыто сознается, что онъ лучше брата, и еще доказываетъ, что Эрнесту отъ Альфонса житья нѣтъ и что Альфонсъ *жалуется*.

Пока я не жалуюсь и не являюсь истцомъ, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ тащить тебя въ Синедріонъ.

Смертнаго часа намъ не миновать, жить еще прійдется не долго, а потому я не придаю серьезнаго значенія ни своей литературѣ, ни своему имени, ни своимъ литературнымъ ошибкамъ. Это совѣтую и тебѣ. Чѣмъ проще мы будемъ смотрѣть на щекотливые вопросы въ родѣ затронутаго С., тѣмъ ровнѣе будутъ и наша жизнь, и наши отношенія.

Ан. Чеховъ и Ал. Чеховъ — не все ли это равно?

Пусть это интересуетъ Б. и прочихъ похабниковъ а мы съ тобой отойдемъ въ сторону.

Мнѣ жаль С. Онъ искренно опечаленъ.

Всѣ наши здравы.

Твой *А. Чеховъ.*

LXXXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

30 Сентября (1888 г. Москва).

Уфъ! Сейчасъ кончилъ разсказъ [1]) для Сѣв. Вѣстника, дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Отъ непривычки и послѣ лѣтняго отдыха такъ утомился, что Вы и представить себѣ не можете. Сажусь переписывать на чисто. 5-го Октября Вы получите. Разсказъ вышелъ немножко длинный (2 листа), немножко скучный, но жизненный и, представьте, съ «направленіемъ». Когда прочтете его, то напишите мнѣ свое мнѣніе пожалуйста.

Былъ у меня проѣздомъ Суворинъ. Провелъ у меня день. Онъ просилъ Васъ прислать ему корректуру моего разсказа раньше, чѣмъ онъ буедтъ измаранъ цензурой.

Сегодня идетъ у Корша Дачный мужъ Ивана Щеглова. Милѣйшій Жанъ зачахъ, изнылъ и высохъ отъ волненій. Если описать его, то получится комедія посмѣшнѣе дачнаго мужа.

Право, будетъ очень и очень не дурно, если Бѣжецкій-Масловъ попадетъ въ лоно Сѣв. Вѣст. Онъ

---

[1]) «Именины».

хорошій человѣкъ и несомнѣнно талантливъ. Его сотрудничество было бы полезно для обѣихъ сторонъ: и для С. В. и для него самого. Сѣв. Вѣст. пріобрѣлъ бы талантливаго беллетриста, а Бѣжецкій вышелъ бы изъ-подъ ферулы Буренина. Масловъ молодъ, жить хочетъ, а скептикъ Буренинъ гнететъ его.. Мнѣ кажется, что 150 р. за листъ можно дать ему. Вѣдь деньги не великія.

Спѣшу работать. Будьте счастливы. Поклонитесь всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

LXXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

2 Октября (1888 г. Москва.)

«Дачный мужъ» провалился и Жанъ Щегловъ обратился въ тѣнь. Пьеса написана небрежно, турнюръ и фальшивые зубы прицѣплены къ скучной морали; натянуто, грубовато и пахнетъ проституціей. Въ пьесѣ нѣтъ женственности, нѣтъ легкомыслія, нѣтъ ни жены, ни мужа, ни Павловска, ни музыки, ни соли, ни воздуха; я видѣлъ на сценѣ сарай и мѣщанъ, которыхъ авторъ уличаетъ и казнитъ за то, надъ чѣмъ слѣдуетъ только смѣяться и смѣяться не иначе, какъ по-французски. Можете себѣ представить, Жанъ для контраста вывелъ на сцену дворника и горничную, добродѣтельныхъ пейзанъ, любящихъ другъ друга попростецки и хвастающихъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ турнюровъ. Берите молъ, господа, съ насъ примѣръ.. Тяжело! Пусть бы прислуга только дурачилась и смѣшила, такъ нѣтъ, это показалось милому Жану не серьезнымъ и онъ при-

цѣпилъ къ метламъ и фартухамъ дешевенькую мораль. И вышла чортъ знаетъ какая окрошка. Глама играла не жену, а кокотку, Градовъ [1]) не мужа, не чиновника, а шута гороховаго... Декораціи были отвратительны. Жанъ ходитъ теперь около меня, «поправляетъ» свою пьесу и ноетъ:

— Если бы Глама надѣла побольше турнюръ, если бы не кричалъ суфлеръ, да если бы Коршъ не былъ скупъ, то...

То ничего не вышло бы все-таки. «Горы Кавказа» имѣли успѣхъ, потому что были безъ претензій и только смѣшили, а Дачный мужъ хочетъ и смѣшить, и трагедіей пахнуть, и возводить турнюръ на высоту серьезнаго вопроса..

Алексѣя Алексѣевича еще нѣтъ въ Москвѣ.

Повѣстушку свою я кончилъ. Написана она вяло и небрежно, а поправлять нѣтъ времени.

(Безъ окончанія).

LXXXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

4 Окт. (1888 г. Москва.)

Дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ.

Разсказъ для Сѣвернаго Вѣстника [2]) переписалъ и послалъ въ редакцію. Утомился. Теперь жду гонорара. Весь сентябрь я сидѣлъ безъ денегъ, кое-какія вещишки заложилъ и бился, какъ рыба объ ледъ; ка-

---

[1]) Артисты театра Корша.

[2]) «Именины».

ждый сентябрь мнѣ круто приходится, въ этомъ же году послѣ лѣтняго бездѣлья и житья въ счетъ будущаго, сентябрь былъ для меня особенно мраченъ. Былъ долженъ Суворину 400 руб., отработалъ 200.

Какъ-то я послалъ Вамъ изъ театра Корша письмо. Если «Мѣдные лбы» пойдутъ у Корша, то не забудьте черезъ меня, или черезъ кого хотите, заключить условіе. Коршъ платитъ за оригинальныя пьесы 2% съ акта, а за переводныя 1%. Деньги не важныя, но все-таки деньги и бросать ихъ не слѣдуетъ. Вашихъ «Мѣдныхъ лбовъ» въ каталогѣ драм. общества нѣтъ. Кстати: Коршъ платитъ обществу уже 6 рублей съ акта, а не 5. Свѣтловъ [1]) актеръ хорошій и парень славный.

Сегодня былъ у меня Павелъ Линтваревъ. Пріѣхалъ поступать въ Петровскую Академію, но его бѣднягу, кажется, не пріймутъ. Онъ подъ надзоромъ.

Въ Москвѣ гоститъ Жанъ Щегловъ. Его «Дачный Мужъ» въ Москвѣ успѣха не имѣлъ, но по всѣмъ видимостямъ будетъ имѣть его въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ Москвѣ не понятны ни Павловскъ, ни дачный мужъ, ни дачная прислуга, ни департаментская служба. Пьеса очень легка и смѣшна и въ тоже время раздражаетъ: къ турнюру дачной жены прицѣплена мораль. Я такого мнѣнія, что если милый Жанъ будетъ продолжать въ духѣ Дачнаго Мужа, то его карьера, какъ драматурга, не пойдетъ дальше капитанскаго чина. Нельзя жевать все одинъ и тотъ же типъ, одинъ и тотъ же городъ, одинъ и тотъ же турнюръ. Вѣдь кромѣ турнюровъ и дачныхъ мужей на Руси есть много еще кое-чего смѣшного и интереснаго. Во-вторыхъ, надо бросить дешовую мораль. Горы Кавказа написаны безъ претензій на мораль, а потому имѣли выдающійся

---

[1]) Н. В., артистъ театра Корша.

успѣхъ. Я совѣтую Жану написать большую комедію, этакъ актовъ въ пять, и во всякомъ случаѣ не бросать беллетристики.

Скоро Вы увидите Жоржа. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Въ письмѣ къ Аннѣ Михайловнѣ я просилъ не вычеркивать въ моемъ разсказѣ ни одной строчки. Эта моя просьба имѣетъ въ основаніи не упрямство и не капризъ, а страхъ, чтобы черезъ помарки мой разсказъ не получилъ той окраски, какой я всегда боялся. Цѣлую Васъ крѣпко и остаюсь сердечно любящимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

Почтеніе Вашимъ.

LXXXVII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Окт. (1888 г. Москва.)

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Вчера кончилъ повѣсть для Сѣверн. Вѣстника, надъ которою возился весь сентябрь, и сегодня отвожу душу на письмахъ. Гдѣ Вы? Въ городѣ, или на Тоснѣ? Пишу по городскому адресу.

Прежде всего — спасибо за «Пухъ и перья» [1]). Изданіе хорошее, рисунки очень приличные и добросовѣстные. Разсказы подобраны такъ, какъ нужно. Именно такіе разсказы мнѣ наиболѣе симпатичны у Васъ. Въ нихъ простота, юморъ, правда и мѣра.. Особенно мнѣ понравился разсказъ, гдѣ два приказчика пріѣзжаютъ къ хозяину въ гости на дачу и хозяинъ говоритъ имъ: «дышите! что жъ вы не дышете?» Отличный разсказъ.

---

[1]) Разсказы адресата.

Кстати. Я, кажется, не писалъ еще Вамъ своего мнѣнія о «Сатирѣ и Нимфѣ» [1]). Если хотите знать мое мнѣніе, то прежде всего «Сатиръ и Нимфа» стоятъ гораздо ниже «Стукина и Хр.» [2]). Сатиръ романъ чисто мѣстный, питерскій, захватываетъ онъ узкій и давно уже изученный районъ. Во всѣхъ этихъ Заколовѣ, Акулинѣ, Пантелеѣ, Тычинкинѣ, кромѣ развѣ мужа Акулины Данилы, нѣтъ ничего новаго. Все это знакомые; романъ ихъ тоже исторія старая, интриганство Катерины тоже не ново. Читается романъ легко, весело, часто смѣешься, въ концѣ немножко грустно становится, и больше ничего. Стукинъ же, на котораго критика не обратила никакого вниманія, вещь совсѣмъ новая и рисующая то, чего ни одинъ еще писатель не рисовалъ. Стукинъ имѣетъ значеніе серьезное и стоитъ многаго (по моему мнѣнію) и будетъ служить чуть ли не единственнымъ памятникомъ банковскихъ безобразій нашего времени; къ тому же фигурируютъ въ немъ не Акулина и не Катерина, а птицы болѣе высшаго порядка. Если въ Сатирѣ хороши частности, то Стукинъ хорошъ въ общемъ. Простите эту безсвязную критику. Не умѣю я критиковать.

Проѣзжая по Харьково-Никол. дорогѣ, я видѣлъ такую картину. Въ вагонѣ сидитъ какой-то субъектъ съ тирольской рожей и въ венгерской шляпѣ. Передъ нимъ стоитъ «физико-химическій аппаратъ» со стеклянным цилиндромъ, въ которомъ плаваетъ «морской житель». За пятакъ каждый желающій получаетъ фотогр. карточку и «свою судьбу», начертанную помянутымъ жителемъ. На аппаратѣ выставлены на показъ 4 карточки: Суворова, Ю. Самарина, Патти и Ваша. Это должно быть пріятно Вашему авторскому сердцу.

---

[1]) [2]) Разсказы адресата.

На дняхъ Николай сдѣлалъ рисунокъ, очень не дурной. Я посовѣтовалъ ему послать его въ Осколки. Получили ли Вы? Живетъ Николай у меня, пока очень степенно. Работаетъ. Присылайте ему темъ, но только черезъ мои руки. Когда я вмѣшиваюсь, то дѣла его идутъ живѣе. Кстати: если будете высылать ему гонораръ, то высылайте не на его имя и не на мое (некогда ходить на почту), а на имя моего брата студента Михаила Чехова. На его же имя высылайте и посылки буде таковыя будутъ.

Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ, а также Билибину.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*

LXXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Октябрь).

Здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Корша я успокою, какъ только увижусь съ нимъ. А если у Васъ будутъ лишнія деньги, то не покупайте театра. Имѣть въ столицѣ театръ, возиться съ актерами, актрисами и авторами, угадывать вкусы публики, видѣть въ своемъ театрѣ всегда рожи газетчиковъ, требующихъ контромарокъ и пишущихъ неизвѣстно гдѣ—все это не возбуждаетъ нервы, а гнететъ; къ тому же антрепренерскія бразды дѣлаютъ человѣка слишкомъ популярнымъ. На Вашемъ мѣстѣ «центръ нервной дѣятельности» я цѣликомъ перенесъ бы на югъ. Тамъ море и свѣжіе

люди. Тамъ можно завести пароходъ «Новое Время», можно построить церковь по собственному вкусу и театръ, и даже буфетъ—и все бы это пошло въ прокъ. Въ театрѣ можно свои пьесы ставить.

Жанъ Щегловъ все еще говоритъ о Дачномъ мужѣ, о Коршѣ, о Гламѣ, о Соловцовѣ.. Когда мы его не слушаемъ, онъ обращается къ моему жильцу-гимназисту и начинаетъ изливать ему свою душу.. Дернула же его нелегкая родиться мужчиной, да еще драматургомъ! Онъ у Васъ будетъ. Успокойте его, пожалуйста, хотя это и не легко. Маслову передайте, что Евреинова и прочія дамы Сѣв. Вѣстника не виноваты. Замѣтка о его книгѣ сдѣлана и помѣщена нѣкіимъ умнымъ мужчиной безъ вѣдома дамъ. Когда я лѣтомъ ѣхалъ съ Евреиновой на югъ (она была безъ турнюра и публика ужасно надъ ней потѣшалась), то она всю дорогу мечтала только о поднятіи въ журналѣ беллетрист. отдѣла и о приглашеніи «молодыхъ силъ», въ томъ числѣ и Маслова. Замѣтка не важная, меня ругаютъ чаще и рѣзче; придавать ей значеніе не слѣдуетъ и Масловъ сдѣлалъ бы не дурно, если бы послалъ Евреиновой повѣсть. Ему нужно жениться, пить вино, не бросать военной службы и писать то, что хочется.. А вѣдь онъ хочетъ писать повѣсти! Что же касается Р. М., то тамъ сидятъ не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимаютъ въ литературѣ, какъ свинья въ апельсинахъ. Къ тому же библіограф. отдѣлъ ведетъ тамъ дама. Если дикая утка, которая летитъ въ поднебесьи, можетъ презирать свойскую, которая копается въ навозѣ и въ лужахъ, и думаетъ, что это хорошо, то такъ должны презирать художники и поэты мудрость копченыхъ сиговъ. Сердитъ я на Р. М. и на всю московскую литературу!

У Виктора Петровича [1]) сочленовный ревматизмъ. При этой болѣзни иногда бываетъ воспаленіе сердца и врачъ всегда долженъ быть на сторожѣ. Причиной пороковъ сердца чаще всего бываетъ ревматизмъ. Но только зачѣмъ В. П. выходитъ изъ дому? Ему нельзя не выходить, ни работать, ни мыться.. Я такъ полагаю, что черезъ мѣсяцъ онъ будетъ уже здоровъ. Пусть Ивана Ильича [2]) броситъ читать: отъ сочленовнаго ревматизма не умираютъ.

Въ «Ивановѣ» я радикально передѣлалъ 2 и 4 акты. Иванову далъ монологъ, Сашу подвергнулъ ретуши и проч. Если и теперь не поймутъ моего Иванова, то брошу его въ печь и напишу повѣсть «Довольно!» Названія не измѣню. Не ловко. Если бы пьеса не давалась еще ни разу, тогда другое бы дѣло.

Вся моя фамилія Вамъ кланяется.

Щегловъ, видѣвшій Сальвини 6 разъ, говоритъ, что Отелло-Ленскій хорошъ. Хочу написать коротенькую рецензію, да не знаю, съ какого конца начать.. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Байрону [3]). Виноградовымъ желаю скорѣйшаго выздоровленія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Такъ какъ зимою Вы заняты, то буду стараться писать Вамъ такія письма, которыя не требуютъ отвѣта.

А Алексѣя Алексѣевича все еще нѣтъ!

---

[1]) Буренинъ.

[2]) Повѣсть Л. Н. Толстого.

[3]) Такъ въ шутку прозвали младшаго сына адресата

LXXXIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 октября (1888 г. Москва).

Простите, дорогой Алексѣй Николаевичъ, что пишу на простой бумагѣ, почтовой нѣтъ ни одного листа, а ждать, когда принесутъ изъ лавочки, не хочется и некогда.

Большое Вамъ спасибо за то, что прочли мой разсказъ [1]) и за Ваше послѣднее письмо. Вашими мнѣніями я дорожу. Въ Москвѣ мнѣ разговаривать не съ кѣмъ и я радъ, что въ Петербургѣ у меня есть хорошіе люди, которымъ не скучно переписываться со мной. Да, милый мой критикъ, Вы правы! Середина моего разсказа скучна, сѣра и монотонна. Писалъ я ее лѣниво и небрежно. Привыкнувъ къ маленькимъ разсказамъ, состоящимъ только изъ начала и конца, я скучаю и начинаю жевать, когда чувствую, что пишу середину. Правы Вы и въ томъ, что не таите, а прямо высказываете свое подозрѣніе: не боюсь ли я, чтобъ меня сочли либераломъ? Это даетъ мнѣ поводъ заглянуть въ свою утробу. Мнѣ кажется, что меня можно скорѣе обвинить въ обжорствѣ, въ пьянствѣ, въ легкомысліи, въ холодности, въ чемъ угодно, но только не въ желаніи казаться или не казаться. Я никогда не прятался. Если я люблю Васъ, или Суворина, или Михайловскаго, то этого я нигдѣ не скрываю. Если мнѣ симпатична моя героиня Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсахъ, то я этого въ разсказѣ не скрываю, что кажется достаточно ясно. Не прячу я и своего уваженія къ земству,

---

[1]) «Именины.»

которое люблю, и къ суду присяжныхъ. Правда, подозрительно въ моемъ разсказѣ стремленіе къ уравновѣшиванію плюсовъ и минусовъ. Но вѣдь я уравновѣшиваю не консерватизмъ и либерализмъ, которые не представляютъ для меня главной сути, а ложь героевъ съ ихъ правдой. Петръ Дмитричъ лжетъ и буфонитъ въ судѣ, онъ тяжолъ и безнадеженъ, но я не могу скрыть, что по природѣ своей онъ милый и мягкій человѣкъ. Ольга Михайловна лжетъ на каждомъ шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняетъ ей боль. Украйнофилъ не можетъ служить уликой. Я не имѣлъ въ виду Павла Линтварева. Христосъ съ Вами! Павелъ Михайловичъ умный, скромный и про себя думающій парень, никому не навязывающій своихъ мыслей. Украйнофильство Линтваревыхъ — это любовь къ теплу, къ костюму, къ языку, къ родной землѣ! Оно симпатично и трогательно. Я же имѣлъ въ виду тѣхъ глубокомысленныхъ идіотовъ, которые бранятъ Гоголя за то, что онъ писалъ не по хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и блѣдными бездѣльниками, ничего не имѣя ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, тѣмъ не менѣе стараются казаться выше средняго уровня и играть роль, для чего и нацѣпляютъ на свои лбы ярлыки. Что же касается человѣка 60-хъ годовъ, то въ изображеніи его я старался быть остороженъ и кратокъ, хотя онъ заслуживаетъ цѣлаго очерка. Я щадилъ его. Это полинявшая недѣятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; въ 5 классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти. Это не шарлатанъ, а дурачекъ, который вѣруетъ въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не по-

нимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистокъ, на женщинъ, на писателей и на все современное и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ сусликъ. Шестидесятые годы—это святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его значитъ опошлять его. Нѣтъ, не вычеркну я ни украйнофила, ни этого гуся, который мнѣ надоѣлъ! Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ гимназіи, надоѣдаетъ и теперь. Когда я изображаю подобныхъ субъектовъ, или говорю о нихъ, то не думаю ни о консерватизмѣ, ни о либерализмѣ, а объ ихъ глупости и претензіяхъ.

Теперь о мелочахъ. Когда студента Военно-Мед. Академіи спрашиваютъ, на какомъ онъ факультетѣ, то онъ коротко отвѣчаетъ: на медицинскомъ. Объяснять публикѣ разницу между Академіей и Университетомъ въ обычномъ, разговорномъ языкѣ станетъ только тотъ студентъ, кому это интересно и не скучно. Вы правы, что разговоръ съ беременной бабой смахиваетъ на нѣчто толстовское. Я припоминаю. Но разговоръ этотъ не имѣетъ значенія; я вставилъ его клиномъ только для того, чтобы у меня выкидышъ не вышелъ ex abrupto. Я врачъ и по сему, чтобы не осрамиться, долженъ мотивировать въ разсказахъ медицинскіе случаи.

И насчетъ затылка Вы правы. Я это чувствовалъ, когда писалъ, но отказаться отъ затылка, который я наблюдалъ, не хватило мужества: жалко было.

Правы Вы также, что не можетъ лгать человѣкъ, который только что плакалъ. Но правы только отчасти. Ложь—тотъ же алкоголизмъ. Лгуны лгутъ и умирая.

На дняхъ неудачно застрѣлился аристократъ офицеръ, женихъ одной знакомой намъ барышни. Отецъ этого жениха, генералъ, не идетъ въ больницу навѣстить

сына и не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, какъ свѣтъ отнесся къ самоубійству его сына..

Я получилъ Пушкинскую премію! Эхъ, получить бы эти 500 рублей лѣтомъ, когда весело, а зимой они пойдутъ прахомъ.

Завтра сажусь писать разсказъ для Гаршинскаго сборника. Буду стараться. Когда онъ выльется въ нѣчто форменное, то я увѣдомлю Васъ и обезпечу обѣщаніемъ. Готовъ онъ будетъ, вѣроятно, не раньше будущаго воскресенья. Я теперь волнуюсь и плохо работаю.

Одинъ экз. сборника запишите Линтваревымъ, другой артисту Ленскому... Впрочемъ, я пришлю списочекъ своихъ подписчиковъ. Какая цѣна сборнику?

Свѣтлову отвѣтъ давно уже посланъ.

«Цѣпи» Сумбатова хороши. Ленскій играетъ Пропорьева великолѣпно. Будьте здоровы и веселы. Премія выбила меня изъ колеи. Мысли мои вертятся такъ глупо, какъ никогда. Мои всѣ кланяются Вамъ, а я кланяюсь Вашимъ. Холодно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XC.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

9 Октябрь (1888 г. Москва.)

Простите, уважаемый товарищъ, что я пишу Вамъ на простой бумагѣ. Почтовой не оказалось въ столѣ ни единаго листика, а ждать, когда принесутъ изъ лавочки, некогда.

Я насчетъ плахтъ. Въ цѣнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь. Я назначилъ Вамъ цифры, потому что не имѣю понятія о цѣнѣ. Выбирая плахты, останавливайте свой

выборъ предпочтительно на темныхъ и линючихъ цвѣтахъ. Простите, милый докторъ, за безпокойство! Если Вы сердитесь, то напишите мнѣ ругательное письмо: я прочту его и смиренно прижму къ сердцу.

Гаршинскій сборникъ выйдетъ въ Декабрѣ. Задержка отъ беллетристовъ, которые едва ли дадутъ что-нибудь путное. Я тоже даю.

Разсказъ въ $2^1/_4$ листа уже посланъ въ Сѣв. Вѣстникъ. Начало и конецъ читаются съ интересомъ, но середина—жеваная мочалка. Не хватило пороху!

Въ моей печкѣ воетъ жалобно вѣтеръ. Что-то онъ подлецъ говоритъ, но что — не пойму никакъ.

Получилъ я извѣстіе, что Академія Наукъ присудила мнѣ Пушкинскую премію въ 500 р. Это, должно-быть, извѣстно уже Вамъ изъ газетныхъ телеграммъ. Офиціально объявятъ объ этомъ 19-го окт. въ публичномъ засѣданіи Академіи съ подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть за то, что я раковъ ловилъ.

Премія, телеграммы, поздравленія, пріятели, актеры, актрисы, пьесы — все это выбило меня изъ колеи. Прошлое туманится въ головѣ, я ошалѣлъ; тина и чертовщина городской, литераторской суеты охватываютъ меня, какъ спрутъ-осминогъ. Все пропало! Прощай лѣто, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лѣнь, прощай голубенькій костюмчикъ.

Прощай покой, прости мое довольство!
Все, все прости! Прости мой ржущій конь,
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!
Простите вы, смертельныя орудья,

Которыхъ гулъ несется по землѣ
Какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса! [1])

Если когда-нибудь страстная любовь выбивала Васъ изъ прошлаго и настоящаго, то тоже самое почти я чувствую теперь. Ахъ, не хорошо все это, докторъ, не хорошо! Ужъ коли сталъ стихи цитировать, то стало быть не хорошо!

Однако боюсь надоѣсть Вамъ. Будьте здоровы и веселы. Александрѣ Васильевнѣ почтительно цѣлую руку, а всѣмъ прочимъ посылаю сердечный привѣтъ.

Суворинъ забылъ у меня очки. Сопричислилъ ихъ къ сорочкѣ Плещеева и брючкамъ Баранцевича [2]). Музей растетъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Написалъ, чтобы Вамъ выслали Гаршинскій сборникъ.

XCI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

10 Октябрь (1888 г. Москва).

Извѣстіе о преміи имѣло ошеломляющее дѣйствіе. Оно пронеслось по моей квартирѣ и по Москвѣ, какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса. Я всѣ эти дни хожу, какъ влюбленный; мать и отецъ несутъ ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацію со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходитъ къ подругамъ и всюду трезвонитъ. Жанъ Щегловъ толкуетъ о лите-

---

[1]) Изъ «Отелло».

[2]) Вещи, забытыя у А. П. на Лукѣ.

ратурныхъ Яго и о пятистахъ врагахъ, какихъ я пріобрѣту за 500 руб. Встрѣтились мнѣ супруги Ленскіе и взяли слово, что я пріѣду къ нимъ обѣдать; встрѣтилась одна дама, любительница талантовъ, и тоже пригласила обѣдать; пріѣзжалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ инспекторъ Мѣщанскаго училища и покупалъ у меня «Каштанку» за 200 руб., чтобъ «нажить».. Я думаю такъ, что даже Анна Ивановна [1]), не признающая меня и Щеглова наравнѣ съ Разстрыгинымъ, пригласила бы меня теперь обѣдать. Иксы, Зеты и Эны, работающіе въ Будильникахъ, въ Стрекозахъ и Листкахъ, переполошились и съ надеждою взираютъ на свое будущее. Еще разъ повторяю: газетные беллетристы второго и третьяго сорта должны воздвигнуть мнѣ памятникъ, или по крайней мѣрѣ поднести серебренный портсигаръ: я проложилъ для нихъ дорогу въ толстые журналы, къ лаврамъ и къ сердцамъ порядочныхъ людей. Пока это моя единственная заслуга, все же, что я написалъ и за что мнѣ дали премію, не проживетъ въ памяти людей и десяти лѣтъ.

Мнѣ ужасно везетъ. Лѣто я провелъ великолѣпно, счастливо, истративъ почти гроши и не надѣлавъ особенно большихъ долговъ. Улыбались мнѣ и Пселъ, и море, и Кавказъ, и хуторъ, и книжная торговля (я ежемѣсячно получалъ за свои Сумерки). Въ сентябрѣ я отработалъ половину долга и написалъ повѣстушку въ $2^1/_4$ листа, что дало мнѣ больше 300 руб. Вышло 2-е изданіе Сумерекъ. И вдругъ, точно градъ съ неба, эта премія! Такъ мнѣ везетъ, что я начинаю подозрительно коситься на небеса. Поскорѣе спрячусь подъ столъ и буду сидѣть тихо, смирно, не возвышая голоса. Пока не рѣшусь на серьезный шагъ, т.-е. не

---

[1]) Супруга адресата.

напишу романа, буду держать себя въ сторонѣ тихо и скромно, писать мелкіе разсказы безъ претензій, мелкія пьесы, не лѣзть въ гору и не падать внизъ, а работать ровно, какъ работаетъ пульсъ Буренина: [1]) Я послушаюсь того хохла, который сказалъ: «колыбъ я бувъ царемъ, то укравъ бы сто рубливъ и утикъ». Пока я маленькій царекъ въ своемъ муравейникѣ, украду сто рублей и убѣгу. Впрочемъ, кажется, я ужъ начинаю писать чепуху.

Теперь обо мнѣ говорятъ. Куй желѣзо, пока горячо. Надо бы напечатать объявленіе объ обѣихъ моихъ книгахъ раза три подъ рядъ теперь и 19-го, когда о преміи будетъ объявлено оффиціально. 500 рублей я спрячу на покупку хутора. Книжная выручка пойдетъ туда же.

. . . . . .

Радъ, что моя передовая пригодилась. Разсказъ о молодомъ человѣкѣ и о проституціи [2]), о которомъ я говорилъ Вамъ, посылается въ Гаршинскій сборникъ.

На душѣ у меня непокойно. Впрочемъ, все это пустяки. Поклонъ и привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Списокъ врачей я послалъ въ календарь. Пришлось передѣлать все. Если позволите, я въ будущемъ году возьму на себя всю календарную медицину. Лѣтомъ займусь въ охотку. Будьте здоровы и покойны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Посылаю разсказъ учителя Ежова. Разсказъ такъ же не зрѣлъ и наивенъ какъ его героиня Леля,—этимъ онъ хорошъ. Все деревянное я вычеркнулъ. Если разсказъ не сгодится, то не бросайте. Мой протеже будетъ уязвленъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ изображена волнистая линія.

[2]) «Припадокъ».

Масловъ пишетъ мнѣ: «2-й разъ мнѣ передаютъ вашъ совѣтъ жениться. Что значитъ этотъ совѣтъ, благородный серъ?»

XCII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

10 Окт. (Москва. 1888 г.)

Пріѣхалъ Жоржъ Линтваревъ и играетъ у насъ на піанино. Послѣ завтра ѣдетъ въ Питеръ. Жанъ Щегловъ уже выбылъ.

Милый Алексѣй Николаевичъ, нельзя ли прислать корректуру моего разсказа? [1]). Я ничего не прибавлю, но кое-что, быть-можетъ, исправлю и вычеркну. Во-вторыхъ, не замолвите ли Вы словечко, чтобы мнѣ поскорѣе выслали гонорарій? Чахну!

Я въ плохомъ настроеніи: у меня кровохарканье. Вѣроятно, пустяки, но все-таки непріятно.

Сегодня на Кузнецкомъ въ присутствіи сестры обвалилась высокая кирпичная стѣна, упала черезъ улицу и подавила много людей.

Будьте здоровы. Привѣтъ Вашимъ. Мои всѣ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

14 Окт. (1888 г. Москва.)

Еще разъ здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Жанъ Щегловъ вѣроятно вчера или сегодня передалъ Вамъ мое письмо со вложеніемъ разсказа моего протеже

---

[1]) «Именины».

Ежова. Сегодня пишу отвѣтъ на Ваше послѣднее письмо. Сначала о кровохарканьи.. Впервые я замѣтилъ его у себя 3 года тому назадъ въ Окружномъ судѣ: продолжалось оно дня 3—4 и произвело немалый переполохъ въ моей душѣ и въ моей квартирѣ. Оно было обильно. Кровь текла изъ праваго легкаго. Послѣ этого я раза два въ годъ замѣчалъ у себя кровь, то обильно текущую т.-е. густо красящую каждый плевокъ, то не обильно.. Третьяго дня или днемъ раньше—не помню, я замѣтилъ у себя кровь, была она и вчера, сегодня ея уже нѣтъ. Каждую зиму, осень и весну, и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изо рта, есть что-то зловѣщее, какъ въ зареьѣ. Когда же нѣтъ крови, я не волнуюсь и не угрожаю русской литературѣ «еще одной потерей». Дѣло въ томъ, что чахотка, или иное серьезное легочное страданіе узнаются только по совокупности признаковъ, а у меня-то именно и нѣтъ этой совокупности. Само по себѣ кровотеченіе изъ легкихъ не серьезно; кровь льется иногда изъ легкихъ цѣлый день, она хлещетъ, всѣ домочадцы и больной въ ужасѣ, а кончается тѣмъ, что больной не кончается — и это чаще всего. Такъ и знайте на всякій случай: если у кого-нибудь, завѣдомо не чахоточнаго, вдругъ пойдетъ ртомъ кровь, то ужасаться не нужно. Женщина можетъ потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менѣе половины.

Если бы то кровотеченіе, какое у меня случилось въ Окружномъ судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ — вотъ моя логика.

Что касается брата, то я долженъ только благодарить Васъ...

Цѣлые сутки мой жилецъ — гимназистъ [1]), внукъ Ашанина [2]), пролежалъ въ постели съ темпер. въ 40°, съ головной болью и съ бредомъ. Представьте всеобщій ужасъ, а въ особенности мой! Его мать такая симпатичная женщина, какихъ мало. Меня мучилъ вопросъ: посылать ей телеграмму, или нѣтъ? Телеграмма ошеломила бы ее—мальчишка у нея единственный сынъ—, а не послать телеграммы—не имѣю права. Къ счастью птенецъ ожилъ и вопросъ рѣшился самъ собою. Кстати: приходилъ изъ гимназіи классный наставникъ птенца, человѣкъ забитый, запуганный циркулярами, недалекій и ненавидимый дѣтьми за суровость (у него пріемъ: взять мальчика за плечи и трепать его; представьте, что въ Ваши плечи вцѣпились руки человѣка, котораго Вы ненавидите). Онъ у меня конфузился, ни разу не сѣлъ и все время жаловался на начальство, которое ихъ, педагоговъ, передѣлало въ фельдфебелей. Оба мы полиберальничали, поговорили о югѣ (оказались земляками), повздыхали.. Когда я ему сказалъ:—а какъ свободно дышется въ нашихъ южныхъ гимназіяхъ!—онъ безнадежно махнулъ рукой и ушолъ.

Классные наставники обязаны посѣщать квартиры учениковъ; положеніе ихъ дурацкое, особенно когда прійдя къ ученику они застаютъ толпу гостей: конфузъ всеобщій.

О Севильскомъ обольстителѣ я поговорю у Корша, позондирую актеровъ, но едва ли поставятъ! Вѣдь нужны спеціальныя декораціи и костюмы, а Коршъ скупехонекъ. И играть у него некому. Посовѣтуйте

---

[1]) Сережа Киселевъ.

[2]) Вл. Петр. Бегичевъ, директоръ Моск. Импер. театровъ, описанный Марковичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ» подъ фамиліей «Ашанинъ».

Маслову, если нѣтъ времени писать комедіи, приняться за водевили.. Вѣдь между большой пьесой и одноактной разница только количественная. Напишите и Вы потихоньку водевиль *) (съ псевдонимомъ), кстати я запишу Васъ въ Драматич. Общество.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Окт.)

Читалъ я своего «Иванова». Если, думается мнѣ, написать другой IV актъ, да кое что выкинуть, да вставить одинъ монологъ, который сидитъ уже у меня въ мозгу, то пьеса выйдетъ законченной, и весьма эффектной. Къ Рождеству исправлю и пошлю въ Александринку.

Медвѣдь пропущенъ цензурой (кажется, не безусловно) и будетъ идти у Корша. Соловцовъ жаждетъ играть его.

Нѣтъ ли у Маслова пьесы? Я бы поставилъ ее у Корша. Актеры со мной очень нѣжны.

Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ, Борѣ, Буренину и Маслову.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонъ Трезору и нововременской уткѣ.

Очки и каталогъ драм. общества вы получите съ Алекс. Алекс.

---

*) Одноактную драму или комедію. Прим. А. П.

XCV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

17 Октябрь (1888 г. Москва.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой. На сихъ дняхъ Жанъ Щегловъ притащитъ къ вамъ мою одноактную пьесу «Калхасъ» или «Лебединая пѣсня». Нельзя ли прочесть ее въ литературномъ комитетѣ и пропустить? Достоинства въ пьесѣ отсутствуютъ; значенія ей я не придаю никакого, но дѣло въ томъ, что Ленскому [1]) хочется во что бы то ни стало сыграть ее на малой сценѣ. Прошу не столько я, сколько Ленскій. Если же не пропустите, то на томъ свѣтѣ Вамъ достанется отъ Люцифера и аггеловъ его, я же лично ничего не буду имѣть противъ. Власть, юже даде Вамъ Богъ, я почитаю и прекословить ей не стану. Если когда нибудь я буду членомъ комитета, то буду налагать veto безжалостно.

Безденежье одолѣло, вою волкомъ, но что дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ. Попросите Анну Михайловну [2]), чтобы она не безпокоилась.

Жоржъ [3]) уже былъ у васъ.

Въ Москвѣ нѣтъ ничего новаго. Скучно и грустно, и сѣро, и свинцово..

Будьте здоровехоньки и поклонитесь Вашимъ. Моя фамилія шлетъ Вамъ свой привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

1) Артистъ Импер. Малаго театра въ Москвѣ.

2) А. М. Евреинова — издательница «Сѣвернаго Вѣстника».

3) Г. М. Линтваревъ.

XCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Октября. (1888 г. Москва.)

Начало пьесы получилъ [1]). Благодарю Васъ. Благосвѣтловъ войдетъ цѣликомъ, какъ онъ есть. Вы его сдѣлали хорошо: онъ утомляетъ и раздражаетъ съ первыхъ же словъ, а если публика будетъ слушать его 3—5 минутъ подъ рядъ, то получится именно то впечатлѣніе, какое нужно. Зритель будетъ думать:—«Ахъ, да замолчи ты, пожалуйста!» Этотъ человѣкъ т.-е. Благосвѣтловъ долженъ дѣйствовать на зрителей и какъ умный, подагрическій брюзга и какъ скучная музыкальная пьеса, которую долго играютъ. Насколько онъ удался у Васъ, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое дѣйствіе и пришлю вамъ.

Въ Анучинѣ я оставлю фамилію и «все такое», разговоръ же его надо подмаслить немножко. Анучинъ натура рыхлая, масленистая, любящая, и рѣчь его тоже рыхлая, масленистая, а у Васъ онъ слишкомъ отрывистъ и не достаточно благодушенъ. Надо, чтобы отъ этого крестнаго отца вѣяло старостью и лѣнью. Ему лѣнь слушать Благосвѣтлова; вмѣсто того, чтобы спорить, онъ охотнѣе подремалъ бы и послушалъ разсказовъ о Питерѣ, о царѣ, о литературѣ, о наукѣ, или закусилъ бы въ хорошей компаніи.

Напоминаю Вамъ афишу нашей пьесы:

---

[1]) Рѣчь идетъ о той пьесѣ, которую задумалъ А. П. и которую хотѣлъ написать вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ. Это сотрудничество не состоялось, и пьеса была написана А. П. единолично («Лѣшій», позднѣе «Дядя Ваня»).

1) Александръ Платонычъ Благосвѣтловъ, членъ государственнаго совѣта, имѣетъ Бѣлаго орла, получаетъ пенсіи 7.200 руб.; происхожденія поповскаго, учился въ семинаріи. Положеніе, которое онъ занималъ, добыто путемъ личныхъ усилій. Въ прошломъ ни однаго пятна. Страдаетъ подагрой, ревматизмомъ, безсонницей, шумомъ въ ушахъ. Недвижимое получилъ въ приданое. Имѣетъ умъ положительный. Не терпитъ мистиковъ, фантазеровъ, юродивыхъ, лириковъ, святошъ, не вѣруетъ въ Бога и привыкъ глядѣть на весь міръ съ точки зрѣнія дѣла. Дѣло, дѣло и дѣло, а все остальное—вздоръ или шарлатанство.

2) Борисъ, его сынъ студентъ, юнецъ, очень нѣжный, и очень честный, но ни бельмеса не смыслящій въ жизни. Вообразивъ себя однажды народникомъ, онъ вздумалъ одѣться мужикомъ и нарядился туркомъ. Играетъ отлично на рояли, поетъ съ чувствомъ, пишетъ тайкомъ пьесы, влюбчивъ, тратитъ массу денегъ и всегда говоритъ вздоръ. Учится плохо.

3) Дочь Благосвѣтлова. но только пожалуйста не Саша. Это имя мнѣ надоѣло уже въ Ивановѣ. Коли сынъ Борисъ, то дочка пусть будетъ Настя. (Пусть мы Борѣ и Настѣ воздвигнемъ памятникъ нерукотворный..) Настѣ 23—24 года. Она отлично образована, умѣетъ мыслить.. Петербургъ ей скученъ, деревня тоже. Не любила ни разу въ жизни. Лѣнива, любитъ философствовать, читаетъ книги лежа; хочетъ выйти замужъ только ради разнообразія и чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ. Говоритъ, что можетъ влюбиться только въ интереснаго человѣка. За Пушкина или Эдиссона она вышла бы съ удовольствіемъ, она бы влюбилась, но за хорошаго человѣка она пойдетъ только отъ скуки; мужа будетъ уважать, а дѣтей любить. Увидѣвъ и послушавъ лѣшаго, она отдается страсти до nec plus ultra, до судорогъ,

до глупаго, безпричиннаго смѣха. Порохъ, подмоченный петербургской тундрой, высыхаетъ подъ солнцемъ и вспыхиваетъ съ страшной силой.. Любовное объясненіе я придумалъ феноменальное.

4) Анучинъ, старикъ. Считаетъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Сыновья его въ люди вышли, дочки замужемъ, а самъ онъ—вольная птица. Никогда не лѣчился, никогда не судился, орденовъ не носилъ, забываетъ часы заводить и со всѣми пріятель. Ужинаетъ плотно, спитъ отлично, пьетъ много и безъ послѣдствій, на старость свою сердится, о смерти не умѣетъ думать. Когда то хандрилъ и брюзжалъ, имѣлъ плохой аппетитъ и интересовался политикой, но случай спасъ его: однажды по какому то поводу лѣтъ 10 тому назадъ ему пришлось на земскомъ собраніи попросить у всѣхъ прощенія—послѣ этого онъ вдругъ почувствовалъ себя весело, захотѣлъ ѣсть и, какъ натура субъективная, общественная до мозга костей, пришелъ къ тому заключенію, что абсолютная искренность въ родѣ публичнаго покаянія есть средство отъ всѣхъ болѣзней. Это средство рекомендуетъ онъ всѣмъ, между прочимъ и Благосвѣтлову.

5) Викторъ Петровичъ Коровинъ, помѣщикъ лѣтъ 30—33, лѣшій. Поэтъ, пейзажистъ, страшно чувствующій природу. Какъ то, будучи еще гимназистомъ, онъ посадилъ у себя во дворѣ березку; когда она позеленѣла и стала качаться отъ вѣтра, шелестѣть и бросать маленькую тѣнь, душа его наполнилась гордостью: онъ помогъ Богу создать новую березу, онъ сдѣлалъ такъ, что на землѣ стало однимъ деревомъ больше! Отсюда начало его своеобразнаго творчества. Онъ воплощаетъ свою идею не на полотнѣ, не на бумагѣ, а на землѣ, не мертвой краской, а организмами.. Дерево прекрасно, но мало этого, оно имѣетъ право на жизнь, оно нужно,

какъ вода, какъ солнце, какъ звѣзды. Жизнь на землѣ не мыслима безъ деревьевъ. Лѣса обусловливаютъ климатъ, климатъ вліяетъ на характеръ людей и т. д., и т. д. Нѣтъ ни цивилизаціи, ни счастья, если лѣса трещатъ подъ топоромъ, если климатъ жостокъ и черствъ, если люди тоже жостки и черствы.. Будущее ужасно! Настѣ нравится онъ не за идею, которая ей чужда, а за талантъ, за страсть, за широкій размахъ идеи.. Ей нравится, что онъ размахнулся мозгомъ черезъ всю Россію и черезъ десять вѣковъ впередъ. Когда онъ прибѣгаетъ къ ея отцу и со слезами, всхлипывая, умоляетъ его, чтобы онъ не продавалъ своего лѣса на срубъ, она хохочетъ отъ восторга и счастья, что наконецъ увидѣла человѣка, въ котораго не вѣрила раньше, когда узнавала его черты въ мечтахъ и въ романахъ..

6) Галаховъ, сверстникъ Лѣшаго, но уже статскій совѣтникъ, очень богатый человѣкъ, служащій вмѣстѣ съ Скальковскимъ. Чиновникъ до мозга костей и отдѣлаться отъ этого чиновничества своего никакъ не можетъ, ибо оно унаслѣдовано отъ дѣдовъ съ плотью и кровью.. Хочется ему жить сердцемъ, но не умѣетъ. Старается понимать природу и музыку, но не понимаетъ. Человѣкъ честный и искренній, понимающій, что Лѣшій выше его и открыто сознающійся въ этомъ. Хочетъ жениться по любви, думаетъ, что онъ влюбленъ, пастраиваетъ себя на лирическій тонъ, но ничего у него не выходитъ. Настя нравится ему только какъ красивая, умная дѣвушка, какъ хорошая жена, и больше ничего.

7) Василій Гавриловичъ Волковъ, братъ покойной жены Благосвѣтлова. Управляетъ имѣньемъ послѣдняго (свое прожилъ во время оно). Жалѣетъ, что не кралъ. Онъ не ожидалъ, что петербургская родня такъ плохо будетъ

понимать его заслуги. Его не понимаютъ, не хотятъ понять и онъ жалѣетъ, что не кралъ. Пьетъ Виши и брюзжитъ. Держитъ себя съ гоноромъ. Подчеркиваетъ, что не боится генераловъ. Кричитъ.

8) Люба, его дочь. Эта о земномъ печется. Куры, утки, ножи, вилки, скотный дворъ, премія Нивы, которую нужно вставить въ раму, угощеніе гостей, обѣды, ужины, чай—ея сфера. Считаетъ личнымъ оскорбленіемъ для себя, если кто нибудь вмѣсто нея берется наливать чай:—«А, стало быть, я ужъ не нужна въ этомъ домѣ?» Не любитъ тѣхъ, кто соритъ деньгами и не занимается дѣломъ. Преклоняется передъ Галаховымъ за его положительность. Вы не такъ ее выпустили. Нужно, чтобъ она вышла изъ глубины сада взволнованная и подняла крикъ:—«Какъ смѣли Марья и Акулина оставитъ индюшатъ ночевать въ росѣ?» или что нибудь въ родѣ. Она всегда строгая. Строга и съ людьми и съ утками. Настоящія хозяйки никогда не восхищаются дѣлами рукъ своихъ, а напротивъ стараются доказать, что жизнь у нихъ каторжная, отдохнуть, прости Господи, некогда, всѣ сидятъ сложа руки и только она бѣдная выбивается изъ силъ.. Настю и Бориса отчитываетъ за дармоѣдство, а Благосвѣтлова боится.

9) Семенъ, мужикъ, прикащикъ у Лѣшаго.

10) Странникъ Ѳеодосій, старикъ 80 лѣтъ, но еще не сѣдой. Николаевскій солдатъ, служилъ на Кавказѣ и говоритъ по лезгински. Сангвиникъ. Любитъ анекдоты и веселые разговоры; кланяется всѣмъ въ ноги, цѣлуетъ въ плечико и насильно цѣлуетъ дамъ. Послушникъ Афонскаго монастыря. Собралъ на своемъ вѣку 300 тысячъ и все до копѣйки отослалъ въ монастырь, самъ же нищенствуетъ. Пускаетъ дурака и подлеца, не стѣсняясь ни чиномъ, ни мѣстомъ.

Вотъ Вамъ и вся афиша. Не позже Рождества Вы получите мой матеріалъ для перваго дѣйствія. Благосвѣтлова я не трону. Онъ и Галаховъ Ваши, я отъ нихъ отрекаюсь; добрая половина Насти Ваша. Я одинъ съ ней не справлюсь. Борисъ не важенъ, его одолѣть не трудно. Лѣшій до четвертаго акта мой, а въ четвертомъ до бесѣды съ Благосвѣтловымъ Вашъ. Въ этой бесѣдѣ я долженъ буду держаться общаго тона фигуры, тона, котораго Вы не поймаете.

Второй актъ (гости) начнете опять Вы.

Ѳеодосій эпизодическое лицо, которое, думаю, понадобится: мнѣ хочется, чтобы Лѣшій на сценѣ не былъ одинокъ, чтобы Благосвѣтловъ почувствовалъ себя окруженнымъ юродивыми. Я пропустилъ въ афишѣ m-lle Эмили, старуху француженку, которая тоже въ восторгѣ отъ Лѣшаго. Нужно показать, какъ г.г. Лѣшіе дѣйствуютъ на женщинъ. Эмили добрая старушка, гувернантка, не потерявшая еще своего электричества. Когда бываетъ возбуждена, мѣшаетъ французскій языкъ съ русскимъ. Терпѣливая сидѣлка Благосвѣтлова. Она Ваша. Для нея въ первомъ явленіи я оставлю пробѣлы.

Видаюсь каждый день съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Изъ архитектора онъ превратился въ ревизора [1]). Боголѣповъ сталъ еще боголѣпнѣе.. Сегодня одинъ изъ счетчиковъ въ разговорѣ со мной назвалъ его «субботой»..

Если бы Іисусъ Христосъ былъ радикальнѣе и сказалъ: «Люби врага, какъ самого себя», то онъ сказалъ бы не то, что хотѣлъ. Ближній—понятіе общее, а врагъ—частность. Бѣда вѣдь не въ томъ, что мы не навидимъ враговъ, которыхъ у насъ мало, а въ томъ, что недостаточно лю-

---

[1]) А. А. Суворинъ ревизовалъ свой московскій книжный магазинъ.

бимъ ближнихъ, которыхъ у насъ много, хоть прудъ пруди. «Люби врага, какъ самого себя», пожалуй, сказалъ бы Христосъ, если бы былъ женщиной. Женщины любятъ выхватывать изъ общихъ понятій яркія, бьющія въ глаза частности. Христосъ же, стоявшій выше враговъ, незамѣчавшій ихъ, натура мужественная, ровная и широко думающая—едвали придавалъ значеніе разницѣ, какая есть въ частностяхъ понятія «ближній». Мы съ Вами субъективны. Если намъ говорятъ напримѣръ вообще про животныхъ, то мы сейчасъ же вспоминаемъ про волковъ и крокодиловъ, или же про соловьевъ и красивыхъ козулей; для зоолога же не существуетъ разницы между волкомъ и козулей: для него она слишкомъ ничтожна. Понятіе «газетное дѣло» Вы усвоили себѣ въ широкой степени; частности, которыя заставляютъ волноваться публику, Вамъ представляются ничтожныыми.. Вы усвоили себѣ общее понятіе и потому газетное дѣло удалось Вамъ, тѣ же люди, которые сумѣли осмыслить только частности, потерпѣли крахъ.. Въ медицинѣ тоже самое. Кто не умѣетъ мыслить по медицински, а судитъ по частностямъ, тотъ отрицаетъ медицину; Боткинъ же, Захарьинъ, Вирховъ и Пироговъ, несомнѣнно умные и даровитые люди, вѣруютъ въ медицину, какъ въ Бога, потому что выросли до понятія «медицина». Тоже самое и въ беллетристикѣ. Терминъ «тенденціозность» имѣетъ въ своемъ основаніи именно не умѣнье людей возвышаться надъ частностями.

Однако я исписываю ужъ 3-й листъ. Ночь. Простите пожалуста. Поклонъ всѣмъ вашимъ.

Я совершенно здоровъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

О пьесѣ никому не говорите.

XCVII.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

(Москва. 1888 г. Окт. 20).

Спасибо Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ, за поздравленіе [1]). Насколько помню, льстецомъ я Васъ никогда не обзывалъ и Васъ не оспаривалъ; я говорилъ Вамъ только, что и великіе писатели бываютъ подвержены риску исписаться, надоѣсть, сбиться съ панталыку и попасть въ тиражъ. Я лично подверженъ этому риску въ сильнѣйшей степени, чего Вы, какъ умный человѣкъ, надѣюсь, отрицать не станете. Во-первыхъ, я «счастья баловень безродный», въ литературѣ я Потемкинъ, выскочившій изъ нѣдръ «Развлеченія» и «Волны», я мѣщанинъ во дворянствѣ, а такіе люди недолго выдерживаютъ, какъ не выдерживаетъ струна, которую торопятся натянуть. Во-вторыхъ, наибольшему риску сойти съ рельсовъ подверженъ тотъ поѣздъ, который ѣдетъ ежедневно, безъ остановокъ, не взирая ни на погоду, ни на количество топлива...

Конечно, премія—большая штука и не для меня одного. Я счастливъ, что указалъ многимъ путь къ толстымъ журналамъ, и теперь не менѣе счастливъ, что по моей милости тѣ же самые многіе могутъ разсчитывать на академическіе лавры. Все мною написанное забудется черезъ 5—10 лѣтъ; по пути, мною проложенные, будутъ цѣлы и невредимы—въ этомъ моя единственная заслуга.

Ежовъ молодецъ. Онъ послалъ уже другой «субботникъ». Вашъ «субботникъ» мнѣ симпатиченъ, особенно середка, гдѣ мать учитъ дѣвочку.

---

[1]) Съ полученіемъ Пушкинской преміи.

Напрасно Вы приложили марки. Вашъ «субботникъ» вручилъ я Суворину-фису, который пребываетъ теперь въ Москвѣ.

Отчего Вы раздумали подписаться Лазаревымъ?

Мнѣ Ваши разсказы нравятся; съ каждымъ годомъ Вы пишете все лучше и лучше, то есть, талантливѣе и умнѣе. Но Вы рискуете опоздать. Надо торопиться. Если Вы не пойдете форсированнымъ маршемъ, то прозѣваете: Ваше мѣсто займутъ другіе.

Вы хорошо дѣлаете, что боитесь мелочности и казенщины. Но опять-таки Вы не даете воли своему темпераменту. Женщинъ нужно описывать такъ, чтобы читатель чувствовалъ, что Вы въ разстегнутой жилеткѣ и безъ галстука, природу—тоже самое. Дайте себѣ свободы.

Будьте здоровы. Поклонъ Вашей женѣ. Я живъ и здоровъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

XCVIII.

А. С. Киселеву.

(Съ подлинника).

20 Окт. (1888 г. Москва.)

Милый Баринъ!

Все обстоитъ благополучно и дѣла, если не превосходны, то во всякомъ случаѣ нормальны. Наблюдая вашего финика[1]), я все болѣе прихожу къ убѣжденію, что Бабкинскій климатъ съ его вечернею сыростью ему вреденъ. Въ Москвѣ онъ чувствуетъ себя великолѣпно. Ни кашля, ни жара. Остались однѣ только помѣщицкія болѣзни: то пузико болитъ, то въ горлѣ отъ крика че-

---

[1]) Сына адресата—Сережу, жившаго у А. П.

шется, то подъ ложечкой ломитъ. Недавно онъ перепугалъ меня ужасно. Въ одинъ прекрасный вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ и желаетъ спокойной ночи. Гляжу на часы: только 8. Спрашиваю: зачѣмъ такъ рано? Уныло молчитъ и идетъ къ себѣ на верхъ. Во второмъ часу ночи ко мнѣ является мать и съ таинственно испуганной миной заявляетъ мнѣ, что Сережа сейчасъ просилъ пить. Я дѣлаю распоряженіе, чтобы утромъ его не пускали въ гимназію. Утромъ прихожу на верхъ. Финикъ лежитъ подъ одѣяломъ. Лицо красное, temper. 39°. Неохотно говоритъ, вялъ, слабъ, жалуется на безсонницу и на головную боль. Мать въ ужасѣ, сестра смотритъ на меня громадными глазами..

Тифъ? Дифтеритъ? Экзаменую Финика и мать; оказывается, что вчера былъ соусъ изъ почекъ. Даю касторки.. Вечеромъ мой больной уже изображаетъ слѣдующее: 39,5°, на животѣ кошка; мышцы живота прыгаютъ и подбрасываютъ кошку—это называется миной. Утромъ Финикъ уже прыгаетъ и вѣшается всѣмъ на шею, какъ ни въ чемъ не бывало. Является классный наставникъ Козачковъ и, полиберальничавъ со мною, съ миромъ удаляется.

Другихъ ужасовъ не было.

Не пишетъ онъ писемъ по простой причинѣ: не умѣетъ. Написать письмо для него подвигъ. Чтобы писать письма, нужно привыкнуть, а онъ до сихъ поръ въ своихъ писаніяхъ не былъ ни разу самостоятеленъ и, какъ всѣ первоклассники, не рѣшался идти дальше копированія.

Сейчасъ ждутъ въ Москвѣ Государя.

Всѣхъ студентовъ, гимназистовъ и гимназистокъ погнали въ Кремль. Значитъ, погнали и Финика, чему я очень радъ, хотя и знаю, что онъ озябнетъ. Всякія треволненія, усилія и форсированные марши для него

полезны: пріучаютъ къ самостоятельности и полезны для здоровья.

Всѣ мои гости въ восторгѣ отъ Финика.

Самое красивое въ немъ, это—его искренность.

Поклоны всѣмъ. Спѣшу.

Вашъ *А. Чеховъ*

XCIX.

А. С. Суворину.

23 Окт. (1888 г. Москва.)

Я опять о дѣлахъ.

Былъ Островскій, братъ министра. Онъ послалъ Вамъ тюкъ разсказовъ[1]) и пачку рисунковъ. Рисунки плохи, но сносны. Нѣсколько, по моему совѣту, забраковано; забракуйте и Вы нѣсколько—дешевле обойдется книга. Когда я спросилъ его объ условіяхъ, онъ сказалъ: «условія обыкновенныя, вотъ какъ у Васъ.. Какъ всѣ, такъ и мы, т. е. 30%». Выкурилъ затѣмъ плохую сигару, продушилъ ею всю мебель, испортилъ воздухъ и ушолъ.. Человѣкъ онъ очень хорошій.

У насъ въ Москвѣ издается новый журналъ «Артистъ», печатающій пьесы текущаго репертуара, весьма приличный снаружи и скучный внутри. Онъ ужъ 20 разъ просилъ у меня водевили, напечатанные въ Новомъ Времени. Я всякій разъ рекомендовалъ обратиться съ этой просьбой къ Вамъ. Артистъ къ Вамъ обращаться не хочетъ, поручая сдѣлать это мнѣ самому. Что Вы скажете? Если Вы не согласитесь, то я не пострадаю отъ этого ни на одинъ сантимъ, такъ какъ водевили пой-

---

[1]) Своей сестры Н. Н. для изданія.

дутъ безплатно; если же согласитесь, то соглашайтесь не иначе, чтобы водевили были напечатаны съ примѣчаніемъ: «сей водевиль перепечатывается изъ такого то № «Новаго Времени».

Иначе выйдетъ не хорошо — таково мое мнѣніе. Отвѣтьте мнѣ, а Вашъ отвѣтъ я пошлю Артисту. Артистъ не согласенъ печатать съ примѣчаніемъ. Это его дѣло. Пусть не хочетъ, но только пусть прекратитъ свои запросы, которыми я заваленъ вообще.

Очень радъ за Ежова, что онъ печатается въ Новомъ Времени. Кстати: посылаетъ онъ Вамъ разсказы безъ моего вѣдома; я не читаю ихъ ни въ рукописяхъ, ни въ печати. Если бы я жилъ въ Петербургѣ, то напросился бы къ вамъ въ редакторы беллетристическаго отдѣла. Я бы чистилъ и шлифовалъ всѣ одобренные Вами и Буренинымъ разсказы и протежировалъ бы тѣмъ, повидимому, никуда не годнымъ вещамъ, изъ которыхъ путемъ сокращенія наполовину и путемъ корректуры можно сдѣлать сносные разсказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Знаете что? Если Васъ не пугаетъ разстояніе и скука, то пришлите мнѣ заказною бандеролью все то беллетристическое, что имѣется у Васъ подъ руками и Вами забраковано. Пришлите сами, никому не поручая, иначе ничего не выйдетъ. Я читаю быстро. Помнится, зимою ночью сидя у Васъ я изъ плохого брошеннаго разсказа К. сдѣлалъ субботникъ, который на другой день многимъ понравился.

Ваша статья насчетъ «Власти сердца» очень хороша, мнѣ понравилась, только не слѣдовало упоминать о Татьянѣ Рѣпиной и о тѣхъ упрекахъ, которые дѣлалъ Вамъ кто-то въ пространствѣ. Жена Цезаря не должна быть подозрѣваема; такъ и писатель такихъ размѣровъ, какъ Вы, долженъ быть выше упрековъ. Да и не осторожно. Разъ Вы упомянули въ началѣ о Т. Рѣпиной, вы

тѣмъ самымъ напрашиваетесь на сравненіе съ «Властью сердца», которую браните.

Я написалъ Щеглову, что очень радъ его горю. Такъ ему и нужно! Вѣдь пьеса, о которой онъ плачется, передѣлка изъ его романа «Гордіевъ узелъ». Значитъ, это не пьеса, а свинство. Романъ хорошъ, зачѣмъ его портить? И что за бѣдность такая? Точно сюжетовъ нѣтъ.

Изъ за женщинъ, конечно, не слѣдуетъ стрѣляться; не должно, но можно. Любовь не шутка. Если изъ за нея стрѣляются, то, значитъ, относятся къ ней серьезно, а это важно.

Я писалъ Вамъ не о томъ, что моя повѣсть хороша или плоха, а о томъ, что мнѣнія, которыя высказываются дѣйствующими лицами, нельзя дѣлать status'омъ произведенія, ибо не въ мнѣніяхъ вся суть, а въ ихъ природѣ. Чертъ съ ней съ повѣстью! Она можетъ не стоитъ ни гроша, не въ ней дѣло.

24 Декабря я праздную 10 лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Нельзя ли получить каммергера?

Миша [1]) можетъ написать историч. романъ для дѣтей.

Онъ хочетъ жениться.

Видѣлъ я Вѣрочку Мамышеву [2]). Очень счастлива.

Поклонитесь Аннѣ Ивановнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Гею, чтобы онъ поскорѣе выздоравливалъ и пріѣзжайте въ Москву.

---

[1]) Братъ А. П.

[2]) Племянница адресата.

С.

Ему же.

(Съ подлинника).

24 Окт. (1888 г. Москва).

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, я умилился и написалъ замѣтку, которую при семъ прилагаю. Тема хорошая, но замѣтка, кажется, опоздала и вышла слишкомъ куцей. Такія вещи надо писать залпомъ, въ 5 минутъ, а меня то и дѣло перебивали то визитеры, то домочадцы.

Я заказалъ къ «Каштанкѣ» рисунки. Ѣду сейчасъ къ пріятелю художнику [1]), большому охотнику, изучившему собакъ до мозга костей. Попрошу его нарисовать собаку для обложки.

Лѣшій годится для романа, я это самъ отлично знаю. Но для романа у меня нѣтъ силы. Не приспѣ еще время благопріятное. Маленькую повѣсть написать можно.

Если бы я писалъ комедію «Лѣшій», то имѣлъ бы на первомъ планѣ не актеровъ и не сцену, а литературность. Если бы пьеса имѣла литературное значеніе, то и на томъ спасибо.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Будьте здоровы. Я пріѣду въ Ноябрѣ

Вашъ *А. Чеховъ.*

Алексѣй Алексѣевичъ еще въ Москвѣ.

---

[1]) А. С. Степановъ.

CI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

25 Окт. (1888 г. Москва).

Спасибо Вамъ за Калхаса [1]), дорогой Алексѣй Николаевичъ! Кто у Васъ переписывалъ второй экземпляръ? Кто бы ни былъ этотъ таинственный благодѣтель, передайте ему мою благодарность и обѣщаніе—привезти изъ Москвы конфектъ.

Елена Алексѣевна [2]) была у насъ два раза: днемъ и вечеромъ. Днемъ посидѣла 6 минутъ, а вечеромъ 22 минуты. Обѣщала побывать и въ третій разъ, но обѣщанія своего не исполнила. Я ей вполнѣ сочувствую: у насъ мертвецки скучно. Пока не наступитъ настоящій зимній сезонъ, веселящій элементъ дремлетъ, а скучающій брюзжитъ и наводитъ скуку. Шумъ въ моей квартирѣ начинается обыкновенно въ концѣ ноября.

Вы пишете, чтобы я про Сѣв. Вѣстникъ держалъ въ секретѣ. Недѣли 2—3 тому назадъ я получилъ письмо отъ нѣкоего литератора, который подробнѣйшимъ образомъ описывалъ мнѣ кризисъ, переживаемый С. Вѣстникомъ; онъ пишетъ, что о кризисѣ всѣ говорили вслухъ на похоронахъ Полетики. Вотъ тутъ и извольте имѣть секреты!

Если у Сѣв. Вѣстн. 4 тысячи подписчиковъ, то конечно робѣть нечего! 4 тысячи—цифра настолько хорошая, что при извѣстныхъ усиліяхъ и осторожности, можно и капиталъ нажить и невинность соблюсти. По

---

[1]) Одноактная пьеса А. П.

[2]) Дочь адресата.

крайней мѣрѣ можно обойтись безъ долговъ. Чтобы пріобрѣсти и пятую или шестую тысячу, нужно рекламировать. Безъ рекламы у насъ все идетъ черепашьимъ шагомъ.

Пожалуйста полюбуйтесь на 1-й номеръ «Эпохи»! Какое мальчишество! Всѣ эти господа эпоховцы разыграли изъ себя такихъ мальчишекъ, что просто совѣстно.

Жоржинька [1]) талантливый человѣкъ. Изъ всѣхъ піанистовъ, скрипачей, дирижеровъ, барабанщиковъ и горнистовъ, какихъ только я зналъ на своемъ вѣку, Жоржинька единственный показался мнѣ художникомъ. У него есть душа, есть чутье и взгляды, онъ не глупъ и мало испорченъ предразсудками тѣхъ кружковъ, гдѣ ему волею судебъ приходилось бывать. Главное его горе—лѣнь и робость. Онъ не вѣритъ себѣ. Я недостаточно серьезенъ и недостаточно музыкаленъ, чтобы имѣть силу убѣдить его. Вамъ же онъ къ счастью вѣритъ и ваша попытка возбудить его можетъ имѣть хорошіе результаты. Я хотѣлъ бы, чтобы умная и милая Линтваревская семья не прожила свой вѣкъ зря. Линтваревы—прекрасный матеріалъ; всѣ они умны, честны, знающи, любящи, но все это погибаетъ даромъ, ни за понюшку табаку, какъ солнечные лучи въ пустынѣ.

Теперь о зависти. Если премію мнѣ дали въ самомъ дѣлѣ не по заслугамъ, то и зависть, которую она возбуждаетъ, свободна отъ правды. Завидовать и досадовать имѣютъ нравственное право тѣ, кто лучше меня, или идетъ рядомъ со мной, но отнюдь не тѣ господа Леманы и К°, для которыхъ я собственнымъ лбомъ пробилъ дорогу къ толстымъ журналамъ и къ этой же преміи! Эти сукины сыны должны радоваться, а не завидовать. У нихъ ни патріотизма, ни любви къ литературѣ, а одно самолюбишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣхъ.

---

[1]) Г. М. Линтваревъ.

Будь я и Короленко—геніи, спаси мы съ нимъ отечество, создай мы храмъ Соломоновъ, то насъ возненавидѣли бы еще больше, потому что г. г. Леманы не видятъ ни отечества, ни литературы—все это для нихъ вздоръ; они замѣчаютъ только чужой успѣхъ и свой неуспѣхъ, а остальное хоть травой порости. Кто не умѣетъ быть слугою, тому нельзя позволить быть господиномъ; кто не умѣетъ радоваться чужимъ успѣхамъ, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать въ руки общественное дѣло.

Мои всѣ шлютъ Вамъ привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CII.

А. П. Ленскому.

26 Окт. (1888 г. Москва.)

Уважаемый Александръ Павловичъ!

Сегодня былъ у Васъ и оставилъ Калхаса и копію. Когда цензурованный экземпляръ перестанетъ быть нужнымъ, то будьте добры, возьмите его отъ режиссера и сохраните: онъ пойдетъ къ Разсохину [1]).

Я назвалъ Калхаса Лебединой пѣсней. Названіе длинное, кисло-сладкое, но другого придумать никакъ не могъ, хотя думалъ долго. Простите, что я такъ долго возился съ пьесой. Дѣло въ томъ, что ей пришлось пройти въ этотъ разъ два чистилища: драмат. цензуру и комитетъ. Если бы не цензура, то она давно уже была бы у Васъ.

Почтеніе Лидіи Николаевнѣ [2]). Желаю Вамъ здоровья.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

---

[1]) Владѣлецъ Театральной библіотеки въ Москвѣ

[2]) Жена А. П. Ленскаго.

CIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Окт. (1888 г. Москва).

Ежовъ не воробей, а скорѣе (выражаясь на благородномъ языкѣ охотниковъ) онъ щенокъ, который еще не опсовѣлъ. Онъ еще только бѣгаетъ и нюхаетъ, бросается безъ разбора и на птицъ, и на лягушекъ. Опредѣлить его породу и способности пока затрудняюсь. Въ пользу его сильно говорятъ молодость, порядочность и неиспорченность въ московско-газетномъ смыслѣ.

Я иногда проповѣдую ересь, но до абсолютнаго отрицанія вопросовъ въ художествѣ еще не доходилъ ни разу. Въ разговорахъ съ пишущей братіей я всегда настаиваю на томъ, что не дѣло художника рѣшать узко-спеціальные вопросы. Дурно, если художникъ берется за то, чего не понимаетъ. Для спеціальныхъ вопросовъ существуютъ у насъ спеціалисты; ихъ дѣло судить объ общинѣ, о судьбахъ капитала, о вредѣ пьянства, о сапогахъ, о женскихъ болѣзняхъ.. Художникъ же долженъ судить только о томъ, что онъ понимаетъ; его кругъ также ограниченъ, какъ у всякаго другого спеціалиста—это я повторяю и на этомъ всегда настаиваю. Что въ его сферѣ нѣтъ вопросовъ, а всплошную одни только отвѣты, можетъ говорить только тотъ, кто никогда не писалъ и не имѣлъ дѣла съ образами. Художникъ наблюдаетъ, выбираетъ, догадывается, компануетъ—ужъ одни эти дѣйствія предполагаютъ въ своемъ началѣ вопросъ; если съ самаго начала не задалъ себѣ вопроса, то не о чемъ догадываться и нечего выбирать. Чтобы быть покороче, закончу психіатріей: если отри-

цать въ творчествѣ вопросъ и намѣреніе, то нужно признать, что художникъ творитъ не преднамѣренно, безъ умысла, подъ вліяніемъ аффекта; поэтому, если бы какой-нибудь авторъ похвасталъ мнѣ, что онъ написалъ повѣсть безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, а только по вдохновенію, то я назвалъ бы его сумасшедшимъ.

Требуя отъ художника сознательнаго отношенія къ работѣ, Вы правы, но Вы смѣшиваете два понятія: *рѣшеніе вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. Въ Аннѣ Карениной и въ Онѣгинѣ не рѣшонъ ни одинъ вопросъ, но они Васъ вполнѣ удовлетворяютъ, потому только, что всѣ вопросы поставлены въ нихъ правильно. Судъ обязанъ ставить правильно вопросы, а рѣшаютъ пусть присяжные, каждый на свой вкусъ.

Ежовъ еще не выросъ. Другой, котораго я рекомендую вашему вниманію, А. Грузинскій (Лазаревъ) талантливѣе, умнѣе и крѣпче.

Проводилъ я Алексѣя Алексѣевича съ наставленіемъ— ложиться спать не позже полночи. Проводить ночи въ работѣ и въ разговорахъ такъ же вредно, какъ кутить по ночамъ. Въ Москвѣ онъ выглядѣлъ веселѣй, чѣмъ въ Ѳеодосіи; жили мы дружно и по средствамъ: онъ угощалъ меня операми, а я его плохими обѣдами.

Завтра у Корша идетъ мой «Медвѣдь». Написалъ я еще одинъ водевиль: двѣ мужскія роли, одна женская [1]).

Вы пишете, что герой моихъ «Именинъ»—фигура, которою слѣдовало бы заняться. Господи, я вѣдь не безчувственная скотина, я понимаю это. Я понимаю, что я рѣжу своихъ героевъ и порчу, что хорошій матеріалъ пропадаетъ у меня зря.. Говоря по совѣсти, я

---

[1]) «Предложеніе».

охотно просидѣлъ бы надъ Именинами полъ года. Я люблю кейфовать и не вижу никакой прелести въ скоропалительномъ печатаніи. Я охотно, съ удовольствіемъ, съ чувствомъ и съ разстановкой описалъ бы *всего* моего героя, описалъ бы его душу во время родовъ жены, судъ надъ нимъ, его пакостное чувство послѣ оправдательнаго приговора, описалъ бы, какъ акушорка и доктора ночью пьютъ чай, описалъ бы дождь.. Это доставило бы мнѣ одно только удовольствіе, потому что я люблю рыться и возиться. Но что мнѣ дѣлать? Начинаю я разсказъ 10 Сент. съ мыслью, что я обязанъ кончить его къ 5 Октября—крайній срокъ; если просрочу, то обману и останусь безъ денегъ. Начало пишу покойно, не стѣсняя себя, но въ серединѣ я ужъ начинаю робѣть и бояться, чтобы разсказъ мой не вышелъ длиненъ: я долженъ помнить, что у Сѣв. Вѣстника мало денегъ и что я одинъ изъ дорогихъ сотрудниковъ. Потому то начало выходитъ у меня всегда много обѣщающее, точно я романъ началъ; середина скомканная, робкая, а конецъ какъ въ маленькомъ разсказѣ, фейерверочный. Поневолѣ, дѣлая разсказъ, хлопочешь прежде всего о его рамкахъ: изъ массы героевъ и полугероевъ берешь только одно лицо-жену, или мужа—, кладешь это лицо на фонъ и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальныхъ разбрасываешь по фону, какъ мелкую монету, и получается нѣчто въ родѣ небеснаго свода: одна большая луна и вокругъ нея масса очень маленькихъ звѣздъ. Луна же не удается, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другія звѣзды, а звѣзды не отдѣланы. И выходитъ у меня не литература, а нѣчто въ родѣ шитья Тришкинаго кафтана. Что дѣлать? Не знаю и не знаю. Положусь на всеисцѣляющее время.

Если опять говорить по совѣсти, то я еще не начиналъ своей литерат. дѣятельности, хотя и получилъ премію.

У меня въ головѣ томятся сюжеты для пяти повѣстей и двухъ романовъ. Одинъ изъ романовъ задуманъ уже давно, такъ что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ уже устарѣли, неуспѣвъ быть написаны. Въ головѣ у меня цѣлая армія людей, просящихся наружу и ждущихъ команды. Все, что я писалъ до сихъ поръ, ерунда въ сравненіи съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы написать и что писалъ бы съ восторгомъ. Для меня безразлично—писать ли Именины, или Огни, или водевиль, или письмо къ пріятелю—все это скучно, машинально, вяло, и мнѣ бываетъ досадно за того критика, который придаетъ значеніе наприм. Огнямъ, мнѣ кажется, что я его обманываю своими произведеніями, какъ обманываю многихъ своимъ серьезнымъ, или веселымъ не въ мѣру лицомъ. Мнѣ не нравится, что я имѣю успѣхъ; тѣ сюжеты, которые сидятъ въ головѣ, досадливо ревнуютъ къ уже написанному; обидно, что чепуха уже сдѣлана, а хорошее валяется въ складѣ, какъ книжный хламъ. Конечно, въ этомъ вопрлѣ много преувеличеннаго, многое мнѣ только *кажется*, но доля правды есть, и большая доля. Что я называю хорошимъ? Тѣ образы, которые кажутся мнѣ наилучшими, которые я люблю и ревниво берегу, чтобъ не потратить и не зарѣзать къ срочнымъ Именинамъ.. Если моя любовь ошибается, то я не правъ, но вѣдь возможно же, что она не ошибается! Я дуракъ и самонадѣянный человѣкъ, или же въ самомъ дѣлѣ я организмъ, способный быть хорошимъ писателемъ; все, что теперь пишется, не нравится мнѣ и нагоняетъ скуку, все же, что сидитъ у меня въ головѣ, интересуетъ меня, трогаетъ и волнуетъ—и изъ этого я вывожу, что всѣ дѣлаютъ не то, что нужно, а я одинъ только знаю секретъ, какъ надо дѣлать. Вѣроятнѣе всего, что всѣ пишущіе такъ думаютъ. Впрочемъ, самъ чертъ сломаетъ шею въ этихъ вопросахъ.

Въ рѣшеніи, какъ мнѣ быть и что дѣлать, *деньги не помогутъ*. Лишняя тысяча рублей не рѣшитъ вопроса, а сто тысячъ—на небѣ вилами писаны. Къ тому же, когда у меня бываютъ деньги (быть можетъ, это отъ непривычки, не знаю), я становлюсь крайне безпеченъ и лѣнивъ: мнѣ тогда море по колѣно.. Мнѣ нужно одиночество и время.

Простите, что я занимаю ваше вниманіе своей особой. Сорвалось съ пера. Почему-то я теперь не работаю. Спасибо, что помѣщаете мои статейки. Ради Создателя не церемоньтесь съ ними: сокращайте, удлинняйте, видоизмѣняйте, бросайте и дѣлайте что хотите. Даю Вамъ, какъ говоритъ Коршъ, картъ-бляншъ. Я буду радъ, если мои статьи не будутъ занимать чужого мѣста.

Прочтите въ Стоглавѣ почтовыя правила-объ отсылкѣ денежныхъ пакетовъ. Это Алексѣй Алексѣевичъ сочиняетъ такія правила. Его медицинскій отдѣлъ ниже всякой критики—можете передать ему это мнѣніе спеціалиста!

Напишите мнѣ, какъ по латыни называется глазная болѣзнь Анны Ивановны. Я Вамъ напишу, серьезно это, или нѣтъ. Если ей прописанъ атропинъ, то серьезно, хотя не безусловно. А у Насти что? Если думаете вылѣчиться въ Москвѣ отъ скуки, то напрасно: скучища страшная. Арестовано много литераторовъ, въ томъ числѣ и всюду сующійся Гольцевъ, авторъ девятой симфоніи [1]). За одного изъ нихъ хлопочетъ В. С. Мамышевъ [2]), который былъ сегодня у меня.

Поклонъ всѣмъ вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

У меня въ комнатѣ летаетъ комаръ. Откуда онъ взялся?

Благодарю за глазастыя объявленія о моихъ книгахъ.

---

[1]) Разсказъ В. А. Гольцова.

[2]) Зять адресата.

CIV.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника.)

27 Окт. (1888 г. Москва).

Докторъ, Вы забыли написать, сколько стоютъ плахты. Такая скрытность меня немножко конфузитъ. Пожалуста, напишите, и буде пожелаете дать какое нибудь порученіе, не церемоньтесь и давайте: я къ вашимъ услугамъ.

Премія имѣетъ значеніе, такъ сказать, духовное. Если глядѣть на нее съ чиновничьей точки зрѣнія, то она уподобляется Станиславу 3-й степени. Она казенная. Когда меня потащутъ служить на войну, ее запишутъ въ мой формулярный списокъ; главный корпусный докторъ, прочитавъ сей списокъ, глубокомысленно почешетъ у себя за ухомъ и промычитъ: «М-да». Вотъ и все.

Здоровья своего я не понимаю. Дня четыре было кровохарканье, а теперь кромѣ ничтожнаго кашля ничего.. Вы рекомендуете мнѣ принять мѣры, а не называете этихъ мѣръ. Принимать даверовъ порошокъ? Пить анисовыя капли? Ѣхать въ Ниццу? Не работать? Давайте, докторъ, условимся: не будемъ больше никогда говорить ни о мѣрахъ, ни объ Эпохѣ..

Весь октябрь я ничего не дѣлалъ. Приводилъ въ порядокъ свои сценическія бездѣлки, писалъ длинныя письма и передовыя статьи, а беллетристикой не занимался. Сегодня въ Новомъ Времени (Среда, 26-го Окт.) есть мой короткій вопль по адресу покойнаго Пржевальскаго — образчикъ моихъ передовицъ. Такихъ людей, какъ Пржевальскій, я люблю безконечно.

Вашей фразы, гдѣ Вы говорите о «мотивахъ, руководящихъ благородными и возвышенными душами» я не

понялъ. Если это камешекъ въ мой огородъ, то, увѣряю Васъ, въ моей пустѣющей отъ скуки головѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ мотивовъ. Впрочемъ, есть только два мотива: 1) не залѣзть въ долги и 2) дождаться скорѣе весны и удрать куда нибудь изъ Москвы, что бы ничего не дѣлать. Другихъ мотивовъ, задачъ и желаній у меня нѣтъ.

Въ Ноябрѣ поѣду въ Питеръ. Всѣмъ вашимъ мой сердечный привѣтъ. Будьте здоровы и да пошлетъ Аллахъ къ вашему изголовью золотые сны!

Душевно преданный

А. Чеховъ.

Лидія Ѳедоровна предобрѣйшій человѣкъ. Два слова о вашемъ піанистѣ: если онъ въ Питерѣ займется дѣломъ, то изъ него выйдетъ большой толкъ. Мое пророческое чувство меня не обманывало никогда, ни въ жизни, ни въ моей медицинской практикѣ. Черезъ часъ ѣду на практику. Холодно.

CV.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

2 Ноября. (1888 г. Москва.)

Уважаемая Марія Владиміровна! Маша получила отъ Васъ письмо и вкратцѣ разсказала мнѣ его содержаніе. Ваше душевное состояніе вынуждаетъ меня говорить съ Вами серьезно и прямо, и я серьезно, *честнымъ словомъ* увѣряю Васъ, что Сережа совершенно здоровъ, веселъ, не кашляетъ, что онъ попрежнему хорошій мальчуганъ, учится недурно и—короче говоря—ни въ его здоровьи,

ни въ поведеніи, ни въ образѣ жизни ничего не замѣчается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькія подозрѣнія, или опасенія. *Честное слово*— повторяю. Онъ попрежнему ходитъ на головѣ, ласковъ, искрененъ, груститъ по Бабкинѣ и жадно ждетъ саннаго пути, когда Вы пріѣдете къ намъ, и Рождества, когда мы пріѣдемъ къ Вамъ.

Я обѣщаю, что если случится что нибудь, немедленно, ничего не утаивая, увѣдомить Васъ. Вѣдь Вы знаете отлично, что я не имѣю права скрывать отъ Васъ и отъ Алексѣя Сергѣевича ничего, что можетъ такъ или иначе угрожать Сергѣю.

Каждое утро, лежа въ постели, я слышу, какъ что-то громоздкое кубаремъ катится внизъ по лѣстницѣ и чей то крикъ ужаса: это Сережа идетъ въ гимназію, а Ольга провожаетъ его. Каждый полдень я вижу въ окно, какъ онъ въ длинномъ пальто и съ товарнымъ вагономъ на спинѣ, улыбающійся и розовый, идетъ изъ гимназіи. Вижу, какъ онъ обѣдаетъ, какъ занимается, какъ шалитъ и до сихъ поръ не видѣлъ и тѣни такого, что могло бы заставить меня призадуматься серьезно на счетъ его здоровья или чего нибудь другого.

Вотъ и все.

Все у насъ обстоитъ благополучно. Немножко практикую. Удалось мнѣ написать глупый водевиль [1]), который, благодаря тому, что онъ глупъ, имѣетъ удивительный успѣхъ. Васильевъ въ Моск. Вѣд. обругалъ, остальные же и публика—на седьмомъ небѣ. Въ театрѣ сплошной хохотъ. Вотъ и поймч тутъ, чѣмъ угодить!

Отчего Вы не пишете въ Родникѣ? Писанье—отличное отвлекающее средство при мерлехлюндіи.

---

1) «Медвѣдь».

Будьте здоровы и пріѣзжайте при малѣйшей возможности: будемъ рады Васъ видѣть.

Поклонъ барину и Василисѣ, Михаилу Петровичу и Елизаветѣ Александровнѣ.

Сердечно преданный *А Чеховъ*

CVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Ноября. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, спѣшу увѣдомить Васъ, что разсказъ для Гаршинскаго сборника [1]) уже начатъ ($^1/_4$ сдѣлано) и что я не теряю надежды участвовать въ сборникѣ. Я прошу убѣдительно, если можно, дать мнѣ *одну недѣлю* сроку. Какъ только разсказъ будетъ готовъ, я дамъ Вамъ знать телеграммой и успокою Васъ.

Прошу отсрочки и снисхожденія не изъ лѣности. Я нахожусь въ угнетенномъ состояніи. Одна маленькая семейная неурядица [2]), о которой сообщу при свиданіи, и безденежье, которое одолѣваетъ меня съ сентября по сіе время, овладѣли всѣмъ моимъ существомъ и я совершенно неспособенъ быть покойнымъ и работать. На душѣ скверно, въ карманѣ ни гроша, долговъ гибель...

Подписчики для сборника будутъ. Отчего Вы не рекламируете его? Даже въ послѣднемъ номерѣ Сѣвернаго Вѣстника нѣтъ объявленія.

---

[1]) «Припадокъ».

[2]) Недоразумѣніе съ отбываніемъ воинской повинности, у брата Николая Павл.

Баранцевичъ требуетъ для своего сборника разсказъ. Онъ и выпуститъ, вѣроятно, одновременно съ Вами.

Если для объявленія о сборникѣ Вамъ понадобится названіе моего разсказа, то вотъ оно: «Припадокъ». Описываю Соболевъ пер. съ домомъ терпимости, но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильныхъ выраженій.

За статью Мережковскаго [1]) спасибо. О ней буду писать Вамъ особо.

Гдѣ Короленко? Что онъ? Какъ? Что пишетъ?

Сейчасъ ѣду на открытіе «Общества искусства и литературы». Будетъ балъ.

Мой «Медвѣдь» прошелъ у Корша шумно.

А опечатокъ въ моихъ «Именинахъ» видимо невидимо.

Какъ дѣла въ Сѣв. Вѣстн.? Держитесь!

Почтеніе всѣмъ Вашимъ и Жоржу Линтвареву.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Здравствуйте, Алексѣй Сергѣевичъ! Сейчасъ облекаюсь во фрачную пару, чтобы ѣхать на открытіе «Общества искусствъ и литературы», куда я приглашонъ въ качествѣ гостя. Будетъ форменный балъ. Какія цѣли и средства у этого общества, кто тамъ членомъ и проч.—я не знаю. Знаю только, что во главѣ его стоитъ Ѳедотовъ, авторъ многихъ пьесъ. Членомъ меня не избрали, чему я очень радъ, такъ какъ взносить 25 руб.

---

[1]) Объ А. П.

членскихъ за право скучать—очень не хочется. Если будетъ что нибудь интересное или смѣшное, то напишу Вамъ; Ленскій будетъ читать мои разсказы.

Въ Сѣв. Вѣстникѣ (ноябрь) есть статья поэта Мережковскаго о моей особѣ. Статья длинная. Рекомендую вашему вниманію ея конецъ. Онъ характеренъ. Мережковскій еще очень молодъ, студентъ, чуть ли не естественникъ. Кто усвоилъ себѣ мудрость научнаго метода и кто поэтому умѣетъ мыслить научно, тотъ переживаетъ не мало очаровательныхъ искушеній. Архимеду хотѣлось перевернуть землю, а нынѣшнимъ горячимъ головамъ хочется обнять научно необъятное, хочется найти физическіе законы творчества, уловить общій законъ и формулы, по которымъ художникъ, чувствуя ихъ инстинктивно, творитъ музыкальныя пьесы, пейзажи, романы и проч. Формулы эти въ природѣ вѣроятно существуютъ. Мы знаемъ, что въ природѣ есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, кругъ, квадратъ, зеленый цвѣтъ, красный, синій.., знаемъ, что все это въ извѣстномъ сочетаніи даетъ мелодію, или стихи, или картину, подобно тому какъ простыя химическія тѣла въ извѣстномъ сочетаніи даютъ дерево, или камень, или море, но намъ только извѣстно, что сочетаніе есть, но порядокъ этого сочетанія скрытъ отъ насъ. Кто владѣетъ научнымъ методомъ, тотъ чуетъ душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нѣчто общее, что та и другое создаются по одинаково правильнымъ, простымъ законамъ. Отсюда вопросъ: какіе же это законы? Отсюда искушеніе—написать физіологію творчества (Боборыкинъ), а у болѣе молодыхъ и робкихъ—ссылаться на науку и на законы природы (Мережковскій). Физіологія творчества, вѣроятно, существуетъ въ природѣ, но мечты о ней слѣдуетъ оборвать въ самомъ началѣ. Если критики станутъ на научную почву, то добра отъ этого

не будетъ: потеряютъ десятокъ лѣтъ, напишутъ много балласта, запутаютъ еще больше вопросъ—и только. Научно мыслить вездѣ хорошо, но бѣда въ томъ, что научное мышленіе о творчествѣ въ концѣ концовъ волей неволей будетъ сведено на погоню за «клѣточками», или «центрами», завѣдующими творческой способностью, а потомъ какой нибудь тупой нѣмецъ откроетъ эти клѣточки гдѣ нибудь въ височной доли мозга, другой не согласится съ нимъ, третій нѣмецъ согласится, а русскій пробѣжитъ статью о клѣточкахъ и закатитъ рефератъ въ Сѣв. Вѣстн., Вѣстникъ Европы начнетъ разбирать этотъ рефератъ и въ русскомъ воздухѣ года три будетъ висѣть вздорное повѣтріе, которое дастъ тупицамъ заработокъ и популярность, а въ умныхъ людяхъ поселитъ одно только раздраженіе.

Для тѣхъ, кого томитъ научный методъ, кому Богъ далъ рѣдкій талантъ научно мыслить, по моему мнѣнію есть единственный выходъ—философія творчества. Можно собрать въ кучу все лучшее, созданное художниками во всѣ вѣка, и, пользуясь научнымъ методомъ, уловить то общее, что дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга и что обусловливаетъ ихъ цѣнность. Это общее и будетъ закономъ. У произведеній, которыя зовутся безсмертными, общаго очень много; если изъ каждаго изъ нихъ выкинуть это *общее*, то произведеніе утеряетъ свою цѣну и прелесть. Значитъ это *общее* необходимо и составляетъ conditio sine qua non всякаго произведенія, претендующаго на безсмертіе. Для молодежи полезнѣе писать критику, чѣмъ стихи. Мережковскій пишетъ гладко и молодо, но на каждой страницѣ онъ труситъ, дѣлаетъ оговорки и идетъ на уступки — это признакъ, что онъ самъ не уяснилъ себѣ вопроса.. Меня величаетъ онъ поэтомъ, мои разсказы—новеллами, моихъ героевъ—неудачниками, значитъ, дуетъ въ рутину. Пора бы бро-

сить неудачниковъ, лишнихъ людей и проч. и придумать что нибудь свое. Мережковскій моего монаха, сочинителя акафистовъ, называетъ неудачникомъ. Какой же это неудачникъ? Дай Богъ всякому такъ пожить: и въ Бога вѣрилъ, и сытъ былъ, и сочинять умѣлъ.. Дѣлить людей на удачниковъ и на неудачниковъ значитъ смотрѣть на человѣческую природу съ узкой, предвзятой точки зрѣнія.. Удачникъ Вы, или нѣтъ? А я? А Наполеонъ? Вашъ Василій? Гдѣ тутъ критерій? Надо быть богомъ, чтобы умѣть отличать удачниковъ отъ неудачниковъ и не ошибаться... Иду на балъ.

Вернулся я съ бала. Цѣль общества—«единеніе». Одинъ ученый нѣмецъ пріучилъ кошку, мышь, кобчика и воробья ѣсть изъ одной тарелки. У этого нѣмца была система, а у общества никакой. Скучища смертная. Всѣ слонялись по комнатамъ и дѣлали видъ, что имъ не скучно. Какая то барышня пѣла, Ленскій читалъ мой разсказъ (при чемъ одинъ изъ слушателей сказалъ: «довольно слабый разсказъ!», а Левинскій имѣлъ глупость и жестокость перебить его словами: «а вотъ и самъ авторъ! Позвольте вамъ представить» и слушатель провалился сквозь землю отъ конфуза), танцевали, ѣли плохой ужинъ, были обсчитаны лакеями.. Если актеры, художники и литераторы въ самомъ дѣлѣ составляли лучшую часть общества, то жаль. Хорошо должно быть общество, если его лучшая часть такъ бѣдна красками, желаніями, намѣреніями, такъ бѣдна вкусомъ, красивыми женщинами, иниціативой.. Поставили въ передней японское чучело, ткнули въ уголъ китайскій зонтъ, повѣсили на перила лѣстницы коверъ и думаютъ, что это художественно. Китайскій зонтъ есть, а газетъ нѣтъ. Если художникъ въ убранствѣ своей квартиры не идетъ дальше музейнаго чучела съ алебардой, щитовъ и вѣеровъ на стѣнахъ, если все это не случайно, а прочув-

ствовано и подчеркнуто, то это не художникъ, а священнодѣйствующая обезьяна.

Получилъ сегодня отъ Л. письмо. Пишетъ, что былъ у Васъ. Это добродушный и безвредный человѣкъ, но буржуа до мозга костей. Онъ, если приходитъ куда или говоритъ что нибудь, то непремѣнно съ задней мыслью. Каждое свое слово онъ говоритъ строго обдуманно и каждое ваше слово, какъ бы оно ни было случайно сказано, мотаетъ себѣ на усъ въ полной увѣренности, что ему, Л., это такъ нужно, иначе книги его не пойдутъ, враги восторжествуютъ, друзья покинутъ, кредитка прогонитъ.. Лисица каждую минуту боится за свою шкуру, такъ и онъ. Тонкій дипломатъ! Если говоритъ обо мнѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ бросить камешекъ въ огородъ «нигилистовъ», которые меня испортили (Михайловскій), и брата Александра, котораго онъ ненавидитъ. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ меня предостерегаетъ, пугаетъ, совѣтуетъ, открываетъ мнѣ тайны.. Несчастный хромой мученикъ! Могъ бы покойно прожить до самой смерти, но какой то бѣсъ мѣшаетъ..

Француженки изъ кокетства, чтобы имѣть большіе зрачки, пускаютъ въ глаза атропинъ—и ничего.

Пьесу Маслова читаетъ Петипа. У Корша кавардакъ. Лопнулъ паровой кофейникъ и обварилъ у Рыбчинской лицо. Глама-Мещерская уѣхала въ Петерб., у Соловцова больна подруга жизни Глѣбова и т. д. Играть некому, никто не слушается, всѣ кричатъ, спорятъ.. Повидимому, обстановочная, костюмная пьеса будетъ съ ужасомъ отвергнута.. А мнѣ хотѣлось бы, чтобъ Обольстителя поставили. Я не ради Маслова хлопочу, а просто изъ сожалѣнія къ сценѣ и изъ самолюбія. Надо всѣми силами стараться, чтобы сцена изъ бакалейныхъ рукъ перешла въ литературныя руки, иначе театръ пропадетъ.

Кофейникъ убилъ моего Медвѣдя. Рыбчинская больна и играть некому.

Всѣ наши Вамъ кланяются. Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ мой сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Водевили можно печатать лѣтомъ, а зимою неудобно. Лѣтомъ я каждый мѣсяцъ буду давать по водевилю, а зимою надо отказаться отъ этого удовольствія.

Запишите меня въ члены Литературнаго Общества. Когда пріѣду, буду посѣщать.

CVIII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

5 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ, на счетъ рисунковъ я далъ знать Николаю и, когда увижу его, прочту ему нотацію.

Вашъ водевиль присылайте непремѣнно. Я прочту его и отдамъ тому актеру, котораго найду наиболѣе подходящимъ къ роли. Коршъ платитъ по 6 рублей за актъ. Если пришлете водевиль на этихъ дняхъ, то онъ пойдетъ до Рождества.

У Васъ вышла книга—сценическія произведенія. Послали ли Вы ее на комиссію Разсохину?

У меня маленькая семейная неурядица и безденежье отчаянное. Гонорара ни откуда не получаю, а преміи не шлютъ. Неурядица и безденежье сковали меня. Погода скверная, снѣгу нѣтъ, всюду скучно; пить и ѣсть не хочется—однимъ словомъ форменная меланхолія.

У меня съ большимъ успѣхомъ идетъ у Корша шутка «Медвѣдь». По всѣмъ видимостямъ этотъ медвѣдь надолго прилипнетъ къ репертуару, а въ провинціи и на любительскихъ сценахъ его будутъ часто раздѣлывать. Жаль, что у меня нѣтъ времени и охоты писать юмористику для сцены.

Если мнѣ приходится получить что-нибудь за «Пестрые разсказы», то не высылайте теперь, а припрячьте къ веснѣ, когда мое безденежье достигнетъ кульминаціонной точки. Приблизительно: сколько мнѣ приходится?

Если Ежовъ въ самомъ дѣлѣ не вѣдаетъ, что творитъ, то, увѣряю Васъ, я тутъ не при чемъ. Я иногда только помогаю и сватаю, но никогда не сбиваю людей съ позиціи. Я не совѣтовалъ Ежову бросать училище, не совѣтую опять поступить на службу. Не имѣю права совѣтовать, гдѣ не спрашиваютъ моего совѣта. Если спроситъ, то посовѣтую и конечно въ томъ духѣ, въ какомъ подобаетъ. Ежову его жизнь виднѣй, чѣмъ мнѣ—согласитесь.

Сейчасъ получилъ извѣстіе: премію вышлютъ мнѣ черезъ 5—6 недѣль! Утѣшительно при моемъ безденежьи... Если сумма за «Пестрые разсказы» превышаетъ сто рублей, то пришлите мнѣ *) сто рублей, если же не превышаетъ, то не присылайте. Надо за фатеру платить.

Должно быть, въ ноябрѣ увидимся. Я буду у Васъ въ день своего пріѣзда къ вечернему чаю.

Поклонитесь Вашимъ и будьте здоровы. Привѣтъ Виктору Викторовичу. [1])

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

*) Черезъ банкирскую контору Волкова,—этакъ меньше хлопотъ. *Прим. А. П.*

[1]) Билибинъ.

CIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

7 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Милый Жанчикъ! Если ужъ Вы такъ великодушно соглашаетесь брать на себя каторжный трудъ—возиться съ пріятельскими порученіями, то пеняйте на себя. Въ четвергъ въ 3 часа пополудни Вы получите 2 экз. Медвѣдя, которые прошу вручить дѣдусѣ [1]). Въ субботу Вы вообразите, что Вамъ хочется прогуляться, и поѣзжайте въ комитетъ [2]). Если пьесу одобрятъ, то свободный экземпляръ возьмите и вручите актеру или актрисѣ по своему усмотрѣнію. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихоновъ рекомендуетъ Далматова и Васильеву... И это хорошо. То-есть мнѣ рѣшительно все равно, такъ какъ питерской труппы я не знаю. Дѣлайте, что хотите, а если не будете дѣлать, то въ претензіи не буду. Мнѣ стыдно злоупотреблять пріятельскими отношеніями и сѣдлать ни за что ни про что Жана Щеглова—невиннѣйшаго изъ людей и драматурговъ.

Если одно порученіе недостаточно ошеломило Васъ, то вотъ другое похуже и помельче. Я нацарапалъ спеціально для провинціи паршивенькій водевильчикъ «Предложеніе» и послалъ его въ цензурію. Просилъ въ прошеніи выслать въ библіотеку Разсохина. Если ангелъ будете въ цензурѣ, то скажите Крюковскому [3]), что въ такомъ то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій и что я

А. Н. Плещееву.

[2]) Литер.-театр. Комитетъ.

[3]) Членъ цензурнаго комитета.

купно съ Разсохинымъ слезно молимъ цензурную гидру не задерживать водевиля въ карантинѣ. Водевильчикъ пошловатенькій и скучноватенькій, но въ провинціи пойдетъ: двѣ мужскія роли и одна женская. «Предложеніе» ставить въ столицѣ не буду.

Скажите сэру Базарову [1]), что я просилъ Разсохина послать ему 5 экз. моего Медвѣдя. Разсохинъ сказалъ: «хорошо». Творецъ Милашкина [2]) очень любезенъ со мной. На все соглашается.

Вашего дачнаго мужа отдавайте венеціанскимъ дожамъ, но не раньше будущаго сезона. *Не спѣшите.* Время не уйдетъ. Почему и не отдавать теперь? Скажу при свиданіи, а теперь мѣста въ письмѣ нѣтъ. «Театральн. Воробья» ставьте и дайте мнѣ власть вязати и рѣшити. Позвольте мнѣ назначить роли, присутствовать на одной репетиціи и быть руководителемъ при вычеркиваніяхъ. Я сдѣлаю не хуже чѣмъ Вы и мычащій Соловцовъ. У меня будетъ дисциплины больше.

Начали писать что нибудь крупное?

«Севильскій обольститель» Бѣжецкаго не дурная пьеса. Она стоитъ того, чтобы ее поставили.

Глама-Мещерская поссорилась и уходитъ отъ Корша. Незамѣнимая потеря. Кто теперь будетъ играть больныхъ кошекъ въ психопатическихъ пьесахъ?

Жанчикъ, Вы уже старѣете и становитесь солидны. Вы женаты, капитанъ, литераторъ, у Васъ есть имя.. Умоляю Васъ, разлюбите Вы, пожалуста сцену. Право, въ ней очень мало хорошаго. Хорошее преувеличено до небесъ, а гнусное маскируется. Я думаю, что В. Крыловъ [3]) всей душой ненавидитъ кулисы, раекъ, актеровъ,

---

[1]) Владѣлецъ театр. библіотеки въ СПБ.

[2]) Разсохинъ, владѣлецъ Московской Театральной библіотеки. Милашкинъ—герой пьесы «На маневрахъ».

[3]) Драматургъ.

актрисъ и потому имѣетъ такой успѣхъ. Онъ холоденъ, жестокъ, жестко стелетъ. . . Онъ не правъ, что онъ . . . . . но глубоко правъ, что просто и равнодушно глядитъ на дѣло и на людей, живущихъ около этого дѣла. Современный театръ — это сыпь, дурная болѣзнь городовъ-. Надо гнать эту болѣзнь метлой, но любить ее—это не здорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театръ школа, онъ воспитываетъ и проч... А я Вамъ на это скажу то, что вижу: теперешній театръ не выше толпы, а наоборотъ жизнь толпы выше и умнѣе театра: значитъ онъ не школа, а что-то другое...

Увидимся не раньше декабря. Безденежье абсолютное. Никто не шлетъ денегъ, живу въ кредитъ.

«Шампанское» [1]) я утерялъ. Что-же послать? Я разъ послалъ Баранцевичу разсказъ, но мнѣ возвратили въ чаяніи, что я пришлю что-нибудь еще не напечатанное. Дайте Баранцевичу мой адресъ. Я былъ бы радъ получить отъ него письмо. Будьте живы.

Вашъ Antoine.

CX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Я не думалъ, Алексѣй Сергѣевичъ, что мой атрошинъ будетъ загадкой. Какъ то Вы писали мнѣ, что Григоровичъ не велитъ *ничего* пускать въ глаза; въ отвѣтъ на это я написалъ Вамъ, кажется, что француженки изъ

---

[1]) Разсказъ А. П.

кокетства пускаютъ себѣ въ глаза атропинъ—и ничего. Что можетъ быть хуже уличной, комнатной и прочей пыли, что можетъ быть вреднѣе прегрѣшеній въ нервной и кровеносной системахъ, к-рыя связаны съ зрительнымъ аппаратомъ, какъ море съ рѣкой?—При этихъ прегрѣшеніяхъ капли—невинная штука.....

Въ скверности нашихъ театровъ виновата не публика. Публика всегда и вездѣ одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна—смотря по настроенію. Она всегда была стадомъ, которое нуждается въ хорошихъ пастухахъ и собакахъ, и она всегда шла туда, куда вели ее пастухи и собаки. Васъ возмущаетъ, что она хохочетъ плоскимъ остротамъ и аплодируетъ звонкимъ фразамъ; но вѣдь она же, эта самая глупая публика, даетъ полные сборы на Отелло и, слушая оперу Евгеній Онѣгинъ, плачетъ, когда Татьяна пишетъ свое письмо.

Публика, какъ она ни глупа, все таки въ общемъ умнѣе, искреннѣе и благодушнѣе К. . . ., актеровъ и драматурговъ, а К. . . . и актеры воображаютъ, что они умнѣе. Взаимное недоразумѣніе.

Сейчасъ у меня былъ Ежовъ. Огорченъ. Я хочу посовѣтовать ему подождать работать въ Нов. Вр. еще годъ—два. Онъ еще молодъ, хотя и женатъ.

Водовозъ гдѣ то укралъ сибирскаго котенка съ длинной бѣлой шерстью и съ черными глазами и привезъ къ намъ. Этотъ котенокъ принимаетъ людей за мышей; увидѣвъ человѣка, онъ прижимается брюхомъ къ полу, дѣлаетъ стойку и бросается къ ногамъ. Сегодня утромъ, когда я шагалъ изъ угла въ уголъ, онъ нѣсколько разъ подстерегалъ меня и бросался à la тигръ на мои сапоги. Я думаю, что мысль, что онъ страшнѣе и сильнѣе всѣхъ въ домѣ, доставляетъ ему высочайшее наслажденіе.

Всѣ мнѣ совѣтовали послать Медвѣдя въ Александринку. Посылаю. У Корша публика рыгочетъ не переста-

вая, хотя Соловцовъ и Рыбчинская играютъ совсѣмъ не артистически. Я съ сестрой сыграли бы лучше.

Пришлите мнѣ списокъ пьесъ, Вами написанныхъ и къ представленію Вами и цензурою дозволенныхъ. Это нужно, иначе Васъ не запишутъ въ члены драмат. Общества. Если хотите, то можно ограничиться одной только Медеей.

На драмат. общество я смотрю, какъ на коммерческое учрежденіе. У него единственная цѣль: стараться, чтобы члены получали возможно больше. Это такая хорошая цѣль, при которой всѣ остальныя не стоютъ яйца выѣденнаго. Викторъ Крыловъ большой . . . . . ., но въ виду цѣли я бы первый подалъ голосъ за то, чтобъ онъ былъ предсѣдателемъ. Пока предсѣдательствуютъ иконы, а не работники, въ обществѣ порядка не будетъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ. У насъ скверрѣйшая погода.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXI.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

8 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Добрѣйшій Николай Александровичъ!

Братъ Николай проситъ у Васъ извиненія. Я тоже. Когда я набросился на него и сталъ читать ему нотацію за лѣность и прочее, онъ сказалъ:—«Дай мнѣ темы и я сейчасъ ихъ сдѣлаю». Оказалось, что я заказъ ему сдѣлалъ, а темы, чтобы онѣ не пропали, заперъ себѣ въ столъ. Простите Бога ради эту мою оплошность. Рисунки будутъ высланы черезъ два дня—не позже.

У Николая теперь страшныя хлопоты, о которыхъ разскажу при свиданіи. Малый попалъ въ такой переплетъ, что хоть караулъ кричи.

Почтеніе всѣмъ Вашимъ и Виктору Викторовичу [1])

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

88. XI. 10. (Москва.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, разсказъ [2]) близится совсѣмъ къ концу. Завтра, или послѣ завтра кончу, перепишу, а въ понедѣльникъ въ 3 часа дня Вы его уже получите. Я пишу и все время стараюсь быть скромнымъ, скромнымъ до скуки. Предметъ, какъ мнѣ кажется, настолько щекотливъ, что малѣйшій пустякъ можетъ показаться слономъ.

Думаю, что разсказъ не будетъ рѣзко выдѣляться изъ общаго тона сборника. Онъ у меня грустный, скучный и серьезный.

Пришлите подписную книжку, но не забудьте написать, какая цѣна сборнику.

Читали ли Вы наглую статью Е. Г. въ «Днѣ»? Мнѣ прислалъ ее одинъ благодѣтель. Если не читали, то прочтите.

Вы оцѣните всю искренность этого злополучнаго Евгенія, когда вспомните какъ онъ раньше ругалъ меня. Подобныя статьи тѣмъ отвратительны, что онѣ похожи на собачій лай. И на кого лаетъ этотъ Евгеній? На свободу творчества, убѣжденія, лицъ... Нужно дуть въ рутину и

---

[1]) Билибину.

[2]) «Припадокъ» для сборника Памяти В. Гаршина.

въ шаблонъ, строго держаться казенщины, а едва журналъ или писатель позволитъ себѣ проявить хоть на пустякѣ свою свободу, какъ поднимается лай.

Этотъ Евгеній величаетъ меня Нововременцемъ и благохвалитъ за «своенравіе». Очевидно, въ Днѣ не платятъ гонорара и малому пришла охота подмазаться къ Новому Времени.

И странное дѣло! Судебный хроникеръ, описывая подсудимаго, старается держаться общепринятаго, приличнаго тона; господа же критики, продергивая насъ, не разбойниковъ и не воровъ, пускаютъ въ ходъ такія милыя выраженія, какъ шушера, щенки, мальчишки.. чѣмъ мы хуже подсудимыхъ?

Я послалъ Жану Щеглову свою бездѣлку «Медвѣдь» для представленія его въ «палату венеціанскихъ дожей»— такъ у Васъ въ Питерѣ величаютъ театральный комитетъ, гдѣ Вы засѣдаете.

Мой «Медвѣдь» въ Москвѣ идетъ съ большимъ успѣхомъ, хотя медвѣдь и медвѣдица играютъ неважно.

Привѣтъ всѣмъ Вашимъ и Аннѣ Михайловнѣ. Короленко нѣтъ въ Москвѣ.

Будьте здоровы. Дай Вамъ Богъ хорошаго аппетита, спокойнаго сна и кучу денегъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если видаетесь съ В. Н. Давыдовымъ, то кланяйтесь.

CXIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

11 Ноябр. (Москва. 1888 г.)

Mein lieber Iohan! О желаніи Савиной играть Медвѣдя я узналъ двумя днями раньше, чѣмъ о желаніи Абариновой, поэтому, по полученіи Вашего письма я

уже успѣлъ послать свое согласіе высокоталантливой и божественной Маріи Гавриловнѣ [1]).

Произошла помимо нашей воли путаница. Боюсь, чтобы она не поставила кого нибудь въ неловкое положеніе. Если Ваше наблюдательное око замѣтитъ въ чьей нибудь душѣ (въ своей ли или въ актерской) смущеніе, то поспѣшно дѣлайте операцію: берите моего Мѣдвѣдя назадъ, мотивируя сіе моимъ нежеланіемъ дебютировать на казенной сценѣ водевилемъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ. Операціи этой я не боюсь. Ставить же кого бы то ни было въ непріятное положеніе изъ за чертъ знаетъ чего мнѣ не хочется.

Вы хотите спорить со мной о театрѣ. Сдѣлайте Ваше одолженіе, но Вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. Современный театръ-это міръ безтолочи, К—хъ, тупости и пустозвонства. На дняхъ мнѣ К. похвасталъ, что въ своихъ бездарнѣйшихъ Крокодиловыхъ слезахъ онъ пробралъ «желторотыхъ либераловъ» и что потому то его пьеса не понравилась и обругана. Послѣ этого я еще больше возненавидѣлъ театръ и возлюбилъ тѣхъ фанатиковъ-мучениковъ, которые пытаются сдѣлать изъ него что нибудь путное и безвредное.

Вы говорите, что Вы «поневолѣ, нужды ради пишете плохія повѣсти». Какъ Вы смѣете говорить это? Ни одна Ваша пьеса не возвышалась до Гордіева узла и военныхъ очерковъ! Чертъ Васъ возьми! Впрочемъ если по Вашему мнѣнію ваши пьесы лучше повѣстей, то не будемъ спорить и возбуждать спора.

Глама кажется, опять помирилась. Чертъ ихъ разберетъ

---

1) Г-жа Савина.

Будьте здоровехоньки и покойны. Поудержите свои щеглиные нервы и не забывайте, что Вы бравый капитанъ.

Вашъ Antonio.

О Театральномъ Воробьѣ [1]) буду писать.

Воробей, Сѣренькій козликъ, Крокодиловы слезы, Мышенокъ, Медвѣдь, Вольная пташка-какой звѣринецъ [2])!

CXIV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Ноября. (1888 г. Москва.)

Благодарю Васъ, Алексѣй Сергѣевичъ, за Савину, т. е. за вѣсть о ней. Я думаю, она отлично раздѣлала бы медвѣдицу. Но представьте мою маленькую бѣду! Жанъ Щегловъ, которому я послалъ 2 экз. Медвѣдя для т. лит. комитета, сегодня пишетъ мнѣ, что онъ по совѣту В. П. Буренина снесъ моего Медвѣдя Абариновой къ ея бенефису. Тонъ у Жана Щеглова радостный: счастливчикъ, молъ, тебя удостоили! Боюсь, какъ бы не произошла неловкость. Про Савину я слыхалъ много хорошаго, Абариновой совсѣмъ не знаю, а потому не имѣю причинъ раздѣлять радостный тонъ Щеглова. Въ отвѣтъ на его письмо написалъ, что я Савиной далъ уже согласіе. Пусть бѣдняга выпутывается.

Сегодня я кончилъ разсказъ [3]) для «Гаршинскаго сборника»—словно гора съ плечъ. Въ этомъ разсказѣ я сказалъ свое, никому не нужное мнѣніе о такихъ рѣдкихъ

---

[1]) Пьеса адресата.

[2]) Перечисленіе заглавій пьесъ, шедшихъ въ то время.

[3]) «Припадокъ».

людяхъ, какъ Гаршинъ. Накаталъ чуть ли не 2000 строкъ. Говорю много о проституціи, но ничего не рѣшаю. Отчего у Васъ въ газетѣ ничего не пишутъ о проституціи? Вѣдь она страшнѣйшее зло. Нашъ Соболевъ переулокъ—это рабовладѣльческій рынокъ.

Завтра и послѣзавтра буду переписывать разсказъ и еще что нибудь дѣлать, а потомъ начну строчить для Новаго Времени. Есть сюжеты.

Въ письмахъ къ Щеглову я объясняюсь въ не любви къ театру. Хочу въ него вселить эту нелюбовь, а то онъ за кулисами совсѣмъ обабился.

Глама у Корша подняла революцію. Никакъ не добьюсь толка: пойдетъ Масловская пьеса [1]), или нѣтъ? Такой кавардакъ, что и не глядѣлъ бы. Въ недѣлю Коршъ ставитъ по 2 новыя пьесы. Видѣлъ я на дняхъ «Крокодиловы слезы»—бездарнѣйшая, пятиактная белиберда нѣкоего К., автора «На земской нивѣ», «Вольной Пташки» и проч. Вся пьеса, помимо ея дубоватой наивности, сплошное вранье и клевета на жизнь. Проворовавшійся старшина беретъ въ лапы молодого непремѣннаго члена *) и хочетъ его женить на своей дочкѣ, влюбленной въ писаря, пишущаго стихи. Передъ свадьбой честный и юный землемѣръ открываетъ глаза непремѣнному члену, этотъ послѣдній открываетъ злоупотребленія, крокодилъ т.-е. старшина плачетъ, а одна изъ героинь восклицаетъ: «Итакъ: порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ!», чѣмъ и кончается пьеса.

Бррр! Послѣ спектакля встрѣчается мнѣ К. и говоритъ:

— Въ этой пьесѣ я продернулъ желторотыхъ либераловъ, потому она не понравилась и ее обругали.. А мнѣ наплевать!

---

[1]) «Севильскій обольститель».

*) Помѣщика и дворянина. *Прим. А. П.*

если я когда нибудь скажу, или напишу что нибудь подобное, то возненавидьте меня и не знайтесь со мной.

Для своего будущаго романа я написалъ строкъ триста о пожарѣ въ деревнѣ: въ усадьбѣ просыпаются ночью и видятъ зарево—впечатлѣнія, разговоры, стукъ босыхъ ногъ о желѣзную крышу, хлопоты...

Въ члены др. О—ства я Васъ не запишу, пока не поручите. Привѣтъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ каталогѣ Разсохина есть пьеса «Анна Каренина».

CXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

13 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Уфъ! кончилъ наконецъ переписывать разсказъ [1]), запаковалъ и послалъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Получили? Прочли? Небось сердитесь? Разсказъ совсѣмъ неподходящій для альманашно—семейнаго чтенія, не граціозный и отдаетъ сыростью водосточныхъ трубъ. Но совѣсть моя по крайней мѣрѣ спокойна: вопервыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во вторыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ. Мнѣ, какъ медику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки.....

Гдѣ Жоржъ Линтваревъ? Что онъ дѣлаетъ?

О полученіи разсказа пожалуйста увѣдомьте; если онъ не сгодится у Васъ, то я пущу его въ другое мѣсто съ надписью «Памяти Гаршина». Не дай Богъ, если не сгодится. Я съ нимъ долго возился.

---

1) «Припадокъ».

Денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ, хоть караулъ кричи. Премію изъ Академіи обѣщаютъ выслать черезъ 5—6 недѣль, а гонорара ни откуда не шлютъ, потому что нигдѣ не работаю. Когда издательница вышлетъ въ редакцію деньги, то скажите, чтобы мнѣ выслали въ мгновеніе ока т. е. телеграфнымъ переводомъ.....

А Короленко у меня не былъ. Прислалъ ли онъ повѣсть? Если да, то очень радъ, а то мнѣ до тошноты надоѣло читать Чехова.

Статья Мережковскаго, если смотрѣть на нее какъ на желаніе заняться серьезной критикой, весьма симпатичное явленіе. Главный ея недостатокъ—отсутствіе простоты. Второй недостатокъ: авторъ не уяснилъ себѣ вопроса и не достаточно убѣжденъ; это видно изъ того, что почти на каждой страницѣ онъ дѣлаетъ уступки и смѣшиваетъ различныя понятія; кое-гдѣ кричащія натяжки и туманности. Третій недостатокъ—это примѣчаніе редакціи, которое я, хоть убейте, рѣшительно не понимаю. Про какихъ тамъ сотрудниковъ говорится? Такъ извольте же подъ каждой статьей Протопопова дѣлать примѣчаніе, что «сія статья, хотя и не нравится Чехову, но мы ее помѣщаемъ». Редакція отвѣчаетъ за каждую строчку вмѣстѣ съ авторомъ; виноваты она и авторъ, третьи лица тутъ лишнія. Кто не согласенъ, тотъ можетъ писать особую статью, а дѣлать вылазку изъ оврага не подобаетъ. Редакція, какова бы она ни была, должна быть безусловно *самостоятельна*, по крайней мѣрѣ въ глазахъ публики, на то она и редакція.

Хотѣлъ поѣхать къ Вамъ въ Питеръ, да денегъ нѣтъ. Савина хочетъ играть моего «Медвѣдя»—она была у Суворина, взяла мой адресъ и номеръ съ Медвѣдемъ. Въ Москвѣ онъ идетъ съ трескомъ, пойдетъ и въ провинціи шибко. Вотъ не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Актеры Малаго Театра на расхватъ читаютъ мои Именины. Имъ нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу.

Спасибо за желаніе читать корректуру моихъ разсказовъ. Но вѣдь при самомъ лучшемъ, идеальнѣйшемъ корректорѣ нельзя избѣжать опечатокъ. Дѣло не въ ять и не въ ѳитѣ. Нужно, чтобъ сами авторы читали въ корректурѣ свои статьи. Если въ будущемъ Вы будете высылать мнѣ мои корректуры, то обѣщаю не задерживать ихъ долѣе одного дня. Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Да хранитъ Васъ Богъ и всѣ ангелы его.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Ноября. (1888 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, милый Алексѣй Сергѣевичъ, Каштанку, которую потрудитесь спрятать. Это для обложки. Обложка у меня будетъ бѣлая, а на ней пятномъ сядетъ собака. Будетъ просто, но хорошо. Рисовалъ художникъ Степановъ, ярый охотникъ, изучившій собакъ до тонкостей. Изобразить помѣсь такса и дворняжки-задача нелегкая, но Степановъ, какъ видите, рѣшилъ ее блестяще. Поглядите на ноги и на грудь. Придать лисьей мордѣ добродушно-собачье выраженіе тоже не легко, но и это сдѣлано. Вы покажите рисунокъ Настѣ и Борѣ. Если имъ понравится, значитъ хорошо. Остальные рисунки еще не готовы. Совѣстно подгонять: пріятели.

Своими «Именинами» я угодилъ дамамъ. Куда ни прійду, вездѣ славославятъ. Право, не дурно быть врачемъ и понимать то, о чемъ пишешь. Дамы говорятъ, что

роды описаны *вѣрно*. Въ разсказѣ, посланномъ для Гаршинскаго сборника, я описалъ душевную боль.

Какъ Вашъ разсказъ? Мнѣ любопытно прочесть. Я не думаю, чтобы онъ удался Вамъ, но знаю, что прочту его съ большимъ интересомъ. У Васъ много излишняго напряженія, подозрительности къ себѣ, добросовѣстности и вы держите себя на веревочкѣ, а это значитъ, что Вы не свободны; напримѣръ: изъ боязни, что Вы не достаточно точны и что Васъ не поймутъ, Вы находите нужнымъ мотивировать каждое положеніе и движеніе. Рѣпина говоритъ «Я отравилась!», но Вамъ недостаточно этого и Вы заставляете ее говорить лишнія 2—3 фразы, и такимъ образомъ своему чувству добросовѣстности жертвуете правдой. Я не скажу, чтобъ это было кореннымъ свойствомъ Вашей натуры. Это—привычка глядѣть на все окомъ публициста. Старый солдатъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, всегда сведетъ рѣчь на войну, такъ и Вы всегда сводите на публицистику. Если бы Вы написали съ десятокъ разсказовъ, да штукъ пять пьесъ, тогда пошло бы дѣло иначе: привычка поддалась бы навыку. Если же говорить о натурѣ,то она у Васъ исключительная. У Васъ есть то, чего у другихъ нѣтъ. Пока мы не разошлись или не умерли, я бы съ удовольствіемъ эксплоатировалъ Вашу силу; я бы укралъ у Васъ то, чѣмъ Вы не пользуетесь. Отчего Вы отказываетесь писать вмѣстѣ Лѣшаго? Если бы пьеса не удалась, или если бы она пришлась Вамъ почему либо не по вкусу, то я далъ бы Вамъ слово никогда не ставить ея и не печатать. Если Лѣшій не годится, то давайте другой сюжетъ. Давайте напишемъ трагедію «Олофернъ» на мотивъ оперы «Юдифь», гдѣ заставимъ Юдифь влюбиться въ Олоферна; хорошій полководецъ погибъ отъ жидовской хитрости.. Сюжетовъ много. Можно «Соломона» написать, можно взять Наполеона III и Евгенію, или Наполеона I на Эльбѣ...

Пишу для Нов. Вр. разсказъ. Описываю одну поганую бабу.

Вчера одинъ Коршевскій актеръ просилъ меня протежировать ему въ Вашемъ магазинѣ: пріобрѣсти Тургенева съ уступкой. Я сказалъ, что Тургеневъ изданіе не Ваше и что моя протекція ни къ чему не поведетъ. Такъ ли я поступилъ?

Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

CXVII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

16 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Любезнѣйшій боцманъ!

Посылаемая довѣренность открываетъ передъ тобою слѣдующія радужныя перспективы:

1) Ты пойдешь въ Академію наукъ и получишь тамъ 500 лавровъ. Какъ войти въ Канцелярію Академіи, у кого тамъ спросить и какъ выйти—все это знаетъ Алексѣй Алексѣевичъ Suvorini filius, къ которому и обратись за разъясненіеми. Въ Академіи попросишь отъ моего имени, чтобы тебя сдѣлали Академикомъ.

2) На случай, если какая либо ихъ моихъ піесъ ненарокомъ попадетъ на казенную сцену, или буде какая нибудь частная сцена пожелаетъ ставить «новинку» моего сочиненія, я уполномочиваю г.г. начальствующихъ лицъ, директоровъ и антрепренеровъ вести переговоры съ тобою, условія заключать съ тобою и гонораръ платить тебѣ. Если въ Александринкѣ пойдетъ мой «Медвѣдь», то ты можешь испробовать силу довѣренности: Дирекція заключитъ контрактъ съ тобою. Примѣчаніе разъ на-

всегда: буде какая либо изъ дирекцій пожелаетъ купить какую либо мою пьесу, то таковое желаніе отклоняй, хотя бы тебѣ давали милліонъ. Я желаю получать проценты со сбора (2%/0 за каждый актъ). Гонораръ будешь получать всякій разъ по особому моему на то повелѣнію.

Возлагаю на тебя всѣ эти пріятныя обязанности не столько изъ желанія доставить тебѣ удовольствіе, сколько изъ уваженія къ твоимъ родителямъ.

Вексель и извѣщеніе о незаконномъ бракѣ получилъ. За то и другое благодарю. Первое уже потратилъ, а отъ второго жду новой интереснѣйшей эпопеи съ киндерами, переселеніями, каломелями и проч.

Аверкіевъ ничего не можетъ знать о Сѣверномъ Вѣстникѣ. Онъ тутъ не причемъ. Хришитъ и больше ничего.

«Родина» объявляетъ, что въ ней будетъ сотрудничать какой то М. Чеховъ. Не Митрофанъ ли?

Пьеса, поставленная на казенной сценѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ частныхъ театрахъ. Стало быть, что идетъ въ Александринкѣ, или что имѣетъ идти тамъ, ни въ какомъ разѣ не можетъ быть допускаемо къ представленію на частной сценѣ. О всякой новой пьесѣ буду извѣщать. Къ числу пьесъ, предполагаемыхъ къ постановкѣ на казенной сценѣ, пока относятся двѣ: «Медвѣдь» и «Лебединая пѣсня (Калхасъ)». Театральныя дѣла мои держи въ секретѣ. Никому ни гу-гу.. Ещѣ одно сказаніе: по театральнымъ дѣламъ самъ никуда не ходи и самъ ничего не вчиняй, а жди, когда къ тебѣ обратятся, или позовутъ. Требовать, буде понадобится, можешь, сколько угодно, но просить не моги.

Пьесы, не законтрактованныя казенной дирекціей, подлежатъ вѣдѣнію агентовъ драматическаго Общества, а потому, буде на афишѣ частнаго театра узришь какого

нибудь «Крокодила въ смятку, или ай да дядя!» моего сочиненія, то не бей въ набатъ, а сиди спокойно въ н . . . .

Если пожелаешь написать пьесу, то пиши.

А. Чеховъ.

Зажиливъ 68 рублей, ты только исполнилъ этимъ $^{68}/_{100}$ частей моего желанія.

Съ преміей возьми и бумагу. Безъ бумаги не бери.

Сообщи свой домашній адресъ.

CXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

18 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, замѣтку. Разсказъ застрялъ; хочу я въ этомъ сезонѣ писать разсказы въ протестующемъ тонѣ—надо поучиться—но отъ непривычки скучно и я виляю. Къ тому же получилъ изъ Сѣв. Вѣстника гонораръ и мнѣ теперь море по колѣно: все хожу да думаю.

Значитъ, пойдетъ Ваша Татьяна? Это хорошо. Будетъ ли успѣхъ, или нѣтъ, не знаю, но передряга для нервовъ хорошая будетъ. Будете все лѣто вспоминать да охать. У Вашей Татьяны хоть конецъ есть, а каково то было моему Иванову!

Можно не любить театръ и ругать его и въ тоже время съ удовольствіемъ ставить пьесы. Ставить пьесу я люблю такъ же, какъ ловить рыбу и раковъ: закинешь удочку и ждешь, что изъ этого выйдетъ? А въ общество за полученіемъ гонорара идешь съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ идешь глядѣть въ вершу, и въ вентерь: много ли за ночь окуней и раковъ поймалось? Забава пріятная.

Когда пойдетъ Татьяна? Напишите мнѣ и я наровлю пріѣхать къ первому представленію.

На меня отъ скуки нашла блажь: надоѣла золотая середина, я всюду слоняюсь и жалуюсь, что нѣтъ оригинальныхъ бѣшенныхъ женщинъ... Однимъ словомъ, а онъ мятежный бури ищетъ! И всѣ мнѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «вотъ Кадмина [1]), батюшка, вамъ бы понравилась!» И я мало по малу изучаю Кадмину и, прислушиваясь къ разговорамъ, нахожу, что она въ самомъ дѣлѣ была не дюжинной натурой.

Будьте здоровы. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ. Напишите же, когда пойдетъ Татьяна.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г. Ноябрь).

Внимай. Нѣкакій преподаватель [2]) Театральнаго училища былъ у меня и просилъ убѣдительно подобрать ему образцы ораторскаго искусства. Теоретикъ я плохой, ораторовъ на своемъ вѣку слышалъ только трехъ: Плевако, Федченко и Покровскаго; исторію литературы забылъ. Но уважить человѣка хочется. Помнится, что въ день смерти Виктора Гюго въ палатахъ говорили коротенькія, очень красивыя, музыкальныя рѣчи. Пойди сейчасъ къ Алексѣю Сергѣевичу и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, попроси его сказать тебѣ, въ какомъ году и въ какомъ мѣсяцѣ умеръ Гюго; получивъ отвѣтъ, поройся въ старомъ Новомъ Времени и сыщи желаемое. Нужны

---

[1]) Артистка.

[2]) Ал. П. Ленскій.

рѣчи по поводу смерти Гюго и похоронъ его. Спросить также, не припомнитъ ли А. С. коротенькихъ образцовъ и не посовѣтуетъ ли чего нибудь? Не укажетъ ли на что нибудь Буренинъ? Я былъ бы премного благодаренъ.

Получилъ ли ты довѣренность?

Сегодня я послалъ третью передовую.

Скучно пробавляться одною беллетристикой, хочется и еще чего нибудь. Поневолѣ на чужой каравай ротъ разѣваешь.

Скоро буду въ Питерѣ. Если случится узнать, когда въ Александринкѣ пойдетъ мой Медвѣдь, то увѣдомь.

Будь здоровъ. Спѣшу.

Твой Antoine.

CXX.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

23 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

Уважаемый Товарищъ!

Плахты я получилъ давно, но до сихъ поръ не благодарилъ по той же самой причинѣ, по какой Вы не пишете, что онѣ стоютъ и что дѣлать съ деньгами—Вамъ ли прислать почтой, или исполнить какое нибудь порученіе? Я, если хотите, могу выслать отличнаго чаю, печеній—чего хотите; къ плахтамъ были приклеены бумажки съ обозначеніемъ цѣнъ, но многія безъ бумажекъ, вѣроятно, пропали дорогой, такъ какъ по сложеніи получается подозрительно малая сумма, что-то около 10-11 рублей.

Всѣ плахты отмѣнно хороши. Лучшихъ не нужно. Я низко Вамъ кланяюсь и благодарю.

Гаршинскій сборникъ выйдетъ въ декабрѣ. Мой разсказъ, если его не вырѣжетъ изъ сборника цензура,

будетъ. За цензуру сильно опасаются. А разсказъ великъ и не очень глупъ. Прочтется онъ съ пользой и произведетъ нѣкоторую сенсацію. Я въ немъ трактую объ одномъ весьма щекотливомъ, старомъ вопросѣ и, конечно, не рѣшаю этого вопроса.

Рекомендую Вашему вниманію разсказъ Златовратскаго «Гетманъ» въ послѣдній книжкѣ «Русской Мысли». Очень мило.

Плещеевъ пишетъ мнѣ, что Вашъ композиторъ [1]) работаетъ. А что Павелъ Михайловичъ [2])? Пресимпатичный человѣкъ!

У меня работы по горло, но по обыкновенію скучно и грустно. Пишу, пишу, немножко лѣчу, опять пишу и по обязанности хожу къ добрымъ знакомымъ, которые мнѣ надоѣли. Съ удовольствіемъ уѣхалъ бы въ деревню спать и спалъ бы, какъ кротъ, до самаго мая.

Зинаида Михайловна [3]) писала Мишѣ [4]), что . . . . . [5]) бьетъ коромысломъ только пьяныхъ. Спасите меня, о неба херувимы! Съ ужасомъ ожидаю лѣта. Надо будетъ предупредить Тимофеева.

Какъ живетъ мой другъ Артеменко? [6]) Низкій поклонъ всѣмъ Вашимъ и сердечныя пожеланія. Вся моя бумага приспособлена для писанья разсказовъ и раздѣлена на половинки—простите.

Уважающій *А. Чеховъ.*

А какого мнѣнія Наталья Михайловна [7]) о хуторѣ?

Скоро буду видѣться съ Вашимъ братомъ.

---

[1]) [2]) Братья адресатки.

[3]) Сестра адресатки.

[4]) Братъ А. П.

[5]) Зачеркнуто адресатомъ.

[6]) Рабочій на Лукѣ съ завода Харитоненко, съ которымъ А. П. ловилъ рыбу.

[7]) Сестра адресатки.

Моя статья о Пржевальскомъ переведена на нѣмецкій языкъ. Пишу я статьи въ 100-200 строкъ, не больше, пишу о чемъ угодно: о путешественникахъ, о татарахъ, объ уличномъ нищенствѣ, о всякой всячинѣ. Я хочу учиться у Ленскаго читать и говорить. Мнѣ кажется, что изъ меня, если бы я не былъ косноязыченъ, выработался бы не плохой адвокатъ. Умѣю коротко говорить о длинныхъ предметахъ.

CXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1888 г.).

. . . . . .

Ахъ, какой я началъ разсказъ! Привезу и попрошу Васъ прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избралъ фельетонно-беллетристическую. Порядочный человѣкъ увезъ отъ порядочнаго человѣка жену и пишетъ объ этомъ свое мнѣніе; живетъ съ ней—мнѣніе; расходится—опять мнѣніе. Мелькомъ говорю о театрѣ, о предразсудочности «несходства убѣжденій», о военно-грузинской дорогѣ, о семейной жизни, о неспособности современнаго интеллигента къ этой жизни, о Печоринѣ, объ Онѣгинѣ, о Казбекѣ..

Такой винигретъ, что Боже упаси. Мой мозгъ машетъ крыльями, а куда летѣть—не знаю.

Вы пишете, что писатели избранный народъ Божій. Не стану спорить. Щегловъ называетъ меня Потемкинымъ въ литературѣ, а потому не мнѣ говорить о тернистомъ пути, разочарованіяхъ и проч. Не знаю, страдалъ ли я когда нибудь больше, чѣмъ страдаютъ сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вѣщаетъ моими устами,

Богъ, или кто нибудь другой похуже. Я позволю себѣ констатировать только одну, испытанную на себѣ маленькую непріятность, которая вѣроятно по опыту знакома и Вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы и я любимъ обыкновенныхъ людей; насъ же любятъ за то, что видятъ въ насъ необыкновенныхъ. Меня напримѣръ всюду приглашаютъ въ гости, вездѣ кормятъ и поятъ, какъ генерала на свадьбѣ; сестра возмущается, что ее всюду приглашаютъ за то, что она сестра писателя. Никто не хочетъ любить въ насъ обыкновенныхъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что если завтра мы въ глазахъ добрыхъ знакомыхъ покажемся обыкновенными смертными, то насъ перестанутъ любить, а будутъ только сожалѣть. А это скверно. Скверно и то, что въ насъ любятъ такое, чего мы часто въ себѣ сами не любимъ и не уважаемъ. Скверно, что я былъ правъ, когда писалъ разсказъ «Пассажиръ I класса», гдѣ у меня инженеръ и профессоръ разсуждаютъ о славѣ.

Уѣду я на хуторъ. Чертъ съ ними! У Васъ есть Ѳеодосія.

Кстати о Ѳеодосіи и татарахъ. У татаръ расхитили землю, но объ ихъ благѣ никто не думаетъ. Нужны татарскія школы. Напишите, чтобы деньги, затрачиваемыя на колбасный Дерптскій университетъ, гдѣ учатся безполезные нѣмцы, министерство отдало бы на школы татарамъ, которые полезны для Россіи. Я бы самъ объ этомъ написалъ, да не умѣю.

Лейкинъ прислалъ мнѣ очень смѣшной водевиль своего сочиненія. Это человѣкъ единственный въ своемъ родѣ.

Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Маслову, что судьба его пьесы рѣшается: колебаніе то въ одну, то въ другую сторону. Одну испанскую пьесу поставили и провалились, другой ставить не рѣшаются.

CXXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Ноябрь. (1888 г. Москва.)

«Счастливыя мысли», дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, не совсѣмъ подходятъ. Читатель привыкъ искать подъ этимъ заглавіемъ мысли бернардовскаго пошиба. Во вторыхъ это заглавіе не разъ ужъ эксплоатировалось малыми газетами.

Свой разсказъ я кончу у Васъ и, если онъ сгодится для «Нов. Врем.», то я буду очень радъ. Я бы его давно уже кончилъ, но мнѣ мѣшаютъ такъ, какъ никогда еще не мѣшали. Посѣтителямъ нѣтъ конца.. Просто мука! Столько лишнихъ разговоровъ о чертъ знаетъ чемъ, что я оболдѣлъ и о Петербургѣ мечтаю, какъ о землѣ обѣтованной. Сяду у Васъ въ комнаткѣ сиднемъ и не буду выходить.

Разсказъ выходитъ скучноватымъ. Я учусь писать «разсужденія» и стараюсь уклоняться отъ разговорнаго языка. Прежде чѣмъ приступить къ роману, надо пріучить свою руку свободно передавать мысль въ повѣствовательной формѣ. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь. Я дамъ Вамъ прочесть. Если мои опыты годны на что нибудь, то берите; если не годны, то такъ и скажите. У меня много негоднаго товара и я не чувствую себя дурно оттого, что не печатаю его. Сюжетъ разсказа таковъ: я лечу одну молодую даму, знакомлюсь съ ея мужемъ, порядочнымъ человѣкомъ, неимѣющимъ убѣжденій и міровоззрѣнія; благодаря своему положенію, какъ горожанина, любовника, мужа, мыслящаго человѣка, онъ волей-неволей наталкивается на вопросы, которые волей неволей, во что бы то ни стало, долженъ

рѣшать. А какъ рѣшать ихъ, не имѣя міровоззрѣнія? Какъ? знакомство наше вѣнчается тѣмъ, что онъ даетъ мнѣ рукопись—свой «автобіографическій очеркъ», состоящій изъ множества короткихъ главъ. Я выбираю тѣ главы, которыя мнѣ кажутся наиболѣе интересными, и преподношу ихъ благосклонному читателю. Разсказъ мой начинается прямо съ VII главы и кончается тѣмъ, что давно уже извѣстно, а именно что осмысленная жизнь безъ опредѣленнаго міровоззрѣнія—не жизнь, а тягота, ужасъ. Беру я человѣка здороваго, молодого, влюбчиваго, умѣющаго и выпить, и природой насладиться, и философствовать, не книжнаго и не разочарованнаго, а очень обыкновеннаго малаго.

Выходитъ у меня не разсказъ, а фельетонъ.

Директора московск. театровъ я *отлично* знаю. Добрую половину онъ вралъ на женщинъ.

Эчегарая [1]) можно играть въ мѣщанской гостинной, а для Маслова нужно воздвигать соборы и кладбища. Разница большая. Если бы пьеса Маслова была втрое хуже, но обыкновенная, бытовая, или брыкательная, то она давно бы уже шла у Корша. Вѣдь вопросъ не въ томъ, хороша она, или нѣтъ! Откуда Масловъ взялъ, что Петипа—донъ-Жуанъ? Это деревянный, лакированный французъ и больше ничего.

Привѣтъ Вашимъ. Отличные у Васъ конверты! Когда я женюсь на богатой, то куплю себѣ на 100 руб. конвертовъ и на 100 р. духовъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Вмѣсто «Счастливыхъ мыслей» не взять ли «Безъ заглавія»? [2]).

---

[1]) Хозе Эчегараіо—испанскій драматургъ, одну изъ пьесъ котораго ставили на театрѣ Корша въ Москвѣ.

[2]) Рѣчь идетъ о заглавіи новаго разсказа А. П.

CXXIII.

А. П. Ленскому.

8 декабря. (1888 г. СПБ.)

Уважаемый Александръ Павловичъ!

Передайте Лидіи Николаевнѣ, что я *безконечно* благодаренъ ей за легенду [1]). Легенда имѣетъ двойную цѣнность: 1) она хороша 2) и, какъ можно судить изъ разговоровъ съ критиками и поэтами, нигдѣ еще не была утилизирована.

Мнѣ она такъ нравится, что я теряюсь и не знаю, что сдѣлать: вставить ли ее въ повѣсть, сдѣлать ли изъ нея маленькій самостоятельный разсказикъ, или же пуститься на самопожертвованіе и отдать ее какому-нибудь поэту. Я остановлюсь вѣроятно на первомъ, т.-е. вставлю ее въ повѣсть, гдѣ она послужитъ украшеніемъ. Что касается «образцовъ ораторскаго искусства», то я къ стыду моему не нашелъ еще ни единаго подходящаго. Оказалось на дѣлѣ, что выбрать гораздо труднѣе, чѣмъ я могъ думать.

Надо составить хрестоматію, т.-е. заняться выборомъ образцовъ спеціально. Вейнберговская хрестоматія, какъ увѣряютъ въ Петербургѣ, плоха и не удовлетворяетъ преподавателей. Къ тому же она аспидски дорога. Отчего бы Вамъ въ Москвѣ не собрать комиссію изъ 5—6 человѣкъ, и отчего бы этой комиссіи не составить хрестоматіи? Вы человѣкъ опытный, могли бы это сдѣлать. Потребуется на хрестоматію не больше года. Если сія идея не противна Вамъ, то намотайте ее на усъ—по пріѣздѣ поговоримъ и обсудимъ дѣло.

---

[1]) Объ источникѣ Нарзанѣ.

Я убѣжденъ, что можно составить хрестоматію, которая будетъ стоить не дороже рубля съ четвертакомъ. Въ понедѣльникъ я читаю въ Литературномъ Обществѣ свой новый разсказъ. Пренія будутъ интересныя. Придется ставить свою шею подъ удары такихъ неотразимыхъ діалектиковъ, какъ адвокатъ Андріевскій и кн. Урусовъ. Впрочемъ, съ нами Богъ!

Жму Вашу руку и еще разъ прошу передать Лидіи Николаевнѣ мою сердечную благодарность.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXIV.

Л. Н. Ленской.

(Съ подлинника).

15 декабря. (1888 г. СПБ.)

Многоуважаемая Лидія Николаевна!

Ваша легенда мнѣ *очень* нужна; я втиснулъ ее въ повѣстушку, которая будетъ печататься лѣтомъ. Очень охотно возвращаю Вамъ право собственности, такъ какъ это возвращеніе не причинитъ мнѣ ни малѣйшаго ущерба: легендой я все-таки воспользуюсь. На одинъ и тотъ же сюжетъ могутъ писать 20 человѣкъ, не рискуя стѣснить другъ друга.

Не былъ я у Васъ на блинахъ по милости «Сѣвернаго Вѣстника», который прислалъ мнѣ корректуру моей пьесы. Нужно было торопиться, чтобы отослать корректуру съ кондукторомъ курьерскаго поѣзда. Тяжела шапка Мономаха!.. На второй день поста, т.-е. во вторникъ, я, буде Вы и Александръ Павловичъ пожелаете, устрою у себя вечеромъ «кислую капусту». Будутъ капуста, рѣдька, маслины, постный винегретъ,

бобы и проч. Только съ условіемъ, чтобы А. П. выпилъ не меньше трехъ рюмокъ.

Разсказъ про мальчика, убѣгающаго ночью изъ больницы, я пришлю Вамъ вмѣстѣ съ другими разсказами про дѣтей, собранными въ отдѣльный томикъ «дешевой библіотеки» подъ заглавіемъ «Дѣтвора». Суворинъ въ письмѣ кланяется. Я такъ же Вамъ кланяюсь и прошу передать мой сердечный привѣтъ Александру Павловичу.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Сестра шлетъ поклонъ.

Ради Бога не церемоньтесь съ легендой. Даю Вамъ обѣщаніе написать эту легенду такъ, что даже А. П. ея не узнаетъ — стало-быть не стѣсняйтесь. Вами легенда прекрасно изложена. Если нужно, то я пришлю копію, или даже самое письмо.

CXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Дек. (1888 г. Москва.)

. . . . . .

Будьте добры, дайте сестрѣ [1]) забракованный разсказъ Ежова. Скажите Алексѣю Алексѣевичу, что пароходъ «Диръ», на которомъ мы плыли лѣтомъ въ Поти и терпѣли муки, приказалъ долго жить: разбился о южный берегъ Крыма.

Получилъ я отъ Худекова телеграмму. Проситъ прислать ему къ Рождеству разсказъ въ 200 строкъ и пред-

---

[1]) Мар. Пав., которая оставалась въ СПБ. послѣ отъѣзда А. П.

лагаетъ за сіе сто рублей. Постараюсь нацарапать какую-нибудь кислятинку.

Я уже принялся за Иванова. Черезъ два дня будетъ готовъ. Выходитъ складно, но не сценично. Три первыхъ акта ничего. Жду отъ Васъ дальнѣйшихъ полномочій [1]). Если нужно въ адъ ѣхать — поѣду. Я люблю провожать, сватать, шаферствовать. Пожалуйста, со мной не церемоньтесь.

Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку и кланяюсь до земли. Сестрѣ, Борѣ, Настѣ, Алексѣю Алексѣевичу, Маслову, Гею—всѣмъ поклонъ и привѣтъ. Мнѣ скучно и грустно.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXVI.

Ему же.

(Съ подлинника).

19 Декабря. (1888 г. Москва.)

Посылаю это письмо вслѣдъ за срочной телеграммой. Я опять получилъ письмо отъ Никулиной. Она прислала за мной лошадь. Чтобы поддержать Вашъ престижъ, я заставилъ кучера ждать меня 20 минутъ и мерзнуть. Лошадь хорошая, домъ у Никулиной собственный, изъ чего я заключаю, что актрисамъ живется гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ драматургамъ Чехову и Щеглову.

Никулина встрѣтила меня радостной вѣстью, что Машенька согласилась играть Рѣпину. Мы сѣли за столъ и составили такую афишу:

Рѣпина . . . . . Ермолова.
Кокошкина . . . . . Никулина.
Оленина . . . . . Лешковская.

---

[1]) Относительно постановки «Татьяны Рѣпиной» въ Москвѣ.

Адашевъ . . . . . Ленскій.
Матвѣевъ . . . . . Макшеевъ.

Гореву нужно участвовать въ бенефисѣ Никулиной. Онъ хочетъ Адашева, я предлагаю ему Сабинина. Отъ Сабинина онъ, по словамъ Никулиной, отказывается, о чемъ нельзя не пожалѣть. Онъ очень приличенъ, играетъ нервно, одѣвается вкусно. Если онъ будетъ продолжать фордыбачиться, то Сабинина сыграетъ Южинъ. Такъ я и написалъ: Горевъ, или Южинъ. Въ письмѣ ко мнѣ Вы напишите, что Вы очень бы желали, чтобы Сабинина игралъ Горевъ, но что если это нельзя и проч. Горевъ въ Сабининѣ будетъ *лучше* Южина, а потому настаивайте на Горевѣ. Что касается Раисы, то я предложилъ эту роль Садовской, или Медвѣдевой — обѣ хороши. Няньку Садовская не возьметъ: мало! Котельниковъ — Рыбаковъ, или Михайло Садовскій, Кокошкинъ— Грековъ. Мелюзгу я отдалъ на благоусмотрѣніе высокоталантливой бенефиціантки. Пришлите побольше экземпляровъ: Ермоловой, Ленскому, Никулиной, Сабинину [1]), Макшееву, вообще всѣмъ первымъ и вторымъ персонажамъ. Это имъ польститъ и будетъ полезно. Познакомятся хорошо съ пьесой.

Своего «Болванова» [2]) я кончилъ и посылаю одновременно съ этимъ письмомъ. Надоѣлъ онъ мнѣ, какъ Щегловъ актерамъ. Коли есть охота, прочтите, а коли нѣтъ, сейчасъ же пошлите Потѣхину. Я обѣщалъ выслать ему пьесу къ 22 декабря. Послалъ ему письмо, гдѣ подчеркнулъ этотъ срокъ. Я ни однимъ словомъ не заикнулся о постановкѣ и не буду заикаться. Вы имъ ничего не говорите. Буду дѣлать видъ, что я не нуждаюсь ни въ славѣ, ни въ деньгахъ. Теперь мой г. Ивановъ

---

[1]) Вѣроятно, описка, вмѣсто Садовскому.

[2]) «Иванова».

много понятнѣе. Финалъ меня совсѣмъ не удовлетворяетъ (кромѣ выстрѣла, все вяло), но утѣшаюсь тѣмъ, что форма его еще не окончательная. Если захотятъ поставить и спросятъ, кому кого играть, то вотъ имъ моя воля нерушимая:

Ивановъ	Давыдовъ.
Сарра	Савина.
Шабельскій	Свободинъ.
Львовъ	Сазоновъ.
Лебедевъ	Варламовъ.
Саша	Вашъ выборъ.

Сей списокъ можете сообщить Потѣхину хоть и теперь, дабы нашъ общій другъ Давыдовъ не забѣжалъ зайцемъ впередъ и не напуталъ. Отдаю Иванова Давыдову— иначе нельзя: Давыдовъ эту роль игралъ въ Москвѣ. Сазоновъ, Свободинъ и Варламовъ будутъ играть хорошо, такъ хорошо, что сотрутъ Давыденьку и отучатъ его браться за драмы. Видите, какіе у меня тонкіе замыслы!

Григоровичъ говорилъ Вамъ, что я сталъ гордъ и возвышаюсь. Не потому ли это, что моего Медвѣдя играютъ у министровъ? Я радъ былъ бы гордиться, да не знаю чѣмъ и передъ кѣмъ. Если я не бываю у великихъ міра сего и у пріятелей, то это не гордость, а просто лѣнь.. Если бы я жилъ въ Петербургѣ, то видался бы со всѣми своими петербургскими знакомыми не чаще, чѣмъ теперь.

Кланяюсь низко Аннѣ Ивановнѣ. Скажите ей, что я два раза подчеркнулъ, а то она обвиняетъ меня въ томъ, что я въ своихъ письмахъ не кланяюсь ей. Если пойдетъ Ивановъ, то я угощаю литерной ложей.

Бенефисъ Никулиной назначенъ на 11 Января; если же не успѣютъ срепетовать, то на 17-е. Пріѣзжайте

къ 17-му. Въ сей день, его же сотвори Господь, я именинникъ.

Не находите ли, что съ пьесами я справляюсь очень быстро? Едва коснулся пальцемъ къ Иванову, какъ онъ ужъ и готовъ. Надо въ Крыловы поступить.

Щегловъ прислалъ мнѣ программу: длинный списокъ своихъ пьесъ, комментаріи къ нимъ и просьба походатайствовать у Корша за «Театральнаго воробья» и прочихъ звѣрей его издѣлія. Не пригласить ли къ нему Мержеевскаго? [1]) Милый человѣкъ, добрый и не хитрый. Страдаетъ чертъ знаетъ изъ-за чего. Жалко.

Пьесы надо писать скверно и нагло.

Житель [2]) прислалъ мнѣ свою книжку. Я просилъ его объ этомъ. Хочу прочесть его въ массѣ. Мнѣ кажется, что его время еще не пришло. Можетъ случиться, что онъ станетъ моднымъ человѣкомъ.

Даю Вамъ слово, что такія умственныя и поганыя пьесы, какъ Ивановъ, я больше писать не буду. Если Ивановъ не пойдетъ, то я не удивлюсь и никого въ интригахъ и въ подвохахъ обвинять не буду. Первый актъ Вашей Рѣпиной сдѣланъ такъ странно, что я совсѣмъ сбился съ панталыку. На репетиціи этотъ актъ мнѣ казался скучнымъ и неумѣло сдѣланнымъ, а теперь я понимаю, что иначе дѣлать пьесы нельзя, и понимаю успѣхъ этого акта. Послѣ Татьяны моя пьеса представляется мнѣ бонбоньерочной, хотя я до сихъ поръ не уяснилъ себѣ, хороша Ваша пьеса, или же нѣтъ. Въ архитектурѣ ея есть что-то такое, чего я не понимаю..

Разсохину я отдамъ пьесу на коммиссію. Зачѣмъ его баловать? Онъ ужъ и такъ избалованъ. Дадимъ ему 40% и будетъ съ него. Выручку въ пользу «Общества

---

[1]) Извѣстный петербургскій психіатръ.

[2]) Дьяковъ, сотрудникъ «Нового Времени».

вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ». Такъ я ему и скажу.

Если Ивановъ будетъ у Потѣхина и К° 22—23 [1]), то онъ попадетъ какъ разъ въ центру.

«Княгиню» напишу непремѣнно. Чувствую, что виноватъ передъ Вами. Я больше говорю и обѣщаю, чѣмъ дѣлаю. Если успѣю сдѣлать Княгиню къ 24 Дек., то телеграфирую. Къ Новому Году дамъ сказку. Сегодня я буду писать Худекову на такую жалкую тему, что совѣстно. Не писалъ бы, да сто рублей не хочется потерять.

Алексѣю Алексѣевичу поклонъ. Настѣ и Борѣ тоже. Спасибо Вамъ за сестру. Кто знаетъ? Быть-можетъ, я когда-нибудь заплачу за гостепріимство. Я объ этомъ мечтаю.

Будьте здоровы и веселы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скажите Свободину, коли увидите его, что графъ Шабельскій его роль. Дайте обѣщаніе раньше, чтобы Давыдовъ не выхватилъ эту роль для деревяннаго Далматова.

CXXVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

20 дек. (1888 г. Москва.)

Хотя я всей душой и всѣмъ сердцемъ ненавижу Ваши театральныя дѣла, но тѣмъ не менѣе, милѣйшій Жанъ, велѣнью Вашему послушный, я отправился вчера къ Коршу и исполнилъ Ваше желаніе. Вотъ результатъ

---

[1]) Декабря.

моей бесѣды съ Соловцовымъ [1]): присылайте поскорѣе «Театраловъ» и «Комика по натурѣ».

«Театр. Воробья» тоже поставятъ. «Дачному мужу» пойте панихиду: онъ не пойдетъ. Во-первыхъ, Глама [2]) уѣхала; во-вторыхъ, скучно возобновлять старую пьесу, когда подъ носомъ лежатъ новыя.

Театръ — это змѣя, сосущая Вашу кровь. Пока въ Васъ беллетристъ не побѣдитъ драматурга, до тѣхъ поръ я буду ѣсть Васъ и предавать Ваши пьесы проклятію.

Такъ и знайте.

Жалѣю, что не побывалъ у Васъ; мнѣ совѣстно: но Вы, голубчикъ, простите меня. Въ моихъ жилахъ течетъ лѣнивая хохлацкая кровь. Къ тому же въ Питерѣ меня терзали на части и гоняли, какъ почтовую лошадь... Я ѣздилъ, ходилъ, ѣлъ и жилъ безъ устали.

Двѣ недѣли, прожитыя у Суворина, прошли какъ единый мигъ.

Суворинъ въ высшей степени искренній и общительный человѣкъ. Все, что говорилъ онъ мнѣ, было очень интересно. Опытъ у него громадный. Анна Ивановна угощала меня правоученіями и шартрезомъ. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я знаю, это единственная, имѣющая свой собственный, самостоятельный взглядъ на вещи. Она урожденная Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснѣйшаго человѣка. Вся семья Орфановыхъ прекрасна. Остальная публика у Суворина— теплые люди и не всегда скучные.

Сажусь писать разсказъ для Петербургской Газеты.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Соловцовъ—артистъ театра Корша въ Москвѣ.

[2]) Н. Л. Глама-Мещерская—артистка того же театра.

CXXVIII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

20 Дек. (1888 г. Москва.)

Милый Владиміръ Алексѣевичъ, вчера я былъ у Корша и узналъ, что нужно. Глама-Мещерская въ самомъ дѣлѣ серьезно больна и въ отъѣздѣ. У нея что-то въ родѣ костоѣды верхней челюсти и невралгія. Если судить по тому, что я слышалъ, болѣзнь ея протянется недолго, а операція (она необходима) отниметъ немного времени. Соловцовъ говорилъ, что какъ только Глама пріѣдетъ, то первымъ дѣломъ поставятъ «Безъ коромысла и утюга» [1]). Пьеса еще будетъ идти много разъ. Не унывайте.

Когда будете жениться на рябой бабѣ [2]), которая будетъ Васъ бить, и когда на Волгѣ вмѣстѣ съ этой бабой и ея любовникомъ станетъ одолѣвать Васъ непогода, то Вамъ будетъ скучно. Но эта скука ничто въ сравненіи съ тѣмъ уныніемъ, въ какое я впалъ, вернувшись изъ Вашего шумнаго Питера.

Будьте здоровы. Желаю всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Пьеса адресата «Безъ кормила и весла».

[2]) Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній В. А. Тихонова по поводу этого письма.

... Я сталъ дальше развивать мою мечту.

— Видите ли, — говорю, — высшее счастье можно постигнуть, только женившись на толстой рябой бабѣ и поселившись съ ней въ маленькой избушкѣ на берегу Волги, при чемъ получать пенсію — 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. И жить на эту пенсію. И чтобы у этой бабы характеръ былъ самый гнусный, и чтобы она васъ походя колотила: то валькомъ, то скалкой, а то прямо кулакомъ по затылку.

CXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

23 Дек. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, пьесу я получилъ *вчера въ* 8 *часовъ вечера*, но не двумя днями раньше, какъ Вы обѣщали и какъ бы слѣдовало. Никулина спѣшитъ, какъ угорѣлая и каждый часъ промедленія портитъ ей пудъ крови. Вчера отъ нея не было посланнаго. Плохой признакъ. Боюсь, что она не выдержала и велѣла переписывать роли по старому экземпляру.

Вчера я послалъ ей экземпляры, удержавъ у себя экземпляръ старой редакціи: боюсь, чтобы не напутали. Сегодня былъ у меня ея посланный съ приглашеніемъ пожаловать въ 5 часовъ. Вчера я написалъ ей: «Если гг. артисты пожелаютъ сдѣлать какія-нибудь измѣненія

Мало того, чтобы она завела себѣ любовника, какого-нибудь сельскаго писаря, и вотъ, когда этотъ писарь будетъ пріѣзжать къ ней въ гости, чтобы вмѣстѣ съ ней пьянствовать, то на это время она совсѣмъ васъ будетъ выгонять изъ дому и вы будете съ удочкой уходить внизъ, на самую Волгу, садиться гдѣ-нибудь въ кустахъ ивняка и удить рыбу. А рыба совсѣмъ не будетъ попадаться вамъ на удочку. И вамъ будетъ ужасно грустно, и вы начнете плакать горькими-горькими слезами. И вотъ въ это-то самое время, рябая баба, т.-е. супруга ваша, вдругъ вспомнитъ объ васъ, сжалится, кликнетъ васъ наверхъ и изъ своихъ рукъ поднесетъ вамъ стаканчикъ водки. И это будетъ самая счастливая минута вашей жизни, и вы тогда увидите, что на небѣ горитъ солнце, Волга величественна, а въ кустахъ орѣшника поютъ птицы. И изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы, но на этотъ разъ уже слезы радости.

Чеховъ, выслушавъ эту картинку, задумчиво сказалъ:

— Да, въ этомъ есть что-то такое.

(«Міръ Божій», № 8, авг. 1905 г.).

и выпуски, то авторъ (т.-е. Вы) предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій. Онъ проситъ оставить неприкосновенными лишь нѣкоторыя мѣста, указанныя имъ въ письмѣ ко мнѣ». Я буду спасать одного только Адашева — этого достаточно, чтобы была спасена отъ опустошенія вся пьеса. Разъ Адашевъ будетъ говорить, Рѣпина поневолѣ должна будетъ отвѣчать ему.

Я прочелъ снова Вашу пьесу. Въ ней очень много хорошаго и оригинальнаго, чего раньше не было въ драм. литературѣ, и много нехорошаго (напр., языкъ). Ея достоинства и недостатки — это такой капиталъ, которымъ можно было бы поживиться, будь у насъ критика. Но этотъ капиталъ будетъ лежать даромъ непроизводительно до тѣхъ поръ, пока не устарѣетъ и не выйдетъ въ тиражъ. Критики нѣтъ. Дующій въ шаблонъ Татищевъ, оселъ Михневичъ и равнодушный Буренинъ — вотъ и вся россійская критическая сила. А писать для этой силы не стоитъ, какъ не стоитъ давать нюхать цвѣты тому, у кого насморкъ. Бываютъ минуты, когда я положительно падаю духомъ. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ея не вижу и въ нее вѣрю меньше, чѣмъ въ домового: она необразована, дурно воспитана, а ея лучшіе элементы не добросовѣстны и не искренни по отношенію къ намъ. Нуженъ я этой публикѣ, или не нуженъ, понять я не могу. Буренинъ говоритъ, что я не нуженъ и занимаюсь пустяками, Академія дала премію — самъ чертъ ничего не пойметъ. Писать для денегъ? Но денегъ у меня никогда нѣтъ и къ нимъ я отъ непривычки имѣть ихъ почти равнодушенъ. Для денегъ я работаю вяло. Писать для похвалъ? Но онѣ меня только раздражаютъ. Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеевъ, дѣвицы и проч., расхвалили мой «Припадокъ» вовсю, а описаніе перваго снѣга замѣтилъ одинъ только Гри-

горовичъ. И т. д. и т. д. Будь же у насъ критика, тогда бы я зналъ, что я составляю матеріалъ—хорошій или дурной, все равно—,что для людей, посвятившихъ себя изученію жизни, я такъ же нуженъ, какъ для астронома звѣзда. И я бы тогда старался работать и зналъ бы, для чего работаю. А теперь я, Вы, Муравлинъ и проч. похожи на маньяковъ, пишущихъ книги и пьесы для собственнаго удовольствія. Собственное удовольствіе, конечно, хорошая штука; оно чувствуется, пока пишешь, а потомъ? Но.. закрываю клапанъ. Однимъ словомъ, мнѣ обидно за Татьяну Рѣпину и жаль, не потому, что она отравилась, а потому, что прожила свой вѣкъ, страдальчески умерла и была описана совершенно напрасно и безъ всякой пользы для людей. Исчезла безслѣдно масса племенъ, религій, языковъ, культуръ—изчезла, потому что не было историковъ и біологовъ. Такъ исчезаетъ на нашихъ глазахъ масса жизней и произведеній искусствъ, благодаря полному отсутствію критики. Скажутъ, что критикѣ у насъ нечего дѣлать, что всѣ современныя произведенія ничтожны и плохи. Но это узкій взглядъ. Жизнь изучается не по однимъ только плюсамъ, но и минусамъ. Одно убѣжденіе, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, можетъ послужить матеріаломъ для пяти томовъ.

Измѣненія въ пьесѣ не слишкомъ замѣтны. Прерывать монологъ, если его будетъ читать Ленскій, особенной необходимости нѣтъ. Но отъ этого впрочемъ, пожалуй, выиграетъ Рѣпина. Для молодого человѣка, утомленнаго жизнью, не убѣдительны никакіе аргументы, никакія ссылки на Бога, мать и проч. Утомленіе—это сила, съ которой надо считаться. Къ тому же еще у Рѣпиной болитъ нестерпимо желудокъ. Можетъ ли она молча и не морщась слушать длинный монологъ? Нѣтъ. Ея фраза: «Не то, не то вы говорите»... взята вѣрно,

а фраза на стр. 139: «Для жизни, для жизни»... мнѣ непонятна. Не нужно, чтобы она соглашалась съ Адашевымъ. Если ее заставитъ желать жить боль, то я пойму, но въ силу словъ адашевскихъ я не вѣрю. Да и не нужно, чтобы онъ былъ убѣдителенъ. Вставка про ласки матери.. «я одна, одна» — это хорошо. Merci. Монологъ съ цвѣтами (1 явленіе) коротокъ, можно бы длиннѣй и сочнѣй. У Васъ въ рѣчи Рѣпиной почти отсутствуетъ сочная фраза. Конецъ III акта въ руцѣ Ермоловой. Напрасно Татьяна часто употребляетъ слово «проклятый»: обидчикъ проклятый, жидъ проклятый.. Въ I дѣйствіи новыя слова Рѣпиной о томъ, что она великодушнѣе, хороши и кстати, но разсказъ Котельникова о Золотомъ тельцѣ взятъ произвольно и составляетъ излишній орнаментъ.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо. Отсутствіе Саши въ концѣ IV акта Вамъ рѣзко бросилось въ глаза. Такъ и надо. Пусть вся публика замѣтитъ, что Саши нѣтъ. Вы настаиваете на ея появленіи: законы молъ сцены того требуютъ. Хорошо, пусть явится, но что же она будетъ говорить? Какія слова? Такія дѣвицы (она не дѣвушка, а дѣвица) говорить не умѣютъ и не должны. Прежняя Саша могла говорить и была симпатична, а новая своимъ появленіемъ только раздражитъ публику. Вѣдь не можетъ же она броситься Иванову на шею и сказать: «я васъ люблю!» Вѣдь она не любитъ и созналась въ этомъ. Чтобы вывести ее въ концѣ, нужно передѣлать ее всю съ самаго начала. Вы говорите, что ни одной женщины нѣтъ и что это сушитъ конецъ. Согласенъ. Могли явиться въ концѣ и вступиться за Иванова только двѣ женщины, которыя въ самомъ дѣлѣ любили его: родная мать и жидовка. Но такъ какъ онѣ обѣ умерли, то и разговора быть не можетъ. Сирота пусть и остается сиротой, чертъ съ нимъ.

«Медвѣдь» печатается вторымъ изданіемъ. А вы говорите, что я не превосходный драматургъ. Я придумалъ для Савиной, Давыдова и министровъ водевиль подъ заглавіемъ «Громъ и молнія». Во время грозы ночью я заставлю земскаго врача Давыдова заѣхать къ дѣвицѣ Савиной. У Давыдова зубы болятъ, а у Савиной несносный характеръ. Интересные разговоры, прерываемые громомъ. Въ концѣ—женю. Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мнѣ кажется, что я могъ бы писать ихъ по сотнѣ въ годъ. Изъ меня водевильные сюжеты прутъ, какъ нефть изъ бакинскихъ нѣдръ. Зачѣмъ я не могу отдать свой нефтяной участокъ Щеглову?

Послалъ Худекову за 100 рублей разсказъ, который прошу не читать: мнѣ стыдно за него. Вчера я сѣлъ вечеромъ, чтобы писать въ Новое Время сказку, но явилась баба и потащила меня на Плющиху къ поэту Пальмину, который въ пьяномъ образѣ упалъ и расшибъ себѣ лобъ до кости. Возился я съ нимъ, съ пьянымъ часа полтора-два, утомился, провонялъ іодоформомъ, озлился и вернулся домой утомленнымъ. Сегодня писать было бы уже поздно. Вообще живется мнѣ скучно и начинаю я временами ненавидѣть, чего раньше со мной никогда не бывало. Длинные, глупые разговоры, гости, просители, рублевыя, двухъ и трехрублевыя подачки, траты на извозчиковъ ради больныхъ, не дающихъ мнѣ ни гроша—однимъ словомъ, такой кавардакъ, что хоть изъ дому бѣги. Берутъ у меня взаймы и не отдаютъ, книги тащутъ, временемъ моимъ не дорожатъ... Не хватаетъ только несчастной любви.

Вернулся отъ Никулиной. Когда роль Олениной была уже отдана Лешковской, Ѳедотова изъявила желаніе взять эту роль, но ужъ было поздно. Видите, какая Вамъ честь со всѣхъ сторонъ! Даже ненавидя-

щіе Васъ ищутъ угодить Вамъ. Котельникова играетъ Садовскій. Это рѣшено. Горевъ сдается, но еще не сдался. Ваши строчки подѣйствовали на него. Ю.... повѣшенъ за плечи, но дамамъ нравится. Вы ужъ слишкомъ! Онъ въ Сабининѣ будетъ въ 1000 разъ лучше Далматова. Зонненштейнъ — Правдинъ. Раиса — Медвѣдева. Садовская не умѣетъ играть жидовокъ, а Медвѣдева мастеръ по этой части. Она Вамъ понравится. Авдотья отдана Рыкаловой. Никулина скорбитъ, что ея роль слишкомъ коротка для бенефиціантки. Это правда. Бенефисъ будетъ 16-го Янв. Прибавьте-ка что-нибудь Никулиной! До 16-го Вы успѣете написать два-три варіанта и прислать. Увеличьте для Никулиной 2, 3 и 4 акты. Пусть во II она поговоритъ съ Сабининымъ о любви и о мужчинахъ—слегка и въ бойкой, юмористической формѣ. Вы напишите варіанты явленій, пошлите ихъ въ цензуру—вотъ и все, а послѣ бенефиса ихъ бросить можно. Я далъ слово Никулиной, что упрошу Васъ. Дайте ей говорить въ концѣ IV акта. Пусть ахнетъ, или что-нибудь въ родѣ.

Надѣюсь, что Вы пріѣдете къ 16-му Янв. Если не будетъ Васъ, то актеры обидятся. Они питаютъ къ Вамъ хорошее чувство, а ненавидящіе все-таки уважаютъ и цѣнятъ. Разыграютъ они лучше Александринскихъ. По крайней мѣрѣ ансамбль будетъ лучше. Послѣ второй репетиціи я ѣду къ Ленскому и говорю о сокращеніяхъ, буде таковыя актерамъ понадобятся.

Это письмо Вы получите въ первый день Рождества. Значитъ, съ праздникомъ Васъ поздравляю. Отдыхайте. Сестра кланяется Вамъ, Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ. Я тоже низко кланяюсь и пребываю скучающимъ.

А. Чеховъ.

Матеріалъ для «Дѣтворы» пришлю на праздникахъ. Хорошая выйдетъ книжка. Соберу также матеріалъ для третьей книжки «Разсказовъ». Подлецы пріятели художники поддѣли меня съ Каштанкой. До сихъ поръ рисунки не готовы.

Въ «Сѣверный Вѣстникъ» я дамъ разсказъ въ мартѣ, до марта же буду писать только у Васъ. Даю слово. Мнѣ стыдно. Къ Новому году пришлю сказку, а въ январѣ Княгиню.

CXXX.

Ему же.

(Съ подлинника).

26 Дек. (1888 г. Москва.)

Мнѣ больно, что Вы сердитесь и что въ Новомъ Времени не было моего разсказа, но что дѣлать? Дать Вамъ разсказъ, который кажется мнѣ гадостью, я не могу ни за какія блага въ мірѣ, иначе бы я сандалилъ въ Вашей газетѣ каждую недѣлю и имѣлъ бы деньги. Какъ Вамъ угодно, но и въ будущія времена я стану держаться той же политики, т.-е. не посылать Вамъ того, что мнѣ противно. Надо вѣдь хоть одну газету щадить, да и свою нововременскую репутацію беречь. А Петерб. Газета все съѣстъ.

Вы пишете, что надо работать не для критики, а для публики, что мнѣ рано еще жаловаться. Пріятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Самъ я отъ своей работы благодаря ея мизерности и кое-чему другому, удовлетворенія не чувствую, публика же (я не называлъ ее подлой) по отношенію къ намъ недобросовѣстна и неискренна, никогда отъ нея правды не услышишь и

потому не разберешь, нуженъ я ей или нѣтъ. Рано мнѣ жаловаться, но никогда не рано спросить себя: дѣломъ я занимаюсь, или пустяками? Критика молчитъ, публика вретъ, а чувство мое мнѣ говоритъ, что я занимаюсь вздоромъ. Жалуюсь я? Не помню, каковъ тонъ былъ у моего письма, но если это такъ, то я жалуюсь не за себя, а за всю нашу братію, которую мнѣ безконечно жалко.

Всю недѣлю я золъ, какъ сукинъ сынъ. Геморрой съ зудомъ и кровотеченіемъ, посѣтители, Пальминъ съ расшибленнымъ лбомъ, скука. Въ первый день праздника вечеромъ возился съ больнымъ, который на моихъ же глазахъ и умеръ. Вообще мотивы не веселые. Злость— это малодушіе своего рода. Сознаюсь и браню себя. А наипаче досадую на себя, что посвящаю Васъ въ тайны своей меланхоліи, очень не интересной и постыдной для такого цвѣтущаго и поэтами воспѣтаго возраста, какъ мой.

Къ Новому году я постараюсь сдѣлать для Васъ сказку, а послѣ 1-го вскорѣ выпшлю «Княгиню».

Водевили можно печатать только лѣтомъ, а не зимой.

Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я выпустилъ Сашу. Но вѣдь Ивановъ едва ли пойдетъ. Если пойдетъ, то извольте, сдѣлаю по Вашему, но только ужъ извините, задамъ я ей, мерзавкѣ! Вы говорите, что женщины изъ состраданія любятъ, изъ состраданія выходятъ замужъ.. А мужчины? Я не люблю, когда реалисты-романисты клевещутъ на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимаютъ за плечи, какъ Ю., и стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавецъ, а женщина ангелъ. И женщина, и мужчина пятакъ пара, только мужчина умнѣе и справедливѣе. Сегодня изъ театра пріѣдетъ ко мнѣ Ленскій. Будемъ говорить о Татьянѣ. Отдамъ варіантъ для передачи Садовскому

Мой живописецъ на прежнемъ положеніи.

Осенью я переѣзжаю въ Петербургъ. Беру съ собой мать и сестру. Надо серьезно заняться дѣломъ.

Почему Вамъ такъ не нравится Вашъ отрывокъ? Ваше все хорошо. Я жду, когда Н. Лаврецкій [1]) напишетъ еще одинъ разсказъ. Пишите! Въ Вашей «Исторіи одной ночи» наворочено и нагромождено столько всякаго добра, что, хоть и спотыкаешься временами, а читаешь съ интересомъ и съ большой симпатіей къ автору. Только пишите именно такъ, чтобъ было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мнѣ надоѣла зализанная беллетристика, да и читатель отъ нея скучаетъ.

Не сердитесь на меня и простите мнѣ меланхолію, которая мнѣ самому не симпатична. Она вызвана во мнѣ разными обстоятельствами, которыя не я создалъ.

Читайте мнѣ мораль и не извиняйтесь. Ахъ, если бы Вы знали, какъ часто въ своихъ письмахъ я читаю мораль молодымъ людямъ! Даже въ привычку вошло. У меня фразы длинныя, размазанныя, а у Васъ коротенькія. У Васъ лучше выходитъ.

Былъ у меня Ленскій съ женой. Говорилъ, что Ермолова взялась за Татьяну съ удовольствіемъ. Первое дѣйствіе пройдетъ хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, но остальныя три, я убѣжденъ, гораздо лучше. Ермолова несносна въ комедіи, иначе бы и первое дѣйствіе прошло великолѣпно. Пріѣзжайте, пожалуста. Это Васъ развлечетъ. Постановка пьесы, ея успѣхъ, рецензіи, поправки и проч.—все это утомляетъ и раздражаетъ Васъ, но это здорово и лѣтомъ будетъ вспоминатсья съ удовольствіемъ.

Пора бы для провинціи дать пьесу. Пришлите 25 экземпляровъ, я сдамъ ихъ Разсохину. Запишитесь въ

---

[1]) Псевдонимъ А. С. Суворина.

общество. Написали монологъ для Давыдова? Когда напишете, то не печатайте его, а отдайте литографировать. Актеры не умѣютъ читать по-печатному, привыкли къ литографіи. Монологъ подпишите Н. Лаврецкимъ. Лѣтомъ напечатайте его въ газетѣ.

Репетиціи начнутся послѣ праздника. На похоронахъ Юрьева [1]) я, вѣроятно, познакомлюсь съ Ермоловой и буду говорить съ ней о томъ, о семъ. О пьесѣ говорить уже почти нечего, такъ какъ все устроилось благополучно. И полномочіе мое не было особенно нужно. И безъ меня бы все хорошо устроилось. Мое пристрастіе къ Петербургу и къ Вашей пьесѣ и мои поѣздки въ Петербургъ актеры и ихъ супруги объясняютъ тѣмъ, что у Васъ есть большая дочка и что я хочу на ней жениться.

Прощайте. Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно Вашъ

А. Чеховъ

CXXXI.

Ему же.

(Съ подлинника).

28 Дек., вечеръ. (1888 г. Москва.)

Сейчасъ получилъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, поправки къ Рѣпиной. Вставка для Кокошкиной *очень хороша* [2]) и очень кстати. Никулиной [3]) навѣрное по-

---

[1]) С. А., бывшаго редактора «Русской Мысли».

[2]) Въ Моск. Маломъ театрѣ, въ бенефисъ артистки Никулиной, давалась пьеса адресата «Татьяна Рѣпина», въ которой, спеціально для московской постановки, былъ вставленъ монологъ о Москвѣ, очень понравившійся москвичамъ.

[3]) Н. А. Никулина—артистка Моск. Импер. Малаго театра.

нравится. Аплодирую Вамъ. Поправки въ Оленинской роли не особенно и пожалуй никакъ не нужны. Все въ рукахъ актрисы. Плохо сыграетъ, такъ никакія поправки не помогутъ, ибо Оленинская роль заключается не въ словахъ, а въ игрѣ. Адашевъ и Кокошкина должны говорить, а Оленина играть. Завтра всѣ актеры на похоронахъ у Юрьева. Въ 5 часовъ я съѣзжу къ Никулиной — раньше нельзя.

Что Вы Кокошкину выпустили въ концѣ, это хорошо. Вамъ бы пріѣхать хотя бы на двѣ послѣднія репетиціи, тогда бы, глядя на игру, Вы бы придумали еще какія-нибудь слова. Можно сдѣлать, чтобы Кокошкина сказала Сабинину 2—3 ядовито-слезныхъ строчки.

Вставка Котельникову о шмуляхъ рискуетъ быть ошикана: половина театра всегда у насъ занята авраамами, исааками и саррами.

При хорошемъ ансамблѣ музыку въ концѣ можно подпустить, но чуть-чуть, еле-еле.

Сказка для новогодняго № уже почти готова. 30-го Вы ее получите, если же что помѣшаетъ мнѣ сегодня кончить ее, то Вы получите ее 31-го. Это *непремѣнно*. Сказка интересная [1]). Строкъ 400—500. Есть еще одна сказка. Если помѣстите въ крещенскомъ №, то пришлю.

Читалъ я въ Пет. Газетѣ про своего Иванова. Должно-быть, Плещеевъ-фисъ старается.

Кокошкину слѣдуетъ выпускать въ концѣ пьесы только въ томъ случаѣ, если ее играетъ Никулина, а посему Вы не измѣняйте пьесы ради этой роли; печатайте ее въ томъ видѣ, въ какомъ прислали мнѣ недѣлю назадъ. А то не кончите поправлять. Путь поправокъ—опасный путь. (—Такъ бы сказалъ Андреевскій) [2]).

---

[1]) Помѣщена въ № 4613 «Нов. Врем».

[2]) С. А. Андреевскій — выдающійся юристъ и поэтъ.

Только разъ нужно вступить на него, чтобы никогда не дойти до цѣли.

Надѣюсь, что у Анны Ивановны уже не болитъ голова. Желаю ей здравія. И Вамъ того же желаю и пребываю

Дорогой учитель дерптскихъ студентовъ

А. Чеховъ.

Сказку я кончилъ и посылаю.

Вы говорите, что актеры будутъ сокращать пьесу. А можетъ-быть, и не будутъ! Я сейчасъ показалъ Вашъ почеркъ писарю мирового судьи и спросилъ:

— А сколько бы Вашъ мировой судья заплатилъ за такой почеркъ?

Писарь прыснулъ и сказалъ: — Ни копѣйки!

Показалъ почеркъ Григоровича. Писарь насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— За этотъ, пожалуй, далъ бы рублей десять въ мѣсяцъ.

CXXXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

30 Дек. (1888 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ; дай Богъ Вамъ здоровья, хорошаго сна, отличнаго аппетита, побольше денегъ, поменьше чужихъ рукописей. Желаю, чтобы проснувшись въ одно прекрасное утро и заглянувъ къ себѣ подъ подушку, Вы нашли тамъ бумажникъ съ 200.000 руб., и чтобы всѣхъ Вашихъ кредиторовъ посадили въ Петропавловскую крѣпость.

Что новаго и хорошаго? Елена Алексѣевна [1]) была у насъ одинъ разъ и, несмотря на то, что мы оказали ей самый радушный пріемъ и что я былъ блестящъ и остроуменъ, осталась недовольна, ушла и ужъ больше не приходила.

Въ Москвѣ скучно и скучно, до весны еще далеко, писать не хочется. Хочу опять уѣхать въ Петербургъ и, вѣроятно, буду у Васъ въ январѣ (если пуститъ здоровье).

Кажется мой «Ивановъ» пойдетъ въ Александринкѣ въ бенефисъ Ѳедорова-Юрковскаго, со Стрепетовой и Савиной. Вы какъ-то предлагали мнѣ напечатать Иванова въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. Что жъ? Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ. Я съ Васъ очень дешево возьму, такъ дешево, что Вы удивитесь. Если печатать, то въ мартовской книжкѣ. Пьеса короткая и займетъ не больше двухъ листовъ.

Надѣюсь, ради вдовы моей и дѣтей Вы сжалитесь надъ бѣднымъ Ивановымъ и не забракуете его въ Комитетѣ. Я еще не женатъ, но пьесы пишу исключительно для вдовы, такъ какъ рано или поздно не миную общей участи и женюсь.

Въ Ивановѣ весь IV актъ передѣланъ кореннымъ образомъ, безжалостно.

Свой экземпляръ «Памяти Гаршина» я пожертвовалъ для одного благотворительнаго аукціона. Если сборникъ еще не распроданъ, то будьте добры, оставьте для меня одинъ экземпляръ въ переплетѣ. Я пріѣду и заплачу деньги.

Разсказъ я пришлю для апрѣльской книжки.

Въ Новогоднемъ № Новаго Времени будетъ моя сказка.

---

[1]) Дочь адресата.

Сестра усердно кланяется Вамъ и всѣмъ Вашимъ и благодаритъ за гостепріимство и теплое радушіе. Я тоже кланяюсь и поздравляю. Аннѣ Михайловнѣ и Маріи Дмитріевнѣ почтеніе и пожеланіе всѣхъ благъ.

Будьте здоровы, обнимаю Васъ крѣпко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

30 Дек. (1888 г. Москва.)

Никулина благодаритъ Васъ за поправки. Сабинина играетъ Горевъ. Репетиціи еще не начались. Въ томъ, что пьеса будетъ имѣть успѣхъ, я увѣренъ, ибо глаза у актеровъ ясные и лица не предательскія—это значитъ, что пьеса имъ нравится и что они сами вѣрятъ въ успѣхъ. Никулина приглашала обѣдать. Благодарю Васъ.

Режиссеръ считаетъ Иванова лишнимъ человѣкомъ въ тургеневскомъ вкусѣ; Савина спрашиваетъ: почему Ивановъ подлецъ? Вы пишете: «Иванову необходимо дать что-нибудь такое, изъ чего видно было бы, почему двѣ женщины на него вѣшаются и почему онъ подлецъ, а докторъ—великій человѣкъ». Если Вы трое такъ поняли меня, то это значитъ, что мой Ивановъ никуда не годится. У меня, вѣроятно, зашелъ умъ за разумъ и я написалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ. Если Ивановъ выходитъ у меня подлецомъ, или лишнимъ человѣкомъ, а докторъ великимъ человѣкомъ, если непонятно, почему Сарра и Саша любятъ Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцовалась и о постановкѣ ея не можетъ быть

рѣчи. Героевъ своихъ я понимаю такъ. Ивановъ, дворянинъ, университетскій человѣкъ, ничѣмъ не замѣчательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная къ увлеченіямъ, честная и прямая, какъ большинство образованныхъ дворянъ. Онъ жилъ въ усадьбѣ и служилъ въ земствѣ. Что онъ дѣлалъ и какъ велъ себя, что занимало и увлекало его, видно изъ слѣдующихъ словъ его, обращенныхъ къ доктору (актъ I, явл. 5): «Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ..... не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣну.. Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей»... Вотъ что у него въ прошломъ. Сарра, которая видѣла его раціональныя хозяйства и прочія затѣи, говоритъ о немъ доктору: «Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ и я жалѣю, что вы не знали его года два-три тому назадъ. Онъ теперь хандритъ, молчитъ, ничего не дѣлаетъ, но прежде... какая прелесть!» (I актъ, явл. 7). Прошлое у него прекрасное, какъ у большинства русскихъ интеллигентныхъ людей. Нѣтъ или почти нѣтъ того русскаго барина, или университетскаго человѣка, который не хвастался бы своимъ прошлымъ. Настоящее всегда хуже прошлаго. Почему? Потому что русская возбудимость имѣетъ одно специфическое свойство: ее быстро смѣняетъ утомляемость. Человѣкъ сгоряча, едва спрыгнувъ со школьной скамьи, беретъ ношу не по силамъ, берется сразу и за школы, и за мужика, и за раціональное хозяйство, и за Вѣстникъ Европы, говоритъ рѣчи, пишетъ министру, воюетъ со зломъ, рукоплещетъ добру, любитъ не просто и не какъ-нибудь, а непремѣнно или синихъ чулковъ, или психопатокъ, или жидовокъ, или даже проститутокъ, которыхъ спасаетъ и проч. и проч.. Но едва

дожилъ онъ до 30—35 лѣтъ, какъ начинаетъ ужъ чувствовать утомленіе и скуку. У него еще и порядочныхъ усовъ нѣтъ, но онъ ужъ авторитетно говоритъ:

«— Не женитесь, батенька... Вѣрьте моему опыту». Или:—«Что такое въ сущности либерализмъ? Между нами говоря, Катковъ часто былъ правъ..» Онъ готовъ ужъ отрицать и земство, и раціон. хозяйство, и науку, и любовь.. Мой Ивановъ говоритъ доктору (I акт., 5 явл.): «Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право вамъ совѣтовать...» Таковъ тонъ у этихъ преждевременно утомленныхъ людей. Далѣе, авторитетно вздыхая, онъ совѣтуетъ: «Не женитесь вы такъ-то и такъ-то (зрите выше одну изъ выписокъ), а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ.. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше..... А жизнь, которую я пережилъ, какъ она утомительна!.. ахъ какъ утомительна!»

Чувствуя физическое утомленіе и скуку, онъ не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается и что произошло. Ужасаясь, онъ говоритъ доктору (актъ I, явл. 3): «Вы вотъ говорите, что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомленіе... Если со стороны поглядѣть на меня, то это вѣроятно ужасно, самъ же я не понимаю, что дѣлается съ моей душой»... Попавъ въ такое положеніе, узкіе и недобросовѣстные люди обыкновенно сваливаютъ всю вину на среду, или же записываются въ штатъ лишнихъ людей и гамлетовъ и на томъ успокаиваются, Ивановъ же, человѣкъ прямой, открыто заявляетъ доктору и публикѣ, что онъ себяне по нимаетъ: «Не понимаю, не понимаю»... Что онъ искренно не понимаетъ себя, видно изъ большого монолога въ III актѣ, гдѣ онъ, бесѣдуя съ глазу на

глазъ съ публикой и исповѣдуясь передъ ней, даже плачетъ!

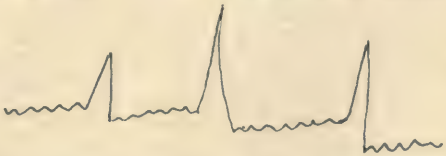
Перемѣна, происшедшая въ немъ, оскорбляетъ его порядочность. Онъ ищетъ причинъ внѣ и не находитъ; начинаетъ искать внутри себя и находитъ одно только неопредѣленное чувство вины. Это чувство русское. Русскій человѣкъ—умеръ ли у него кто-нибудь въ домѣ, заболѣлъ ли, долженъ ли онъ кому-нибудь, или самъ даетъ взаймы, — всегда чувствуетъ себя виноватымъ. Все время Ивановъ толкуетъ о какой-то своей винѣ и чувство вины растетъ въ немъ при каждомъ толчкѣ. Въ I актѣ онъ говоритъ: «Вѣроятно, я страшно виноватъ, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то лѣнью и я не въ силахъ понимать себя»... Во II актѣ онъ говоритъ Сашѣ: «День и ночь болитъ моя совѣсть, чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю..»

Къ утомленію, скукѣ и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это—одиночество. Будь Ивановъ чиновникомъ, актеромъ, попомъ, профессоромъ, то онъ бы свыкся со своимъ положеніемъ. Но онъ живетъ въ усадьбѣ. Онъ въ уѣздѣ. Люди—или пьяницы, или картежники, или такіе какъ докторъ.. Всѣмъ имъ нѣтъ дѣла до его чувствъ и перемѣны въ немъ. Онъ одинокъ. Длинныя зимы, длинные вечера, пустой садъ, пустыя комнаты, брюзжащій графъ, больная жена.. Уѣхать некуда. Поэтому каждую минуту его томитъ вопросъ: куда дѣваться?

Теперь пятый врагъ. Ивановъ утомленъ, не понимаетъ себя, но жизни нѣтъ до этого никакого дѣла. Она предъявляетъ къ нему свои законныя требованія и онъ хочешь—не хочешь долженъ рѣшать вопросы. Больная жена—вопросъ, куча долговъ—вопросъ, Саша вѣшается на шею—вопросъ. Какъ онъ рѣшаетъ всѣ эти вопросы, должно быть видно изъ монолога III акта и изъ

содержимаго двухъ послѣднихъ актовъ. Такіе люди, какъ Ивановъ, не рѣшаютъ вопросовъ, а падаютъ подъ ихъ тяжестью. Они теряются, разводятъ руками, нервничаютъ, жалуются, дѣлаютъ глупости и въ концѣ-концовъ, давъ волю своимъ рыхлымъ, распущеннымъ нервамъ, теряютъ подъ ногами почву и поступаютъ въ разрядъ «надломленныхъ» и «не понятыхъ».

Разочарованность, апатія, нервная рыхлость и утомляемость являются непремѣннымъ слѣдствіемъ чрезмѣрной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи въ крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее.. Соціализмъ—одинъ изъ видовъ возбужденія. Гдѣ же онъ? Онъ въ письмѣ Тихомирова къ царю. Соціалисты поженились и критикуютъ земство. Гдѣ либерализмъ? Даже Михайловскій говоритъ, что всѣ шашки теперь смѣшались.. А чего стоятъ всѣ русскія увлеченія? Война утомила, Болгарія утомила до ироніи, Цукки утомила, оперетка тоже...

Утомляемость (это подтвердитъ и д-ръ Бертенсонъ) выражается не въ одномъ только нытьѣ, или ощущеніи скуки. Жизнь утомленнаго человѣка нельзя изобразить такъ: она очень неровна. Всѣ утомленные люди не теряютъ способности возбуждаться въ сильнѣйшей степени, но очень не надолго, при чемъ послѣ каждаго возбужденія наступаетъ еще большая апатія.. Это графически можно изобразить такъ: 

Паденіе внизъ, какъ видите, идетъ не по наклонной плоскости, а нѣсколько иначе. Объясняется Саша

въ любви. Ивановъ въ восторгѣ кричитъ: «Новая жизнь!», а на другое утро вѣритъ въ эту жизнь столько же, сколько въ домового (монологъ III акта); жена оскорбляетъ его, онъ выходитъ изъ себя, возбуждается и бросаетъ ей жестокое оскорбленіе. Его обзываютъ подлецомъ. Если это не убиваетъ его рыхлый мозгъ, то онъ возбуждается и произноситъ себѣ приговоръ.

Чтобы не утомить Васъ до изнеможенія, перехожу къ доктору Львову. Это типъ честнаго, прямого, горячаго, но узкаго и прямолинейнаго человѣка. Про такихъ умные люди говорятъ: онъ глупъ, но въ немъ есть честное чувство. Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблонъ, ходячая тенденція. На каждое явленіе и лицо онъ смотритъ сквозь тѣсную раму, обо всемъ судитъ предвзято. Кто кричитъ: «Дорогу честному труду!», на того онъ молится; кто же не кричитъ этого, тотъ подлецъ и кулакъ. Середины нѣтъ. Онъ воспитался на романахъ Михайлова; въ театрѣ видѣлъ на сценѣ «новыхъ людей» т.-е. кулаковъ и сыновъ вѣка сего, рисуемыхъ новыми драматургами, «людей наживы» (Пропорьевъ, Охлябьевъ, Наварыгинъ и проч.). Онъ намоталъ себѣ это на усъ и такъ сильно намоталъ, что, читая Рудина, непремѣнно спрашиваетъ себя: «Подлецъ Рудинъ, или нѣтъ?» Литература и сцена такъ воспитали его, что онъ ко всякому лицу въ жизни и въ литературѣ подступаетъ съ этимъ вопросомъ.. Если бы ему удалось увидѣть Вашу пьесу, то онъ поставилъ бы Вамъ въ вину, что Вы не сказали ясно: подлецы гг. Котельниковъ, Сабининъ, Адашевъ, Матвѣевъ, или не подлецы? Этотъ вопросъ для него важенъ. Ему мало, что всѣ люди грѣшны. Подавай ему святыхъ и подлецовъ!

Въ уѣздъ пріѣхалъ онъ уже предубѣжденный. Во всѣхъ зажиточныхъ мужикахъ онъ сразу увидѣлъ кулаковъ, а въ непонятномъ для него Ивановѣ—сразу подлеца. У человѣка больна жена, а онъ ѣздитъ къ богатой сосѣдкѣ—ну не подлецъ ли? Очевидно, убиваетъ жену, чтобъ жениться на богатой..

Львовъ честенъ, прямъ и рубитъ сплеча, не щадя живота. Если нужно, онъ броситъ подъ карету бомбу, дастъ по рылу инспектору, пуститъ подлеца. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Угрызеній совѣсти никогда не чувствуетъ—на то онъ «честный труженикъ», чтобъ казнить «темную силу»!

Такіе люди нужны и въ большинствѣ симпатичны. Рисовать ихъ въ каррикатурѣ, хотя бы въ интересахъ сцены, нечестно, да и не къ чему. Правда, каррикатура рѣзче и потому понятнѣе, но лучше не дорисовать, чѣмъ замарать..

Теперь о женщинахъ. За что онѣ любятъ? Сарра любитъ Иванова за то, что онъ хорошій человѣкъ, за то что онъ пылокъ, блестящъ и говоритъ такъ же горячо, какъ Львовъ (I актъ, явл. 7). Любитъ она, пока онъ возбужденъ и интересенъ; когда же онъ начинаетъ туманиться въ ея глазахъ и терять опредѣленную физіономію, она ужъ не понимаетъ его и въ концѣ третьяго акта высказывается прямо и рѣзко.

Саша—дѣвица новѣйшей формаціи. Она образована, умна, честна и проч. На безрыбьи и ракъ рыба и поэтому она отличаетъ 35 лѣтняго Иванова. Онъ лучше всѣхъ. Она знала его, когда была маленькой, и видѣла близко его дѣятельность въ ту пору, когда онъ не былъ еще утомленъ. Онъ другъ ея отца.

Это самка, которую побѣждаютъ самцы не яркостью перьевъ, не гибкостью, не храбростью, а своими жалобами, нытьемъ, неудачами. Это женщина, которая лю-

битъ мужчинъ въ періодъ ихъ паденія. Едва Ивановъ палъ духомъ, какъ дѣвица—тутъ какъ тутъ. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нея такая благодарная, святая задача! Она воскреситъ упавшаго, поставитъ его на ноги, дастъ ему счастье.. Любитъ она не Иванова, а эту задачу. Аржантонъ у Додэ сказалъ: жизнь не романъ! Саша не знаетъ этого. Она не знаетъ, что любовь для Иванова составляетъ только излишнее осложненіе, лишній ударъ въ спину. И что жъ? Бьется Саша съ Ивановымъ цѣлый годъ, а онъ все не воскресаетъ, и падаетъ все ниже и ниже.

У меня болятъ пальцы, кончаю.. Если всего вышеписаннаго нѣтъ въ пьесѣ, то о постановкѣ ея не можетъ быть и рѣчи. Значитъ я написалъ не то, что хотѣлъ. Возьмите пьесу назадъ. Я не хочу проповѣдывать со сцены ересь. Если публика выйдетъ изъ театра съ сознаніемъ, что Ивановы—подлецы, а доктора Львовы—великіе люди, то мнѣ придется подать въ отставку и забросить къ чорту свое перо. Поправками и вставками ничего не подѣлаешь. Никакія поправки не могутъ низвести великаго человѣка съ пьедестала и никакія вставки не способны изъ подлеца сдѣлать обыкновеннаго грѣшнаго человѣка. Сашу можно вывести въ концѣ, но въ Ивановѣ и Львовѣ прибавить ужъ больше ничего не могу. Не умѣю. Если же и прибавлю что-нибудь, то чувствую, что еще больше испорчу. Вѣрьте моему чувству, вѣдь оно авторское.

Извиняюсь передъ Потѣхинымъ и Юрковскимъ, что напрасно только безпокоилъ ихъ. Пусть простятъ. Откровенно говоря, постановка пьесы соблазняла меня не славою, не Савиной... Я разсчитывалъ нажить около тысячи рублей. Но лучше взять эту тысячу взаймы, чѣмъ рисковать сдѣлать глупость. Не соблазняйте меня успѣхомъ! Успѣхъ у меня, коли не умру, еще

впереди. Держу пари, что рано или поздно я сдеру съ дирекціи 6—7 тысячъ. Хотите держать пари?

Киселевскому ни за что бы не далъ играть графа! Моя пьеса причиняла ему въ Москвѣ не мало огорченій! Онъ всюду ходилъ и жаловался, что его заставляютъ играть такого сукинаго сына, какъ мой графъ. Зачѣмъ же мнѣ опять огорчать его?

Говорятъ, неловко: онъ ужъ игралъ.. Почему же это ловко отдать Иванова Сазонову, или Далматову? Вѣдь Иванова игралъ Давыдовъ!

Ахъ, да и утомилъ же я Васъ этимъ письмомъ! Шабашъ, баста!

Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ! Ура-а-а-а!

Счастливцы, Вы будете пить, или уже пили настоящее шампанское, а я бурду!

Сестра больна. Ломота, высокая температура, голова болитъ и проч. То же самое и у кухарки. Обѣ лежатъ. Боюсь, что тифъ.

Простите, голубчикъ, за отчаянно длинное, докучливое письмо. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ, а у Анны Ивановны цѣлую руку. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если публика не пойметъ «желѣзо въ крови», то чортъ съ ней, т.-е. съ кровью, въ которой нѣтъ желѣза.

Я прочелъ это письмо. Въ характеристикѣ Иванова часто попадается слово «русскій». Не разсердитесь на это. Когда я писалъ пьесу, то имѣлъ въ виду только то, что нужно, то-есть однѣ только типичныя русскія черты. Такъ, чрезмѣрная возбудимость, чувство вины, утомляемость—чисто русскія. Нѣмцы никогда не возбуждаются и потому Германія не знаетъ ни разочарованныхъ, ни лишнихъ, ни утомленныхъ.. Возбудимость французовъ держится постоянно на одной и той же высотѣ,

не дѣлая крутыхъ повышеній и пониженій, и потому французъ до самой дряхлой старости нормально возбужденъ. Другими словами, французамъ не приходится расходовать свои силы на чрезмѣрное возбужденіе; расходуютъ они свои силы умно, поэтому не знаютъ банкротства.

Понятно, что въ пьесѣ я не употреблялъ такихъ терминовъ, какъ русскій, возбудимость, утомляемость и проч., въ полной надеждѣ, что читатель и зритель будутъ внимательны и что для нихъ не понадобится вывѣска: «це не гарбузъ, а слива». Я старался выражаться просто, не хитрилъ и былъ далекъ отъ подозрѣнія, что читатели и зрители будутъ ловить моихъ героевъ на фразѣ, подчеркивать разговоры о приданомъ и т. п.

Я не сумѣлъ написать пьесу. Конечно, жаль. Ивановъ и Львовъ представляются моему воображенію живыми людьми. Говорю Вамъ по совѣсти, искренно, эти люди родились въ моей головѣ не изъ морской пѣны, не изъ предвзятыхъ идей, не изъ «умственности», не случайно. Они результатъ наблюденія и изученія жизни. Они стоятъ въ моемъ мозгу и я чувствую, что я не солгалъ ни на одинъ сантиметръ и не перемудрилъ ни на одну іоту. Если же они на бумагѣ вышли не живыми и не ясными, то виноваты не они, а мое неумѣніе передавать свои мысли. Значитъ, рано мнѣ еще за пьесы браться.

CXXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

31 Дек. (1888 г. Москва.)

Съ Новымъ годомъ, и съ новымъ счастьемъ, милый Жанъ! Дай Вамъ Создатель здравія, хорошихъ нервовъ и успѣха во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Желаю, чтобы въ

1889 году Вы написали 8 повѣстей, 120 субботниковъ, 1 романъ и $^1/_4$ пьесы. Желаю, чтобъ Вы возненавидѣли театральное дѣло и отдались бы всей душой тому, что прилично такому штабъ-офицеру въ литературѣ, какъ Вы...

Былъ у меня Соловцовъ [1]) и просидѣлъ около 1—$1^1/_2$ часа. Говорили о Вашей пьесѣ. Онъ получилъ и хочетъ поставить.

Режиссеръ Вашего театра Ѳедоровъ-Юрковскій изъявилъ желаніе поставить въ свой бенефисъ моего «Иванова» со Стрепетовой и съ Савиной. Это конечно лестно для меня и я польщенъ и радъ. Повидимому и Потѣхинъ желаетъ сдѣлать мнѣ пріятное и доказать Вамъ въ 1001-й разъ, что я не Чеховъ, а Потемкинъ [2]).

Роли уже распредѣлены, но.. но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей пьесѣ и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушенъ. Сегодня я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя пьеса не удовлетворяетъ хотя одному изъ этихъ условій, то я серьезно просилъ взять мою пьесу обратно. Согласитесь, голубчикъ, что пьеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество передъ пьесами Мея и Виктора Гюго (Эрнани), должна быть отличной; согласитесь, и Вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я дѣлаю то, что на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы и Вы, и Суворинъ, и всякій мало-мальски самолюбивый человѣкъ, пишущій пьесы не часто.

А недостатки въ моей пьесѣ непоправимы. Вижу ихъ не я одинъ, но также и люди, которымъ я вполнѣ

---

[1]) Артистъ театра Корша въ Москвѣ, которому посвященъ А. П. его «Медвѣдь».

[2]) Прозвище А. П—чу, данное ему И. Л. Щегловымъ.

довѣряю и компетенцію которыхъ ставлю выше своей. Ждите, когда напишу другую пьесу, а на Иванова начихайте! [1])

Пріѣзжайте въ Москву, если будутъ ставить Вашихъ Театраловъ [2]). У насъ морозы.

Послалъ Мишу [3]) за виномъ, хочу Новый годъ встрѣчать.

Будьте здоровы и счастливы!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

2 Января. (1889 г. Москва.)

Дергаетъ эту оберъ-офицерскую вдову [4]) нечистая сила за языкъ. Намѣреніе мое переѣхать на зиму въ Питеръ серьезно; о шести тысячахъ же разговоръ былъ въ шутливомъ тонѣ, иначе бы я держалъ его въ секретѣ. Суворинъ шутя мнѣ предложилъ, я шутя поддержалъ эту мысль, говорилъ объ этомъ Аннѣ Михайловнѣ и, кажется, Абрамову, говорилъ и дома. Оберъ-офицерша, значитъ, подхватила, обрадовалась и затрезвонила по всему свѣту. Отдѣлаю же я ее, когда увижу!

Мои взгляды на дѣло и отношенія къ людямъ не мѣшаютъ мнѣ поступить въ газету. Но 500 рублей я считаю условіями невыгодными. Я соглашусь работать

---

[1]) См. воспоминанія И. Л. Щеглова. (Прил. къ «Нивѣ», № 6. Іюнь 1905. Стр. 244—249).

[2]) «Господа театралы»—пьеса адресата.

[3]) Мих. Павлов.—братъ А. Пав.

[4]) И. Л. Щегловъ.

въ газетѣ или за 1000 въ годъ, или же за 1000 въ мѣсяцъ— дешевле не могу. Въ первомъ случаѣ я читалъ бы только чужія рукописи, во второмъ же велъ бы ожесточенную борьбу за свою самостоятельность и за тѣ взгляды, какіе я имѣю на газетное дѣло. Я отдалъ бы всю свою душу тѣмъ, для кого и съ кѣмъ мнѣ пришлось бы работать, и думаю, что это имѣло бы не особенно дурныя послѣдствія. Продолжать старое—я не могъ бы, но влить немного молодого вина въ старый мѣхъ я сумѣлъ бы. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ все то, что я въ разныя времена давалъ въ газеты (въ Москвѣ и въ Питерѣ) и всѣ мои болѣе или менѣе близкія соприкосновенія съ газетными людьми не имѣли дурныхъ послѣдствій, но даже, смѣю льстить себя надеждою, приносили нѣкоторую пользу.

Простите ради Создателя, что Васъ безпокоилъ режиссеръ. Это я виноватъ, ибо самъ того не желая ввелъ его въ заблужденіе. Какъ-то въ разговорѣ со мной о моемъ покойномъ «Ивановѣ» Вы сказали: «Отчего Вы не дадите намъ напечатать его?» Я опредѣленнаго отвѣта, насколько помнится, не далъ Вамъ, но Ваше предложеніе намоталъ на усъ и рѣшилъ, передѣлавъ Иванова, прислать Вамъ. Щегловъ тоже говорилъ, или кажется даже писалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Вы сказали, что не прочь бы напечатать Иванова. Я рѣшилъ прислать Вамъ мою пьесу въ январѣ, или въ февралѣ. Когда у меня съ режиссеромъ были разговоры о пьесѣ, то я сказалъ ему, что пошлю ее въ Сѣв. Вѣстникъ въ январѣ или февралѣ—отсюда и визитъ его къ Вамъ. Для меня рѣшительно все равно, когда Вы напечатаете пьесу: хоть въ іюлѣ и хоть даже совсѣмъ не печатайте—я ее не люблю. Чѣмъ позже напечатаете, тѣмъ даже лучше—къ сезону ближе. Къ тому же я имѣю злостное намѣреніе: когда мой Ивановъ провалится въ

Питерѣ, я прочту въ Литературномъ Обществѣ рефератъ о томъ, какъ не слѣдуетъ писать пьесъ, и буду читать выдержки изъ своей пьесы для характеристики моихъ героевъ, которыхъ я, какъ бы ни было, считаю новыми въ русской литературѣ и никѣмъ еще не тронутыми. Пьеса плоха, но люди живые и не сочиненные.

Почему-то я чувствую, что Ивановъ не пойдетъ. Желаніемъ режиссера поставить его я польщенъ и тронутъ, но постановка не обѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Я послалъ въ Питеръ свое искреннее мнѣніе о пьесѣ, перечислилъ условія, которымъ она должна удовлетворить и которымъ, по слухамъ, не удовлетворяетъ; если это мое мнѣніе не глупо и будетъ принято въ соображеніе, то пьеса не пойдетъ. Сношенія съ дирекціей я веду черезъ Суворина, который очень хочетъ, чтобы моя пьеса шла.

Этотъ человѣкъ относительно меня очень заблуждается: онъ готовъ ставить и печатать все, что только мнѣ вздумалось бы написать. У него азартная страсть ко всякаго рода талантамъ и каждый талантъ онъ видитъ не иначе, какъ только въ увеличенномъ видѣ. Увѣряю Васъ, что это такъ. Если бы его воля, то онъ построилъ бы хрустальный дворецъ и поселилъ бы въ немъ всѣхъ прозаиковъ, драматурговъ, поэтовъ и актрисъ. Его можно отлично эксплоатировать, и я удивляюсь его чрезмѣрному счастью: онъ окруженъ людями, изъ которыхъ ни одна душа не покушается на эксплоатацію. Всѣ держатъ себя съ нимъ чрезвычайно порядочно— и въ этомъ я увѣряю Васъ. Слабости его принадлежатъ къ тому роду человѣческихъ слабостей, эксплоатировать которыя было бы преступно.

О сборникѣ въ Новомъ Времени, вѣроятно, будетъ рѣчь. Я напишу Суворину. Удивительные порядки! Спросъ въ Москвѣ на сборникъ былъ громадный, а при-

слано было немного. Въ магазинѣ Суворина спрошено было 205 экземпляровъ, а имѣлось только 5. Отчего это?

Мой экземпляръ храните до нашей встрѣчи.

Короленко у меня не былъ. У него мать больна и онъ, говорятъ, спѣшилъ въ Нижній. Что онъ тяготѣетъ къ Русской Мысли — это такъ естественно и понятно! Вѣдь онъ началъ въ ней свою славу, и она издаетъ его книги. Но что онъ любитъ и Сѣв. Вѣстникъ, въ этомъ я глубоко убѣжденъ.

«Памяти Гаршина» понравилось въ Новомъ Времени всѣмъ. Это я хорошо помню. При мнѣ также былъ разговоръ, что надо де сборникъ похвалить. Почему до сихъ поръ не похвалили, не знаю. Замѣтка же на счетъ Горе отъ ума и Ревизора ничтожна по существу и значенія никакого не имѣетъ. Заключать изъ нея о симпатіяхъ или антипатіяхъ къ тому или другому сборнику совсѣмъ ужъ невозможно.

Вся моя фамилія низко Вамъ кланяется и благодаритъ за поклонъ. Вашимъ мой сердечный привѣтъ и пожеланіе всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Скорѣй бы весна!

CXXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

3 Янв. (1889 г. Москва.)

Отвѣчаю на Вашу телеграмму письмомъ, которое Вы получите непремѣнно 4-го января.

Пусть Бабакину играетъ Абаринова, Шабельскаго—Свободинъ, доктора Львова—Аполлонскій. Согласенъ и благодарю.

Давыдовъ хочетъ играть Лебедева? Былъ бы очень радъ. Но кто же тогда станетъ играть Иванова, если Сазоновъ занятъ?

Я любезно поговорилъ съ Вашей вокзальной дѣвицей и получаю изъ контрагентства всѣ Ваши посылки не вечеромъ, а утромъ. Получилъ я экземпляръ Татьяны съ передѣлками и 2 письма, но оттискъ монолога и письмо Потѣхина о распредѣленіи ролей мною не получены.

Попросите Потѣхина возможно скорѣе переписать для меня экземпляръ Иванова и выслать для передѣлокъ. Буду очень благодаренъ. У меня нѣтъ копіи, иначе бы не безпокоилъ.

Сестра выздоровѣла и благодаритъ.

Что я пріѣду въ Петербургъ завтра—мистификація. Брата, вѣроятно, обманули. Я не выѣду изъ Москвы безъ Васъ.

Новости бездарны и сухи, оттого и потеряли 1100 подписчиковъ. Вы должны платить мнѣ 15000 р. отступного за то, что я не издаю въ Петербургѣ газеты.

Спѣшу. Братъ стоитъ и ждетъ, когда я дамъ ему это письмо.

Конечно, я себѣ не врагъ и хочу, чтобы моя пьеса шла. Но, говоря по секрету, своей пьесы я не люблю и жалѣю, что написалъ ее я, а не кто-нибудь другой, болѣе толковый и разумный человѣкъ.

Кланяюсь Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Похлопочите, голубчикъ, насчетъ копіи! Безъ копіи не возможны никакія вставки и передѣлки.

Отчего у Васъ ни слова не сказали о «Памяти Гаршина»? Это несправедливо.

CXXXVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

4 Янв. (1889 г. Москва.)

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, посылаю Вамъ для передачи Ѳедорову [1]) двѣ вставки и одну поправку. Если моя пьеса протянется лишніе полчаса, то напечатайте это письмо, чтобы всѣ знали, кто виноватъ. Вы все виноваты! Если бы не Вы, вставокъ бы не было.

Сообщите мнѣ, какъ имя и отчество Ѳедорова-Юрковскаго; я перестану безпокоить Васъ и буду отсылать свои поправки прямо по адресу виновника торжества. Скажите ему, что будутъ еще поправки и вставки, но только въ томъ случаѣ, если мнѣ пришлютъ копію моей пьесы. У меня нѣтъ IV акта, нѣтъ почти второго и куска III. Попросите, чтобы посылаемыя поправки имѣлись въ виду при перепискѣ ролей. Я пошлю ихъ въ цензуру не теперь, а 10—15 вмѣстѣ съ тѣми поправками, которыя еще намѣренъ учинить. Я окончательно лишилъ свою пьесу дѣвственности!

Попросите напечатать въ афишахъ, чтобъ автора не вызывали до конца пьесы. Три акта пройдутъ гладко, а IV зарѣжетъ.

Т. приглашалъ Васъ отдаться политикѣ и не заниматься пустяками? О дипломаты! Зачѣмъ же это онъ самъ перевелъ «Эрнани», зачѣмъ трудился писать малиновый диффирамбъ Татьянѣ Рѣпиной? Зачѣмъ проѣдается у Савиной? Увѣряю Васъ, всѣ они сами рады были бы заняться пустяками, да толкастики Богъ не далъ. Конечно, политика интересная и захватывающая штука. Непре-

[1]) Ѳ. А. Юрковскій—режиссеръ Александрінск. театра.

ложныхъ законовъ она не даетъ, почти всегда вретъ, но насчетъ шалтай-болтай и изощренія ума—она неисчерпаема и матеріала даетъ много. Я бы занялся ею охотно, рекомендовалъ бы ее и Алексѣю Алексѣевичу, который чувствуетъ къ ней зудъ. Но Вамъ не грѣшно быть холоднымъ къ ней. На своемъ вѣку Вы ужъ не мало поработали для нея. Вы теперь семьянинъ, собственникъ и самое подходящее для Васъ—это отдаться художествамъ, хотя бы ради собственнаго удовольствія, на каковое Вы давно уже имѣете право. Пріятно сидѣть у себя въ палаццо и писать пьесу, или же штудировать сочиненія Чехова! Честное слово, на Вашемъ мѣстѣ я не бросалъ бы ни театра, ни художественной критики, ни Н. Лаврецкаго! Мнѣ гораздо пріятнѣе читать Вашу новую пьесу, чѣмъ услыхать, что Вы отвоевали у англичанъ Персію. Право, персы такіе идіоты, а въ Персіи такъ жарко, что я бы всячески помогалъ англичанамъ, а не наоборотъ.

Вы пишете, что театръ влечетъ къ себѣ потому, что онъ похожъ на жизнь.. Будто бы? А по-моему театръ влечетъ Васъ и меня и изсушилъ Щеглова, потому что онъ—одинъ изъ видовъ спорта. Гдѣ успѣхъ, или неуспѣхъ, тамъ и спортъ, тамъ азартъ.

Мнѣ хочется, чтобы моя пьеса была поставлена. Кто же этого не хочетъ? Главное, конечно, для меня деньги, но интересны и подробности. Мнѣ, напримѣръ, очень весело при мысли, что Анна Ивановна будетъ иронизировать мой, успѣхъ или неуспѣхъ, мое неумѣнье кланяться, что во время перваго представленія у Щеглова и прочихъ моихъ пріятелей будутъ таинственныя физіономіи, что всѣ брюнеты, сидящіе въ ложахъ, будутъ казаться мнѣ враждебно настроенными, а блондины холодными и не внимательными, что гг. Михневичи будутъ ходить, какъ тѣни, съ краснотою на скулахъ—отъ духоты и внутренняго напряженія, что Григоровичъ послѣ пер-

А. П. Чеховъ въ 1889 г.

ваго же акта будетъ кричать: «автора! автора», а авторъ послѣ второго акта будетъ уже чувствовать утомленіе въ плечахъ, сухость въ горлѣ и желаніе уѣхать домой; мнѣ весело при мысли, что, вернувшись изъ театра я услышу массу вставокъ и поправокъ, какія я долженъ былъ бы сдѣлать, услышу, что Варламовъ былъ хорошъ, Давыдовъ сухъ, Савина мила, но разсержена Далматовымъ, который въ этотъ разъ наступилъ ей на мизинецъ лѣвой руки.. Весело, что Анна Ивановна въ концѣ-концовъ обратится ко мнѣ, меньше всего говорившему о пьесѣ, и скажетъ:

— «Какъ Вы надоѣли мнѣ со своей пьесой! Цѣлый день одно и то же, одно и то же... Нѣтъ скучнѣй людей, какъ литераторы!»

А я пожелаю ей спокойной ночи, пойду къ себѣ, выпью вина и завалюсь спать.

Будьте здоровы. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Татьяна пойдетъ, кажется, не 16-го, а 19-го января.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXXXVIII.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Янв.).

Уважаемый товарищъ, моя фамилія поручила мнѣ поздравить всѣхъ Вашихъ съ праздникомъ и съ Новымъ годомъ, что я дѣлаю очень охотно. Изъ кокетства пишу на бумагѣ, какой нѣтъ даже у Харитоненко [1]).

Въ Петербургѣ я многократно видѣлся съ Вашимъ братомъ. Судя по впечатлѣнію, какое онъ производилъ на меня, живется ему не скучно; онъ работаетъ.

---

[1]) Сумской богачъ и заводчикъ.

Говорилъ я о немъ съ композиторомъ Чайковскимъ. Послѣдній хочетъ познакомиться съ нимъ и вѣроятно уже познакомился. Когда пріѣдетъ въ Москву Чайковскій, я спрошу. Онъ хорошій человѣкъ и не похожъ на полубога.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Получили ли Гаршинскій сборникъ? Онъ идетъ отлично.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Но какова, чортъ возьми, бумага!

CXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Янв. (1889 г. Москва.)

Я ужасно дѣловой человѣкъ. Забросалъ Васъ письмами.

Былъ въ Лоскутной. Свободныхъ номеровъ пока нѣтъ, но къ 10—11, кажется, очистится 7 №, имѣющій 3 комнаты и четвертую переднюю. Цѣна 8 рублей въ сутки. Отопленіе духовое. Печное отопленіе есть только въ «Дрезденѣ», гдѣ останавливаются министры. Если Вы за сутки увѣдомите меня о днѣ Вашего выѣзда, то я справлюсь въ Лоскутной и, буде 7 № очистится, оставлю его за Вами.

Работа кипитъ. 20 экз. вручены Разсохину и пошли уже въ дѣло. (Выслали Вы мнѣ не 24 экз., а только 22). Содралъ съ Разсохина 10 рублей изъ принципа—ничего не давать даромъ этому человѣку. Изъ этихъ десяти дамъ три тому бѣднягѣ, который ходитъ ко мнѣ изъ контрагентства: очень усердный парень. Семь за мной.

Изъ Петербурга отъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ женскаго пола получаю письма съ просьбой—разъяснить имъ, почему я пишу такъ, а не этакъ. Прилагаютъ на отвѣтъ марки. Марки я зажуливаю, а отвѣтовъ не посылаю.

Звонокъ. Посланный изъ контрагенства принесъ 2 экз. «Татьяны» съ надписью на конвертѣ: «Дефектные, по мной исправленные карандашомъ». Далъ посланному 3 рубля. Ушелъ очарованный. Относительно двухъ экземпляровъ я немножко задумался и прошу позволенія удержать ихъ у себя до Вашего пріѣзда. Дѣло въ томъ, что сегодня я послалъ Никулиной и Ленскому по экземпляру изъ вчерашняго присыла, попросилъ ихъ свѣрить по экземплярамъ свои роли и объявилъ, что поправокъ больше не будетъ. А между тѣмъ въ послѣднихъ двухъ экз., которые я сейчасъ получилъ, имѣются тѣ поправки, о коихъ Вы мнѣ телеграфировали: «Съ поправками къ Адашеву подождите». Эти поправки я берегу: онѣ сдѣланы Вами рукописно въ одномъ изъ экземпляровъ, присланныхъ 5—6 дней назадъ.

Я прошу погодить съ новыми поправками. Боюсь, чтобы актеры не перепутали экземпляры и не стали сердиться. Эти люди часто не хотятъ понимать и часто путаютъ. Всѣ поправки, сдѣланныя Вами въ только что полученныхъ экз., Вы пустите въ дѣло на репетиціяхъ—это легче всего сдѣлать и удобно. Экземпляры я сберегу, такъ что съ собою изъ Петерб. Вы не берите. Поправокъ въ Адашевской роли такъ мало, что ихъ можно будетъ вручить Ленскому за день до спектакля—и то не поздно.

Пріѣзжайте пораньше. Давно ужъ я не видѣлъ Ленскаго. Играетъ онъ по 2 раза въ день и, говорятъ, замучился.

Скажите Алексѣю Алексѣевичу, что Татьяну Рѣпину въ Москвѣ онъ увидитъ на масляной; пусть раньше

масляной не пріѣзжаетъ. Онъ подождетъ меня и мы вмѣстѣ пріѣдемъ въ Москву изъ Питера.

Монологъ мнѣ нравится. Очень оригинально начало. Много шаблона: кузенъ, перчатка, карточка, выпадающая изъ кармана, подслушиванье... Надо въ одноактныхъ вещахъ писать *вздоръ*—въ этомъ ихъ сила. Валяйте такъ, что жена въ серьезъ хочетъ бѣжать—скучно ей стало и захотѣлось новыхъ ощущеній, онъ въ серьезъ грозитъ наставить рога ея второму супругу.. Разговоръ о рогахъ хорошъ. Подслушиванья не нужно: пусть мужъ вернется домой въ ту пору, когда жена только что написала письмо и поѣхала на минутку къ подругѣ проститься, чтобъ затѣмъ вернуться домой и взять багажъ. Языкъ самый подходящій—такъ и надо.

Я Григоровича очень люблю, но не вѣрю тому, что онъ зо меня боится. Самъ онъ тенденціозный писатель и только прикидывается врагомъ тенденціи. Мнѣ кажется, что его одолѣваетъ постоянный страхъ потерять расположеніе людей, которыхъ онъ любитъ—отсюда и его виртуозная неискренность.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXL.

Ему же.

(Съ подлинника).

7 Янв. (1889 г. Москва.)

Посылаю Вамъ бумажку, которую прошу скрѣпить Вашею подписью и выслать мнѣ. Членомъ Общества Вы считаетесь съ 7 января по то число, какое будетъ ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ Вашей смерти. И это удовольствіе стоитъ только 15 рублей.

Я послалъ Вамъ сегодня два варіанта для своего Иванова. Если бъ Иванова игралъ гибкій, энергич-

ный актеръ, то я многое бы прибавилъ и измѣнилъ. У меня разошлась рука. Но увы! Иванова играетъ Давыдовъ. Это значитъ, что нужно писать покороче и посѣрѣе, памятуя, что всѣ тонкости и «нюансы» сольются въ сѣрый кругъ и будутъ скучны. Развѣ Д. можетъ быть то мягкимъ, то бѣшенымъ? Когда онъ играетъ серьезныя роли, то у него въ горлѣ сидитъ мельничка, монотонная и слабозвучная, которая играетъ вмѣсто него.. Мнѣ жаль бѣдную Савину, что она играетъ дохлую Сашу. Для Савиной я радъ бы всей душой, но если Ивановъ будетъ мямлить, то, какъ я Сашу ни отдѣлывай, ничего у меня не выйдетъ. Мнѣ просто стыдно, что Савина въ моей пьесѣ будетъ играть чортъ знаетъ что. Знай я во времена оны, что она будетъ играть Сашу, а Давыдовъ Иванова, я назвалъ бы свою пьесу «Саша» и на этой роли построилъ бы всю суть, а Иванова прицѣпилъ бы только сбоку, но кто могъ знать?

У Иванова есть два большихъ, роковыхъ для пьесы монолога: одинъ въ III актѣ, другой въ концѣ IV.. Первый нужно пѣть, второй читать свирѣпо. То и другое для Давыдова невозможно. Оба монолога онъ прочтетъ «умно» т.-е. безконечно вяло.

Какъ зовутъ Ѳедорова?

Я съ большимъ бы удовольствіемъ прочиталъ въ Литературномъ обществѣ рефератъ о томъ, откуда мнѣ пришла мысль написать Иванова. Я бы публично покаялся. Я лелѣялъ дерзкую мечту суммировать все то, что доселѣ писалось о ноющихъ и тоскующихъ людяхъ и своимъ Ивановымъ положить предѣлъ этимъ писаньямъ. Мнѣ казалось, что всѣми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылаго человѣка и что всѣ они писали инстинктивно, не имѣя опредѣленныхъ образовъ и взгляда на дѣло. По замыслу-то я попалъ приблизительно въ настоящую точку, но

исполненіе не годится ни къ чорту. Надо было бы подождать! Я радъ, что 2—3 года тому назадъ я не слушался Григоровича и не писалъ романа! Воображаю, сколько бы добра я напортилъ, если бы послушался. Онъ говоритъ: «талантъ и свѣжесть все одолѣютъ». Талантъ и свѣжесть многое испортить могутъ—это вѣрнѣе. Кромѣ изобилія матеріала и таланта, нужно еще кое-что не менѣе важное. Нужна возмужалость—это разъ; во-вторыхъ, необходимо *чувство личной свободы*, а это чувство стало разгораться во мнѣ только недавно. Раньше его у меня не было; его замѣняли съ успѣхомъ мое легкомысліе, небрежность и неуваженіе къ дѣлу.

Что писатели-дворяне брали у природы даромъ, то разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченный, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемѣрившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества — напишите, какъ этотъ молодой чековѣкъ выдавливаетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая..

Въ Москвѣ есть поэтъ Пальминъ очень скупой человѣкъ. Недавно онъ пробилъ себѣ голову и я лѣчилъ его. Сегодня, прійдя на перевязку, онъ принесъ мнѣ флаконъ настоящаго Jlang-Jlang'а, стоящій 3р. 50к. Это меня тронуло.

Ну будьте здоровы и простите за длинное письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLI.

Ѳ. А. Юрковскому.

8 Января. (1889 г. Москва.)

Многоуважаемый Ѳедоръ Александровичъ!

М. Г. Савина согласилась играть въ моей пьесѣ Сашу, а между тѣмъ роль Саши чрезвычайно блѣдна и представляетъ изъ себя скудный, сценическій матеріалъ. Когда я писалъ ее $1^1/_2$ года тому назадъ, то не придавалъ ей особаго значенія. Теперь же въ виду чести, какую оказываетъ моей пьесѣ М. Г., я рѣшилъ передѣлать эту роль кореннымъ образомъ, и мѣстами уже передѣлалъ такъ сильно, насколько позволяли это рамки пьесы. Прошу Васъ убѣдительно не торопиться переписскою ролей и возможно *скорѣе* выслать мнѣ копію моей пьесы. Роль для III акта почти уже готова, для IV же я могу сдѣлать ее, только имѣя подъ рукой пьесу. Всѣ поправки и варіанты Вы получите черезъ двое сутокъ послѣ того, какъ мною будетъ получена пьеса. Такъ, если копію я получу 15-го, то поправки будутъ доставлены Вамъ 17-го—никакъ не позже. Но было бы желательно имѣть копію пьесы раньше 15-го.

Всѣ поправки и варіанты будутъ своевременно процензурованы. Въ этомъ отношеніи можете быть совершенно покойны. Я не задержу.

Мой адресъ: «Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнѣева». Копію пьесы благоволите выслать заказною бандеролью по этому адресу, или же отошлите ее А. С. Суворину съ надписью: «для скорѣйшей отсылки А. П. Чехову».

Уважающій *А. Чеховъ.*

CXLII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Янв. (1889 г. Москва.)

Посылаю Вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, письмо Никулиной. Я отвѣтилъ ей, что режиссеръ получитъ желаемое не позже 12-го января. Имѣйте сіе въ виду и скорѣе привозите цензурованные монологи. Ваша пьеса пойдетъ 16-го, о чемъ я телеграфировалъ Вамъ сегодня. Можетъ случиться, что отложатъ.

Насчетъ репетицій я отвѣтилъ Никулиной такъ: «Послѣ 10-го пріѣдетъ самъ Алексѣй Сергѣевичъ и отвѣтитъ Вамъ на всѣ интересующіе Васъ вопросы». Меня зовутъ на репетицію не ради совѣтовъ, или чего другого, а ради сокращеній, уступокъ и т. п. Пойду я на репетицію только въ томъ случаѣ, если Вы сами почему-либо не пріѣдете до спектакля, что надѣюсь не случится. Пошелъ бы я завтра, но боюсь напутать и поддаться пѣнію сиренъ.

Ленскій, повидимому, взялъ вѣрный тонъ и будетъ играть *хорошо*. Я сегодня былъ у него. Онъ сердился, горячился и читалъ мнѣ мѣста изъ монологовъ. Сердится онъ, что въ его говорильной роли мало движенія, что Вы заставляете въ III актѣ подбирать черепки битой посуды. Черепки не подбираютъ (ихъ никто не жалѣетъ), а отбрасываютъ ногой. Сердится за піонера и пивомѣра. Однимъ словомъ за роль принялся сердито и будетъ играть ее горячо. Онъ и Ермолова въ I актѣ говорятъ и брызжутъ. «Я ей: брррр!.. А она мнѣ: брррр!» Я сказалъ, что такъ и нужно. Онъ, повидимому, боится за себя; но я его успокоилъ. Я сказалъ ему, что I актъ мнѣ не нравился ни въ чтеніи, ни на репетиціи—меня пугала фельетон-

ность и сухость, но что во время спектакля я былъ пораженъ тою рѣдкою внимательностью, съ какою публика прослушала этотъ актъ. Я сказалъ ему искренно и онъ повеселѣлъ и пересталъ сердиться. Это актеръ, съ которымъ можно говорить и спорить.

О сокращеніяхъ не было сказано ни одного слова. Я *хорошо* сдѣлалъ, что задержалъ у себя послѣднія поправки. Актеры пугаются ихъ. Дайте имъ понять и выучить роли, тогда дѣлайте хоть милліонъ поправокъ. Тогда у актеровъ для поправокъ и варіантовъ будетъ въ головѣ фонъ, котораго теперь еще пока нѣтъ.

Обязательно и непремѣнно пріѣзжайте. Умоляю Васъ. Если оттого, что Вы уѣдете изъ Петербурга, произойдутъ протори и убытки, то скажите Конторѣ, чтобы она записала ихъ въ мой счетъ: 10 лѣтъ буду даромъ работать. Если не пріѣдете, то всѣ мои планы разстроите! Поручите газету Алексѣю Алексѣевичу и съ Богомъ. Надо Вамъ отдохнуть и Москву поглядѣть поближе.

Жду копію своей пьесы. Написалъ Ѳедорову льстивое письмо съ просьбой поспѣшить высылкой пьесы. Иначе многое не будетъ исправлено. Знаете? У меня Саша въ III актѣ волчкомъ ходитъ—вотъ какъ измѣнилъ! Совсѣмъ для Савиной. Скажите Савиной, что мнѣ такъ льститъ то, что она согласилась взять въ моей пьесѣ блѣдную и неблагодарную роль, такъ льститъ, что я животъ свой положу и измѣню роль кореньмъ образомъ, насколько позволятъ рамки пьесы. Савина у меня будетъ и волчкомъ ходить, и на диванъ прыгать, и монологи читать. Чтобы публику не утомило нытье, я изобразилъ въ одномъ явленіи веселаго, хохочущаго, свѣтлаго Иванова, а съ нимъ веселую Сашу.. Вѣдь это не лишнее? Думаю, что попалъ въ точку.. Но какъ тяжело быть осторожнымъ! Пишу, а самъ трепещу надъ каждымъ словомъ, чтобы не испортить фигуры Иванова.

Давайте лѣтомъ напишемъ по второй пьесѣ! Теперь у насъ есть опытъ. Мы поймали черта за кончикъ хвоста. Я думаю, что мой Лѣшій будетъ не въ примѣръ тоньше сдѣланъ, чѣмъ Ивановъ. Только надо писать не зимой, не подъ разговоры, не подъ вліяніемъ городского воздуха, а лѣтомъ, когда все городское и зимнее представляется смѣшнымъ и не важнымъ. Лѣтомъ авторы свободнѣе и объективнѣе. Никогда не пишите пьесъ зимой; не пишите ни одной строки для театра, если онъ не за 1000 верстъ отъ Васъ. Въ зимнія ночи хорошо писать повѣсти и романы, что я и буду дѣлать, когда поумнѣю.

Да хранитъ Господь Богъ Васъ и всю Вашу фамилію! Если не пріѣдете, нѣтъ Вамъ моего благословенія! Пріѣзжайте, умоляю Васъ! Всѣ мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Янв.)

Посылаю, Алексѣй Сергѣевичъ, еще 2 варіанта. Сдѣлалъ кое-какія измѣненія, но не важныя. Будьте добры отослать варіанты г. Ѳедорову-Юрковскому съ просьбой замѣнить ими соотвѣтствующія мѣста въ пьесѣ.

Простите, что я безпокою Васъ. Вы занятый человѣкъ а я бездѣльникъ въ сравненіи съ Вами.

Измѣненія въ IV актѣ будутъ сдѣланы по полученіи мною копіи пьесы.

Жду Васъ въ Москву.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

15 Янв. (1889 г. Москва.)

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Пишу Вамъ, отбывъ каторжную работу. Ахъ, зачѣмъ Вы одобрили въ комитетѣ моего Иванова? Какіе неостроумные демоны внушили Ѳедорову ставить въ свой бенефисъ мою пьесу? Я замучился и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написана, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV актъ до неузнаваемаго, отшлифовалъ самаго Иванова, и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина:—«Палками, Иванова, палками!»

Нѣтъ, не завидую я Жану Щеглову. Я понимаю теперь, почему онъ такъ трагически хохочетъ. Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно имѣть особый талантъ (можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкія пьесы); написать же плохую пьесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякіе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ, зарывать въ могилу живыхъ—для этого нужно имѣть талантъ гораздо большій. Это также трудно, какъ купить старые

солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ. Тутъ не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадью.

Я пріѣду въ Питеръ 21 или 22-го янв. Первымъ дѣломъ къ Вамъ. Надо бы намъ вечерокъ провести и попить Кларету. Я теперь могу пить этотъ Кларетъ безконечно. Водка мнѣ противѣетъ съ каждымъ днемъ, пива я не пью, краснаго вина не люблю, остается одно только шампанское, которое, пока не женюсь на богатой вѣдьмѣ, буду замѣнять Кларетомъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ.

Когда покончу со своимъ Болвановымъ [1]), сяду писать для Сѣв. Вѣстника. Беллетристика—покойное и святое дѣло. Повѣствовательная форма—это законная жена, а драматическая—эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница.

Иванова печатать въ Сѣв. Вѣстн. *не буду*.

Я совсѣмъ обезденежилъ. Живу благотворительностью своего «Медвѣдя» и Суворина, который купилъ у меня для Дешевой Библіотеки разсказовъ на 100 рублей. Да сохранитъ ихъ обоихъ Провидѣніе. Суворинъ теперь въ Москвѣ. Ставитъ свою Таню. Ленскій играетъ Адашева изумительно. Я увѣренъ, что всѣ московскія барыни, поглядѣвъ Адашева-Ленскаго, заведутъ себѣ любовниковъ-журналистовъ. Ленскій страстенъ, горячъ, эффектенъ и необычайно симпатиченъ. Это хорошо. Публика должна видѣть журналистовъ не въ каррикатурѣ и не въ томительно-умной давыдовской оболочкѣ, а въ розовомъ, пріятномъ для глаза свѣтѣ. Ермолова хороша въ Татьянѣ.

Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мнѣ кажется,

---

[1]) «Ивановъ».

что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ!

Гдѣ Жоржинька? Скажите ему, что былъ бы я радъ увидѣть его въ театрѣ 26 Янв. Пусть поучится, какъ не слѣдуетъ писать пьесы. Кстати бы запасся онъ матеріаломъ для лѣтнихъ разговоровъ. Билетъ я ему предоставлю.

Разсохинъ получилъ сборникъ Гаршина. Три рубля мною получены. Я честный человѣкъ: отдамъ. Душевный привѣтъ всей Вашей семьѣ. Если Николай Алексѣевичъ все еще продолжаетъ сидѣть въ темницѣ, то привѣтъ мой узнику! Всѣ мои Вамъ кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(СПБ. 1889 г. Янв.)

Дорогой Алексѣй Николаевичъ!

Спасибо, что предупредили насчетъ Я. П. [1]) Если мнѣ посчастливится увидѣться съ нимъ, то я постараюсь какъ-нибудь выскользнуть изъ немножко щекотливаго положенія. По священному писанію ложь бываетъ иногда во спасеніе: я солгу ему, но не скажу, что забылъ о его приглашеніи, а свалю всю вину на Щеглова. Скажу, что де малый былъ такъ разстроенъ нервно, что весь вечеръ пришлось не отпускать его отъ себя, и т. п.

---

[1]) Я. П. Полонскій.

Вы зовете меня сегодня къ себѣ.. Увы! Я еще не кончилъ канальскаго разсказа! Завтра я и Щегловъ будемъ у Васъ а пока позвольте Вашему почитателю пожать Вамъ руку, поблагодарить и пребывать уважающимъ

А. Чеховъ.

CXLVI.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(СПБ. 1889 г. янв.)

Я останусь въ Петербургѣ до вторника и пріѣду непремѣнно въ четвергъ, 2-го февраля. Актеры играютъ плохо, изъ пьесы ничего путнаго не выйдетъ; съ нуднымъ Д. . . . . ссорюсь и мирюсь по 10 разъ на день. Скучно. Дѣлать положительно нечего. Пьеса пойдетъ не больше четырехъ разъ: не стоитъ овчинка выдѣлки. Машѣ [1]) пріѣзжать нечего.

А. Чеховъ.

Завтра пришлю письмо.

CXLVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

4 Февр. (1889 г. Москва.)

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, посылаю Вамъ документъ, имѣющій цѣнность только какъ автографъ великаго Шпажинскаго.

---

[1]) М. П. Чехова.

Мнѣ скучно, и грустно, и некому руку подать. Изъ сферы бенгальскаго огня попалъ въ полутемную кладовую и жмурюсь. Чувствую сильный позывъ къ своей скромной и кроткой беллетристикѣ, но во всемъ тѣлѣ разлита такая лѣнь, что просто бѣда. Переживаю похмѣлье.

Ну-съ, мой и Вашъ сезонъ уже кончились. Мы можемъ теперь почить на лаврахъ до самой зимы, когда опять бѣсъ начнетъ толкать насъ подъ руку и шептать всякій соблазнительный вздоръ.

Я еще не читалъ Вашей рецензіи, но предвкушаю ее. Я человѣкъ честолюбивый по самыя уши, а потому можете понять, какую цѣнность имѣетъ для меня рецензія, написанная такимъ страшнымъ литературнымъ генераломъ, какъ Вы. На хуторѣ я вывѣшу ее на стѣну въ рамочкѣ—говорю это серьезно, а когда у меня будутъ дѣти и внуки, то буду хвастать имъ: «про меня писалъ Суворинъ». Вы къ себѣ привыкли, не чувствуете своего высокаго роста и потому, вѣроятно, не понимаете, почему актеры Васъ боятся и грызутъ по ночамъ подушку, когда Вы браните ихъ, или не замѣчаете.

Скажите Аннѣ Ивановнѣ, что я только прикидывался равнодушнымъ человѣкомъ, но волновался ужасно. Ея вниманіе, съ какимъ она слушала пьесу, дѣйствовало на меня, какъ kalium bromatum. Во время спектакля я видѣлъ только двухъ: ее и Рѣпина. [1]) Почему? Не знаю.

Повторяю свои просьбы, которыми я, надѣюсь, уже достаточно надоѣлъ Вамъ. 1) Пришлите для корректуры «Дѣтвору». 2) Пришлите карточки, которыя получите отъ Юрковскаго, и карточки Шаировскія; послѣднихъ побольше, ибо актеры просили. Не забудьте прислать

---

[1]) И. Е., извѣстный художникъ.

и группу. 3) Французскій словарь—взятка съ Васъ за мое къ Вамъ благорасположеніе.

Масловъ называетъ актеровъ гаэрами и низкими людьми. Это оттого, что они не играли еще въ его пьесахъ. Послѣ того, какъ актеры сыграли моего Иванова, всѣ они представляются мнѣ родственниками. Они такъ же близки мнѣ, какъ тѣ больные, которыхъ я вылѣчилъ, или тѣ дѣти, которыхъ я когда-то училъ. Я не могу забыть, что Стрепетова плакала послѣ III акта и что всѣ актеры отъ радости блуждали, какъ тѣни; многаго не могу забыть, хотя раньше и имѣлъ жестокость соглашаться, что литератору неприлично выходить на сцену рука объ руку съ актеромъ и кланяться хлопающимъ. Къ чорту аристократизмъ, если онъ лжетъ.

Еще разъ благодарю за гостепріимство и радушіе. Кланяюсь Настюшѣ и мальчикамъ. Извиняюсь передъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, что не успѣлъ проститься съ нимъ и съ его женой. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXLVIII.

Д. Т. Савельеву.

4 февраля. (1889 г. Москва).

Милый другъ, вчера я вернулся изъ Петербурга, гдѣ ставилъ свою пьесу, и нашелъ у себя на столѣ твое письмо. Сегодня же былъ я въ магазинѣ Суворина и распорядился, чтобы тебѣ были высланы книги и календари. Магазинъ обѣщалъ выслать 6 февраля. Опоздалъ я, какъ видишь, не по своей винѣ: не было меня въ Москвѣ.

Пьеса моя имѣла громадный успѣхъ и я вернулся увѣнчанный лаврами. Подробности можешь узнать въ «Новомъ Времени».

Спасибо за поздравленія и пожеланія. И тебѣ того же желаю, но только въ квадратѣ $(a+b)^2$.

Аннѣ Ивановнѣ [1]) передай, что всѣхъ моихъ произведеній нельзя выслать теперь, такъ какъ двѣ книжки совершенно распроданы и печатаются новымъ изданіемъ. Когда будутъ отпечатаны, я поспѣшу исполнить ея желаніе. Въ эту весну я буду на югѣ и постараюсь воспользоваться ея приглашеніемъ, которое я давно намоталъ себѣ на усъ и держу въ запасѣ. Лѣтомъ я былъ на Кавказѣ, но шатанье по Батумамъ, Тифлисамъ и Баку такъ утомило меня, что я еле добрался до Ростова.

Если соберусь ѣхать къ тебѣ, то дамъ знать телеграммой изъ Таганрога. На дачѣ я буду жить около Сумъ или въ Полтавской губ., куда приглашу тебя, буде пожелаешь.

Ну, будь здоровъ, богатъ и счастливъ. Дружески пожимаю тебѣ руку и остаюсь сердечно преданнымъ

А. Чеховымъ.

P. S. Серьезно: не захочешь ли пожить у меня недѣльку на дачѣ? Я былъ бы радъ, а семья и подавно. Старину бы вспомнили.

CXLIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

6 Февраль. (1889 г. Москва).

Ваша мысль о перенесеніи словъ о клеветѣ [2]) изъ одного мѣста въ другое пришла къ Вамъ поздно; я ее одобряю, но воспользоваться ею не могу. Единственное,

---

[1]) А. И. Пѣховская. Она знала А. П. только по разсказамъ Д. Т. Савельева, но знакома съ нимъ не была.

[2]) Въ пьесѣ «Ивановъ».

что я могу сдѣлать въ настоящее время для театра— это получить за свою пьесу гонораръ, ко всему же остальному я чувствую пресыщеніе. Передѣлывать, вставлять, писать новую пьесу для меня теперь такъ же не вкусно, какъ ѣсть супъ послѣ хорошаго ужина. Будущее, когда я пріймусь за Лѣшаго и водевили, представляется мнѣ отдаленнѣйшимъ.

Иглу, которую Вы вонзили въ мое авторское самолюбіе, принимаю равнодушно. Вы правы. Въ письмѣ моемъ Ивановъ, вѣроятно, яснѣй, чѣмъ на сценѣ. Это потому, что четверть ивановской роли вычеркнута. Я охотно отдалъ бы половину своего успѣха за то, чтобы мнѣ позволили сдѣлать свою пьесу вдвое скучнѣй. Публика величаетъ театръ школой. Коли она не фарисей, то пусть мирится со скукой. Въ школѣ вѣдь не весело. Въ моемъ домѣ, похожемъ на комодъ, много новостей. Горничная Ольга выходитъ замужъ; сбѣжалъ бѣлый котенокъ, котораго Вы знаете; у студента распухъ глазъ; Сережа Киселевъ получаетъ сплошныя единицы по латинскому языку; къ хозяину Карнѣеву вернулась изъ Новочеркаска его племянница казачка Зиночка, которая по ночамъ молится Богу, чтобы я не влюбился въ кого-нибудь. И т. д. и т. д.

Душа моя полна лѣни и чувства свободы. Это кровь кипитъ передъ весной. Занимаюсь все-таки дѣломъ. Приготовляю матеріалъ для третьей книжки. Черкаю безжалостно. Странное дѣло, у меня теперь манія на все короткое. Что я ни читаю—свое и чужое, все представляется мнѣ недостаточно короткимъ.

Сегодня я послалъ Алексѣю Алексѣевичу [1]) разсказъ для «Стоглава». Пусть чувствуетъ. Если будетъ обходиться со мной почтительно, то и въ будущемъ году пришлю. У меня разсказовъ какъ собакъ нерѣзанныхъ.

---

[1]) Суворину.

Еще одно порученіе, которое можете не исполнить. Если пойдете на толкучку покупать мебель, то возьмите для меня ту балалайку (мандолину), которую мы видѣли висящею на двери одной мебельной лавки. Я отдамъ Вамъ десять цѣлковыхъ. Пришлите ее при оказіи черезъ контрагентство. На дачѣ и на хуторѣ она очень пригодится.

Какъ однако мелкая пресса треплетъ моего Иванова! На всякіе лады, точно онъ не Ивановъ, а Буланже.

Низко кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Борѣ. А M-lles Эмили и Адель пусть извинятъ меня, что я не простился съ ними. Скажите имъ, что я не пошелъ прощаться съ ними изъ боязни, чтобы онѣ не стали плакать.

Пишу это письмо въ то время, когда въ Питерѣ идетъ второе дѣйствіе моего «Иванова». Ну, будьте здоровы и веселы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CL.

Ему же.

(Съ подлинника).

6 Февраль. (1889 г. Москва).

Гете и Экерманъ легки на поминѣ.

Я недавно упоминалъ объ ихъ разговорахъ въ своей великой повѣсти. Называю ее великою, потому что она въ самомъ дѣлѣ выходитъ великою, т.-е. большою и длинною, такъ что даже мнѣ надоѣло писать ее. Пишу громоздко и неуклюже, а главное—безъ плана. Ну, да все равно.

Пусть Буренинъ получитъ еще новое доказательство, что молодые писатели ни къ черту не годятся.

До конца еще далеко, а дѣйствующихъ лицъ чертова пропасть. У меня жадность на лица. Къ Вашему пріѣзду будетъ готова половина, а можетъ-быть и больше, дамъ Вамъ и попрошу прочесть. Предвкушайте это наслажденіе, какъ я предвкушаю Вашу критику, которой впрочемъ, не боюсь, такъ какъ Вы очень добрый человѣкъ и къ тому же превосходно понимаете дѣло—рѣдкое сочетаніе.

Не былъ у Полонскаго не потому, что не люблю его. Просто забылъ въ хлопотахъ и въ побѣгушкахъ. Почему я не поздравилъ Анну Ивановну съ ангеломъ, потому же самому не былъ и у Полонскаго. Это дѣло воспитанія. Не воспитанъ, должно-быть, вотъ и все. Полонскому я напишу слезное письмо, а у Анны Ивановны попрошу прощенія, когда буду въ Петербургѣ, но воспитаннѣе я отъ этого не стану.

Кто пишетъ обо мнѣ изъ Москвы Полонскому? Это Бибиковъ.

Анонимное письмо, которое Вы получили насчетъ рецензіи о К., цинично и больше ничего. Если хотите, то и глупо.

К. глупый и злой человѣкъ, самолюбіе чертовское, аверкіевское; кончитъ онъ тѣмъ, что будетъ писать критическіе фельетоны подъ псевдонимомъ.

Ваша статья о Толстомъ сплошная прелесть. Очень, очень хорошо. И сильно, и деликатно. Вообще какой-то особенно удачный номеръ: и Ваша статья, и Франсуаза. Прекрасный разсказъ. Прибавка о сестрѣ (она твоя сестра!), сдѣланная Толстымъ, не такъ портитъ, какъ Вы боялись. Только отъ нея разсказъ утерялъ какъ будто свою свѣжесть. Впрочемъ, все равно.

Будьте здоровы и хранимы Богомъ отъ мрачныхъ мыслей. Неужели Адашева опять будетъ играть князь (Обо) Ленскій? Ужъ лучше бы игралъ Черновъ. Тотъ

тоже деревянный, но сдѣланъ, кажется, изъ болѣе мягкаго дерева.

Я начинаю старѣть; это я заключаю изъ того, что мнѣ очень хочется «поговорить о литературѣ». Степенность.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, мальчикамъ и дѣвочкѣ съ толстымъ носомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLI.

Ему же.

(Съ подлинника).

8 Февраль. (1889 г. Москва).

Рецензія прекрасная; цѣню ее на вѣсъ не золота, не алмазовъ, а своей души. Мое глубокое и искреннее убѣжденіе: получилъ я гораздо больше, чѣмъ заслужилъ.

Сегодня пришло Ваше письмо, гдѣ Вы пишете о своемъ разговорѣ съ Жителемъ. Вы думаете, что я не долженъ былъ брать Иванова «готовымъ». Я прошу Васъ вообразить себя авторомъ моей пьесы, чтобы чутье подсказало Вамъ, какъ Вы не правы. Зачѣмъ Вы Рѣпину взяли «готовой»? Что было бы, если бы Хлестаковъ и Чацкій тоже не были взяты «готовыми»? Если мой Ивановъ не для всѣхъ ясенъ, то это потому, что всѣ четыре акта сдѣланы неумѣлой рукой, а вовсе не потому, что я своего героя взялъ «готовымъ». Герои Толстого взяты «готовыми»; прошлое и физіономіи ихъ неизвѣстны, угадываются по намекамъ, но вѣдь Вы не скажете, чтобы эти герои Васъ не удовлетворяли. Вся суть въ размѣрахъ авторскаго таланта—da ist Hund begraben. Контуры моего Иванова взяты правильно, начатъ онъ такъ, какъ нужно—мое чутье не чуетъ фальши; сплоховала же растушовка, а оттого что тушовка плоха, Вы заподозрѣли контуры.

Женщины въ моей пьесѣ не нужны. Главная моя была забота не давать бабамъ заволакивать собой центръ тяжести, сидящій внѣ ихъ. Если бы мнѣ удалось сдѣлать ихъ красивыми, то я считалъ бы свою задачу по отношенію къ нимъ совершенно исполненною. Женщины участвовали въ погибели Иванова.. Ну такъ что же? Неужели нужно длинно пояснять это участіе, которое понятно и тысячу разъ уже трактовалось раньше меня?

Получаю по поводу Иванова анонимныя и не анонимныя письма. Какой-то соціалистъ (повидимому) негодуетъ въ своемъ анонимномъ письмѣ и шлетъ мнѣ горькій упрекъ; пишетъ, что послѣ моей пьесы погибъ кто-то изъ молодежи, что моя пьеса вредна и проч. Всѣ письма толкуютъ Иванова одинаково. Очевидно, поняли, чему я очень радъ.

Казанецъ вралъ Вамъ. Таню Рѣпину отложили, только потому что Ермолова устала. Успѣхъ громадный. На каждую ложу уже записана сотня кандидатовъ — это говорилъ Ленскій, у котораго я былъ сегодня.

Какая то психопатка-провинціалка со слезами на глазахъ бѣгала по Третьяковской галлереѣ и съ дрожью въ голосѣ умоляла показать ей Татьяну *Рѣпина* *), про которую она много слышала и отъ которой ей хотѣлось бы разразиться истерикой.

Васъ обвиняетъ вся мыслящая Москва въ заранѣе обдуманномъ намѣреніи—поиграть на плохихъ, уваженія недостойныхъ нервахъ. Воображаютъ, что Вы очень хитрый человѣкъ, и не понимаютъ, что хитритъ Ермолова, а не Вы. Много ходитъ сплетенъ. Я заранѣе объявилъ, что не дамъ для Москвы своего «Иванова»

---

*) Родительный падежъ. *Прим. автора.*

(хотя у меня его и не просять) и это мое рѣшеніе безповоротно. Ненавижу, когда Москва берется разсуждать, понимать по-своему, судить.. Буду воевать съ ней. Конечно, смѣшно колоть слона булавкой, но все-таки, когда умру, Вы напишите въ некрологѣ, что былъ одинъ человѣкъ, который не признавалъ этой кухарки. Не спорьте со мной. Если мое упрямство глупо, то позвольте мнѣ быть глупымъ—вреда отъ этого никому не будетъ.

Очень возможно, что сестра пріѣдетъ въ Питеръ на масленой недѣлѣ.

Потѣхинъ ставитъ моего Иванова только два раза, да и то утромъ! Зачѣмъ же онъ цѣловался со мной? Однако, какое разочарованіе! Ожидалъ я тысячу, а получу 600—700.. Это и на понюшку не хватитъ. Очевидно, небу не угодно, чтобы я купилъ хуторъ.

У меня лютый геморрой, который я поддерживаю сидѣньемъ и изліяніями. Надо бросить манеру веселить свое сердце виномъ, да жалко.

Кланяюсь Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ. Будьте здоровы и не забывайте преданнаго

Вамъ *Доктора Тото.*

CLII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. 10 февраля).

Милый драматургъ, при всемъ моемъ желаніи достойно привѣтствовать дебютъ [1]) критика Тихонова, я не могу сказать Вамъ ни единаго теплаго слова, такъ какъ «Не-

---

[1]) Первая критическая статья адресата объ «Ивановѣ» въ «Недѣлѣ» Гайдебурова.

дѣля» въ Москвѣ составляетъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые слоны. Я нигдѣ не могъ найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мнѣ тотъ №, гдѣ помѣщена Ваша рецензія? Я прочту и присовокуплю ее къ кучѣ рецензій, составляющихъ въ моемъ архивѣ объемистое «Дѣло объ Ивановѣ».

Насколько могу судить по тѣмъ Вашимъ пьесамъ, которыя я видѣлъ на сценѣ, изъ Васъ едва ли можетъ выработаться театральный критикъ. Вы человѣкъ рыхлый, чувствительный, уступчивый, наклонный къ припадкамъ лѣни, впечатлительный, а всѣ сіи качества не годятся для строгаго, безпристрастнаго судьи. Чтобы умѣть писать критику, нужно быть въ душѣ немножко тою рябой бабой, которая безъ милосердія будетъ бить Васъ. Когда Суворинъ видитъ плохую пьесу, то онъ *ненавидитъ* автора, а мы съ Вами только раздражаемся и ноемъ; изъ сего я заключаю, что Суворинъ годится въ судьи и въ гончія, а насъ (меня, Васъ, Щеглова и проч.) природа сработала такъ, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь лунѣ, едина солнцу...

Напишите-ка лучше рефератъ и прочтите его на Гороховой [1]). Сюжетовъ много.

Оттого, что я въ Питерѣ пилъ не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, отъ котораго я теряю не мало крови. Увы, лавры и опьянѣніе не даются даромъ!

Ну, будьте здравы и веселы. Поклонъ Вашему брату [2]) и общимъ знакомымъ

Вашъ *А. Чеховъ.*

Нѣтъ почтовой бумаги! 10 февр.

---

[1]) Въ Литературномъ Обществѣ.

[2]) А. А. Луговой.

CLIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

11 Февраль. (1889 г. Москва).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, пишу Вамъ сіи строки наканунѣ Вашихъ именинъ и жалѣю, что судьба лютая лишила меня возможности быть у Васъ завтра. Въ Москвѣ я утопаю въ скукѣ. Чувствую себя такъ, точно меня женили на постылой женщинѣ, или сослали въ страну, гдѣ вѣчная зима. Это похмелье послѣ Питера, гдѣ я, какъ Вамъ извѣстно, далеко не скучалъ; не только не скучалъ, но даже былъ вынужденъ бѣжать отъ изобилія сильныхъ ощущеній.

Конечно, за пьесу возьму я гораздо дешевле, чѣмъ за прозу. Цѣну назначу, когда узнаю размѣръ пьесы. Чѣмъ она больше, тѣмъ дешевле возьму за листъ. Я пьесъ никогда не печаталъ и цѣнъ не знаю. Если бы Вы дали мнѣ совѣтъ—какую цѣну назначить, чтобъ никому обидно не было—то я былъ бы Вамъ очень благодаренъ. Назначьте цифру.

Островскій [1]) былъ у меня вчера. Говорили о васъ: я его порадовалъ, сказавъ, что Вы здоровы и бодры. Толковали о литературѣ и политикѣ. Интересный человѣкъ. Спорили, между прочимъ, о соціализмѣ. Онъ хвалитъ брошюру Тихомірова: «Отчего я пересталъ быть соціалистомъ», но не прощаетъ автору его неискренности. Ему не нравится, что Тихоміровъ свое прошлое называетъ «логической ошибкой», а не грѣхомъ, не преступленіемъ. Я же доказывалъ, что нѣтъ тамъ грѣха и пре-

---

[1]) П. Н. — братъ драматурга.

ступленія, гдѣ нѣтъ злой воли, гдѣ дѣятельность, добрая или злая—это все ровно — является результатомъ глубокаго убѣжденія и вѣры. Оба мы другъ друга не убѣдили и остались каждый при своемъ, но это все таки не мѣшало мнѣ слушать Островскаго съ большимъ интересомъ. Умъ у него рыхлый, стоячій, какъ прудовая вода, покойный, но зато большой.

Что касается Жоржика, то въ Москвѣ его не было. Должно быть, поѣхалъ прямо на Луку, не заѣзжая домой.

Если можно достать гдѣ-нибудь судебныя рѣчи Кони, то прочтите тамъ дѣло «объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ» на стр. 248. Какой чудный и богатый матеріалъ для романа изъ жизни патентованныхъ сукиныхъ сыновъ!

Довожу до Вашего свѣдѣнія, что у меня уже есть выгрышный билетъ 2-го займа [1]). Перваго марта выграю.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Вашимъ мой сердечный привѣтъ. Будьте здоровы, дорогой именинникъ, и не забывайте душевно Вамъ преданнаго

D-r. Antonio.

CLIV.

Н. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

11 Февр. (1889 г. Москва).

Уважаемая Наталья Михайловна, если Егоръ Михайловичъ уже на Лукѣ, то будьте добры передать ему мое извиненіе. Я обѣщалъ ему выѣхать изъ Петербурга

---

[1]) Билетъ этотъ былъ купленъ въ разсрочку въ банкирской конторѣ А. Клима и послужилъ А. П—чу темой для разсказа «Житейскія Невзгоды».

вмѣстѣ, но надулъ его и выѣхалъ, не дождавшись условленнаго дня. Скажите ему, что я *не могъ* ждать. Мнѣ нужно было уѣхать во что бы то ни стало. Я бѣжалъ отъ сильныхъ ощущеній, какъ трусъ бѣжитъ съ поля битвы. Все хорошо въ мѣру, а сильныя ощущенія мѣры не знаютъ.

Пишу Вамъ, а не ему, потому что навѣрное не знаю, гдѣ онъ: дома, или же въ Петербургѣ. Если въ Петербургѣ, то передайте ему мое извиненіе, когда онъ пріѣдетъ.

Я слышалъ, что Елена Михайловна [1]) уѣхала въ Кіевъ. Когда вернется, поклонитесь.

Мы начали уже рѣшать дачный вопросъ. Большинство склоняется на сторону Луки, чему я, конечно, очень радъ. Если Вы ничего не имѣете противъ нашего переселенія на Луку, то черкните двѣ строчки. *Никакой* террасы, никакихъ колоннъ въ стилѣ рококо, никакихъ баллюстрадъ и статуй не нужно. Пожалуста не вѣрьте добрѣйшей Лидіи Ѳедоровнѣ. Если сдѣлаете дверь изъ флигеля въ садъ, то и это ужъ будетъ великодушно и вполнѣ достаточно.

Сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Весной (въ апрѣлѣ) я выѣду изъ Москвы къ югу. Быть-можетъ, заѣду къ Вамъ денька на два.

Желаю всего хорошаго и, если позволите, дружески жму Вамъ руку.

А. Чеховъ.

А какой ангелъ Лидія Ѳедоровна! Не хватаетъ только крылышекъ.

---

[1]) Сестра адресатки.

CLV.

Н. А. Хлопову.

13 февраля (1889 г. Москва).

Уважаемый Николай Аѳанасьевичъ!

Я прочелъ Вашъ разсказъ; онъ хорошъ и, вѣроятно, пойдетъ въ дѣло, а потому считаю не лишнимъ заранѣе и возможно скорѣе заявить Вамъ нижеслѣдующее: если Вы разсчитываете на него, какъ на серьезный шагъ, и дебютируете имъ, то въ этомъ смыслѣ, по моему мнѣнію, онъ успѣха имѣть не будетъ. Причина не въ сюжетѣ, не въ исполненіи, а въ поправимыхъ пустякахъ— въ чисто московской небрежности въ отдѣлкѣ и въ коекакихъ деталяхъ, не важныхъ по существу, но рѣжущихъ глаза.

Начать хоть съ того, что то и дѣло попадаются фразы, тяжелыя какъ булыжникъ. Напримѣръ, на стр. 2 фраза: «онъ заходилъ ко мнѣ два раза въ продолженіе получаса». Или: «на губахъ Іоны появилась долгая, нѣсколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнулъ продолжительный дождь», такъ, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочемъ, это пустяки... Но вотъ что не совсѣмъ мелочно: гдѣ Вы видѣли церковнаго попечителя Сидоркина? Правда, существуютъ церковные старосты, или ктиторы, но никакіе старосты и попечители, будь они хоть разнаивліятельнѣйшіе купцы, не имѣютъ права и власти переводить дьячка съ одного мѣста на другое... это дѣло архіерейское... Походило бы болѣе на правду, если бы Вашъ Іона попросту былъ переведенъ изъ города въ деревню за пьянство. Мѣсто, гдѣ Іона возится съ двумя десяти-

нами, какъ паукъ съ мухой, прекрасно, но зачѣмъ Вы губите его прелесть описаніемъ невозможной и маловѣроятной забавы съ сохой? Развѣ это необходимо? Вы знаете, что кто пашетъ первый разъ въ жизни, тотъ не сдвинетъ плуга съ мѣста—это разъ; дьячьку выгоднѣе отдать свою землю подъ скопчину—это два; воробьевъ никакимъ калачемъ не заманишь изъ деревни въ поле—это три...

«Сижу я верхомъ на перекладинѣ, вотъ что хату съ чуланомъ соединяетъ» (стр. 16). Какая это перекладина? Фигура писаря въ пиджачкѣ и съ клочками сѣна въ волосахъ шаблонна и къ тому же сочинена юмористическими журналами. Писаря умнѣе и несчастнѣе, чѣмъ принято думать о нихъ, и т. д.

Въ концѣ разсказа дьячокъ (это очень мило и кстати) поетъ: «Благослови, душе моя, Господи, и возрадуется...» Такой молитвы нѣтъ. Есть же такая: «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое его...»

Послѣднее сказаніе: знаки препинанія, служащіе нотами при чтеніи, разставлены у Васъ, какъ пуговицы на мундирѣ гоголевскаго городничаго. Изобиліе многоточій и отсутствіе точекъ.

Эти пустяки, по моему мнѣнію, испортятъ Вамъ музыку. Не будь ихъ, разсказъ пошелъ бы за образцовый. Вы, конечно, не разсердитесь на меня за «мораль» и поймете, что пишу я это, какъ Вашъ повѣренный, съ цѣлью: не найдете ли Вы нужнымъ въ виду всего выше сказаннаго сдѣлать въ разсказѣ поправки? На шлифовку и переписку вновь понадобятся 2 часа, не больше, но зато разсказъ не проиграетъ.

Повторяю: и безъ поправокъ Іона хорошъ и пойдетъ въ дѣло, но если Вы намѣрены серьезно дебютировать имъ, то, насколько я знаю петербургскихъ судей, успѣха онъ имѣть не будетъ.

Жду Вашего отвѣта и прошу прощенія за непрошенное вмѣшательство.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. февр.).

При семъ имѣю честь препроводить корреспонденцію о тѣхъ безобразіяхъ, кои творитъ въ Москвѣ Ваша Татьяна Рѣпина. Насколько монотонно-кротокъ мой Ивановъ, настолько буйна Ваша Таня. Корреспонденція не вретъ. Я думаю, что Лялинъ можетъ узурпировать ее для своего маленькаго фельетона.

Ахъ какъ я благодаренъ Вамъ за балалайку! Сегодня приведемъ ее въ порядокъ, а завтра ужъ будемъ играть. Я у Васъ въ долгу, какъ въ шелку.

Ивановъ идетъ въ понедѣльникъ утромъ — время, когда сборъ не превышаетъ 14 р. 43 коп!

Помните, что Вы обѣщали пріѣхать постомъ. Я буду ждать. Если хотите, съѣздимъ къ Троицѣ, гдѣ въ то время будетъ уже весной пахнуть. Кланяюсь всѣмъ. Скучаю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

14 Февр. (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, Вы можете гордиться своей покупкой. Миша носилъ балалайку въ музыкальный магазинъ струнъ ради и тамъ давали ему за нее 16 рублей.

Подозрѣваю, что балалайка стоитъ около 50.—Свободинъ [1]) писалъ мнѣ, что у Шапиро уже готовы фотографіи. Получили ли вы свою и мою долю? Если получили, то вышлите мнѣ побольше карточекъ и между прочимъ одну свою большую. Я ее въ гостиной повѣшу. Теперь вѣдь мы съ Вами нѣкоторымъ образомъ родня: Ваша и моя пьесы шли въ одинъ сезонъ, въ одномъ и томъ же театрѣ. Оба одинакія муки терпѣли и оба почиваемъ теперь на лаврахъ. Оба ненавидимы Крыловымъ, хотя и не въ одинаковой степени. Вы тоже должны мою фотографію въ почетѣ держать.

Получилъ я отъ Свободина письмо, полное жалобъ на судьбу и людей. Письмо длинное и искреннее. Отвѣтилъ ему длинно, что недовольство составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ всякаго настоящаго таланта и ехидно со свойственнымъ мнѣ лицемѣріемъ пожелалъ ему, чтобы онъ всегда былъ недоволенъ. Я очень жалѣю, что въ настоящее время русскимъ писателямъ некогда писать, а русскимъ читателямъ некогда читать про актеровъ, а то бы слѣдовало тронуть ихъ. До сихъ поръ наша беллетристика интересовалась только актерской богемой, но знать не хотѣла тѣхъ актеровъ, которые имѣютъ законныя семьи, живутъ въ очень приличныхъ гостиныхъ, читаютъ, судятъ, а главное—получаютъ больше чѣмъ губернаторское жалованье. Давыдовъ и Свободинъ очень и очень интересны. Оба талантливы, умны, нервны и оба несомнѣнно новы. Домашняя жизнь ихъ крайне симпатична.

Поздравляю Алексѣя Алексѣевича съ Ашиновскимъ скандаломъ. Хорошій урокъ для начинающихъ публицистовъ. Новое Время удивительная газета. Маклая иронизировала, а Ашинова поднимала до небесъ.

---

[1]) Извѣстный артистъ.

То, что я знаю, про о. Паисія, [1]) слишкомъ интимно и можетъ быть опубликовано только съ разрѣшенія моего дяди и самого Паисія.. Въ исторіи Паисія играютъ видную роль его жена, гулящія бабы, изувѣрство, милостыня, какую Паисій получилъ отъ дяди. Нельзя всего этого трогать самовольно.

Боюсь, чтобы Паисій опять не сбился съ панталыку и не сталъ говоритъ, что его новый санъ (архимандритъ), Абиссинія и затѣи—все отъ бѣса. Какъ бы онъ опять не бѣжалъ безъ паспорта куда-нибудь. Это такой человѣкъ, что и къ раскольникамъ въ Австрію бѣжать можетъ. У него болѣзненная совѣсть, а умъ простъ и ясенъ. Если бы я былъ Побѣдоносцевымъ, то послалъ бы Паисія въ нашъ Новый Аѳонъ на подмогу къ Сухумскому архіерею, крестящему абхазцевъ. Кстати же у этого архіерея совсѣмъ нѣтъ штата. Есть одинъ письмоводитель, изображающій своей особой консисторію, да и тотъ по Россіи тоскуетъ.

Цѣлая компанія собиралась ѣхать на масленой въ Питеръ глядѣть моего Иванова, но масленичный репетуаръ всю музыку испортилъ. Когда ѣхать, если Ивановъ идетъ въ послѣдній разъ въ среду утромъ? По той же причинѣ не ѣдетъ и сестра; ее пансіонъ отпуститъ только въ среду.

Въ маѣ я изъ Вашего «Мужского горя» сдѣлаю смѣшную трагедію. Мужскую роль (она сдѣлана отлично) я оставлю въ неприкосновенности, а супругу дамъ совсѣмъ новую. Оба они у меня будутъ въ серьезъ валять.

Что жъ? Пріѣдете въ Великомъ посту? Пріѣзжайте. Я обѣщаю ни слова не говорить о театрѣ, хотя удержаться трудно. Театръ, повторяю, спортъ и больше

---

[1]) Бѣжавшій монахъ, котораго пріютилъ дядя А. П. Митрофанъ Георгіевичъ.

П. М. Свободинъ, В. Н. Давыдовъ, А. П. Чеховъ и А. С. Суворинъ.

ничего. Единственный способъ излѣчить Щеглова отъ театроманіи—это выучить его играть въ винтъ, или воспитать въ немъ любовь къ скачкамъ. А въ театръ, какъ въ школу, безъ которой нельзя обойтись, я не вѣрю.

Я завидую Вамъ: у Васъ отличная почтовая бумага. Какъ здоровье Анны Ивановны? Желаю отъ всей души, чтобы оно было отлично. Къ сожалѣнію, кромѣ этого пожеланія у меня нѣтъ ничего такого, чтобы я могъ преподнести Аннѣ Ивановнѣ.

Наше «Общество искусствъ и литературы» закатываетъ въ субботу костюмированный балъ. Разсчитываетъ выручить чистыхъ тысячъ десять.

Будьте здоровы. Богатѣйте матеріально, потому что душевно Вы уже и такъ богаты. Матеріально же надо *спѣшить* богатѣть. Надо Вамъ завести еще магазины въ Саратовѣ, Казани, въ Ростовѣ на Дону и въ Парижѣ. Дѣло такое хорошее, изъ-за котораго можно забыть даже о существованіи Леона Толстого, который богаче Васъ. Да Хранитъ Васъ Аллахъ!

А. Чеховъ.

CLVIII.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

17 Февр. (1889 г. Москва).

Я золъ, какъ аспидъ, которому наступилъ на хвостъ нечистый духъ. Я не имѣю права двинуться съ мѣста. Милыя дамы Сѣвернаго Вѣстника вмѣсто того, чтобъ прислать мнѣ корректуру «Иванова» въ прошлое воскресенье, высылаютъ мнѣ ее по кусочку въ продолженіи всей масляной недѣли. Такъ какъ мартовская книжка

должна печататься не позже 20-го февр., то меня «умоляютъ не задерживать корректуру». Послалъ ругательное письмо, но отъ этого мнѣ не легче. И такъ во всю зиму, благодаря милѣйшимъ пьесамъ, я ни разу не побывалъ въ Бабкинѣ. Покорно благодарю.

Лучшая дѣтская писательница! Не увлекайтесь лестью косого Войнаховскаго и похвалами орловскихъ поваровъ, бросьте литературу! Быть литераторомъ — значитъ не знать покоя, не ѣсть блиновъ, вѣчно ждать гонорара и никогда не имѣть гроша въ карманѣ. Воистину тернистый путь!

Мой Ивановъ продолжаетъ имѣть колоссальный, феноменальный успѣхъ. Въ Питерѣ теперь два героя дня: нагая Фрина Семирадскаго и одѣтый я. Оба шумимъ. Но при всемъ томъ, какъ мнѣ скучно и съ какимъ удовольствіемъ я полетѣлъ бы въ милое Бабкино!

Блиноѣду барину, прекрасной Василисѣ и любезнѣйшему Катафею Катафеичу мой нижайшій поклонъ и пожеланіе отличнаго аппетита.

Елизаветѣ Александровнѣ, если она еще не забыла обо мнѣ, тоже поклонъ.

Будьте здоровы, веселы и богаты. Скажите Тышечкѣ въ шапочкѣ и съ аришечкой, что въ Бабкино я теперь буду ѣздить всегда не черезъ Воскресенскъ, а черезъ Духанино. Не желаю подвергать свою жизнь опасности. Погибать подъ выстрѣломъ аршиннаго револьвера— не совсѣмъ пріятно, особливо во цвѣтѣ лѣтъ.

Вашъ душевно

А. Чеховъ.

CLIX.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 Февраля. (1889 г. Москва).

Милый Жанъ, спасибо Вамъ за Господъ Театраловъ [1]), которыхъ я получилъ. Одинъ экз. отдалъ брату педагогу [2]), другой присовокупилъ къ своей публичной библіотекѣ (называю ее публичной, потому что она окрадывается публикой очень усердно).

Вы въ письмѣ утѣшаете меня на счетъ «Иванова». Спасибо Вамъ, но увѣряю Васъ честнымъ словомъ, я спокоенъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ— стало-быть, правъ; глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше чѣмъ нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я. Какого же лѣшаго мнѣ еще нужно. А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами, презрительно ухмыляется, киваетъ, брызжетъ пѣной или лицемѣрно вретъ, то вѣдь я всего этого не вижу и безпокоить меня это не можетъ. Въ Москвѣ даже не пахнетъ Петербургомъ. Видаю я ежедневно сотню человѣкъ, но не слышу ни одного слова объ Ивановѣ, точно я и не писалъ этой пьесы, а питерскія оваціи и успѣхи представляются мнѣ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся.

Кстати объ успѣхѣ и оваціяхъ. Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не по-

---

[1]) Пьеса адресата.

[2]) Ив. Павл.

лучается ничего, кромѣ утомленія и желанія бѣжать, бѣжать...

Голова моя занята мыслями о лѣтѣ и дачѣ. Денно и нощно мечтаю о хуторѣ. Я не Потемкинъ, а Цинцинатъ. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и аплодирующая галлерея. Я очевидно уродъ и плебей.

Пишу докторскую диссертацію на тему: «О способахъ прививки Ивану Щеглову ненависти къ театру».

Вы пишете, что Буренинъ дѣйствуетъ на Васъ угнетающе.. Пусть такъ, но ради Создателя не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте передъ великимъ критикомъ. Что бы онъ ни мололъ авторитетно о безполезности нашего брата, о пишущихъ ради куска хлѣба, онъ никогда не будетъ правъ. На этомъ свѣтѣ не тѣсно, для всѣхъ найдется мѣсто; мы не мѣшаемъ Буренину жить, и онъ намъ не мѣшаетъ. Вопросъ же о томъ, кто на землѣ полезенъ и безполезенъ, не Буренину рѣшать и не намъ. Не расходуйте Вашихъ нервовъ и душевной энергіи на чертъ знаетъ что.

Занимайтесь беллетристикой. Она Ваша законная жена, а театръ это напудренная любовница. Или становитесь Островскимъ, или же бросайте театръ. Середины нѣтъ для Васъ. Середина занята драматургами, а беллетристамъ такимъ какъ я, Вы, Масловъ, Короленко, Баранцевичъ и Альбовъ, т.-е. литературнымъ штабъ-офицерамъ не къ лицу вести борьбу за существованіе съ оберъ-офицерами драматическими. Беллетристъ долженъ идти въ толпу драматурговъ-спеціалистовъ или генераломъ, или же никакъ.

Захотите пошалить—другое дѣло. Отчего не пошалить. Но шаля не слѣдуетъ дѣлать очень серьезнаго лица и угнетать себя очень серьезными мыслями.

Видите, какимъ я моралистомъ становлюсь. Мнѣ даже капитаны ни по чемъ, и ихъ отчитываю. А вѣдь я—не имѣющій чина!

Собираюсь на балъ. Будьте здоровы. Да благословитъ Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

За Господъ Театраловъ—рубль дорого. Нужно было назначить 25—30 к.

Вашей женѣ привѣтъ. Мои кланяются и благодарятъ за поклонъ.

CLX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

20 Февраль. (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Сергѣевичъ, поздравляю Васъ съ постомъ, съ днями молитвы, покаянія и лицемѣрія. Постъ начался для меня отвратительно: послѣ гульной ночи вернулся домой въ $10^1/_2$ часовъ утра и спалъ до 5 часовъ вечера. Ужиналъ вчера въ фойе Коршевскаго театра съ актерами, актрисами и генералами. Ужинъ прощальный, по случаю закрытія сезона. Актрисы милый народъ, я ихъ вчера любилъ и такъ расчувствовался, что даже на прощаньи поцѣловался съ нѣкоторыми. У нихъ есть благородство, какого нѣтъ у актеровъ. У мужчинъ, служащихъ святому искусству, нѣтъ чистоты душевной. Въ ихъ словахъ, взглядахъ и поступкахъ много лакейскаго. Впрочемъ не у всѣхъ. Я пилъ не много, но безпорядочно, мѣшалъ ликеры съ коньякомъ. Теперь

чувствую въ своемъ нутрѣ гнетущую пустоту; такое состояніе, точно внутри у меня пропасть съ холодными стѣнами. Хочется всыпать въ очень холодную воду побольше иголокъ, сильно взболтать и выпить, да чтобъ къ тому же иголки были кислыя.

Купите подъ Харьковомъ имѣнье, не теряйте случая. Если у Васъ нѣтъ 35 тысячъ, то позвольте мнѣ украсть ихъ для Васъ изъ Вашей конторы, гдѣ, какъ Вамъ извѣстно, денегъ ужасно много. Если хотите, я съѣзжу посмотрѣть имѣнье, которое Вамъ предлагаютъ. Мнѣ хочется проѣхаться. Такъ какъ имѣнье Ваше, то дорожные расходы (билеты) пополамъ. Кстати и для себя я посмотрѣлъ бы какой-нибудь хуторокъ. Если Вы купите имѣнье, то я куплю хуторъ по сосѣдству съ Вами и буду Васъ удивлять своей агрономіей, распущенностью домочадцевъ, гостепріимствомъ и музыкой. Даже у Васъ купилъ бы небольшой участокъ. У меня деньги будутъ. Ивановъ давалъ полные сборы; я получу около тысячи. Къ лѣту въ общемъ наскребу изъ разныхъ угловъ тысячи двѣ, да 1 марта по своему билету выграю 75 тысячъ—это навѣрное, такъ какъ я Потемкинъ. Къ будущему сезону напишу «Лѣшаго», за котораго возьму тысячъ шесть-семь. Не хотите ли взаймы?

Въ предсѣдатели о-ва драмат. писателей будутъ выбирать Боборыкина. Почему-то гг. члены интересуются знать мое мнѣніе; я отвѣчаю имъ, что противъ избранія Боборыкина ровно ничего не имѣю.

Пойдетъ ли послѣ Пасхи Севильскій Обольститель?

Пришлите мнѣ свою большую фотографію и группу.

Я читаю корректуру своей пьесы. Читаю и думаю, что не святые горшки лѣпятъ, писать драмы можно. Когда я напишу своего «Лѣшаго», то читать Вамъ не

дамъ и на репетицію Васъ съ собой не возьму. Мнѣ хочется произвести на Васъ впечатлѣніе не смѣшанное и не такое скомканное, какое Вы поневолѣ должны были получить отъ Иванова, а для этого нужно, чтобы Вы знакомились съ пьесой не раньше перваго представленья.

Видѣлъ я вчера «Женитьбу» Гоголя. Превосходная пьеса. Дѣйствія длинны до безобразія, но это едва чувствуется благодаря удивительнымъ достоинствамъ пьесы.

Если пріѣдете въ Москву, то доставите этимъ мнѣ большое удовольствіе. Я Вамъ надоѣмъ—единственное неудобство, которое ожидаетъ Васъ въ Москвѣ, въ остальномъ же все будетъ благополучно: отдохнете, посмотрите на Москву и поѣдите Гурьевской каши, которая мнѣ начинаетъ нравиться.

Комитетъ драм. общества вѣроятно обратится къ Вамъ съ просьбой—взять на себя печатаніе пьесъ, принадлежащихъ обществу. Предложеніе это въ коммерческомъ отношеніи для Васъ выгодно, но дурно оно въ томъ отношеніи, что Вамъ придется печатать *всѣ* пьесы, хорошія и не хорошія, т.-е. дѣлать одновременно добро и зло. Надо печатать только оригинальныя пьесы, одобренныя театр. литературнымъ комитетомъ и шедшія на казенной сценѣ, а прочія пьесы можно предоставить Разсохину и его пикантной женѣ.

«Медвѣдь» мой идетъ ужъ вторымъ изданіемъ, которое на исходѣ.

Будьте здоровы и счастливы. Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку, а Настѣ и фараону-Борѣ кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Виноградовымъ. Я ихъ бѣдныхъ люблю.

CLXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

21 Февр. (1889 г. Москва.).

Беззаконно живущій и беззаконно погибающій братъ мой! Суворинъ обѣщалъ мнѣ извиниться передъ тобой за то, что я бѣжалъ изъ Питера, не простившись съ тобой. Если онъ не сдержалъ обѣщанія, то извиняюсь самъ. Въ день отъѣзда я бѣгалъ по Питеру высунувъ языкъ. Не было ни *одной* свободной секунды. Извиняюсь передъ милѣйшей Н. А. и дѣтишками, которыхъ отечески благословляю и мысленно порю.

Сезонъ кончился. Ступай къ Суворину, спроси у него, какъ получаются деньги изъ дирекціи театровъ. Онъ объяснитъ тебѣ. Получивъ объясненія, ступай въ дирекцію и потребуй деньги за Иванова и Медвѣдя. Если не будутъ давать, или обсчитаютъ, то скажи, что ты пожалуешься мѣщанскому старостѣ Вукову. Деньги вышли переводомъ по телеграфу, а счетъ вышли почтой. Денегъ ты получишь около тысячи. Желаю, чтобы ты задохнулся отъ черной зависти, или же отъ зависти сѣлъ бы за столъ и написалъ пьесу, которую написать не трудно. Тебѣ нужно написать двѣ-три пьесы. Это пригодится для дѣтей. Пьеса—это пенсія.

Весною изо всѣхъ мѣстъ буду собирать деньги, чтобы лѣтомъ купить хуторъ—мѣсто, гдѣ Чеховская фамилія будетъ упражняться въ родственномъ сближеніи.

Вся семья здравствуетъ. Николай въ безвѣстномъ отсутствіи. Иванъ попрежнему настоящій Иванъ.

Будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

25 Февр. (1889 г. Москва.).

Г. губернскій секретарь!

Ваше гнусное письмо, подписанное Вашимъ не менѣе гнуснымъ именемъ, мною получено и брошено въ с..... Отвѣчаю на него по пунктамъ:

1) Если строки насчетъ хутора написаны серьезно, а не между прочимъ, то напиши, *что именно* тебѣ нужно, сколько у тебя денегъ и сколько десятинъ купить желаешь, дабы при покупкѣ своего хутора я зналъ все, что знать надлежитъ.

2) Переплеты для «Сумерекъ» съ «А. Н. Чеховъ» я не могу принять ни въ какомъ случаѣ. Не принимай и ты. Скажи, чтобы въ такихъ переплетахъ книга не могла быть продаваема, и прочти хорошую нотацію. Свиньи, не блюдутъ Суворинскаго добра! Книги мнѣ *не высылай*. На кой лѣшій она мнѣ?

Пожалуста, въ магазинѣ не церемонься. Блюдя авторскіе интересы, ты этимъ самымъ блюдешь и общее дѣло. Да надо и Суворинымъ пожалѣть.

3) Копія для довѣренности *не нужна*. Если дирекція захочетъ оставить у себя довѣренность, то пусть беретъ. Надобность въ довѣренности не скоро ужъ представится, ибо послѣ Пасхи моихъ пьесъ играть не будутъ.

Что чада твои здоровы и обѣщаютъ быть таковыми и впредь, я убѣдился въ послѣдніе свои два пріѣзда. Н. А. нездорова — и въ этомъ я убѣдился. Ей нужно беречь свой желудокъ.

Всѣ наши здравствуютъ и попрежнему держатся о тебѣ такого мнѣнія, что ты штаны. Николай испарившись. Ольга выходитъ замужъ. Клавдія Михайловна вышла замужъ. Однимъ словомъ, такой счастливый въ Москвѣ годъ, что даже залежалый товаръ пошелъ въ ходъ. Adieu!

Твой Antoine.

CLXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

5 Мартъ. (1889 г. Москва).

Посылаю Вамъ, милый Алексѣй Сергѣевичъ, Княгиню [1]). Чортъ съ ней, она мнѣ надоѣла: все время валялась на столѣ и напрашивалась на то, чтобы я ее кончилъ. Ну и кончилъ, но не совсѣмъ складно. Если Вы не разсчитываете напечатать ее въ скоромъ времени, то пришлите корректуру. Я пошлифую.

Пишу еще одинъ разсказъ. Меня захватило и я почти не отхожу отъ стола. Между прочимъ, я купилъ себѣ новый столъ.

Спасибо за обѣщаніе выслать словари. Казавъ панъ— кожухъ дамъ, слово его тéпло.. За словари я пришлю Вамъ подарокъ очень дешовый и безполезный, но такой, какой только я одинъ могу подарить Вамъ. Ждите. Позволяю себѣ напомнить о Вашей большой фотографіи и моихъ шапировскихъ карточкахъ. Если Шапиро прислалъ Вамъ ихъ, то пришлите.

Былъ у меня Свободинъ и говорилъ между прочимъ, что Вы получили якобы письмо отъ какого-то родителя, у котораго сынъ застрѣлился послѣ моего Иванова.

---

[1]) Разсказъ А. П., напечатанный въ «Нов. Времени» въ 1889 г. № 4696.

Если это письмо не мнѣ, то пришлите мнѣ его пожалуста. Я его пріобщу къ тѣмъ письмамъ, какія у меня уже имѣются относительно моего Иванова. «Гражданина» я не читалъ, ибо 1) этой газеты я не получаю и 2) Ивановъ надоѣлъ мнѣ ужасно; я не могу о немъ читать и мнѣ бываетъ очень не по себѣ, когда о немъ начинаютъ умно и толково разсуждать.

Вчера ночью ѣздилъ за городъ и слушалъ цыганокъ. Хорошо поютъ эти дикія бестіи. Ихъ пѣніе похоже на крушеніе поѣзда съ высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука..

Не вѣрьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и съ ума не схожу. Если вѣрить всему тому, что теперь говорятъ обо мнѣ въ Петербургѣ, то я истекаю кровью, сошелъ съ ума, женился на С. и взялъ 20 милліоновъ приданаго.

Купилъ я въ вашемъ магазинѣ Достоевскаго и теперь читаю. Хорошо, но очень ужъ длинно и нескромно. Много претензій.

Скажите, зачѣмъ это отдали французамъ на посмѣяніе Грозу Островскаго? Кто это догадался? Поставили пьесу только для того, чтобы французы лишній разъ поломались и авторитетно посудачили о томъ, что для нихъ нестерпимо скучно и непонятно. Я бы всѣхъ этихъ господъ переводчиковъ сослалъ въ Сибирь за непатріотизмъ и легкомысліе.

Лѣшаго я буду писать въ маѣ или въ августѣ. Шага я во время обѣда изъ угла въ уголъ, я скомпановалъ первые три акта весьма удовлетворительно, а четвертый едва намѣтилъ. III актъ до того скандаленъ, что Вы, глядя на него, скажете:—«Это писалъ хитрый и безжалостный человѣкъ».

Кланяюсь низко Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ. Желаю имъ здоровья. Вашъ *А. Чеховъ.*

А Потемкинъ то 1-го марта не выигралъ!

CLXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

6 Мартъ. (1889 г. Москва).

Посылаю Вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, тотъ очень дешевый и безполезный подарокъ [1]), который я обѣщалъ Вамъ. За словарями я буду скучать, поскучайте и Вы за моимъ подаркомъ. Сочинилъ я его въ одинъ присѣстъ, спѣшилъ, а потому вышелъ онъ у меня дешевле дешоваго. За то, что я воспользовался Вашимъ заглавіемъ, подавайте въ судъ. Не показывайте его *никому*, а, прочитавши бросьте въ каминъ. Можете бросить и не читая. Вамъ я все позволяю. Можете даже по прочтеніи сказать: чертъ знаетъ что!

Изъ дирекціи я получилъ 997 рублевъ за Иванова и Медвѣдя. Заперъ ихъ въ столъ. Цыганъ не заработаетъ того живымъ медвѣдемъ, что я заработалъ дохлымъ. 500 рублей далъ мнѣ звѣрь. Мой Михайло [2]) кончилъ курсъ въ университетѣ; кончилось и мое юридическое образованіе, такъ какъ лекціи уже не будутъ валяться по столамъ и мнѣ не за что будетъ хвататься въ часы скуки и досуга.

А весны все еще нѣтъ. Ужасно надоѣлъ холодъ. Большія надежды возлагаю я на лѣто. А Стива Облонскій [3]) забылъ про лодки.

Всѣмъ кланяюсь. Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Пародія на «Татьяну Рѣпину» А. С. Суворина. Напечатано было А. С. Суворинымъ въ 3 экз. Одинъ экз. сохраняется въ архивѣ А. П.

[2]) Братъ Мих. Павл.

[3]) А. С. Суворинъ провелъ лѣто у кн. Оболенскаго въ Тульской губ., гдѣ оставилъ свои лодки. Эти лодки онъ подарилъ А. П. и поручилъ доставить ихъ къ Ан. Павл-чу на Луку.

CLXV.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Марта (1889 г. Москва).

Милѣйшій благопріятель

Владиміръ Алексѣевичъ!

Ваша рецензія меня немножко удивила: я и не подозрѣвалъ, что Вы такъ хорошо владѣете газетнымъ языкомъ. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовалъ, ибо этотъ газетный языкъ мнѣ никогда не давался.

Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Потому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно.

Коршевскихъ новостей не вѣдаю. Знаю только, что Соловцовъ ушелъ, уходитъ, кажется, и старикъ Полтавцевъ. Режиссеръ Аграмовъ.

Дай Богъ, чтобъ комедія, которую Вы носите подъ сердцемъ, удалась Вамъ и дала Вамъ то, чего Вы хотите. Чѣмъ больше успѣха, тѣмъ лучше для всего нашего поколѣнія писателей. Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ ни «слономъ среди насъ» и никакимъ либо-другимъ звѣремъ [1]) и что мы мо-

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ант. П-чѣ адресатъ пишетъ: «...разъ въ русскомъ литературномъ обществѣ, въ маленькой тѣсной компаніи, зашелъ разговоръ объ Антонѣ Чеховѣ. Присутствовавшій тутъ же Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка) сказалъ, что онъ считаетъ Чехова величайшимъ русскимъ писателемъ, слономъ между всѣми нами.

жемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія, не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не Короленко, не Щегловъ, не Баранцевичъ, не Бѣжецкій, а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ, артель.

Новаго у меня нѣтъ ничего. Собираюсь писать что-то въ родѣ романа и уже началъ. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нѣтъ сюжетовъ и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дѣло, а безъ любви ничего путнаго не выйдетъ. Когда нѣтъ любви, то и успѣхъ не льститъ. Начну съ будущаго сезона аккуратно посѣщать театръ и воспитывать себя сценически.

Поклонитесь Вашему брату. Всѣ мои шлютъ Вамъ поклонъ, а я дружески жму руки и шлю Вамъ самыя сердечныя пожеланія. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

7 Марта (1889 г. Москва).

Давно ужъ я не писалъ Вамъ, милый Алексѣй Николаевичъ, и давно ужъ не получалъ отъ Васъ писемъ. Соскучился. Какъ Вы живете, какъ Ваше здоровье, что у Васъ новаго?

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Павловичу я упоминулъ объ этомъ разговорѣ, а вскорѣ получилъ отъ него письмо въ которомъ между прочимъ, были такія строки:

...«Дай Богъ, чтобы...»

Не этимъ ли объясняется его такое ровное отношеніе къ пишущей братіи? Между сверстниками онъ, какъ будто, не зналъ ни большихъ, ни малыхъ, а только—хорошихъ людей и не очень хорошихъ людей...»

Я живу сѣро, по обыкновенію. Новаго ничего нѣтъ, ожидаю нетерпѣливо весну и во всю ивановскую трачу тѣ деньги, которыя получилъ за своего Иванова. Кстати объ Ивановѣ. Въ библіотеку Разсохина поступаютъ требованія изъ провинціи и отъ частныхъ лицъ, а между тѣмъ Демаковъ [1]) почему-то не шлетъ мнѣ оттисковъ. Разсохинъ засыпалъ меня письмами. Если увидите, голубчикъ, Демакова, то скажите ему, чтобъ торопился.

Пишу разсказы. Одинъ уже послалъ на-дняхъ Суворину, другой пишу помаленьку и шлифую. Лѣтомъ буду коптѣть надъ романомъ. Свой романъ посвящу я Вамъ— это завѣщала мнѣ моя душа. Я Вамъ еще ничего не посвящалъ въ печати, но въ мечтахъ и въ планахъ моихъ Вамъ посвящена моя самая лучшая вещь.

Пьесъ не стану писать. Если будетъ досугъ, то сдѣлаю что-нибудь пуръ манже, но осень и зиму буду отдавать только беллетристикѣ. Не улыбается мнѣ слава драматурга.

Всѣ мои Вамъ кланяются. Сестра шлетъ свой привѣтъ Еленѣ Алексѣевнѣ и приглашаетъ ее къ намъ на лѣто. На Луку мы беремъ съ собой музыкантовъ, не будетъ скучно.

Будьте здоровы и да хранитъ Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Со мной учился въ гимназіи нѣкій П. А. Сергѣенко. Онъ пишетъ стихи и печатается. Прислалъ мнѣ вчера пару стиховъ съ просьбой послать ихъ въ Сѣв. Вѣстникъ, что я и исполняю, написавъ автору, что я заранѣе предрекаю ему полнѣйшее фіаско.

---

[1]) Типографъ.

CLXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

11 Марта. (1889 г. Москва).

Перечисляя прелести харьковскаго имѣнія, Вы не упомянули рѣки. Безъ рѣки нельзя. Если Донецъ, то покупайте. Если же Лопань, или пруды, то не покупайте. У насъ есть одинъ профессоръ-хирургъ, маленькій, стриженный человѣчекъ съ оттопыренными ушами и съ глазами, какъ у Юзефовича; у него есть имѣнье. Тѣхъ, кто ему симпатиченъ, онъ приглашаетъ купить имѣнье по сосѣдству съ нимъ. Обыкновенно беретъ симпатичнаго человѣка за бока, сантиментально глядитъ ему въ лицо и говоритъ со вздохомъ:—«А какъ бы мы съ вами пожили!» Я тоже сантиментально смотрю на Васъ и говорю: а какъ бы мы съ вами пожили! Вообще вы приносите мнѣ большой вредъ, что не покупаете имѣнья.

Мнѣ нужна только Ваша карточка; мои же карточки нужны не мнѣ, а тѣмъ лицамъ, которыя дѣлаютъ видъ, что моя карточка имъ очень и очень нужна. Вѣдь и у меня тоже есть почитатели! Нѣтъ того Сеньки, для котораго нельзя было бы подобрать шапку. А что Вы думаете? Я пишу романъ!! Пишу, пишу и конца не видать моему писанью. Началъ его т.-е. романъ сначала, сильно исправивъ и сокративъ то, что уже было написано. Очертилъ уже ясно девять физіономій. Какая интрига! Назвалъ я его такъ: «Разсказы изъ жизни моихъ друзей» и пишу его въ формѣ отдѣльныхъ, законченныхъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собой общностью интриги, идеи и дѣйствующихъ лицъ. У каждаго разсказа особое заглавіе. Не думайте, что романъ будетъ состоять изъ клочьевъ. Нѣтъ, онъ будетъ настоящій романъ, цѣ-

лое тѣло, гдѣ каждое лицо будетъ органически необходимо. Григоровичъ, которому Вы передали содержанье первой главы, испугался, что у меня взятъ студентъ, который умретъ и такимъ образомъ не пройдетъ сквозь весь романъ т.-е. будетъ лишнимъ. Но у меня этотъ студентъ—гвоздь изъ большого сапога. Онъ деталь.

Еле справляюсь съ техникой. Слабъ еще по этой части и чувствую, что дѣлаю массу грубыхъ ошибокъ. Будутъ длинноты, будутъ глупости. Невѣрныхъ женъ, самоубійцъ, кулаковъ, добродѣтельныхъ мужиковъ, преданныхъ рабовъ, резонирующихъ старушекъ, добрыхъ нянюшекъ, уѣздныхъ остряковъ, красноносыхъ капитановъ и «новыхъ» людей постараюсь избѣжать, хотя мѣстами сильно сбиваюсь на шаблонъ.

Корректуру «Княгини» сейчасъ получилъ и завтра пошлю ее прямо въ типографію.

На закуску объявленіе изъ «Русскихъ Вѣдомостей» (слѣдуетъ вырѣзка изъ газеты:)

НУЖНА ОСОБА

Среднихъ лѣтъ въ семейство, живущее близъ Москвы въ имѣніи, для помощи въ хозяйственныхъ и воспитательныхъ дѣлахъ. Особа эта должна быть знакома съ воззрѣніями на жизнь и воспитаніе нашихъ писателей: доктора Покровскаго, Гольцева, Сикорскаго и Льва Толстого. Проникнутая взглядами этихъ писателей и понимая важность физическаго труда и вредъ умственнаго переутомлѣнія, она должна направить свою воспитательную дѣятельность къ развитію въ дѣтяхъ строгой правды, добра и любви къ ближнимъ. Просятъ адресоваться письменно на № 2183, въ коммиссіонерскую и справочную контору «В. МИЛЛЕРЪ», Москва, Петровка, д. Кабанова.

Это называется свободною совѣстью. За столъ и квартиру барышня обязана быть проникнута воззрѣніями Гольцева и К°, а дѣти, должно-быть, въ благодарность за то, что они имѣютъ очень умныхъ и либеральныхъ родителей, обязаны отъ утра до вечера слѣдить за собой, чтобъ не переутомляться умственно и любить ближнихъ.

Странно, что люди боятся свободы.

Между прочимъ, недавно въ Новомъ Времени среди газетъ и журналовъ была сдѣлана цитата изъ какой то газеты, восхваляющей нѣмецкихъ горничныхъ за то, что онѣ работаютъ *цѣлый* день, какъ каторжныя, и получаютъ за это только 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Новое Время расписывается подъ этой похвалой и добавляетъ отъ себя, что бѣда де наша въ томъ, что мы держимъ много лишней прислуги. По моему, нѣмцы подлецы и плохіе политико-экономы. Во-первыхъ, нельзя говорить о прислугѣ такимъ тономъ, какъ объ арестантахъ; во-вторыхъ, прислуга правоспособна и сдѣлана изъ такого же мяса, какъ и Бисмаркъ; она — не рабы, а свободные работники; въ-третьихъ, чѣмъ дороже оплачивается трудъ, тѣмъ счастливѣе государство, и каждый изъ насъ долженъ стремиться къ тому, чтобы за трудъ платить подороже. Не говорю уже о христіанской точкѣ зрѣнія. Что же касается лишней прислуги, то держится она только тамъ, гдѣ денегъ много, и получаетъ больше, чѣмъ начальники отдѣленій. Ее въ расчетъ брать не слѣдуетъ, ибо она явленіе случайное и не необходимое.

Отчего Вы не ѣдете въ Москву? А какъ бы мы пожили!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXVIII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адрессатомъ).

11 Марта (1889 г. Москва).

Милый Жанъ, я не боленъ, не уѣхалъ и не думаю жениться на милліонахъ; если же когда-нибудь и женюсь, то не на деньгахъ—успокойте идеалиста Лемана. Не писалъ же Вамъ такъ долго по весьма тонкимъ и политичнымъ причинамъ: лѣнь одолѣла. Простите, Жанъ.

Пастуховъ сапожникъ, а не редакторъ; онъ не смѣлъ, каналья онъ этакая, писать Вамъ литератору канцелярскимъ способомъ, т.-е. подписываться подъ письмомъ, написаннымъ писарской рукой. Если увижу его, то нещадно выругаю. Знакомъ я съ нимъ мало, отношеній къ нему никакихъ не имѣю, кромѣ развѣ того, что его органъ «Моск. Листокъ» и его отецъ считаются моими литературными врагами, т.-е. ругаютъ меня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Платитъ онъ отлично.

Что Вамъ, роднуша, сказать насчетъ «Предложенія»? Дѣло въ томъ, что В. Н. Давыдовъ хотѣлъ сыграть его на Александринкѣ, по крайней мѣрѣ, говорилъ объ этомъ. Вы спросите у него. Если онъ не разсчитываетъ играть въ «Предложеніи», то даю Вамъ картъ-бланшъ, дѣлайте съ моей пресловуто-глупой пьесой что угодно, хоть цыгарки изъ нея лѣпите.

Копаюсь въ своемъ романѣ. Пока еще ничего не выкопалъ, но въ занятіи семъ испытываю нѣкоторое сладострастіе.

Ваши книги я запаковалъ, связалъ веревкой и спряталъ. Пусть лучше изображаютъ изъ себя лежачій и

мертвый капиталъ, чѣмъ рисковать ежеминутно быть украденными любознательными читателями, наполовину уже разворовавшими мою библіотеку.

Если куплю себѣ хуторъ, то устрою тамъ себѣ настоящую библіотеку, со всѣми онерами.

Слушайте, зачѣмъ это про меня сплетничаютъ въ Петербургѣ? Кому это нужно? Въ томъ, что каждый сплетникъ теряетъ мое уваженіе, бѣды особенной нѣтъ; въ томъ, что я презираю сплетню и идеалистовъ-шептуновъ, тоже нѣтъ бѣды особенной; но вѣдь я же, въ концѣ-концовъ, могу и разсердиться, а это можетъ повлечь за собой бѣду даже очень особенную.

Какъ вы думаете провести лѣто? На мѣстѣ Вашей жены я купилъ бы длинный хлыстъ и выгналъ бы Васъ имъ изъ Петербурга.

Вѣдь черезъ 5—10 лѣтъ, живя безвыѣздно въ домѣ № 19, кв. 5, Вы обратитесь въ настоящаго, заправскаго капитана, такого капитана, что хоть носъ сандаль.

Больше писать не о чемъ. Новостей нѣтъ никакихъ, на улицѣ метель, сугробы навалило, холодно. Да хранитъ Васъ небо, сыплющее снѣгъ.

Вашъ *Antoine*.

CLXIX.

Н. А. Хлопову.

(Москва 22 марта 1889 г.).

Уважаемый Николай Аѳанасьевичъ! Я прочелъ Вашъ разсказъ вчера, когда получилъ: за 1—2 часа до отхода поѣзда. Двухъ послѣднихъ строчекъ я не прочелъ—было некогда, — но нахожу, что онъ лучше [1]) «Одиннадцатаго». Я отдалъ его въ собственныя руки Суворина.

---

[1]) т.-е. написанъ лучше. *Прим. А. П.*

Сей послѣдній обѣщалъ прочесть его въ самомъ скоромъ времени.

Теперь объ «Одиннадцатомъ». Вотъ Вамъ выписка изъ письма старика Плещеева: «Это разсказецъ, написанный не безъ юмора и который бы можно напечатать въ «Сѣверн. Вѣстн.», но тамъ столько маленькихъ разсказовъ лежитъ — цѣлый ворохъ, — что не извѣстно, когда бы онъ пошелъ. Можетъ-быть, черезъ полгода, черезъ годъ, а автору это, вѣроятно, было бы не на руку?»

«Одиннадцатый» теперь у Буренина.

Вотъ и все, что мнѣ извѣстно. Вашему желанію работать въ Питерѣ я радуюсь и въ свою очередь искренно желаю успѣха и побольше настойчивости въ этомъ направленіи... Были бы упрямство и настойчивость, поменьше малодушія передъ неудачами и дѣло Ваше пойдетъ на ладъ—готовъ ручаться, ибо Вы талантливы.

Простите за мораль Вашего доброжелателя.

А. Чеховъ.

CLXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

8 Апрѣля (1889 г. Москва).

Поздравляю Васъ, Анну Ивановну, Настюшу и Борю съ праздникомъ и желаю Вамъ богатства, славы, почета, покоя и веселья на всю жизнь.

Погода въ Москвѣ подлая: грязь, холодъ, дождь. Художникъ [1]) все еще упрямствуетъ и стоитъ на 39°. Ѣзжу къ нему два раза въ день. Настроеніе мое похоже на погоду. Не работаю, а читаю или шагаю изъ угла въ уголъ. Впрочемъ, я не жалѣю, что у меня есть время

---

[1]) Братъ Николай Павл.

читать. Читать веселѣе, чѣмъ писать. Я думаю, что если бы мнѣ прожить еще 40 лѣтъ и во всѣ эти сорокъ лѣтъ читать, читать и читать, и учиться писать талантливо т.-е. коротко, то черезъ 40 лѣтъ я выпалилъ бы во всѣхъ васъ изъ такой большой пушки, что задрожали бы небеса. Теперь же я такой лилипутъ, какъ и всѣ.

Наши убираютъ, чистятъ, пекутъ, варятъ, трутъ, выбиваютъ пыль, бѣгаютъ по лѣстницѣ. Гвалтъ. Ѣду къ художнику. Будьте здоровы. Пріѣзжайте, поѣдемъ на Волгу, или въ Полтаву.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

9 Апрѣль (1889 г. Москва).

Христосъ Воскресе, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ! Поздравляю Васъ и всѣхъ вашихъ и желаю всего, всего хорошаго, а главное—чтобы исполнялись желанія хорошихъ людей. Давно ужъ я Вамъ не писалъ! Все ждалъ, что Вы пріѣдете въ Москву—объ этомъ писалъ мнѣ Свободинъ, но Вы не пріѣхали и обманули мои ожиданія. Я съ удовольствіемъ побесѣдовалъ бы съ Вами. А поговорить есть о чемъ. У меня въ послѣднее время скопилось въ головѣ столько хабуръ-чабуру и такая въ моемъ нутрѣ идетъ пертурбація, что хватило бы матеріала на сто бесѣдъ. Надоѣлъ бы я Вамъ, утомилъ бы—Вы это предчувствовали и не пріѣхали.

У меня медицинская практика. Центромъ этой злополучной весьма непріятной и утомительной практики служитъ одръ моего брата художника, страждущаго брюшнымъ тифомъ.

Человѣкъ я малодушный, не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ и поэтому Вы мнѣ повѣрите, если я скажу Вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ ужъ три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты и не думаю ни о чемъ такомъ, что было бы для Васъ интересно. Скученъ я до безобразія.

Романъ значительно подвинулся впередъ и сѣлъ на мель въ ожиданіи прилива. Посвящаю его Вамъ — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людями посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.

Впрочемъ, это скучно. Куда Вы поѣдете лѣтомъ? Жоржинька Линтваревъ премного одолжилъ бы меня, если бы зарядился краснорѣчіемъ и убѣдилъ Васъ пріѣхать въ Сумы хоть на недѣлю. Теперь удобнѣе будетъ жизнь, чѣмъ въ прошлое лѣто. Все починено во флигелѣ, а лѣто обѣщаетъ быть теплымъ.

Въ понедѣльникъ общее собраніе драматическихъ писателей. Хотятъ меня избрать въ Комитетъ. Ничего я въ ихъ комитетѣ не понимаю и ничего я имъ путнаго не сдѣлаю. Приняли бы они хоть то во вниманіе, что я 9 мѣсяцевъ не живу въ Москвѣ. Повидимому, засѣданіе будетъ безпокойное. Буду отстаивать 500—600 р. вдовѣ

Семья А. П. Чехова въ Москвѣ, во дворѣ дома Корнѣева.
(А. П. въ серединѣ въ свѣтломъ пальто.)

Юрьева [1]), вмѣсто тѣхъ 300, которыя выбаллотировалъ Петербургъ. Обществу, тратящему на свою канцелярію болѣе 15 тысячъ, стыдно платить вдовѣ своего предсѣдателя 300 рублей. Вообще у меня языкъ чешется и хочется мнѣ поболтать.

Привѣтъ Вашей семьѣ отъ моей. Сестра приказала кланяться Вамъ, и поздравить и пригласить на Луку.

Погода въ Москвѣ поганая: холодно, грязно и облачно. Солнца не видимъ.

Будьте здоровы, счастливы и покойны духомъ.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Поклонитесь Аннѣ Михайловнѣ. Фельетонъ Буренина мѣстами смѣшонъ, но въ общемъ мелоченъ. Надоѣла мнѣ критика. Когда я читаю критику, то прихожу въ нѣкоторый ужасъ: неужели на земномъ шарѣ такъ мало умныхъ людей, что даже критики писать некому? Удивительно все глупо, мелко и лично до пошлости. А на критику «Сѣвернаго Вѣстника» просто и не глядѣлъ бы. Мнѣ даже начинаетъ казаться, что критики у насъ оттого нѣтъ, что она не нужна, какъ не нужна беллетристика (современная, конечно).

CLXXII.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

10 Апрѣля (1889 г. Москва),

Добрѣйшій Николай Александровичъ, поздравляю Васъ съ праздникомъ и въ отвѣтъ на Ваше поздравленіе восклицаю: воистину воскресъ. Желаю всего, всего хорошаго.

---

[1]) С. А. Юрьевъ.

250 рублевъ я получилъ и благодарю. Кстати о «Пестрыхъ разсказахъ». Будьте добры распорядиться, чтобы Анна Ивановна [1]) отправила наложеннымъ платежомъ 5 экземпляровъ «Пестрыхъ разсказовъ» по адресу: «г. Ростовъ-на-Дону, книжный магазинъ Ѳедора Степановича Романовича, Московская улица». Скидка 30%.

Весну и праздники встрѣтилъ я невесело. Мой художникъ около 25 марта заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, формою сравнительно легкой, но осложнившейся верхушечнымъ процессомъ. Тифозная температура зашалила и въ послѣдніе 5—6 дней перешла въ ту зловѣщую, которой я всегда такъ боялся, когда лѣчилъ тификовъ съ конституціей моего художника. Притупленіе въ правой верхушкѣ, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся въ двухъ мѣстахъ соотвѣтственно двумъ гнѣздамъ. Похуданіе.

Вотъ Вамъ сюрпризъ! Перевезъ больного къ себѣ и начиняю теперь его всякою дрянью. Надо бы въ Крымъ, но нѣтъ денегъ.

Билибинъ писалъ мнѣ, что онъ читалъ гдѣ-то, будто я ѣду въ Кіевъ ставить своего «Иванова». Да, недоставало, чтобы я скакалъ по городамъ ставить свои пьесы. Онѣ мнѣ и въ столицахъ опротивѣли. Вѣрнѣе всего, что лѣтомъ я поѣду на воды на Кавказъ, гдѣ открою лавочку и буду лѣчить литературную публику.

Ну, будьте здоровы, поѣзжайте къ себѣ на дачу, веселитесь и не унывайте. Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Написалъ бы вамъ еще, да мнѣ еще пять писемъ писать, въ томъ числѣ Суворину, которому я давно уже не писалъ.

Настроеніе у меня гнусное.

Вашъ *А. Чеховъ*.

---

[1]) Конторщица у Н. А. Лейкина.

CLXXIII.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

11 Апр. (1889 г. Москва)

Новый Викторъ Крыловъ!

Не писалъ я тебѣ такъ долго просто изъ нерѣшительности. Мнѣ не хотѣлось сообщать тебѣ одну непріятную новость. На горизонтѣ появились тучки; будетъ гроза, или нѣтъ—вѣдомо Богу. Дѣло въ томъ, что нашъ Косой [1]) около 25 марта заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, формою легкою, но осложнившеюся легочнымъ процессомъ. На правой сторонѣ зловѣщее притупленіе и слышны хрипы. Перевезъ Косого къ себѣ и лѣчу. Сегодня былъ консиліумъ, рѣшившій такъ: болѣзнь серьезная, но опредѣленнаго предсказанія ставить нельзя. Все отъ Бога.

Надо бы въ Крымъ, да нѣтъ паспорта и денегъ.

Ты написалъ пьесу? Если хочешь знать о ней мнѣніе, имѣющее цѣнность, то дай ее прочесть Суворину. Сегодня я напишу ему о твоей пьесѣ, а ты не ломайся и снеси. Не отдавай въ цензуру, прежде чѣмъ не сдѣлаешь поправокъ, какія сдѣлаешь непремѣнно, если поговоришь съ опытными людьми. Одного Суворина совершенно достаточно. Мой совѣтъ: въ пьесѣ старайся быть оригинальнымъ и по возможности умнымъ, но не бойся показаться глупымъ; нужно вольнодумство, а только тотъ вольнодумецъ, кто не боится писать глупостей. Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюжъ и дерзокъ. Краткость—сестра таланта. Памятуй кстати, что любовныя объясненія, измѣны женъ и мужей, вдовы,

---

[1]) Дѣтское прозвище брата Ник. Павл.

сиротскія и всякія другія слезы давно уже описаны. Сюжетъ долженъ быть новъ, а фабула можетъ отсутствовать. А главное—папашѣ и мамашѣ кушать нада. Пиши. Мухи воздухъ очищаютъ, а пьесы очищаютъ нравы.

Твоимъ капитанамъ Кукамъ и Натальѣ Александровнѣ мой сердечный привѣтъ. Очень жалѣю, что я не могу и не могъ къ праздникамъ сдѣлать для нихъ что-нибудь пріятное. У меня странная судьба. Проживаю я 300 въ мѣсяцъ, не злой человѣкъ, но ничего не дѣлаю пріятнаго ни для себя, ни для другихъ.

Будь здравъ.

Tuus magister bonus Antonius XIII.

CLXXIV.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

12 Апрѣль. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, капитанъ! Моя мать сказала, что и Дачный мужъ и Предложеніе провалятся непремѣнно, такъ какъ Вы ставите ихъ подъ 13 число. Но я убѣжденъ, что Вашъ режиссерскій геній побѣдилъ примѣту и что Вы вышли побѣдителемъ. Только душа моя, какой Вы дятелъ! Вы чуть ли не съ самаго октября долбите во всѣхъ газетахъ ежедневно про мое «Предложеніе». Зачѣмъ это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромнымъ и не давать своему имени мелькать, какъ пузыри въ лужѣ.

Значитъ, мое Предложеніе на казенной сценѣ ужъ не пойдетъ. Дѣлайте съ нимъ, что хотите. Чѣмъ чаще будете ставить, тѣмъ конечно, лучше, ибо прибыльнѣе. Для казны прійдется написать что-нибудь другое. Если новый водевиль (для казны) удастся, то посвящу его Вамъ.

Что Вы теперь пишете? Пишите, голубчикъ, не лѣнитесь и не унывайте.

Билибинъ писалъ мнѣ, что Вы часто видаетесь съ нимъ. Онъ милый человѣкъ, но немножко сухарь и немножко чиновникъ. Онъ очень порядоченъ и, въ чемъ я убѣжденъ уже давно, талантливъ. Талантъ у него большой, но знанія жизни ни на грошъ, а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ нѣтъ и смѣлости. Держу пари на бутылку шампанскаго, что Вы уже пророчили ему, что изъ него выйдетъ первый русскій водевилистъ. Вы очень добрый и щедрый человѣкъ, но не желайте ему этого и своимъ театрально-писательскимъ авторитетомъ не укрѣпляйте въ немъ его водевильныхъ надеждъ. Онъ хорошій фельетонистъ; его слабость—французисто-водевильный, иногда даже б..... тонъ. Если же онъ пріймется родить цитварныхъ ребятъ [1]), то ужъ ему во вѣки вѣковъ не отдѣлаться отъ этого тона и фельетонисту придется пѣть вѣчную память. Внушайте ему стиль строгій и чувства возвышенныя, а водевиль не уйдетъ.

Мой братъ художникъ болѣнъ серьезно. Мой горизонтъ заволоченъ очень нехорошими тучами.

Суворинъ писалъ мнѣ, что Вы были у него и вели рѣчь о театрѣ и объ облавѣ на п..... Молодецъ Питеръ, старается! Гдѣ нѣтъ чистоты душъ, тамъ не ищите ея у тѣлъ.

Напишите мнѣ. Будьте здоровы и веселы. За поздравленіе семья благодаритъ Васъ и платитъ тѣмъ же.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Отчего бы Вамъ не написать драму? Повѣсть лучше драмы, но ужъ коли театральный зудъ въ рукахъ, то

---

[1]) «Цитварный ребенокъ», водевиль Билибина.

лучше написать одну драму, чѣмъ три трехактныя комедійки. Работа веселѣе и выгоднѣе.

Не забывайте передавать Вашей женѣ отъ меня поклоны.

CLXXV.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Апрѣль (1889 г. Москва).

Вы завидуете моей молодости, а я завидую Вамъ, что Вы ѣдете въ Тироль. Давайте помѣняемся.

Итакъ, значитъ, лѣтомъ мы не увидимся. До самаго Ноября я не увижу ни Васъ, ни Анны Ивановны, и не буду купаться въ Ѳеодосіи. Обидно, ибо скучища лѣтомъ будетъ ужасающая. Мнѣ снилось, что я получилъ Станислава 3 степени. Мать говоритъ, что мнѣ предстоитъ нести крестъ. Сонъ, вѣроятно, сбудется, ибо дѣла художника совсѣмъ плохи.

Я избранъ въ комитетъ общества драматическихъ писателей. Новыхъ порядковъ не ждите. До тѣхъ поръ не ждите этихъ порядковъ, пока въ обществѣ будутъ больше всѣхъ говорить и протестовать тѣ, кто меньше всего заинтересованъ въ дѣлахъ общества. Посылаю Вамъ маленькую глупость, направленную противъ бунтарей, которые, если имъ дать волю, ухлопаютъ общество. Коли годится, напечатайте ее вмѣсто субботника, или какъ хотите, а коли не годится, то я пошлю ее въ Пет. Газ.

Получилъ я вчера отъ Алексѣя Алексѣевича изъ Курска «бюллетень весны», съ такой между прочимъ фразой: «теплота, свѣжесть и ласковость въ воздухѣ»...

Не имѣя возможности писать романъ, началъ отъ скуки Лѣшаго. Выходитъ скучища въ родѣ Натана Мудраго. Все-таки увѣряю Васъ, что рано или поздно я сдеру съ дирекціи 5—6 тысячъ въ одинъ сезонъ. Ахъ, какъ надменно я тогда буду смотрѣть на Васъ!

Вашу Татьяну даютъ въ Москвѣ съ измѣненіями. Такъ, Медвѣдева не появляется въ III актѣ.

Не жениться ли мнѣ? Или не уѣхать ли врачомъ на пароходѣ Добровольнаго флота?

Поговорите со Щегловымъ насчетъ убійства Бунаковымъ дѣвицы Шаршавиной. Интересное дѣло и фельетоны будутъ интересные. Щегловъ мнѣ не пишетъ. Очевидно, сердится за «Журавля въ небѣ».

Будьте здоровы.

Непремѣнный членъ по драматическимъ дѣламъ присутствія. Вашъ начальникъ

Чеховъ.

CLXXVI.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

17 Апрѣль (1889 г. Москва).

Уважаемая Елена Михайловна, начну съ непріятностей. У меня боленъ художникъ. У него былъ брюшной тифъ, осложнившійся хроническимъ легочнымъ процессомъ. Притупленіе и хрипы выше правой ключицы и ниже ея на три пальца. Тифъ уже кончился (селезенка нормальна), но температура не бываетъ во весь день, даже утромъ ниже 39. Надо скорѣе везти его на югъ. Ѣхать въ Крымъ нѣтъ денегъ, стало быть, придется ограничиться одною Лукой и жить въ ней, пока въ исторію болѣзни не вмѣшается intermittens. Я разсчиты-

ваю выѣхать съ художникомъ въ субботу на Ѳоминой. Какая у Васъ теперь погода? Боюсь, какъ бы не пріѣхать въ дождь и холодъ. Если погода хороша, то я пріѣду къ Вамъ въ воскресенье съ курьерскимъ; если она плоха у Васъ, то въ пятницу будьте добры увѣдомить меня телеграммой: погода плоха. И тогда, конечно, я отложу свой пріѣздъ впредь до тѣхъ поръ, пока другая Ваша телеграмма не извѣститъ меня о ясныхъ дняхъ. Мой адресъ для телеграммъ такой: «Москва, Кудрино, Чехову».

Я здоровъ, но настроеніе у меня скверное. Съ нимъ т.-е. съ такимъ настроеніемъ Вы достаточно знакомы, а потому рисовать его не стану. Имѣть больного брата— горе; быть врачомъ около больного брата — два горя.

Въ Москвѣ гоститъ А. Н. Плещеевъ. Сейчасъ обѣдалъ съ нимъ у Островскаго (брата драматурга). Хорошій старикъ. Жаль только, что этимъ лѣтомъ онъ не пріѣдетъ на Луку. Кстати, гдѣ-то около Луки проф. Манассеинъ нанялъ себѣ дачу. Будемъ приглашать его на консиліумъ и конфузиться передъ бездною его премудрости. Прежде на консиліумахъ я сильно конфузился, но теперь держу себя храбро, но Манассеина должно-быть испугаюсь. Вѣдь редакторъ! [1]) Подумать страшно.

Если Николаю станетъ легче, что очень возможно, то въ іюнѣ или въ іюлѣ я поѣду въ Кисловодскъ, гдѣ открою лавочку и буду лѣчить дамъ и дѣвицъ. Чувствую медицинскій зудъ. Опротивѣла литература.

Надѣюсь, что всѣ Ваши здоровы и веселы. Будьте добры поклониться имъ и пожелать всего хорошаго.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Недавно я былъ въ Харьковѣ и видѣлся съ Тимоѳеевымъ.

---

[1]) «Русскаго Врача».

CLXXVII.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

(1889 г. апр. 19. Москва).

Милый Францъ Осиповичъ! Буде Вы не перемѣнили своего намѣренія повидаться съ Николкой, то вѣдайте, что въ субботу на этой недѣлѣ онъ и я уѣзжаемъ на югъ.

Теперь онъ ходитъ по комнатамъ. Тифъ давно уже прошелъ, но легкія шалятъ попрежнему.

Будьте здоровехоньки. Не встрѣтимся ли мы съ Вами на Кавказѣ? Я буду тамъ въ іюнѣ—іюлѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

22 Апрѣль. (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, завтра въ воскресенье я ѣду съ художникомъ къ югу. Мой адресъ прошлогодній: г. Сумы Харьк. губ., усадьба Линтваревой. Тутъ я буду жить до той поры, пока температура художника не станетъ нормальною, а затѣмъ поѣду на Кавказъ, гдѣ буду шарлатанить.

Посылаю Вамъ водевиль, который, если онъ годенъ, не печатайте раньше мая.

Такъ какъ меня ожидаетъ скучища, то будьте добрымъ человѣкомъ, сжальтесь и пишите мнѣ изъ Тироля о всякой веселой всячинѣ, а я обѣщаю Вамъ во все лѣто ничего не писать о скукѣ. Буду писать только о томъ, что

можетъ показаться интереснымъ въ какомъ-либо отношеніи.

Деньги у меня плывутъ со скоростью окуня, котораго укусила за хвостъ щука. Трачу безъ конца и не знаю, когда кончу тратить. Отсюда мораль: надо работать для денегъ.

Сегодня отправляю мать съ Мишей авангардомъ.

Надо укладываться. Будьте здоровы, счастливы и уѣзжайте поскорѣе изъ сѣраго Петербурга.

Душевно Вашъ *А. Чеховъ.*

Ленскій на-дняхъ ѣдетъ въ Тулу изображать Адашева. Кстати: гдѣ же печатный экземпляръ «Татьяны Рѣпиной» въ I актѣ? [1]) Пришлите его въ Сумы.

Сегодня у меня былъ бывшій букинистъ Свѣшниковъ. Оборванъ и въ лаптяхъ. Глаза ясные, лицо умное. Идетъ пѣшкомъ въ Петербургъ, гдѣ хочетъ заняться прежнимъ дѣломъ. Пить онъ бросилъ. У меня были его воспоминанія, которыя Вы видѣли. Помните?

Какая чудная погода!

CLXXIX.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

23 Апр., Воскресенье 89 г. (Москва).

Sire! Когда Вы вернетесь изъ Петрограда, я и мощи Лины Саломонской [2]) будемъ уже сидѣть на крылечкѣ

---

[1]) Пародія А. П. на пьесу Суворина.

[2]) Такъ А. П. и д-ръ Оболонскій прозвали похудѣвшую послѣ болѣзни сестру А. П. Марію Павловну.

и слушать, какъ кричатъ соловьи и лягушки. О здоровьи художника буду сообщать Вамъ бюллетенями.

Мое благополучное семейство измышляетъ теперь, какимъ бы Станиславомъ наградить Васъ за лѣченіе нашего министра художествъ. Если бы моя власть, то я нацѣпилъ бы на Васъ Бѣлаго Орла; я Вамъ очень, очень обязанъ; но такъ какъ власти у меня нѣтъ, то Бѣлаго Орла я не нацѣплю, а буду только просить Васъ и умолять—не отказать моей семьѣ въ удовольствіи поднести Вамъ Станислава, буде она его измыслитъ.

Написалъ бы вамъ послаже и поласковѣй, да голова трещитъ какъ у сукинаго сына. Не пишется. Вчера до часа ночи былъ комитетъ. Послѣ комитета я прошелся пѣшкомъ отъ Сухаревой до Кудрина съ Вл. Александровымъ и говорилъ съ нимъ о пьесахъ и винокуренныхъ заводахъ. Потомъ, простившись съ нимъ, долго стоялъ у воротъ и смотрѣлъ на разсвѣтъ, потомъ пошелъ гулять, потомъ былъ въ поганомъ трактирѣ, гдѣ видѣлъ, какъ въ биткомъ набитой бильярдной два жулика отлично играли въ бильярдъ, потомъ . . . . . бесѣдовалъ со студентомъ-математикомъ и съ музыкантами, потомъ вернулся домой, выпилъ водки, закусилъ, потомъ (въ 6 часовъ утра) легъ, былъ рано разбуженъ и теперь страдаю, ибо чувствую во всемъ тѣлѣ сильное утомленіе и нежеланіе укладываться.

Да хранитъ Васъ Богъ. Дружески жму Вамъ руку и благодарю 1000 разъ. Сегодня изъ газетъ узналъ, что Толстой боленъ—теперь понимаю, зачѣмъ Вы въ Питерѣ.

Николай и сестра кланяются.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Это письмо разрѣшаю Вамъ напечатать черезъ 50 лѣтъ въ Русской Старинѣ и получить за него 500 рублей.

CLXXX.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

(26 апрѣля 1889 г. Лука).

Москва. Кудринская-Садовая, д. Карнѣева, Маріи Павловнѣ Чеховой, для передачи Акакію Петровичу Накакіеву [1]).

Привези мнѣ полстяныя туфли, которыя купи за рубль. Мѣрка—Иванова нога.

Погода хорошая, но зелени такъ же мало, какъ и въ Москвѣ. Воздухъ великолѣпный, Пселъ величественно-ласковъ. Вершу довезли благополучно.

Поклонъ папашѣ, Иванамъ, тетѣ со чадомъ, Карнѣевымъ, Ленскимъ, Вермишелевой, Макароновой и всѣмъ прочимъ.

Ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Николай бодръ.

Послалъ ли Иванъ водевиль?

Дорогою не стѣсняй себя въ расходахъ.

Вишни и сирень еще не цвѣли. Артеменко ужасно обрадовался моему пріѣзду.

Твой *Antoine*.

Бугай кричитъ. Соловьи и лягушки мѣшаютъ спать.

Купи для мандолины струну lá.

---

[1]) На открыткѣ.

CLXXXI.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

г. Сумы, усадьба Линтваревой. (1889 г. 2 май).

Беззаконно живущій и беззаконно погибающій братъ нашъ Александръ!

Я живу уже на дачѣ и тщетно ожидаю отъ тебя писемъ. Погода великолѣпная, птицы поютъ, черемухи и всякіе крины райскаго и земного прозябанія пріятнымъ запахомъ вертятся около носа, но настроеніе духа вялое, безразличное, чѣмъ я обязанъ отчасти своей старости, а отчасти же косому Николаю, живущему у меня и неугомонно кашляющему день и ночь.

Обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. Будь добръ, возможно скорѣе попроси редакціоннаго Андрея собрать мнѣ «Новороссійскій Телеграфъ» съ 15 Апрѣля по 1 Мая; если какихъ №№ нѣтъ, то пусть дастъ соотвѣтствующіе №№ «Одесскаго Вѣстника». Возьми и скорѣе вышли мнѣ заказною бандеролью, чѣмъ премного меня обяжешь. Не забудь о сей просьбѣ и не полѣнись исполнить ее, иначе я тебя высѣку.

Сумской театръ со своими профессорами магіи ждетъ тебя, чтобы совмѣстно съ тобою дать представленіе.

Пиши пожайлуста, не будь штанами.

Капитанамъ Кукамъ и Натальѣ Александровнѣ мой сердечный привѣтъ.

Пришли ко мнѣ на прочтеніе свою пьесу. Я все-таки, Саша, опытный человѣкъ и могу тебя наставить. Если же будешь вести себя хорошо, то могу и протежировать.

Остаюсь упрекающій въ нерадѣніи

Чеховъ 1-й.

Р. Пселъ.

CLXXXII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

Сумы, усадьба Линтваревой. (Май. 1889 г.).

Я глазамъ не вѣрю. Недавно были снѣгъ и холодъ, а теперь я сижу у открытаго окна и слушаю, какъ въ зеленомъ саду, не смолкая, кричатъ соловьи, удоды, иволги и прочія твари. Пселъ величественно-ласковъ, тоны неба и дали теплы. Цвѣтутъ яблони и вишни. Ходятъ гуси съ гусенятами. Однимъ словомъ весна со всѣми операми.

Стива не прислалъ лодокъ, не на чѣмъ кататься. Хозяйскія лодки гдѣ-то въ лѣсу у лѣсника. Ограничиваюсь поэтому только хожденіемъ по берегу и острою завистью къ рыбалкамъ, которые снуютъ по Пслу на своихъ челнокахъ. Встаю я рано, ложусь рано, ѣмъ много, пишу и читаю. Живописецъ кашляетъ и злится. Дѣла его швахъ.— За неимѣніемъ новыхъ книгъ, повторяю зады, прочитываю то, что читалъ уже. Между прочимъ читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себѣ: за что я до сихъ поръ считалъ Гончарова первоклассным писателемъ? Его Обломовъ совсѣмъ не важная штука. Самъ Илья Ильичъ, утрированная фигура, не такъ ужъ крупенъ, чтобы изъ-за него стоило писать цѣлую книгу. Обрюзглый лѣнтяй, какихъ много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сію персону въ общественный типъ—это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломовъ не былъ лѣнтяемъ, то чѣмъ бы онъ былъ? И отвѣчаю: ничѣмъ. А коли такъ, то и пусть себѣ дрыхнетъ. Остальныя лица мелки, пахнутъ лейковщиной, взяты небрежно и наполовину сочинены. Эпохи они не характеризуютъ и новаго ничего не даютъ. Штольцъ не внушаетъ мнѣ никакого довѣрія. Авторъ говоритъ, что это великолѣпный малый, а я не вѣрю. Это продувная бестія, думающая о себѣ очень хорошо и собою довольная. Наполовину онъ сочиненъ, на три четверти ходуленъ. Ольга сочинена и притянута за хвость. А главное бѣда—во всемъ романѣ холодъ, холодъ, холодъ... Вычеркиваю Гончарова изъ списка моихъ полубоговъ.

Зато какъ непосредственеенъ, какъ силенъ Гоголь и какой онъ художникъ! Одна его Коляска стоитъ двѣсти тысячъ рублей. Сплошной восторгъ и больше ничего. Это величайшій русскій писатель. Въ Ревизорѣ лучше всего сдѣланъ первый актъ, въ Женитьбѣ хуже всѣхъ III актъ. Буду читать нашимъ вслухъ.

Когда вы ѣдете? Съ какимъ удовольствіемъ я поѣхалъ бы теперь куда-нибудь въ Біарицъ, гдѣ играетъ музыка и гдѣ много женщинъ. Если бы не художникъ, то, право, я поѣхалъ бы Вамъ въ догонку. Деньги нашлись бы. Даю слово, что въ будущемъ году, коли останусь живъ и здоровъ, непремѣнно побываю въ Европѣ. Содрать бы мнѣ только съ дирекціи тысячи три, да кончить романъ.

Въ вашемъ книжномъ шкапу на Сумскомъ вокзалѣ нѣтъ ни Сумерекъ, ни Разсказовъ и *давно* уже не было. А въ Сумахъ, между тѣмъ, я модный литераторъ—живу близко. Если бъ Михаилъ Алексѣевичъ прислалъ полсотни, то все бы продано было.

По ночамъ ужасно воютъ собаки и не даютъ спать.

Мой Лѣшій вытанцовывается.

Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ мой сердечный привѣтъ. Въ эту ночь мнѣ снилась М-lle Эмили. Почему? не знаю.

Будьте счастливы и не забывайте меня въ своихъ святыхъ молитвахъ.

Вашъ *Акакій Тарантуловъ.*

CLXXXIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

4 Май (1889 г. Лука).

Пишу вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, вернувшись съ охоты: ловилъ раковъ. Погода чудесная. Все поетъ, цвѣтетъ, блещетъ красотой. Садъ уже совсѣмъ зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ выкрашены отъ червей въ бѣлую краску, цвѣтутъ всѣ эти древеса бѣло, отчего поразительно

похожи на невѣстъ во время вѣнчанія: бѣлыя платья, бѣлые цвѣты и такой невинный видъ, точно имъ стыдно, что на нихъ смотрятъ. Каждый день родятся милліарды существъ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочія пернатыя твари кричатъ безъ-умолку день и ночь, имъ акомпанируютъ лягушки. Каждый часъ дня и ночи имѣетъ какую-либо свою особенность. Такъ, въ девятомъ часу вечера стоитъ въ саду буквально ревъ отъ майскихъ жуковъ. Ночи лунныя, дни яркіе. Сего ради настроеніе у меня хорошее и, если бы не кашляющій художникъ и не комары, отъ которыхъ не помогаетъ даже рецептура Эльпе [1]), то я былъ бы совершеннымъ Потемкинымъ. Природа очень хорошее успокоительное средство. Она миритъ т.-е. дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ. А на этомъ свѣтѣ необходимо быть равнодушнымъ. Только равнодушные люди способны ясно смотрѣть на вещи, быть справедливыми и работать—конечно это относится только къ умнымъ и благороднымъ людямъ; эгоисты же и пустые люди и безъ того достаточно равнодушны.

Вы пишете, что я облѣнился. Это не значитъ, что я сталъ лѣнивѣе, чѣмъ былъ. Работаю я теперь столько же, сколько работалъ 3—5 лѣтъ назадъ. Работать и имѣть видъ работающаго человѣка въ промежутки отъ 9 часовъ утра до обѣда и отъ вечерняго чая до сна вошло у меня въ привычку и въ этомъ отношеніи я чиновникъ. Если же изъ моей работы не выходитъ по двѣ повѣсти въ мѣсяцъ или 10 тысячъ годового дохода, то виновата не лѣнь, а мои психико-органическія свойства: для медицины я недостаточно люблю деньги, а для литературы во мнѣ не хватаетъ страсти и стало-быть таланта. Во мнѣ огонь горитъ ровно и вяло, безъ вспышекъ и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написалъ бы сразу

---

[1]) Сотрудникъ «Новаго Времени».

листа три-четыре, или, увлекшись работою, помѣшалъ бы себѣ лечь въ постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни замѣтныхъ умностей.

Я боюсь, что въ этомъ отношеніи я очень похожъ на Гончарова, котораго я не люблю и который выше меня талантомъ на 10 головъ. Страсти мало; прибавьте къ этому и такого рода психопатію: ни съ того ни съ сего, вотъ уже два года, я разлюбилъ видѣть свои произведенія въ печати, оравнодушѣлъ къ рецензіямъ, къ разговорамъ о литературѣ, къ сплетнямъ, успѣхамъ, неуспѣхамъ, къ большому гонорару — однимъ словомъ сталъ дуракъ дуракомъ. Въ душѣ какой-то застой. Объясню это застоемъ въ своей личной жизни. Я не разочарованъ, не утомился, не хандрю, а просто стало вдругъ все какъ-то менѣе интересно. Надо подсыпать подъ себя пороху.

У меня, можете себѣ представить, готовъ первый актъ Лѣшаго. Вышло ничего себѣ, хотя и длинно. Чувствую себя гораздо сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда писалъ Иванова. Къ началу іюня пьеса будетъ готова. Берегись, дирекція! Пять тысячъ мои. Пьеса ужасно странная, и мнѣ удивительно, что изъ-подъ моего пера выходятъ такія странныя вещи. Только боюсь, что цензура не пропуститъ. Пишу и романъ, который мнѣ больше симпатиченъ и ближе къ сердцу, чѣмъ Лѣшій, гдѣ мнѣ приходится хитрить и ломать дурака. Вчера вечеромъ вспомнилъ, что я обѣщалъ Варламову [1]) написать для него водевиль. Сегодня написалъ и ужъ послалъ. Видите, какя у меня молотьба идетъ! А Вы пишете: облѣнился.

Наконецъ-то Вы обратили вниманіе на Соломона. Когда я говорилъ Вамъ о немъ, Вы всякій разъ какъ-то равно-

---

[1]) Извѣстный петербургскій артистъ.

душно поддакивали. По моему мнѣнію, Экклезіастъ подалъ мысль Гете написать Фауста.

Мнѣ чрезвычайно понравился тонъ Вашего письма о Лихачевѣ. По моему, это письмо можетъ служить образцомъ для всякаго рода полемики.

Былъ я въ Сумахъ въ театрѣ и смотрѣлъ «Вторую молодость». Актеры были въ такихъ штанахъ и играли въ такихъ гостиныхъ, что вмѣсто «Второй молодости» получилась «Лакейская». Въ послѣднемъ актѣ за сценою били въ барабанъ. Будутъ ставить Татьяну Рѣпину и Иванова. Схожу. Воображаю, каковъ будетъ Адашевъ!

Пришлите мнѣ мою Татьяну Рѣпину, если она ужъ вышла изъ печати.

Братъ пишетъ, что онъ замучиля со своей пьесой. Я очень радъ. Пусть помучается. Онъ ужасно снисходительно смотрѣлъ въ театрѣ Т. Рѣпину и моего Иванова, а въ антрактахъ пилъ коньякъ и милостиво критиковалъ. Всѣ судятъ о пьесахъ такимъ тономъ, какъ будто ихъ очень легко писать. Того не знаютъ, что хорошую пьесу написать трудно, писать же плохую пьесу вдвое труднѣй и жутко. Я хотѣлъ бы, чтобы вся публика слилась въ одного человѣка и написала пьесу, и чтобы я и Вы, сидя въ ложѣ Лит. И, эту пьесу ошикали.

Александръ страдаетъ отъ изобилія передѣлокъ. Онъ очень не опытенъ. Боюсь, что у него много фальшивыхъ эффектовъ, что онъ воюетъ съ ними и изнываетъ въ безплодной борьбѣ.

Привезите мнѣ изъ-за границы запрещенныхъ книжекъ и газетъ. Если бъ не живописецъ, то я поѣхалъ бы съ Вами.

Богъ дѣлаетъ умно: взялъ на тотъ свѣтъ Толстого [1]) и Салтыкова и такимъ образомъ помирилъ то, что намъ

---

[1]) Гр. Д. А.

казалось непримиримымъ. Теперь оба гніютъ и оба одинаково равнодушны. Я слышу, какъ радуются смерти Толстого и мнѣ эта радость представляется большимъ звѣрствомъ. Не вѣрю я въ будущее тѣхъ христіанъ, которые, ненавидя жандармовъ, въ то же время привѣтствуютъ чужую смерть и въ смерти видятъ ангела-избавителя. Вы не можете себѣ представить, до чего выходитъ противно, когда этой смерти радуются женщины.

Когда вы вернетесь изъ-за границы? Куда потомъ поѣдете?

Неужели я до самой осени буду сидѣть на берегу Псла?

О, это ужасно! Вѣдь весна недолго будетъ продолжаться.

Ленскій зоветъ меня ѣхать съ нимъ на гастроли въ Тифлисъ. Поѣхалъ бы, коли бы не живописецъ, дѣла котораго не блестящи.

Скажите Аннѣ Ивановнѣ, что я ей отъ всего сердца желаю самаго веселаго путешествія.

Если будете играть въ рулетку, то поставьте за меня на мое счастье 25 франковъ.

Ну, дай Богъ Вамъ здоровья и всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

7 Май (1889 г. Лука).

Я прочелъ «Ученика» Бурже въ Вашемъ изложеніи и въ русскомъ переводѣ (Сѣв. Вѣстникъ). Дѣло мнѣ представляется въ такомъ видѣ. Бурже талантливый, очень умный и образованный человѣкъ. Онъ такъ полно

знакомъ съ методомъ естественныхъ наукъ и такъ его прочувствовалъ, какъ будто хорошо учился на естественномъ или медицинскомъ факультетѣ. Онъ не чужой въ той области, гдѣ берется хозяйничать — заслуга, которой не знаютъ русскіе писатели ни новые, ни старые. Что же касается книжной, ученой психологіи, то онъ ее такъ же плохо знаетъ, какъ лучшіе изъ психологовъ. Знать ее все равно, что не знать, такъ какъ она не наука, а фикція, нѣчто въ родѣ алхиміи, которую пора уже сдать въ архивъ. Поэтому говорить о Бурже, какъ о хорошемъ или плохомъ психологѣ, я не стану. Романъ интересенъ. Прочелъ я его и понялъ, почему онъ такъ занялъ Васъ. Умно, интересно, мѣстами остроумно, отчасти фантастично.. Если говорить о его недостаткахъ, то главный изъ нихъ— это претенціозный походъ противъ матеріалистическаго направленія. Подобныхъ походовъ я, простите, не понимаю. Они никогда ничѣмъ не оканчиваются и вносятъ въ область мысли только ненужную путаницу. Противъ кого походъ и зачѣмъ? Гдѣ врагъ и въ чемъ его опасная сторона? Прежде всего, матеріалистическое направленіе не школа и не направленіе въ узкомъ газетномъ смыслѣ; оно не есть нѣчто случайное, приходящее; оно необходимо и неизбѣжно и не во власти человѣка. Все, что живетъ на землѣ, матеріалистично по необходимости. Въ животныхъ, въ дикаряхъ, въ московскихъ купцахъ все высшее, не животное обусловлено безсознательнымъ инстинктомъ, все же остальное матеріалистично въ нихъ и, конечно, не по ихъ волѣ. Существа высшаго порядка, мыслящіе люди матеріалисты тоже по необходимости. Они ищутъ истину въ матеріи, ибо искать ее больше имъ негдѣ, такъ какъ видятъ, слышатъ и ощущаютъ они одну только матерію. По необхо-

димости они могутъ искать истину только тамъ, гдѣ пригодны ихъ микроскопы, зонды, ножи.. Воспретить человѣку матеріалистическое направленіе равносильно запрещенію искать истину. Внѣ матеріи нѣтъ ни опыта, ни знаній, значитъ, нѣтъ и истины. Быть можетъ, дурно, что г. Сикстъ, какъ можетъ показаться, суетъ свой носъ въ чужую область, имѣетъ дерзость изучать внутренняго человѣка, исходя изъ ученія о клѣточкѣ? Но чѣмъ онъ виноватъ, что психическія явленія поразительно похожи на физическія, что не разберешь, гдѣ начинаются первыя и кончаются вторыя? Я думаю, что когда вскрываешь трупъ, даже у самаго заядлаго спиритуалиста *необходимо* явится вопросъ: гдѣ тутъ душа? А если знаешь, какъ велико сходство между тѣлесными и душевными болѣзнями, и когда знаешь, что тѣ и другія болѣзни лѣчатся одними и тѣми же лѣкарствами, поневолѣ захочешь не отдѣлять душу отъ тѣла.

Что касается «психологическихъ опытовъ», прививокъ дѣтямъ пороковъ и самой фигуры Сикста, то все это до нельзя утрировано.

Спиритуалисты—это не ученое, а почетное званіе. Они не нужны, какъ ученые. Во всемъ же, что они дѣлаютъ и чего добиваются, они такіе же матеріалисты по неохобдимости, какъ и самъ Сикстъ. Если, что невозможно, они побѣдятъ матеріалистовъ и сотрутъ ихъ съ лица земли, то этой одной побѣдой они явятъ себя величайшими матеріалистами, такъ какъ разрушатъ цѣлый культъ, почти религію.

Говорить о вредѣ и опасности матер. направленія, а тѣмъ паче воевать противъ него, по меньшей мѣрѣ преждевременно. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ для состава обвиненій. Теорій и предположеній много, но фактовъ нѣтъ, и вся наша антипатія не идетъ дальше фантасти-

ческаго жупела. Жупелъ противенъ купчихамъ, а почему? не извѣстно. Попы ссылаются на невѣріе, развратъ и проч. Невѣрія нѣтъ. Во что-нибудь да вѣрять, хотя бы и тотъ же Сикстъ.

Что же касается разврата, то за утонченныхъ развратниковъ, блудниковъ и пьяницъ слывутъ не Сиксты и не Менделѣевы, а поэты, аббаты и особы, исправно посѣщающія посольскія церкви.

Однимъ словомъ, походъ Бурже мнѣ не понятенъ. Если бы Бурже, идучи въ походъ, одновременно потрудился указать матеріалистамъ на безплотнаго Бога въ небѣ и указать такъ, чтобы его увидѣли, тогда бы другое дѣло, я понялъ бы его экскурсію.

Простите за философію. Ѣду на почту. Поклонъ всѣмъ Вашимъ, а Вы будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CLXXXV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

8 Май. Сумы, усадьба Линтваревой. (1889 г.).

Лжедраматургъ, которому мѣшаютъ спать мои лавры!

Начну съ Николая. У него хроническій легочный процессъ—болѣзнь, не поддающаяся излѣченію. Бываютъ при этой болѣзни временныя улучшенія, ухудшенія и in statu, и вопросъ долженъ ставиться такъ: какъ долго будетъ продолжаться процессъ? Но не такъ: когда выздоровѣетъ? Николай бодрѣе, чѣмъ былъ. Онъ ходитъ по двору, ѣстъ и исправно скрипитъ на мать. Капризникъ и привередникъ ужасный.

Привезли мы его въ первомъ классѣ и пока ни въ чемъ ему не отказываемъ. Получаетъ все, что хочетъ и что

нужно. Зовутъ его всѣ генераломъ и, кажется, онъ самъ вѣритъ въ то, что онъ генералъ. Мощи.

Ты спрашиваешь, чѣмъ ты можешь помочь Николаю. Помогай, чѣмъ хочешь. Самая лучшая помощь—это денежная. Не будь денегъ, Николай валялся бы теперь гдѣ-нибудь въ больницѣ для чернорабочихъ. Сталобыть, главное—деньги. Если же денегъ у тебя нѣтъ, на нѣтъ и суда нѣтъ. Къ тому же деньги нужны большія, и 5—10 рублями не отдѣлаешься.

Я уже писалъ тебѣ разъ изъ Сумъ. Между прочимъ я просилъ тебя выслать мнѣ «Новороссійскій Телеграфъ». Теперь не въ службу, а въ дружбу, я просилъ бы тебя выслать мнѣ кіевскихъ газетъ съ 1 мая по 15. Сначала вышли съ 1-го по 7-е, потомъ съ 7-го по 15. Заказною бандеролью. Больше я безпокоить тебя не буду.

Теперь о твоей пьесѣ. Ты задался цѣлью изобразить неноющаго человѣка и испужался. Задача представляется мнѣ ясной. Не ноетъ только тотъ, кто равнодушенъ. Равнодушны же или философы, или мелкія, эгоистическія натуры. Къ послѣднимъ должно отнестись отрицательно, а къ первымъ положительно. Конечно, о тѣхъ равнодушныхъ тупицахъ, которымъ не причиняетъ боли даже прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ, не можетъ быть и рѣчи. Если же подъ неноющимъ ты разумѣешь человѣка неравнодушнаго къ окружающей жизни и бодро и терпѣливо сносящаго удары судьбы и съ надеждою взирающаго на будущее, то и тутъ задача ясна.

Множество передѣлокъ не должно смущать тебя, ибо чѣмъ мозаичнѣе работа, тѣмъ лучше. Отъ этого характеры въ пьесѣ только выиграютъ. Главное, берегись личнаго элемента.

Пьеса никуда не будетъ годиться, если всѣ дѣйствующія лица будутъ похожи на тебя. Въ этомъ отношеніи

твоя «Копилка» безобразна и возбуждаетъ чувство досады. Къ чему Наташа, Коля, Тося? Точно внѣ тебя нѣтъ жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людямъ давай людей, а не самого себя.

Берегись изысканнаго языка. Языкъ долженъ быть простъ и изященъ. Лакеи должны говорить просто безъ пущай и безъ теперича. Отставные капитаны съ красными носами, пьющіе репортеры, голодающіе писатели, чахоточныя жены-труженицы, честные молодые люди безъ единаго пятнышка, возвышенныя дѣвицы, добродушныя няни—все это было ужъ описано и должно быть объѣзжаемо, какъ яма. Еще одинъ совѣтъ: сходи раза три въ театръ и присмотрись къ сценѣ. Сравнишь, а это важно. Первый актъ можетъ тянуться хоть цѣлый часъ, но остальные не дольше 30 минутъ. Гвоздь пьесы—III актъ, но не настолько гвоздь, чтобъ убить послѣдній актъ. Въ концѣ концовъ помятуй о цензурѣ. Строга и осторожна.

Для пьесъ я рекомендовалъ бы тебѣ избрать псевдонимъ: Хрущовъ, Серебряковъ, что-нибудь въ родѣ. Удобнѣе для тебя и въ провинціи со мной путать не будутъ, да и кстати избѣжишь сравненія со мною, которое мнѣ до нельзя противно. Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, но людямъ до этого нѣтъ дѣла, имъ не терпится. Если пьеса твоя будетъ хороша, мнѣ достанется; если плоха, тебѣ достанется.

Не торопись ни съ цензурой, ни съ постановкой. Если не удастся поставить на казенной сценѣ, то поставимъ у Корша. Ставить нужно не раньше ноября.

Если я успѣю написать что-нибудь для сцены, то это будетъ кстати: понесешь свою пьесу вмѣстѣ съ моей. Меня въ цензурѣ знаютъ и поэтому не задержатъ. Мои

пьесы обыкновенно не держатъ болѣе 3—5 дней, а пьесы случайныя застреваютъ на цѣлые мѣсяцы.

Капитанамъ Кукамъ и Н. А. мой привѣтъ изъ глубины сердца. Тебѣ желаю здравія и души спасенія.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXXVI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

14 Май. Лука (1889 г.).

Наше вамъ почтеніе, милый Алексѣй Николаевичъ! Какъ живете-можете? Что новаго? Какъ ваше здоровье? Каждый день все собираюсь задать Вамъ сіи вопросы, да все некогда: то лѣнь, то раковъ ловлю, то задумываюсь надъ своимъ больнымъ художникомъ, то чернила высыхаютъ отъ жары, которая здѣсь давно уже наступила и обѣщаетъ стоять долго, долго. Комаровъ видимо-невидимо, кусаются подлецы больно и мѣшаютъ жить. Лука вся давно позеленѣла, сирень и черемуха цвѣтутъ и распространяютъ благоуханіе, берега Псла трогательны и ласковы до сентиментальности, ночи теплыя, чудныя, соловьевъ пропасть, Линтваревы всѣ пополнѣли и стали еще добрѣй, чѣмъ были въ прошломъ году. Жить можно и, если бы не кашляющій художникъ, то я былъ бы совсѣмъ доволенъ. Пожилъ бы до іюня на Лукѣ, а потомъ въ Парижъ къ француженкамъ, а изъ Парижа въ Тифлисъ къ грузинкамъ и этакъ бы капителилъ до самой осени, пока бы не обнищалъ совершенно.

Деньги, заработанныя Ивановымъ [1]) и книжками, у меня уже на исходѣ. Не обойтись безъ аванса. Заберу во всѣхъ

---

[1]) Піеса «Ивановъ».

редакціяхъ авансъ, прожгу его . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Скучновато безъ Васъ; не съ кѣмъ мнѣ поговорить и некого послушать. Молодежь склонна больше къ спорамъ и дебатамъ, а я лѣнивъ для разговорныхъ турнировъ; мнѣ больше по сердцу рѣчи покойныя. Вообще говоря, скучно жить въ деревнѣ безъ людей, къ которымъ привыкло сердце. Если бъ я женился на С . . . . . ,то купилъ бы громадное имѣніе, которое отдалъ бы въ распоряженіе тѣхъ десяти человѣкъ, которыхъ люблю. Но такъ какъ на С..... я не женюсь и 200 тысячъ никогда не выиграю, то и приходится мириться со своей судьбой и жить мечтами.

Неужели Вы не поѣдете на югъ? А какъ бы мы проѣхались въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ! Коляска покойная, лошади очень сносныя, дорога дивная, люди прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ. Я готовъ отказаться отъ многаго, чтобы только вмѣстѣ съ Вами прокатиться въ Украйну и чтобы Вы воочію убѣдились, что хохландія въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ вниманія хорошихъ поэтовъ. У Васъ на сѣверѣ небось холодъ, дождь, сѣрое небо... бррр!

Обѣщалъ ко мнѣ пріѣхать Свободинъ. Хорошо, если не обманетъ. У меня теперь большое помѣщеніе. Я нанялъ два флигеля.

Жоржикъ вернулся и уже услаждаетъ насъ музыкой. Скоро къ намъ пріѣдетъ віолончелистъ, очень хорошій. Дуэты будутъ славные.

Мнѣ жаль Салтыкова. Это была крѣпкая, сильная голова. Тотъ сволочный духъ, который живетъ въ мелкомъ, измошенничившемся душевно русскомъ интеллигентѣ средняго пошиба, потерялъ въ немъ своего самаго упрямаго и назойливаго врага. Обличать умѣетъ каждый

газетчикъ, издѣваться умѣетъ и Буренинъ, но открыто презирать умѣлъ одинъ только Салтыковъ. Двѣ трети читателей не любили его, но вѣрили ему всѣ. Никто не сомнѣвался въ искренности его презрѣнія.

Напишите мнѣ, дорогой мой, письмо. Я люблю Вашъ почеркъ: когда я вижу его на бумагѣ, мнѣ становится весело. Къ тому же, не скрою отъ Васъ, мнѣ льститъ, что я переписываюсь съ Вами. Ваши и Суворинскія письма я берегу и завѣщаю ихъ внукамъ: пусть сукины сыны читаютъ и вѣдаютъ дѣла давно минувшія... Я запечатаю всѣ письма и завѣщаю распечатать ихъ черезъ 50 лѣтъ, à la Гаевскій, такъ что гончаровская заповѣдь, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы, нарушена не будетъ, хотя я и не понимаю, почему ее нарушать нельзя. Напишите мнѣ о Вашемъ здоровьи.

Жанъ Щегловъ написалъ драму. А я гуляючи отмахалъ комедію [1]). Зададимъ мы работу литературному комитету!

Въ ноябрѣ привезу въ Питеръ продавать свой романъ. Дешевле какъ по 250 за листъ не уступлю. Продамъ и уѣду за границу, гдѣ, à la Худековъ, задамъ банкетъ лигѣ патріотовъ и угощу завтракомъ донъ-Карлоса, о чемъ конечно будетъ въ газетахъ спеціальная телеграмма.

Сердечный привѣтъ Вашимъ и Аннѣ Михайловнѣ. Послѣднія засѣданія комитета прошли у насъ очень мирно и благополучно. Дѣла общества, по моему, идутъ превосходно. На конвертѣ я не буду писать «его высокоблагородію»; разрѣшите мнѣ это удовольствіе. Вы для меня не высокоблагородіе, а свѣтлость. Мои всѣ Вамъ кланяются и шлютъ пожеланія. Пишите.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Лѣшій».

CLXXXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

14 Май (1889 г. Лука).

Спасибо, получилъ свою Татьяну Рѣшину. Бумага очень хорошая. Фамилію свою я въ корректурѣ зачеркнулъ и мнѣ не понятно, какъ это она уцѣлѣла. Зачеркнулъ т.-е. исправилъ я и многія опечатки, которыя тоже уцѣлѣли. Впрочемъ, все это вздоръ. Для большей иллюзіи слѣдовало бы напечатать на обложкѣ не Петербургъ, а Leipzig.

Мой живописецъ никогда не выздоровѣетъ. У него чахотка. Вопросъ поставленъ такъ: какъ долго будетъ продолжаться болѣзнь? А при такой постановкѣ, согласитесь, оставлять его нельзя. Къ тому же, если бы я уѣхалъ, то семья осталась бы въ тяжеломъ положеніи, которое Вы можете себѣ представить, если вообразите себѣ группу: мать, сестра и ежеминутно кашляющій, брюзжащій и неугомонно командующій художникъ. Безъ меня имъ оставаться нельзя. . . . . .

Щегловъ мнѣ не конкурентъ. Я не знаю его драмы, но предчувствую, что въ своихъ двухъ первыхъ актахъ я сдѣлалъ въ 10 разъ больше, чѣмъ онъ во всѣхъ своихъ пяти. Его пьеса можетъ имѣть большій успѣхъ, чѣмъ моя, но такой конкуренціи я не боюсь. Говорю Вамъ сіе, чтобы показать, какъ я доволенъ своей работой. Пьеса вышла скучная, мозаичная, но все таки она даетъ мнѣ впечатлѣніе труда. Вылились у меня лица положительно новыя; нѣтъ во всей пьесѣ ни одного лакея, ни одного вводнаго комическаго лица, ни одной вдовушки. Всѣхъ дѣйств. лицъ восемь и изъ нихъ только три эпизодическія.

Вообще я старался избѣгать лишняго и это мнѣ, кажется, удалось. Однимъ словомъ, умный мальчикъ, что и говорить. Если цензура не хлопнетъ по шапкѣ, то Вамъ предстоитъ вкусить осенью такое наслажденіе, какого Вы не испытаете даже, стоя на вершинѣ Эйфелевой башни и глядя внизъ на Парижъ. Скажите Буренину, что билета я ему опять не дамъ, а Бѣжецкому скажите, что опять онъ можетъ не быть на моей пьесѣ, сколько ему угодно. Если же цензура хлопнетъ по шапкѣ, то такъ тому и быть, подождемъ будущаго лѣта и напишемъ новую пьесу, а Буренину все-таки билета не дамъ.

Вашъ ученый Эльпе рекомендуетъ пить стаканъ молока въ продолженіе пяти минутъ. Какъ это удобно для работающаго человѣка. . . . . Мудрятъ наши ученые гуси! Въ Ноябрѣ пріѣду въ Питеръ продавать съ аукціона свой романъ. Продамъ и уѣду въ Пиренеи.

Свободинъ обѣщалъ ко мнѣ пріѣхать. Опять ужаснется, что я не читалъ Лессинга.

Конецъ въ новомъ романѣ Бурже мнѣ не нравится. Можно было бы лучше сдѣлать. Это не конецъ умнаго романа, а шлейфъ, оторванный отъ Габборіо и приколотый къ умному роману булавками. Правосудіе, «офиціальное безстрастіе» судей и прочее—все это перестало уже трогать. Сикстъ, читающій «Отче нашъ», умилитъ Евгенія Кочетова, но мнѣ досадно. Коли нужно смѣло говорить правду отъ начала до конца, то такой фанатикъ-ученый какъ Сикстъ, прочитавъ Отче нашъ, долженъ затѣмъ вскочить и подобно Галилею воскликнуть:—«А все-таки земля вертится!» Та глава, гдѣ Шарлотта приходитъ отдаться, великолѣпно сдѣлана и трогаетъ.

Вы интересуетесь знать, продолжаетъ ли Васъ ненавидѣть докторша. Увы! Она пополнѣла и сильно смирилась, что мнѣ чрезвычайно не нравится. Женщинъ—врачей осталось на землѣ немного. Онѣ переводятся и вы-

мирают, какъ зубры въ Бѣловѣжской пустыни. Однѣ гибнутъ отъ чахотки, другія впадаютъ въ мистицизмъ, третьи выходятъ замужъ за вдовыхъ эскадронныхъ командировъ, третьи крѣпятся, но ужъ замѣтно падаютъ духомъ. Вѣроятно, на землѣ быстро вымирали первые портные, первые астрологи.. Вообще тяжело живется тѣмъ, кто имѣетъ дерзость первый вступить на незнакомую дорогу. Авангарду всегда плохо.

Какъ Евгенія Константиновна? Небось Алексѣй Алексѣевичъ труситъ? Помогай имъ Богъ, дѣло хорошее. Кланяйтесь.

Въ деревнѣ дифтеритъ. Ловлю раковъ. Со мной вмѣстѣ ловитъ сапожникъ Мишка, лѣтъ 12—13, ужасный брехунъ.

Будьте здоровы и счастливы 1000 разъ.

Вашъ *Потемкинъ.*

CLXXXVIII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Лука 1889 г. май).

Господъ М. Р. Семашко и И. П. Чехова убѣдительно просимъ привезти слѣдующія вещи: оставшуюся вершу, Сѣверный Вѣстникъ (май), крючковъ на волоскахъ, колбасы, вина, стальныхъ перьевъ и всего того, чего они по благости своей пожелаютъ привезти.

Погода прекрасная. Раки ловятся хорошо. Въ Сумахъ плохой театръ, скучная публика и отвратительное сантуринское. Миша уѣхалъ въ Таганрогъ показывать барышнямъ свои синіе штиблеты и фуражку, которую онъ ужъ не имѣетъ права носить. Николай въ прежнемъ по-

ложеніи, хотя и выглядитъ бодрѣе и не такъ тощъ, какъ былъ во время голоданія. Дѣла его во всякомъ случаѣ не блестящи. Характеръ генеральскій.

Всѣ Линтваревы пополнѣли и стали еще добрѣй, чѣмъ были. Я пишу каждый день.

В. П. Воронцовъ бываетъ у насъ каждый день. Онъ очень милый человѣкъ.

Дуракъ тотъ, кто имѣетъ возможность ѣхать на югъ, и не ѣдетъ. И дураки всѣ мы, что не ѣдемъ въ Парижъ на выставку, которая бываетъ не каждый годъ. Этакъ помрешь и ничего не увидишь.

Погода хорошая, Пселъ великолѣпенъ, но мнѣ скучно и разбираетъ злость.

Кланяюсь всѣмъ, папашѣ въ особенности.

Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CLXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

15 Май (1889 г. Лука).

Если Вы еще не уѣхали за границу, отвѣчаю на Ваше письмо о Бурже. Буду кратокъ. Вы пишете между прочимъ: «Пускай наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ, но пусть также остается что-нибудь такое, гдѣ можно укрыться отъ этой сплошной матеріи». Наука о матеріи идетъ своимъ чередомъ и тѣ мѣста, гдѣ можно укрыться отъ сплошной матеріи, тоже существуютъ своимъ чередомъ и, кажется, никто не посягаетъ на нихъ. Если кому и достается, то только естественнымъ наукамъ, но не святымъ мѣстамъ, куда прячутся отъ этихъ наукъ. Въ моемъ письмѣ вопросъ поставленъ правильнѣе и

безобиднѣе, чѣмъ въ Вашемъ, и я ближе къ «жизни духа», чѣмъ Вы. Вы говорите о правѣ тѣхъ или другихъ знаній на существованіе, я же говорю не о правѣ, а о мирѣ. Я хочу, чтобы люди не видѣли войны тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Знанія всегда пребывали въ мирѣ. И анатомія, и изящная словесность имѣютъ одинаково знатное происхожденіе, однѣ и тѣ же цѣли, одного и того же врага— черта, и воевать имъ положительно не изъ-за чего. Борьбы за существованіе у нихъ нѣтъ. Если человѣкъ знаетъ ученіе о кровообращеніи, то онъ богатъ; если къ тому же выучиваетъ еще исторію религіи и романсъ «Я помню чудное мгновеніе», то становится не бѣднѣе, а богаче— стало-быть, мы имѣемъ дѣло только съ плюсами. Потому-то геніи никогда не воевали и въ Гете рядомъ съ поэтомъ прекрасно уживался естественникъ.

Воюютъ же не знанія, не поэзія съ анатоміей, а заблужденія, т.-е. люди. Когда человѣкъ не понимаетъ, то чувствуетъ въ себѣ разладъ; причинъ этого разлада онъ ищетъ не въ себѣ самомъ, какъ бы нужно было, а внѣ себя, отсюда и война съ тѣмъ, чего онъ не понимаетъ. Во всѣ средніе вѣка алхимія постепенно, естественнымъ мирнымъ порядкомъ культивировалась въ химію, астрологія— въ астрономію; монахи не понимали, видѣли войну и воевали сами. Такимъ же воюющимъ испанскимъ монахомъ былъ въ шестидес. годахъ нашъ Писаревъ.

Воюетъ и Бурже. Вы говорите, что онъ не воюетъ, а я говорю, что воюетъ. Представьте, что его романъ попадаетъ въ руки человѣка, имѣющаго дѣтей на естественномъ факультетѣ, или въ руки архіерея, ищущаго сюжета для воскресной проповѣди. Будетъ ли что-нибудь похожее на миръ въ полученномъ эффектѣ? Нѣтъ. Представьте, что романъ попалъ на глаза анатому или физіологу и т. д. Ни въ чью душу не повѣетъ отъ него миромъ,

знающихъ онъ раздражитъ, а незнающихъ наградитъ ложными представленіями—и только.

Вы, быть-можетъ, скажете, что онъ воюетъ не съ сущностью, а съ уклоненіями отъ нормы. Согласенъ, съ уклоненіями отъ нормы долженъ воевать всякій писатель, но зачѣмъ компрометировать самую сущность? Сикстъ орелъ, но Бурже сдѣлалъ изъ него карикатуру. «Психологическіе опыты»—клевета на человѣка и на науку. Неужели, если бы я написалъ романъ, гдѣ у меня анатомъ ради науки вскрываетъ свою живую жену и грудныхъ дѣтей, или ученая докторша ѣдетъ на Нилъ и съ научною цѣлью совокупляется съ крокодиломъ и съ гремучей змѣей—то неужели бы этотъ романъ не былъ клеветой? А вѣдь я бы могъ интересно написать и умно.

Бурже увлекателенъ для русскаго читателя, какъ гроза послѣ засухи, и это понятно. Читатель увидѣлъ въ романѣ героевъ и автора, которые умнѣе его, и жизнь, которая богаче его жизни; русскіе же беллетристы глупѣе читателя, герои ихъ блѣдны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русскій писатель живетъ въ водосточной трубѣ, ѣстъ мокрицъ, любитъ халдъ и прачекъ, не знаетъ онъ ни исторіи, ни географіи, ни естественныхъ наукъ, ни религіи родной страны, ни администраціи, ни судопроизводства... однимъ словомъ, черта лысаго не знаетъ. Въ сравненіи съ Бурже онъ гусь лапчатый и больше ничего. Понятно, почему Бурже долженъ нравиться, но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что Сикстъ правъ, когда читаетъ «Отче нашъ», или что онъ правдивъ въ это время.

Ну, больше не стану надоѣдать Вамъ съ Бурже. Что касается Вашего таланта передавать въ компактной формѣ такіе романы, какъ «Disciple», то я читалъ и радовался за Васъ. Очень хорошо. Вы отлично справились съ философскою и ученою частью романа, и я не зналъ, что Вы

это умѣете. У меня бы все перепуталось и получилось бы еще длиннѣе, чѣмъ у Бурже.

Мнѣ скучно. Плещеевъ у меня не будетъ, а хорошо, если бы пріѣхалъ. Онъ очень хорошій старикъ.

Скоро я пришлю Вамъ письмо, написанное по-французски и по-нѣмецки. Поклонъ Аннѣ Ивановнѣ, Настѣ и Борѣ.

Счастливаго Вамъ путешествія.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXC.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

31 Май. (1889 г. Лука).

Живу я, милый россійскій Сарду, не въ Парижѣ и не въ Константинополѣ, а, какъ Вы вѣрно изволили замѣтить на конвертѣ Вашего письма, въ г. Сумахъ въ усадьбѣ г-жи Линтваревой. Радъ бы удрать въ Парижъ и взглянуть съ высоты Эйфелевой башни на вселенную, но—увы!—я скованъ по рукамъ и ногамъ и не имѣю права двинуться съ мѣста ни на одинъ шагъ. У меня боленъ чахоткою мой братъ художникъ, который живетъ теперь со мной.

Погода великолѣпная. Тепло, птицы поютъ, крокодилы квакаютъ. Пселъ широкъ и величественъ, какъ генеральскій кучеръ. Но, благодаря вышеописанному обстоятельству, живется скучно и сѣро. Спасибо, добрымъ людямъ—навѣщаютъ меня и дѣлятъ со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостилъ у меня дней шесть Суворинъ [1]), сегодня пріѣдетъ Свободинъ, бываютъ сосѣди—день идетъ за днемъ, разговоръ за разговоромъ, анъ глядь—ужъ и весны нѣтъ, іюнь на носу.

---

[1]) Въ промежуткѣ между этимъ письмомъ и предыдущимъ Ан. П-ча посѣтилъ А. С. Суворинъ.

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое-что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Соковнинъ. Кончу я романъ черезъ 2—3 года.

Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходитъ. Нѣтъ ничего скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить.

Ваше томленіе я понимаю. Оно пройдетъ и пьеса будетъ написана Вами во благовременіи.

Ваше «Безъ коромысла и утюга» шло недавно въ Одессѣ. Стало-быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сіей пьесѣ. Все хорошо. Поймите разъ навсегда, что драматургія — ваша профессія, что Вамъ приходится писать ежегодно по одной по двѣ пьесы, что поэтому поневолѣ Вы не можете писать одни только шедевры. На десятокъ пьесъ должно приходиться семь неважныхъ — таковъ удѣлъ всякой профессіи. Поймите сіе и Вамъ станетъ понятно, что все хорошо и все слава Богу.

Вы хотите, чтобы я повліялъ на Жана Щеглова и вернулъ его на путь беллетристики. Въ своихъ письмахъ я всякій разъ усердно жую его, но всѣ мои жидкія сентенціи, какъ волны объ утесъ, разбиваются въ брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенціями да логикой ничего не подѣлаешь. Самое лучшее—оставить Жана въ покоѣ и ждать, когда въ немъ перекипитъ театральная бурда и самъ онъ естественнымъ порядкомъ придетъ къ нормѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы засѣдалъ я, какъ новоиспеченный членъ, въ комитетѣ общества драмат. пи-

сателей. Вынесъ такое впечатлѣніе: дѣла общества идутъ превосходно.

Если вѣрить газетамъ, то у Васъ на сѣверѣ теперь холодно. А у насъ жарко.

Если не лѣнь, и если вы еще не женились на рябой бабѣ, бьющей Васъ и мѣшающей Вамъ писать, то пишите мнѣ.

Какъ Вы насчетъ спиритуозовъ? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилія благодаритъ Васъ за поклонъ и тоже кланяется.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если брату станетъ полегче, то уѣду на Кавказъ.

CXCI.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

4 Іюнь 89 г. (Лука).

Привѣтъ Вамъ, милый докторъ! Не велите казнить за молчаніе, а велите слово вымолвить. Не писалъ я Вамъ такъ долго по весьма уважительнымъ причинамъ: во 1-хъ не зналъ точно, гдѣ вы, въ Москвѣ или на Кавказѣ; во 2-хъ самъ собирался съ сестрою поѣхать на Кавказъ, въ 3-хъ каждый день ждалъ, когда Николай соберется наконецъ написать Вамъ обѣщанное curriculum vitae. Да и къ тому же ужасно скучно и лѣнь писать, когда знаешь, что не напишешь ничего хорошаго и веселаго. Дѣла художника плохи. Дни стоятъ жаркіе, молока пьетъ онъ много, но t° прежняя, вѣсъ тѣла съ каждымъ днемъ уменьшается. Кашель не даетъ покоя. Въ первый мѣсяцъ дачнаго житія онъ (не кашель, а художникъ) половину дня проводилъ на воздухѣ, теперь же упрямо лежитъ въ комнатѣ, выходитъ на полчаса, да

и то неохотно, лѣниво; часто спитъ и во снѣ бредитъ; предпочитаетъ дремать въ сидячемъ положеніи, а не въ лежачемъ, такъ какъ послѣднее со второй половины мая стало обусловливать кашель.. Аппетитъ сносный. Даю ірес, хининъ, atrop и проч.

Однимъ словомъ, позвольте мнѣ не продолжать. Кромѣ унынія, ничего я не могу нагнать на Васъ. Какъ Вы живете? Что подѣлываете? Существуетъ ли «клубъ благополучныхъ идіотовъ»? Много ли въ Кисловодскѣ хорошенькихъ женщинъ? Есть ли театръ? Вообще, какъ проводите лѣто? Напишите мнѣ. Когда нѣтъ курицы, то довольствуются однимъ только бульономъ; когда нельзя ѣхать на Кавказъ, можно утолять слегка жажду письмами съ Кавказа. Вы обѣщаете прислать мнѣ цѣлую поэму. Ладно. Я отвѣчу Вамъ повѣстью.

Быть-можетъ, я пріѣду въ Кисловодскъ, но не раньше Августа. Понятно, почему. А если пріѣду, то непремѣнно напишу 3-хъ—актную пьесу для Корша. Началъ было я писать большую пьесу для казны, написалъ два акта и бросилъ. Не пишется. А надо бы кончить, ибо пьеса уже обѣщана въ бенефисъ Свободину и Ленскому, и о ней протрещали во всѣхъ газетахъ.

У меня наступилъ «сезонъ гостей». Недѣлю гостилъ Суворинъ; сейчасъ гоститъ Свободинъ; завтра пріѣдутъ изъ Москвы віолончелистъ и еще кто-нибудь. Вообще, если бы не кашель въ сосѣдней комнатѣ, то, пожалуй, жилось бы не скучно. Когда я вырасту большой и буду имѣть собственную дачу, то построю три флигеля спеціально для гостей обоего пола. Я люблю шумъ больше, чѣмъ гонораръ.

Опять о художникѣ. Когда я везъ его изъ Москвы, на полдорогѣ поднялась у него рвота. Рвота бываетъ и теперь. Еще одна подробность, болѣе значительная: появились симптомы, указующіе на заболѣваніе гортани.

Это ужъ совсѣмъ плохо, такъ какъ въ горловыхъ болѣзняхъ я швахъ, и кажется во всемъ уѣздѣ нѣтъ ни единаго ларингоскопа. Не порекомендуете ли Вы какихъ-нибудь вдыханій? Одинъ туземный лѣкарь настойчиво рекомендуетъ мнѣ креозотъ.

У насъ засуха. Дождей нѣтъ, хлѣбъ плохой, фрукты съѣдены червями. Будетъ сплошной неурожай. Рыба ловится плохо.

Художникъ каждый день говоритъ о Васъ и каждый день беретъ у меня почтовую бумагу, чтобы написать Вамъ. Скуки ради завелъ онъ себѣ котенка и забавляется имъ, какъ маленькій. Грунтуетъ циферблатъ на стѣнныхъ часахъ, хочетъ писать на нихъ женскую головку.

Моя фамилія кланяется и еще разъ шлетъ Вамъ свое спасибо. Иду сейчасъ къ Николаю и засажу его писать. Его письмо пошлю отдѣльно.

Жду поэмы, а пока крѣпко жму Вамъ руку, желаю побольше практики, побольше романовъ съ красивѣйшими изъ кисловодскихъ гурій и пребываю сердечно преданный *А. Чеховъ.*

Мой адресъ: г. Сумы.

CXCII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

9 Іюнь (1889 г. Лука).

Нашли же Вы наконецъ дачу? Гдѣ? А пора бы ужъ найти, ибо черезъ три дня солнце начнетъ уже клониться къ зимѣ. Если дача въ Тульской губ., то ко мнѣ на Пселъ рукой подать. Пріѣзжайте ради Создателя. Мы поѣдемъ, куда Вамъ угодно и на чемъ угодно. Въ Полтавской губ. уже знаютъ, что Вы туда пріѣдете со мной.

Я положительно не могу жить безъ гостей. Когда я одинъ, мнѣ почему-то становится страшно, точно я среди великаго океана солистомъ плыву на утлой ладьѣ. Недѣлю тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ Свободинъ съ своимъ девятилѣтнимъ сынишкой, очень милымъ и симпатичнымъ, неугомонно философствующимъ мальчикомъ. О Лессингѣ и гамбургской драматургіи—ни полъ-слова. Зоненштейнъ, къ великому моему удивленію и удовольствію, сбросилъ съ себя маску «образованнаго» актера и дурачился, какъ мальчикъ. Онъ пѣлъ, кривлялся, ловилъ раковъ во фракѣ, пилъ и вообще велъ себя такъ, какъ будто не читалъ Лессинга. Вчера онъ уѣхалъ въ Петербургъ, но съ Ворожбы вернулся назадъ и теперь гуляетъ по саду.

Прочелъ я письмо Александра, которое Вы прислали мнѣ. Чувствую сильное искушеніе раскритиковать это удивительное письмо, но кладу печать на уста свои, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что для Васъ совсѣмъ не интересно. Я сердитъ, какъ глупецъ, и не вѣрю даже тому, чему по человѣколюбію слѣдовало бы вѣрить...

Насчетъ того, гдѣ будетъ напечатанъ мой великолѣпный романъ, я полагаю, разсуждать еще рано. То-есть рано еще обѣщать. Когда кончу, пришлю Вамъ на прочтеніе и оба мы рѣшимъ, какъ лучше. Если найдете, что его удобно печатать въ газетѣ, то сдѣлайте милость, валяйте въ газетѣ. Сегодня я напишу одну главу. Чувствую сильное желаніе писать.

Дождей все нѣтъ и нѣтъ. Неурожай — рѣшонное дѣло. Жарища ужасная. На деревьяхъ червей видимо-невидимо, но въ землѣ ихъ нѣтъ, ибо земля суха, какъ московскіе фельетоны.

Поздравляю Новое Время съ семейною радостью: говорятъ, что Курепинъ женился.

Мнѣ Стасовъ симпатиченъ, хоть онъ и Мамай Экстазовъ. Что-то въ немъ есть такое, безъ чего въ самомъ дѣлѣ

жить грустно и скучно. Читалъ я письма Бородина. Хорошо.

Художникъ въ прежнемъ положеніи: ни лучше, ни хуже.

Раки превосходно ловятся. Миша не успѣваетъ подсачивать.

Всѣмъ Вашимъ мой сердечный привѣтъ. Пребываю ожидающій Васъ

А. Чеховъ.

Вчера я заставилъ одного юнца купить на вокзалѣ «Военные на войнѣ». Прочелъ и сказалъ: «Очень хорошо». Съ Маслова могарычъ.

Мельница на Пслѣ, около которой Антонъ Павловичъ ловилъ рыбу.

CXCIII.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

17 іюня 89 (Лука.)

Художникъ скончался. Подробности письмомъ или при свиданіи, а пока простите карандашъ.

Жму горячо Вамъ руку.

Вашъ душевно

А. Чеховъ

CXCIV.

Ф. О. Шехтелю.

(Съ подлинника).

18 Іюня, Сумы (1889 г.).

Вчера 17-го іюня умеръ отъ чахотки Николай. Лежитъ теперь въ гробу съ прекраснѣйшимъ выраженіемъ лица. Царство ему небесное, а Вамъ, его другу, здоровья и счастья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCV.

А. Н. Плещееву.

26 Іюнь (1889 г. Лука).

Здравствуйте, мой дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Ваше письмо пришло на девятый день послѣ смерти Николая т.-е. когда мы всѣ уже начали входить

въ норму жизни; теперь отвѣчаю Вамъ и чувствую, что норма въ самомъ дѣлѣ настала и что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ аккуратно переписываться съ Вами.

Бѣдняга художникъ умеръ. На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы. Нельзя было сказать, когда умретъ Николай, но что онъ умретъ скоро, для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ. Воспользовавшись пріѣздомъ старшаго брата, который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть, дней пять подышать другимъ воздухомъ; уговорилъ Свободина и Линтваревыхъ и поѣхалъ съ ними въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ. Въ наказаніе за то, что я уѣхалъ, всю дорогу дулъ такой холодный вѣтеръ и небо было такое хмурое, что хоть тундрамъ впору. На по овинѣ дороги полилъ дождь. Пріѣхали къ Смагинымъ ночью мокрые холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужиченко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ. Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 ч. ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду; темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣною, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму.

Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые.

Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ, съ хоругвями и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

Вѣроятно, я уѣду куда-нибудь. Куда? Не вѣмъ.

Суворинъ зоветъ заграницу. Очень возможно, что поѣду и заграницу, хотя меня туда вовсе не тянетъ. Я не расположенъ теперь къ физическому труду, хочу отдыха, а вѣдь шатанье по музеямъ и Эйфелевымъ башнямъ, прыганье съ поѣзда на поѣздъ, ежедневныя встрѣчи съ велерѣчивымъ Дмитріемъ Васильевичемъ [1]), обѣды впроголодь, винопійство и погоня за сильными ощущеніями— все это тяжелый физическій трудъ. Я бы охотнѣе пожилъ гдѣ-нибудь въ Крыму, на одномъ мѣстѣ, чтобъ можно было работать.

Пьеса моя замерзла. Кончать некогда, да и не вижу особенной надобности кончать ее. Пишу понемногу романъ, при чемъ больше мараю, чѣмъ пишу.

Вы пьесу пишете? Вамъ бы не мѣшало изобразить оригинальную комедійку. Напишите и уполномочьте меня поставить ее въ Москвѣ. Я и на репетиціяхъ побываю, и гонораръ получу, и всякія штуки.

Если я уѣду куда-нибудь, то съ каждой большой станціи буду посылать Вамъ открытыя письма, а изъ центровъ закрытыя письма.

Линтваревы здравствуютъ. Они великолѣпны. Съ каждымъ днемъ становятся все лучше и лучше, и неизвѣстно, до чего они дойдутъ въ этомъ направленіи.

Въ великодушіи и добротѣ нѣтъ имъ равныхъ во всей Харьк. губерніи. Смагины здравствуютъ и тоже совершенствуются.

---

[1]) Григоровичемъ.

Могила Н. П. Чехова на Лукѣ.

Поздравляю Сѣверный Вѣстникъ съ возвращеніемъ Протопопова и Короленко. Отъ критики Протопопова никому не будетъ ни тепло, ни холодно, потому что всѣ нынѣшніе гг. критики не стоютъ ни гроша мѣднаго— въ высшей степени безполезный народъ, возвращеніе же Короленко фактъ отрадный, ибо сей человѣкъ сдѣлаетъ еще много хорошаго. Короленко немножко консервативенъ; онъ придерживается отжившихъ формъ (въ исполненіи) и мыслитъ, какъ 45-лѣтній журналистъ; въ немъ не хватаетъ молодости и свѣжести; но всѣ эти недостатки не такъ важны и кажутся мнѣ наносными извнѣ; подъ вліяніемъ времени онъ можетъ отрѣшиться отъ нихъ. Сестра благодаритъ за поклоны и велитъ кланяться. Мать тоже. А я цѣлую Васъ, обнимаю и желаю всяческихъ благъ. Будьте счастливы и здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CXCVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

2 Іюль. Сумы (1889).

Простите, что пишу на клочкѣ.

Сейчасъ я получилъ отъ Васъ письмо. Вы пишете, что пробудете въ Тиролѣ цѣлый мѣсяцъ. Времени достаточно, чтобы я могъ съѣздить до заграницы въ Одессу, куда влечетъ меня невѣдомая сила. Значитъ, я выѣду изъ Кіева не во вторникъ, какъ телеграфировалъ, а позже. Изъ Волочиска буду телеграфировать.

Изъ Одессы тоже буду телеграфировать.

Бѣдняга Николай умеръ. Я поглупѣлъ и потускнѣлъ. Скука адская, поэзіи въ жизни ни на грошъ,

желанія отсутствуютъ и проч. и проч. Однимъ словомъ, чортъ съ нимъ.

Всѣхъ вашихъ отъ души привѣтствую, а Аннѣ Ивановнѣ цѣлую руку.

Если хотите, телеграфируйте мнѣ въ Одессу (Одесса, Сѣверная Гостиница).

Пьяница Вамъ кланяется. Онъ живетъ теперь у меня и ведетъ трезвую жизнь. Тифа у него не было.

Не горюйте, что Вамъ приходится много тратить на телеграммы. Деньги, потраченныя Вами на телеграммы ко мнѣ, я пожертвую въ Кадетскій Корпусъ, который будетъ построенъ Харитоненкомъ, на учрежденіе стипендіи имени А. А. Суворина.

Будьте счастливы и не старайтесь утомляться.

Вашъ до конца дней моихъ

А. Чеховъ.

CXCVII.

И. П. Чехову.

(Съ подлинника).

Пароходъ «Ольга». Воскресенье 16 Іюля (1889 г. изъ Одессы).

Я ѣду въ Ялту и положительно не знаю, зачѣмъ я туда ѣду. Надо ѣхать и въ Тироль, и въ Константинополь, и въ Сумы; всѣ страны свѣта перепутались у меня въ головѣ, фантазія кишмя кишитъ городами и я не знаю, на чемъ остановить свой выборъ. А тутъ еще лѣнь, нежеланіе ѣхать куда бы то ни было, равнодушіе и банкротство. Живу машинально, не разсуждая.

Изъ Одессы выѣхалъ не въ понедѣльникъ, какъ обѣщалъ, а въ субботу. Совсѣмъ было ужъ уложился, за-

платилъ по счету, но пошелъ на репетицію проститься— и тамъ меня удержали. Одинъ взялъ шляпу, другая палку, а всѣ вмѣстѣ упрашивали меня такъ единодушно и искренно, что не устояла бы даже скала; пришлось остаться. Безъ тебя жилъ я почти такъ же, какъ и при тебѣ. Вставалъ въ 8—9 часовъ и шолъ съ П-мъ купаться. Въ купальнѣ мнѣ чистили башмаки, которые у меня, кстати сказать, новые. Душъ, струя... Потомъ кофе въ буфетѣ, что на берегу около каменной лѣстницы. Въ 12 ч. бралъ я П-ву и вмѣстѣ съ ней шелъ къ Замбрини ѣсть мороженое (60 коп.), шлялся за нею къ модисткамъ, въ магазины за кружевами и проч. Жара, конечно, несосвѣтимая. Въ 2 ѣхалъ къ С., потомъ къ Ольгѣ Ивановнѣ борща и соуса ради. Въ 5 у К. чай, который всегда проходилъ особенно шумно и весело; въ 8, кончивъ пить чай, шли въ театръ. Кулисы. Лѣченіе кашляющихъ актрисъ и составленіе плановъ на завтрашній день. Встревоженная Л., боящаяся расходовъ; П., ищущая своими черными глазами тѣхъ, кто ей нуженъ; Гамлетъ-С., тоскующій и изрыгающій громы; толстый Г., всегда спящій и вѣчно жалующійся на утомленіе; его жена—дохленькая барыня, умоляющая, чтобъ я не ѣхалъ изъ Одессы; хорошенькая горничная Анюта въ красной кофточкѣ, отворяющая намъ дверь, и т. д. и т. д. Послѣ спектакля рюмка водки внизу въ буфетѣ и потомъ вино въ погребкѣ—это въ ожиданіи, когда актрисы сойдутся у К. пить чай. Пьемъ опять чай, пьемъ долго, часовъ до двухъ, и мелемъ языками всякую чертовщину. Въ 2 провожаю П. до ея номера и иду къ себѣ, гдѣ застаю Г. Съ нимъ пью вино и толкую о Донской области (онъ казакъ) и о сценѣ. Этакъ до разсвѣта. Затѣмъ шарманка снова заводилась и начиналась вчерашняя музыка. Все время я, подобно П-му, тяготѣлъ къ женскому обществу, обабился окончательно, чуть юбокъ

не носилъ и не проходило дня, чтобъ добродѣтельная Л. съ значительной миной не разсказывала мнѣ, какъ М. боялась отпустить П. на гастроли, и какъ М-me П. (тоже добродѣтельная, но очень скверная особа) сплетничаетъ на весь свѣтъ, и на нее, Л., якобы потворствующую грѣху. Прощаніе вчера вышло трогательное. Насилу отпустили. Поднесли мнѣ два галстука на память и проводили на пароходъ. Я привыкъ и ко мнѣ такъ привыкли, что въ самомъ дѣлѣ грустно было разставаться.

Слышно, какъ на военномъ фрегатѣ играетъ музыка. Жарко писать. Сейчасъ завтракъ. Нашимъ буду писать изъ Алупки, а пока кланяйся всѣмъ. Пилитъ ли Семашечка на своей поломанной женѣ? [1]).

Въ Ялтѣ Стрепетова и, вѣроятно, кто-нибудь изъ литераторовъ. Прійдется много разговаривать. Актрисы тебѣ кланяются.

Горе отъ ума сошло скверно, Донъ-Жуанъ и Гамлетъ хорошо. Сборы плохіе.

Получилъ письмо отъ Боборыкина. Если есть письма на мое имя, то пришли ихъ (заказнымъ) по адресу: Ялта, Даніилу Михайловичу Городецкому для передачи мнѣ. Пришли и почтовыя повѣстки, я напишу довѣренность.

У меня нѣтъ ни желаній ни намѣреній, а потому нѣтъ и опредѣленныхъ плановъ. Могу хоть въ Ахтырку ѣхать, мнѣ все равно. Машѣ буду писать, вѣроятно, завтра. Ну, оставайтесь всѣ здоровы и не поминайте лихомъ.

А. Ч.

---

[1]) Віолончели.

CXCVIII.

М. П. Чеховой.

(Съ подлинника).

18 Іюль (1889 г. Ялта).

Я живу въ Ялтѣ (дача Фарбштейнъ). Попросить тебя и Наталію Михайловну [1]) пріѣхать сюда я не рѣшаюсь, такъ какъ положительно не имѣю понятія о томъ, какъ долго я проживу здѣсь и куда поѣду отсюда. Скука адская и возможно, что я уѣду отсюда завтра или послѣзавтра. Уѣду въ Сумы, а изъ Сумъ въ Москву, не дожидаясь Сентября. Лѣто мнѣ опротивѣло, какъ рѣдиска.

Живу я на очень приличной дачѣ, плачу за $1^1/_2$ комнаты 1 рубль въ сутки. Море въ двухъ шагахъ. Растительность въ Ялтѣ жалкая. Хваленые кипарисы не растутъ выше того тополя, который стоитъ въ маленькомъ Линтваревскомъ саду налѣво отъ крыльца; они темны, жестки и пыльны.

Въ публикѣ преобладаютъ Шмули и бритыя рожи опереточныхъ актеровъ. Женщины пахнутъ сливочнымъ мороженымъ.

Къ сожалѣнію, у меня много знакомыхъ. Рѣдко остаюсь одинъ. Приходится слушать всякій умный вздоръ и отвѣчать длинно. Шляются ко мнѣ студенты и приносятъ для прочтенія свои увѣсистыя рукописи. Одолѣли стихи. Все претенціозно, умно, благородно и бездарно; С. со мной нѣтъ, онъ въ Одессѣ, чему я очень радъ.

Купанье великолѣпное.

---

[1]) Линтвареву.

Когда я ѣхалъ изъ Севастополя въ Ялту, была качка. Дамы и мужчины рвали. Меня мутило, но только слегка; я имѣлъ дерзость даже обѣдать, хотя во все время обѣда боялся, что вырву въ тарелку своей сосѣдки дочери одесскаго градоначальника.

Обѣды дрянные. Лѣнивыя щи, антрекотъ изъ подошвы, компотъ — цѣна 1 рубль. Вчера вечеромъ въ саду я громко жаловался на плохіе ялтинскіе обѣды; мѣстный акцизный, очень симпатичный и добродушный человѣкъ, внялъ моему гласу и робко пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Пойду сегодня.

Уѣхалъ бы за границу, но потерялъ изъ виду Суворина.

Черезъ недѣлю по полученіи этого письма на твое имя прійдутъ отъ Кондратьева деньги. Получи и распечатай. Если захочешь ѣхать куда-нибудь, то поѣзжай.

Вернусь я не позже 10 Августа—это навѣрное.

Одинокій человѣкъ отлично можетъ прожить въ Ялтѣ за 60 — 75 руб. въ мѣсяцъ. Дороговизну преувеличили.

Я скучаю по Лукѣ. Во время бури у берега камни и камешки съ трескомъ, толкая другъ дружку, катаются то сюда, то туда—ихъ раскатистый шумъ напоминаетъ мнѣ смѣхъ Натальи Михайловны; гудѣнье волнъ похоже на пѣніе симпатичнаго доктора. По цѣлымъ часамъ я просиживаю на берегу, жадно прислушиваюсь къ звукамъ и воображаю себя на Лукѣ.

Отдай въ чистку мой черный пиджакъ. Пусть Миша свезетъ въ красильное заведеніе. Если на осеннемъ пальто есть пятна, то и его туда же. Не мѣшало бы выгладить.

Гдѣ Александръ?

Въ Ялтѣ можно работать. Если бъ не добрые люди, заботящіеся о томъ, чтобы мнѣ не было скучно, то я написалъ бы много.

Александрѣ Васильевнѣ, доктору, Натальѣ Михайловнѣ, композитору, Семашечкѣ и всѣмъ нашимъ передай мой сердечный привѣтъ. Если можно, не скучай. Денегъ не жалѣйте. Чортъ съ ними.

Я здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

CXCIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Августа (1889 г. Ялта).

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, можете себѣ представить, я не за границей, и не на Кавказѣ, а вотъ уже двѣ недѣли одиноко сижу въ полуторарублевомъ номерѣ, въ татарско-парикмахерскомъ городѣ Ялтѣ. Ѣхалъ я заграницу, но попалъ случайно въ Одессу, прожилъ тамъ дней десять, а оттуда, проѣвъ половину своего состоянія на мороженомъ (было очень жарко), поѣхалъ въ Ялту. Поѣхалъ зря и живу въ ней зря. Утромъ купаюсь, днемъ умираю отъ жары, вечеромъ пью вино, а ночью сплю. Море великолѣпно, растительность жалкая, публика всплошную Шмули или больные. Каждый день собираюсь уѣхать и все никакъ не уѣду. А уѣхать надо. Совѣсть загрызла. Немножко стыдно сибаритствовать въ то время, когда дома неладно. Уѣхавъ, я оставилъ дома унылую скуку и страхъ.

Сіе письмо имѣетъ цѣль двоякую: 1) привѣтствовать Васъ и напомнить о своемъ многогрѣшномъ существованіи и 2) просить Васъ увѣдомить Анну Михайловну, что разсказъ она получитъ отъ меня не позже 1 сен-

тября. Это ужъ рѣшенное дѣло, ибо разсказъ почти готовъ. Несмотря на жару и на ялтинскія искушенія, я пишу. Написалъ уже на 200 цѣлковыхъ, т.-е. цѣлый печатный листъ. Пьесу началъ было дома, но забросилъ. Надоѣли мнѣ актеры. Ну ихъ!

У меня сегодня радость. Въ купальнѣ чуть было не убилъ меня мужикъ длиннымъ тяжелымъ шестомъ. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла отъ шеста на одинъ сантиметръ. Чудесное избавленіе отъ гибели наводитъ меня на разныя, приличныя случаю мысли.

Въ Ялтѣ много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущихъ, но ни одного талантливаго человѣка. Много вина, но ни одной капли порядочнаго. Хороши здѣсь только море да лошади-иноходцы.

Ѣдешь верхомъ на лошади и качаешься, какъ въ люлькѣ. Жизнь дешевая. Одинокій человѣкъ отлично можетъ прожить здѣсь на 100 рублей въ мѣсяцъ.

Кланяется Вамъ Петровъ, мѣстный старожилъ, типографъ, донъ-Жуанъ и любитель поэзіи, сидящій сейчасъ возлѣ меня и собирающійся угостить меня обѣдомъ. Онъ глухонѣмой и говоритъ поэтому ужасно громко. Вообще чудаковъ здѣсь много.

Если захотите подарить меня письмомъ, то адресуйте въ Сумы, куда я вернусь не позже 10 августа.

Разсказъ по случаю жары и сквернаго, меланхолическаго настроенія, выходитъ у меня скучноватый. Но мотивъ новый. Очень возможно, что прочтутъ съ интересомъ.

Мнѣ одинъ мѣстный поэтъ говорилъ, что въ Ялту пріѣдетъ Елена Алексѣевна. Посовѣтуйте ей не пріѣзжать до винограда т.-е раньше 15—20 Августа.

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ. Крѣпко обнимаю Васъ и пребываю, какъ всегда, искренно любящимъ *Антуаномъ*

Потемкинымъ (прозвище, данное мнѣ Жаномъ Щегловымъ).

Кстати: что подѣлываетъ Жанъ? Все еще насилуетъ Мельпомену? Если увидите его, то поклонитесь.

CC.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

29 августа (1889 г. Лука).

Милый Жанчикъ, въ субботу я ѣду въ Москву и прошу Васъ адресоваться по-зимнему, т.-е. Кудринская-Садовая, д. Корнѣева. Если въ сентябрѣ будете въ Москвѣ, то ужъ застанете меня вполнѣ и всесторонне водворившимся.

Очень радъ, что Вы охладѣли къ Мельпоменѣ и вернулись въ родное лоно беллетристики. Теперь Вы будете писать по одной пьесѣ въ 1—2 года, имѣть успѣхъ и считаться все-таки не драматургомъ, а беллетристомъ. Такъ и нужно. Я бы лично бросилъ театръ просто изъ расчета: драматурговъ 300, а беллетристовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Да и, между нами говоря, театръ не даетъ столько денегъ, сколько наша проза. Ваши «Фамочка» и «Пѣтухъ» дали, небось, вдвое больше, чѣмъ «Театралы» и «Дачный мужъ».

Въ этомъ сезонѣ я ничего не дамъ для театра, ибо ровно ничего не сдѣлалъ. Началъ было «Лѣшаго» (въ маѣ и іюнѣ), но потомъ бросилъ.

Пишу теперь повѣстушку, которую публика узритъ въ печати не раньше ноября. Въ сей повѣсти, изображая одну юную дѣвицу, я воспользовался, отчасти, чертами милѣйшаго Жана.

Гдѣ Баранцевичъ? Если встрѣтитесь, то попросите его, чтобы онъ прислалъ мнѣ свой адресъ.

Все мое семейство здравствуетъ и шлетъ Вамъ поклонъ. Когда будете въ Москвѣ, приходите чай пить, обѣдать и ужинать. Поговоримъ про Вашу роковую бабушку, трагическій смѣхъ и адски мелодраматическій почеркъ.

Видаетесь ли съ Билибинымъ? Очень милый и талантливый парень, но подъ давленіемъ роковыхъ обстоятельствъ и петербургскихъ тумановъ превращается, кажется, въ сухаря-чинушу.

Погода великолѣпная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворотъ тащутъ прочь отъ стола.

Поклонитесь Вашей женѣ и будьте счастливы, какъ Соломонъ въ юности.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

3 Сентября 89, Лука.

Симъ извѣщаю Васъ, милый Алексѣй Николаевичъ, что сегодня въ 4 часа ночи при 2 градусахъ тепла, при небѣ, густо покрытомъ облаками я выѣзжаю на товарно-каторжномъ поѣздѣ въ Москву. Предвкушая эту интересную поѣздку, заранѣе щелкаю зубами и дрожу всѣмъ тѣломъ.

Адресъ у меня остается прошлогодній т.-е. Кудринская-Садовая, д. Корнѣева.

Сегодня я написалъ Аннѣ Михайловнѣ, что разсказъ для «Сѣв. Вѣстника» уже готовъ, и просилъ у нея позволенія подержать его у себя дома и не высылать ей до

слѣдующей книжки. Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а главное подумать надъ нимъ. Ничего подобнаго отродясь я не писалъ, мотивы совершенно для меня новые, и я боюсь, какъ бы не подкузьмила меня моя неопытность. Вѣрнѣе, боюсь написать глупость.

Линтваревы всѣ кланяются Вамъ.

Жоржикъ не имѣетъ опредѣленныхъ плановъ и по всей вѣроятности останется на зиму дома. Въ этомъ юношѣ я могу понять только то, что онъ несомнѣнно любитъ музыку, несомнѣнно талантливъ и хорошій, добрый человѣкъ. Въ остальномъ же прочемъ я его не понимаю. На что онъ употребитъ свою энергію и любовь, неизвѣстно. Быть-можетъ, истратитъ все на порывы, на отдѣльныя вспышки и этимъ ограничится.

Смагины въ этомъ году не были на Лукѣ.

Вчера пріѣхала Вата съ мамашей. Замужъ она еще не вышла, но разсчитываетъ скоро выйти и уже выставляетъ свой животъ далеко впередъ, точно репетируетъ беременность.

Что Вы сдѣлали для сцены? Хотѣлъ я прочитать про Галеви, но не собралъ Русскихъ Вѣдомостей.

Въ Москвѣ ожидаютъ меня засѣданія комитета. Горева и Абрамова долго не продержатся, но, тѣмъ не менѣе, однако, успѣютъ дать обществу заработать тысячи двѣ-три.

Мнѣ симпатиченъ Боборыкинъ и будетъ жаль, если онъ очутится въ положеніи курицы, попавшей во щи. Труппа у него жиденькая, набранная, если можно такъ выразиться, изъ элементовъ случайныхъ. Мечтаетъ онъ о классическомъ репертуарѣ — это хорошо, но что труппа его изъ классическихъ вещей будетъ дѣ-

лать чертъ знаетъ что — это очень скверно. Кланяюсь всѣмъ вашимъ, а Васъ крѣпко обнимаю и цѣлую. Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Жоржикъ скоро будетъ писать Вамъ.

CCII.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

5 Сентября (1889 г. Москва.).

Многоуважаемый Ѳедоръ Александровичъ, простите, что запаздываю отвѣтомъ на Ваше письмо. Пріѣхалъ я въ Москву только сегодня.

Мое «Предложеніе» было уже напечатано въ «Новомъ Времени» № 4732, куда я обѣщалъ его еще въ прошломъ году. Что касается напечатанія этой пьесы въ «Артистѣ», то оно едва ли возможно. Не въ моей власти разрѣшать печатать то, что уже было однажды напечатано въ газетѣ и за что мною уже получены деньги. Неловко. Если, конечно, Суворинъ разрѣшитъ перепечатать съ соотвѣтственнымъ примѣчаніемъ, что эта де пьеса была раньше помѣщена въ Новомъ Времени, то я ничего не буду имѣть противъ.

Изъ всѣхъ немногочисленныхъ пьесъ моихъ можно напечатать только одну, а именно «Лебединую пѣсню» (Калхасъ), драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, который шелъ когда-то у Корша и, кажется, пойдетъ въ Маломъ театрѣ. Пьеса эта была раньше напечатана въ «Сезонѣ» Кичеева, но не цѣликомъ, а въ сильно сокращенномъ видѣ; въ Сезонъ я далъ только часть перваго

монолога. Эту Лебединую пѣсню можно достать у Разсохина. Есть она и у меня, буде пожелаете.

Сегодня я получилъ письмо отъ В. С. Лихачева, автора «Въ родственныхъ объятіяхъ» и переводчика «Тартюфа». Онъ мнѣ пишетъ: «Сегодня я вычиталъ въ газетѣ объявленіе объ издаваемомъ въ Москвѣ журналѣ «Артистъ», а у меня какъ разъ готова оригинальная пятиактная драма». Далѣе онъ, Лихачевъ, поручаетъ мнѣ узнать у Васъ объ условіяхъ и проч. Если Вы не прочь напечатать у себя его пьесу, то благоволите меня увѣдомить возможно подробнѣе: я напишу ему.

А за симъ позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и пребыть уважающимъ,

А. Чеховъ.

CCIII.

Е. М. Линтваревой.

(Съ подлинника).

6 Сентябрь (1889 г., Москва).

Здравствуйте, уважаемый и добрѣйшій докторъ! Наконецъ мы доѣхали до Москвы. Доѣхали благополучно и безъ всякихъ приключеній. Закусывать начали въ Ворожбѣ и кончили подъ Москвой. Циплята распространяли зловоніе. Маша [1]) во всю дорогу дѣлала видъ, что незнакома со мной и съ Семашко, такъ какъ съ нами въ одномъ вагонѣ ѣхалъ проф. Стороженко, [2]) ея бывшій лекторъ и экзаминаторъ. Чтобы наказать такую мелочность, я громко разсказывалъ о томъ, какъ я служилъ

---

[1]) Сестра Марія Павловна.
[2]) Н. И. профессоръ Моск. Унив.

поваромъ у графини Келлеръ и какіе у меня были добрые господа; прежде чѣмъ выпить, я всякій разъ кланялся матери и желалъ ей поскорѣе найти въ Москвѣ хорошее мѣсто. Семашко изображалъ камердинера.

Въ Москвѣ холодно, въ комнатахъ не прибрано, мебель тусклая. Вся душа моя на Лукѣ. Хочется сказать Вамъ тысячи теплыхъ словъ. Если бы было принято молитвословить святыхъ женъ и дѣвъ раньше, чѣмъ ангелы небесные уносятъ ихъ души въ рай, то я давно бы написалъ Вамъ и Вашимъ сестрамъ акаѳистъ и читалъ бы его ежедневно съ колѣнопреклоненіемъ, но такъ какъ это не принято, то я ограничиваюсь только тѣмъ, что зажигаю въ своемъ сердцѣ въ честь Вашу неугасимую лампаду и прошу вѣрить въ искренность и постоянство моихъ чувствъ. Само собою разумѣется, что среди этихъ чувствъ самое видное мѣсто занимаетъ благодарность.

Кланяйтесь, пожалуста, всѣмъ Вашимъ, не минуя никого, ни Григорія Алекс., ни Домнушки, ни Ульяши. Надѣюсь, что Егоръ Михайловичъ уже пересталъ заниматься свинствомъ т.-е., иначе говоря, уже не возится со своей свинкой. Александрѣ Васильевнѣ передайте, что она поступила несправедливо, не взявъ съ меня ничего за маленькій флигель. Брали съ Деконора, берете съ Артеменко, а вѣдь я, надѣюсь, ничѣмъ не хуже ихъ.

Вчера въ день пріѣзда у меня уже были гости. Семейство мое шлетъ всѣмъ Вамъ сердечный привѣтъ. Семашко тоже.

Когда я разсказывалъ Ивану [1]) о томъ, какъ Валентина Николаевна [2]) увязывала мой багажъ, то онъ минуту подумалъ, почесалъ у себя за ухомъ и глубоко вздохнулъ.

---

[1]) Братъ Иванъ Павловичъ.
[2]) Вата (см. выше).

А багажъ въ самомъ дѣлѣ былъ увязанъ такъ художественно, что мнѣ не хотѣлось развязывать.

Хладнокровна ли. Наталія Михайловна?

Ну, да хранитъ Васъ Создатель.

Душевно преданный *А. Чеховъ.*

Посылаю Вамъ свою erysipelas.

CCIV.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

7 Сент. (1889 г., Москва).

Подательница сего К. А. К. проситъ взаймы 150 руб. Такъ какъ у меня денегъ нѣтъ, то дай ты(?). А если и у тебя нѣтъ, то будь добръ, сходи въ книжный магазинъ и справься тамъ, не приходится ли мнѣ получить за книги хотя что-нибудь. Быть-можетъ, скопилось немножко. Если да, то возьми и вручи.

Твой *А. Чеховъ.*

Леонидъ Третьяковъ умираетъ отъ чахотки.

CCV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

14 Сентября (1889 г. Москва).

Громы небесные и зубы крокодиловъ да падутъ на головы Вашихъ враговъ и кредиторовъ, дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Предпославъ Вамъ такое восточное и грандіозное привѣтствіе, отвѣчаю на Ваше письмо нижеслѣдующее. На телеграмму Анны Михай-

ловны я отвѣтилъ письмомъ, гдѣ умолялъ подождать до ноябрьск. книжки; отвѣтъ я получилъ такой: «да будетъ по Вашему желанію. Отложимъ». Вы поймете всю цѣну и прелесть этого отвѣта, если вообразите себѣ г. Чехова, пишущаго, потѣющаго, исправляющаго и видящаго, что отъ тѣхъ революціонныхъ переворотовъ и ужасовъ, какіе терпитъ подъ его перомъ повѣсть, она не становится лучше ни на единый су. Я не пишу, а занимаюсь пертурбаціями. Въ такомъ настроеніи, согласитесь, не совсѣмъ удобно спѣшить печататься.

Въ моей повѣсти [1]) не два настроенія, а цѣлыхъ пятнадцать; весьма возможно, что и ее Вы назовете дерьмомъ. Она въ самомъ дѣлѣ дерьмо. Но льщу себя надеждою, что Вы увидите въ ней два-три новыхъ лица, интересныхъ для всякаго интеллигентнаго читателя; увидите одно-два новыхъ положенія. Льщу себя также надеждою, что мое дерьмо произведетъ нѣкоторый гулъ и вызоветъ ругань во вражескомъ станѣ. А безъ этой ругани нельзя, ибо въ нашъ вѣкъ, вѣкъ телеграфа, театра Горевой и телефоновъ, ругань—родная сестра рекламы.

Что касается Короленко, то дѣлать какія-либо заключенія о его будущемъ—преждевременно. Я и онъ находимся теперь именно въ томъ фазисѣ, когда фортуна рѣшаетъ, куда пускать насъ: вверхъ, или внизъ по наклону. Колебанія вполнѣ естественны. Въ порядкѣ вещей былъ бы даже временный застой.

Мнѣ хочется вѣрить, что Короленко выйдетъ побѣдителемъ и найдетъ точку опоры. На его сторонѣ крѣпкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядовъ и ясный, хорошій умъ, хотя и не чуждый предубѣжденій, но зато свободный отъ предразсудковъ. Я тоже не дамся фортунѣ живой въ руки. Хотя у меня и нѣтъ того, что есть

---

[1]) «Скучная Исторія».

у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня въ прошломъ масса ошибокъ, какихъ не зналъ Короленко, а гдѣ ошибки, тамъ и опытъ. У меня кромѣ того шире поле брани и богаче выборъ; кромѣ романа, стиховъ и доносовъ, я все перепробовалъ. Писалъ и повѣсти ,и разсказы, и водевили, и передовыя, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ для Стрекозы. Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за разсказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевиль и этакъ безъ конца, до самой дохлой смерти. Такъ что при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя и на Короленко окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данныхъ, говорящихъ за или противъ. Погодимъ еще лѣтъ пять, тогда видно будетъ.

Вчера у меня былъ П. Н. Островскій, заставшій у меня петербургскаго помѣщика Соковнина. Петръ Н. умный и добрый человѣкъ; бесѣдовать съ нимъ пріятно, но спорить такъ же трудно, какъ со спиритомъ. Его взгляды на нравственность, на политику и проч.—это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Поглядишь на него справа—матеріалистъ, зайдешь слѣва—франкъ-масонъ. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающихъ, но мало образованныхъ, не привыкшихъ къ точнымъ опредѣленіямъ и къ тѣмъ пріемамъ, которые учатъ людей уяснять себѣ то, о чемъ думаешь и говоришь.

Театръ Горевой такая чепуха! Сплошной нуль. Таланты, которые въ немъ подвизаются, такіе же облѣзлые, какъ голова Б., который недѣлю тому назадъ составлялъ для меня почтенную величину, теперь же представляется мнѣ просто чудакомъ, котораго въ дѣтствѣ мамка ушибла. Побесѣдовавъ съ нимъ и поглядѣвъ на дѣла рукъ его, я разочаровался, какъ женихъ, невѣста котораго позво-

лила себѣ нечаянно издать въ обществѣ неприличный звукъ.

Говорятъ, у Абрамовой дѣла идутъ хорошо. Уже встрѣчалъ я геніальныхъ людей, успѣвшихъ нагрѣть руки около ея бумажника. Даетъ авансы.

Что дѣлаетъ Жанъ? Живъ ли онъ? Не задавили ли его гдѣ-нибудь за кулисами? Не умеръ ли онъ отъ испуга, узнавъ, что въ его «Дачномъ мужѣ» вмѣсто госпожи Пыжиковой будетъ играть г-жа Дымская-Стульская 2-я? Если Вамъ приходится видѣть его и слушать его трагическій смѣхъ, то напомните ему о моемъ существованіи и кстати поклонитесь ему.

Всѣмъ Вашимъ мой сердечный привѣтъ.

Будьте здоровы. Дай Богъ Вамъ счастья и всего самаго лучшаго.

Вашъ Antoine, онъ же Потемкинъ.

Адресъ: Таврида, спальня Екатерины II.

CCVI.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

15 Сент. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, россійскій Сарду! Откликаюсь: я здѣсь!! Очень радъ, что Вы живы, здравы и что скоро я буду имѣть удовольствіе лицезрѣть Васъ и «Лучи и тучи», о которыхъ слышалъ отъ Корша. Новаго нѣтъ ни бельмеса. Все старо и все попрежнему превосходно, благополучно и гадко (густая помѣсь оптимизма съ пессимизмомъ).

Коршъ говорилъ, что Ваше «Безъ коромысла и утюга» будетъ еще идти у него; пойду поглядѣть, такъ какъ еще не видѣлъ. Что еще написать Вамъ? Про погоду? Ничего, хороша.

Кончилъ длинную повѣсть [1]). Вещь тяжеловѣсная, такъ что человѣка убить можно. Тяжеловѣсна не количествомъ листовъ, а качествомъ. Нѣчто неуклюжее и громоздкое. Мотивъ затрагиваю новый.

Жду. Будьте здоровеньки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVII.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

18 сент. (1889 г. Москва).

Г. Театралъ!

Отвѣтствую на Ваше почтенное письмо. Передѣлкѣ «Гордіева узла» аплодирую, но неохотно, такъ какъ я люблю этотъ романъ и не могу допустить, чтобы онъ выигралъ отъ передѣлки. Ваше распредѣленіе ролей является преждевременнымъ. Труппа Корша нѣсколько обновилась, и Вамъ прежде, чѣмъ распредѣлять роли, необходимо познакомиться съ ея новыми элементами. Я видѣлъ только Медвѣдева (добродушный старикъ) и Потоцкую, милую барышню съ огонькомъ и съ благими намѣреніями, претендующую на сильныя драматическія роли. Есть еще Людвиговъ, Красовская, но этихъ я не видѣлъ.

Каковъ былъ Солонинъ въ моемъ «Ивановѣ», я не знаю, такъ какъ не успѣлъ еще побывать. Въ среду, если пой-

---

[1]) «Скучная Исторія».

детъ «Ивановъ», схожу и посмотрю, и возьму для васъ афишу. Думаю,что въ Горичѣ онъ будетъ не особенно дуренъ.

Я вожусь съ повѣстью, и возня эта уже на исходѣ. Дней черезъ пять тяжелая, увѣсистая белиберда пойдетъ въ Питеръ, въ типографію Демакова. Это не повѣсть, а диссертація. Придется она по вкусу только любителямъ скучнаго, тяжелаго чтенія, и я дурно дѣлаю, что не посылаю ее въ «Артиллерійскій журналъ».

Съ моими водевилями цѣлая революція. «Предложеніе» шло у Горевой — я снялъ съ репетуара; изъ-за «Медвѣдя» Коршъ ругается съ Абрамовой: первый тщетно доказываетъ свое исключительное право на сію пьесу, а абрамовскій Соловцовъ говоритъ, что «Медвѣдь» принадлежитъ ему, такъ какъ онъ сыгралъ его уже 1817 разъ. Самъ чортъ не разберетъ! Малый театръ въ обидѣ, что «Ивановъ» идетъ у Корша, и Ленскій до сихъ поръ еще не былъ у меня: должно, сердится. Бѣда съ вами, гг. театральные дѣятели!

Ну-съ, будьте здоровы. Жду васъ въ Москвѣ. Условіе: говорить о театрѣ будемъ, но не больше часа въ сутки. Или такъ: я буду говорить о немъ, а не вы. Идетъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCVIII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

24 Сентября (1889 г. Москва).

Это письмо, дорогой Алексѣй Николаевичъ, посылается на почту вмѣстѣ съ разсказомъ, на который я наконецъ махнулъ рукой и сказалъ ему: изыди отъ меня, окаянный, въ огнь скучной критики и читательскаго

равнодушія! Надоѣло съ нимъ возиться. Называется онъ такъ: «Скучная исторія» (Изъ записокъ стараго человѣка). Самое скучное въ немъ, какъ увидите, это длинныя разсужденія, которыхъ къ сожалѣнію нельзя выбросить, такъ какъ безъ нихъ не можетъ обойтись мой герой, пишущій записки. Эти разсужденія фатальны и необходимы, какъ тяжелый лафетъ для пушки. Они характеризуютъ и героя, и его настроеніе, и его вилянье передъ самимъ собой. Прочтите, голубчикъ, и напишите мнѣ. Прорѣхи и пробѣлы Вамъ виднѣе, такъ какъ разсказъ не надоѣлъ еще Вамъ и не намозолилъ глазъ, какъ мнѣ.

Боборыкинъ ушелъ отъ Горевой и умно сдѣлалъ.

Человѣку съ такой литературной репутаціей, какъ у него, не мѣсто въ этомъ театрѣ, да и не къ лицу быть мишенью для насмѣшекъ и сплетенъ разныхъ прохвостовъ и ничтожествъ. Онъ не пересталъ быть для меня симпатичнымъ; я писалъ Вамъ, что онъ показался мнѣ чудакомъ въ высшей степени и онъ въ самомъ дѣлѣ чудакъ. Его пребываніе у Горевой, его Донъ-Карлосы и Мизантропы, разыгрываемые сапожниками, это если не шалость, то чудачество.

Островскій вовсе не консерваторъ. Онъ просто обыватель, ведущій замкнутую жизнь, сердитый на себя въ настоящемъ, любящій свое прошлое и не знающій, на чемъ бы сорвать свое сердце. Человѣкъ онъ добрый и въ высшей степени добропорядочный; но спорить съ нимъ трудно. Трудно не потому, что высказываетъ онъ противоположные взгляды, а потому, что пріемы для спора у него временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Сейчасъ иду на засѣданіе Комитета—это первое засѣданіе въ этомъ сезонѣ.

Всѣ говорятъ и пишутъ мнѣ, чтобы я написалъ большую пьесу. Актеры Малаго театра берутъ съ меня слово,

что я непремѣнно напишу. Эхъ, кабы было время! Хорошей пьесы не написалъ бы, но деньжищъ заграбасталъ бы достаточно.

Смѣшно сказать! «Ивановъ» и книжки сдѣлали меня рантьеромъ. Будь я одинъ, могъ бы прожить бы безбѣдно года два-три, лежа на диванѣ и пуская плевки въ потолокъ.

Напишите мнѣ. Видѣли ли Григоровича?

Будьте живы, здоровы, покойны и богаты. Обнимаю Васъ крѣпко и цѣлую. Вашимъ мой нижайшій поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCIX.

Ему же.

(Съ подлинника).

30 Сент. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Большущее Вамъ спасибо за письмо и за указанія, которыми я непремѣнно воспользуюсь, когда буду читать корректуру. Не согласенъ я съ Вами только въ очень немногомъ. Такъ, напр., заглавіе повѣсти перемѣнять не слѣдуетъ— тѣ прохвосты, которые будутъ, по Вашему предсказанію, острить надъ «скучной исторіей» такъ не остроумны, что бояться ихъ нечего; если же кто сострить удачно, то я буду радъ, что далъ къ тому поводъ. Профессоръ не могъ написать о мужѣ Кати, такъ какъ онъ его не знаетъ, а Катя молчитъ о немъ; къ тому же мой герой—и это одна изъ его главныхъ чертъ—слишкомъ безпечно относится къ внутренней жизни окружающихъ и въ то время, когда около него плачутъ, ошибаются, лгутъ, онъ преспокойно трактуетъ о театрѣ,

литературѣ; будь онъ иного склада, Лиза и Катя пожалуй бы не погибли.

Да, о прошломъ Кати вышло длинно и скучно. Но иначе вѣдь ничего не подѣлаешь. Если бъ я постарался сдѣлать это мѣсто болѣе интереснымъ, то, согласитесь, моя повѣсть стала бы отъ этого вдвое длиннѣе.

Что касается письма Михаила Ѳед. съ кусочкомъ слова «страстн», то натяжки тутъ нѣтъ.

Повѣсть, какъ и сцена, имѣетъ свои условія. Такъ мнѣ мое чутье говоритъ, что въ финалѣ повѣсти или разсказа я долженъ искусственно сконцентрировать въ читателѣ впечатлѣніе отъ всей повѣсти, и для этого хотя мелькомъ, чуть-чуть, упомянуть о тѣхъ, о комъ раньше говорилъ. Быть-можетъ я и ошибаюсь.

Васъ огорчаетъ, что критики будутъ ругать меня. Что жъ? Долгъ платежомъ красенъ. Вѣдь мой профессоръ бранитъ же ихъ.

Я теперь отдыхаю. Для прогулокъ избралъ я шумную область Мелпомены, куда и совершаю нынѣ экскурсію. Пишу, можете себѣ представить, большую комедію-романъ и уже накаталъ залпомъ $2^1/_2$ акта. Послѣ повѣсти комедія пишется очень легко. Вывожу въ комедіи хорошихъ, здоровыхъ людей, наполовину симпатичныхъ; конецъ благополучный. Общій тонъ—сплошная лирика. Называется «Лѣшій».

Я просилъ высылать гонораръ по частямъ не столько изъ деликатности, которую Вы слишкомъ преувеличиваете, сколько изъ разсчета. Если бы мнѣ выслали все сразу, то я сразу бы и прожилъ. Я чувствую какой-то зудъ и ноздревскій задоръ, когда знаю, что у меня въ столѣ лежатъ деньги. Когда будете въ конторѣ, то скажите, что первую часть гонорара я жду перваго октября, а вторую—перваго ноября и т. д. Перваго числа я разсчитываюсь съ лавочникомъ и съ мясникомъ.

Всѣ мои здравствуютъ и шлютъ Вамъ поклонъ. «Лѣшаго» кончу къ 20 Октябрю и пришлю въ Питеръ, а затѣмъ отдыхаю недѣлю и сажусь за продолженіе своего романа.

Въ засѣданіи Комитета, о которомъ я писалъ, разбиралось много дѣлъ, но все мелкихъ, мало интересныхъ, хотя и курьезныхъ. Хозяйство ведется превосходно и Кондратьевъ человѣкъ незамѣнимый.

Александровъ держится хорошо. Онъ юристъ и это много помогаетъ намъ при разрѣшеніи разныхъ дѣлъ кляузнаго свойства.

Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы и еще разъ большое спасибо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCX.

А. П. Ленскому.

(Москва, 1889 г. Сент.).

(Въ заголовкѣ письма приклеена печатная вырѣзка).

«Ленскій А. П».
«Московской сцены Гамлетъ и Отелло».
«Въ гостинныхъ Лиръ, съ друзьями—Мозаньелло».

Что значитъ «Мазаньелло»?

Очень жалѣемъ что въ воскресенье вечеромъ насъ не было дома: ходили слушать «Русалку».

Повѣсть свою уже послалъ. Пьесу началъ и уже написалъ половину перваго акта. Если ничто не помѣшаетъ и если мои вычисленія вѣрны, то кончу ее не позже 20 октября. Семь мужскихъ ролей и четыре женскихъ, не считая прислуги и гостей.

Завтра пойду смотрѣть село Знаменское и мечтаю увидѣться съ Вами.

Поклонъ Лидіи Николаевнѣ и . . . . . .
. . . . . .

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXI.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Сент.).

Неужели и въ послѣднемъ разсказѣ не видно «направленія»? Вы какъ то говорили мнѣ, что въ моихъ разсказахъ отсутствуетъ протестующій элементъ, что въ нихъ нѣтъ симпатій и антипатій... Но развѣ въ разсказѣ отъ начала и до конца я не протестую противъ лжи? Развѣ это не направленіе? Нѣтъ? Ну, такъ значитъ я не умѣю кусаться, или я блоха.

Цензуру я боюсь. Она вычеркнетъ то мѣсто, гдѣ я описываю предсѣдательство Петра Дмитрича. Вѣдь нынѣшніе предсѣдатели въ судахъ всѣ такіе!

Ахъ, какъ я Вамъ надоѣлъ!

А. Ч.

CCXII.

Ему же.

(Съ подлинника).

1-го Октября (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ! У Васъ есть переводная пьеса «Мѣдные лбы» Скриба. Ее хочетъ поставить на свой бенефисъ артистъ Коршевскаго театра Н. В. Свѣтловъ. Если Вы ничего не имѣете противъ и если

нѣтъ законныхъ препятствій, то потрудитесь увѣдомить возможно скорѣй. Отвѣтьте или мнѣ, или же «Николаю Васильевичу Свѣтлову, Театръ Корша въ Москвѣ». Цѣлую Васъ крѣпко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIII.

А. П. Ленскому.

(Москва, 1889 г. Окт.).

Пьеса [1]) готова и уже переписывается начисто. Если она сгодится, то очень радъ служить и буду весьма польщенъ, если мое дѣтище увидитъ кулисы Малаго театра. Роль Ваша вышла большая и, надѣюсь, не легкая. Хороши также роли, которыя я имѣю въ виду предложить Гореву, Садовскому, Южину, Рыбакову и Музилю.

Пьеса пойдетъ 31 октября въ Питерѣ въ бенефисъ. Стало-быть, 25—28 придется ѣхать въ Питеръ. Не хочется. Поклонъ Лидіи Николаевнѣ и Сасику. Экземпляръ пьесы пришлю черезъ 2—3 дня, когда кончу переписывать.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

6 Окт. (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ! Податель сего П. М. Свободинъ, мой хорошій знакомый, котораго рекомендую Вамъ за весьма трезваго и надежнаго человѣка.

[1]) «Лѣшій».

имѣетъ Вамъ вручить корректуру моей прокламаціи, которую благоволите при оказіи отослать къ Аннѣ Михайловнѣ для ноябрьской книжки.

Насчетъ гонорара и моей просьбы, которая Вамъ не понравилась, я того же мнѣнія, что и Вы; мнѣ самому не по нутру подобныя просьбы и если я обратился къ Вамъ, то только благодаря своей неуклюжей недогадливости. Даю слово впредь не одолѣвать Васъ денежными, гонорарами и иными болѣе или менѣе щекотливыми порученіями.

При семъ прилагаю стихотвореніе, которое просилъ меня послать въ Сѣверный Вѣстникъ авторъ студентъ Гурляндъ (русскій). Какъ я не увѣрялъ его, что два раза слово «навозъ» въ первыхъ строкахъ—слишкомъ жирное удобреніе для стиховъ, онъ не повѣрилъ мнѣ.

А я написалъ комедію! Хоть плохую, а написалъ! Въ Сентябрѣ и въ началѣ Октября работалъ такъ, что въ головѣ даже мутно и глаза болятъ. Теперь 2 недѣли буду отдыхать.

Прислалъ ли что-нибудь Короленко? Жаль, если нѣтъ. Ноябрьская и декабрьская книжки должны быть обмундированы вовсю.

Если не полѣнитесь заглянуть въ корректуру, то увидите, что Ваши указанія имѣли подобающую силу. Не забывайте насъ грѣшныхъ и впредь. Совѣты, указанія и мелкія замѣчанія—все это я мотаю на усъ и пріобщаю къ дѣлу. У меня вѣдь только два указчика: Вы и Суворинъ. Былъ когда-то еще Григоровичъ, да сплылъ.

Пусть Свободинъ разскажетъ вамъ о московской погодѣ.

Всѣмъ Вашимъ мой поклонъ и привѣтъ.

Будьте счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Вы жалуетесь, что у Васъ денегъ нѣтъ. Ахъ, зачѣмъ Вы не служите въ цензурѣ?

CCXV.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Окт.).

Едва послалъ Вамъ письмо, какъ получилъ отъ Васъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, извѣстіе, которое очень не понравится Свѣтлову. Я сейчасъ собщу ему Вашъ отвѣтъ и буду настойчиво рекомендовать «Дурного человѣка».

Если-бы Ваше письмо пришло двумя часами позже, то мой разсказъ былъ бы посланъ Вамъ, теперь же онъ на полпути въ Басковъ пер.

Былъ бы радъ прочесть, что написалъ Мережковскій. Пока до свиданія. Прочитавши мой разсказъ, напишите мнѣ. Онъ Вамъ не понравится, но Васъ и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретари консисторій, такъ и Нотовичъ съ Градовскимъ. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и аб-

солютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ.

Однако я заболтался. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVI.

Ѳ. А. Куманину.

(Съ подлинника).

10 Октября (1889 г. Москва).

Моя пьеса называется такъ: «Лѣшій», комедія въ 4 дѣйств. Вы спрашиваете, увѣренъ ли я, что она пойдетъ на сценѣ Малаго театра? Пока она не пройдетъ сквозь цензуру и литерат.-театр. комитетъ и пока не будетъ прочитана актерами Малаго театра, я ничего не могу сказать Вамъ съ увѣренностью. Что же касается «Калхаса», то въ прошлый сезонъ о немъ былъ у меня съ Ленскимъ разговоръ; собирались ставить и все откладывали. Теперь же я до поры до времени не хотѣлъ бы напоминать объ этомъ ни печатно, ни устно. Рисунокъ Пастернака очень хорошъ. Простите, что задержалъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXVII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

13 Октября (не хорошее число для начала) [1] *(1889 г. Москва).*

Съ пріѣздомъ!!

Приглашеніемъ остановиться у васъ я конечно воспользуюсь очень охотно. Тысячу разъ благодарю. Прі-

[1]) Скобки А. П.

ѣду же я гораздо позже, чѣмъ въ Октябрѣ или въ Ноябрѣ.

У меня все обстоитъ благополучно. Я почти здоровъ, семья тоже, настроеніе хорошее, деньги есть и хватитъ ихъ мнѣ до новаго года, лѣни пока нѣтъ. Лѣтомъ я бездѣльничалъ, въ послѣдніе же мѣсяцы сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было ожидать отъ такого литературнаго тюленя, какъ я. Во-первыхъ, написалъ я повѣсть въ $4^1/_2$ листа; закатилъ я себѣ нарочно непосильную задачу, возился съ нею дни и ночи, пролилъ много пота, чуть не поглупѣлъ отъ напряженія—получилось вмѣстѣ и удовольствіе, и дисциплинарное взысканіе за лѣтнее бездѣлье. Напечатана будетъ повѣсть въ Ноябр. книжкѣ Сѣв. Вѣстника.

Во-вторыхъ, едва успѣвъ кончить повѣсть и измучившись, я разбѣжался и по инерціи написалъ четырехактнаго Лѣшаго, написалъ снова, уничтоживъ все, написанное весной. Работалъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, хотя отъ писанья болѣлъ локоть и мерещилось въ глазахъ чортъ знаетъ что. За пьесой пріѣхалъ ко мнѣ Свободинъ и взялъ ее для своего бенефиса (31 Октября). Пьеса читалась Всеволожскимъ, Григоровичемъ и К°. О дальнѣйшей судьбѣ ея, коли охота, можете узнать отъ Свободина, лица заинтересованнаго, и отъ Григоровича, бывшаго предсѣдателемъ того военно-полевого суда, который судилъ меня и моего Лѣшаго. Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великіе князья будутъ на бенефисѣ), или же вообще для казенной сцены, мнѣ неизвѣстно, а увѣдомить меня объ этомъ не сочли нужнымъ.

Въ-третьихъ, я тщательно приготовляю матеріалъ для третьей книжки разсказовъ. Конечно, съ книжкой обращусь опять къ Вамъ—это 1 или 2-го ноября, не раньше.

Теперь я, отдыхаючи, передѣлываю разсказы, кое-что пишу снова.

Вотъ и все. Интереснаго ничего нѣтъ.

Говорить ли, отчего я не поѣхалъ за границу? Если не скучно, извольте. 1-го іюля я выѣхалъ за границу въ подлѣйшемъ настроеніи [1]), оставивъ въ такомъ же настроеніи всю семью. Настроеніе было безразличное: въ Тироль ли ѣхать, въ Бердичевъ, въ Сибирь ли—все равно. Зная, что въ Тиролѣ Вы проживете цѣлый мѣсяцъ, я рѣшилъ заѣхать по пути въ Одессу, куда телеграммами приглашалъ меня Ленскій. Въ Одессѣ я засталъ труппу Малаго театра. Тутъ я, лѣниво философствуя и не зная, куда дѣваться отъ жары, размыслилъ, что на дорогу у меня не хватитъ денегъ, но все-таки рѣшилъ ѣхать въ Тироль. Но вотъ что ударило меня по ногамъ и сбило съ толку: Ваши телеграммы я получалъ, а мои телеграммы не доходили до Васъ и я получалъ такой отвѣтъ (документы цѣлы): «Souvorin inconnu Depeche en depot-direction». А тутъ пошли всякія соблазны, финансовыя соображенія и проч., что все вмѣстѣ взятое окончательно сбило меня, спутало и я изъ Одессы, имѣя въ карманѣ менѣе 400 руб., поѣхалъ въ Ялту. Здѣсь застрялъ. Описывать свои крымскія похожденія не стану, ибо для этого у меня не хватаетъ таланта англійскаго юмориста Бернарда.

Я жалѣю, что не былъ за границей, мнѣ стыдно передъ самимъ собой и Вами, которому я доставилъ столько хлопотъ, но въ то же время я немножко радъ этому. Вѣдь, если бы я поѣхалъ, то я завязъ бы по уши въ долги, вернулся бы только теперь, ничего бы не сдѣлалъ, а все это для такого труса, какъ я, пуще Игоревой смерти.

---

[1]) Послѣ смерти брата Николая Павловича.

Я часто вспоминаю о Васъ. Какъ Ваше здоровье? Что написали новаго, или что задумали? Что привезли? У меня забытый Вами Бальзакъ, взятый Елизаветой Захаровной изъ библіотеки. Что съ нимъ дѣлать? Съ лодками Оболенскаго цѣлая исторія. О ней послѣ.

Аннѣ Ивановнѣ передайте мой сердечный привѣтъ. Настѣ и Борѣ тоже.

Будьте здоровы и не сердитесь на

Вашего *А. Чехова.*

Пью рыбій жиръ и Obersalzbrunnen. Противно!

CCXVIII.

Ему же.

(Съ подлинника).

15 Окт. (1889 г. Москва).

Теперь, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, позвольте о скучныхъ дѣлахъ:

1) Мнѣ прислалъ Павленковъ корректуру медиц. отдѣла въ Русскомъ Календарѣ, прося подробныхъ поправокъ. Если Павленковъ будетъ бранить меня за медленность, то скажите ему, что исполнить его желаніе я могу только въ будущемъ году. Собирать теперь необходимыя справки поздно. Количество кроватей, плата за больныхъ и проч.—все это неизвѣстно ни одному календарю и можетъ быть приведено въ извѣстность только двумя путями: или офиціальнымъ порядкомъ, который не въ моей власти или же исподволь, черезъ разспросы врачей и проч., что я по малости и дѣлаю теперь.

2) Въ январѣ, живучи у Васъ, я получилъ изъ Москвы письмо, подписанное братомъ покойнаго А. Н. Остров-

скаго. Сей человѣкъ поручалъ мнѣ спросить у Васъ: не возьметесь ли Вы издать дѣтскіе разсказы его сестры Н. Н. Островской, сотрудницы дѣтскихъ журналовъ? Я это письмо показалъ Вамъ и Вы отвѣтили мнѣ такъ:

— Хорошо, я издамъ. Только теперь не время издавать дѣтскіе разсказы. Пусть присылаетъ осенью.

Сегодня былъ у меня Островскій и спрашивалъ у меня, какъ ему быть и что дѣлать. Приходилъ онъ ко мнѣ и раньше, но я отговаривался тѣмъ, что Вы за границей. Теперь Вы пріѣхали. Что сказать ему? Если Вашъ отвѣтъ, данный мнѣ зимою, остается въ прежней силѣ, то куда посылать рукописи: Вамъ или Неупокоеву?

Кстати еще объ одномъ моемъ протеже. Какъ-то разъ вечеромъ Вы, Анна Ивановна и я разговорились о романахъ, которые намъ приходилось читать въ давно минувшее время. Вспомнили между прочимъ романъ нѣкоего Райскаго «Семейство Снѣжиныхъ»—романъ, если вѣрить моей памяти, очень недурной. Когда я и Анна Ивановна припоминали содержаніе этого романа, Вы сказали, что не дурно бы его издать, а я пообѣщалъ отыскать автора. Поиски мои ни къ чему не повели, такъ какъ Райскій оказался безпаспортнымъ, не прописаннымъ, живущимъ въ пространствѣ. Я забылъ о немъ и объ его романѣ, но на-дняхъ онъ явился ко мнѣ. Оборванный, истерзанный недугами, развинченный.. Оказывается, что лѣтомъ у него былъ пожаръ, который уничтожилъ единственный бывшій у него экземпляръ романа, все имущество, рукописи и любимую, дорого стоящую собаку. Послѣ пожара была нервная горячка. Онъ обѣщалъ сходить къ букинистамъ и поискать свой романъ, но повидимому о своемъ обѣщаніи забылъ, такъ какъ ко мнѣ не показывается и о немъ ни слуху, ни духу.

3) Больше никакихъ дѣлъ нѣтъ.

Вчера былъ у меня П. Чайковскій, что мнѣ очень польстило: во-первыхъ большой человѣкъ, во-вторыхъ я ужасно люблю его музыку, особенно Онѣгина. Хотимъ писать либретто [1]).

Что съ Боткинымъ? Извѣстіе о его болѣзни мнѣ очень не понравилось. Въ русской медицинѣ онъ то же самое, что Тургеневъ въ литературѣ.. (Захарьина я уподобляю Толстому)—по таланту.

Поклонитесь Вашимъ и пребывайте здоровымъ и счастливымъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXIX.

Ал. П. Чехову.

(Съ подлинника).

(Москва, 1889 г. Октябрь).

Великолѣпный и женатый братъ мой Саша!

У меня къ тебѣ есть просьба, которая очень затруднитъ тебя, но тѣмъ не менѣе подлежитъ скорѣйшему исполненію. Я спѣшно приготовляю матеріалъ для новой книжки. Въ сію книжицу между прочимъ войдетъ разсказъ «Житейская мелочь». Первая часть этого разсказа помѣщена въ 4404 № Новаго Времени (іюнь 1888 г.) и имѣется у меня, вторая же часть помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ по 4404 номеровъ и у меня не имѣется. Я убѣдительно прошу тебя поспѣшить отыскать эту вторую часть. Если можно достать номеръ газеты, то вышли номеръ; если нельзя достать, то поручи кому-

---

[1]) Для оперы «Бэла» (по Лермонтову), которую задумывалъ тогда П. И. Чайковскій.

нибудь скопировать. Копировать можно хоть куринымъ почеркомъ, лишь бы только скорѣе. Не откажи.

Когда пріѣдетъ Суворинъ?

Твой посаженный папаша [1]) держитъ экзамены. Зубритъ. Всѣ здоровы. Батька старѣетъ.

Твоей половинѣ и двумъ шестнадцатымъ мой поклонъ и благословеніе навѣки нерушимое.

Твой *А. Чеховъ.*

Хотѣлъ было пріѣхать въ Питеръ къ 25 октября, но ваша дирекція забраковала мою новую пьесу [2]). Подробности узнаешь у Свободина.

CCXX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

17 Окт. (1889 г. Москва).

Насчетъ медиц. отдѣла для календаря я вчера написалъ Вамъ. Сегодня Островскій, о которомъ я тоже уже писалъ, притащилъ цѣлый тюкъ разсказовъ своей сестры.

Гореву бьютъ и бранятъ, и конечно несправедливо, такъ какъ бить и бранить публично слѣдуетъ только за зло, да и то съ разборомъ. Но Горева ужасно плоха. Я былъ разъ въ ея театрѣ и чуть не околѣлъ съ тоски. Труппа сѣрая, претензіи подавляющія.

Не радуйтесь, что Вы попали въ мою пьесу. Рано пташечка запѣла. Ваша очередь еще впереди. Коли буду живъ, опишу Ѳеодосійскія ночи, которыя мы вмѣстѣ проводили въ разговорахъ, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по полямъ линтваревской мельницы—больше

---

[1]) Братъ Мих. Пав.
[2]) «Лѣшій».

мнѣ отъ Васъ пока ничего не нужно. Въ пьесѣ же Васъ нѣтъ да и не можетъ быть, хотя Григоровичъ со свойственною ему проницательностью и видитъ противное. Въ пьесѣ идетъ рѣчь о человѣкѣ нудномъ, себялюбивомъ, деревянномъ, читавшемъ объ искусствѣ 25 лѣтъ и ничего не понимавшемъ въ немъ; о человѣкѣ, наводящемъ на всѣхъ уныніе и скуку, не допускающемъ смѣха и музыки и проч. и проч. и при всемъ томъ необыкновенно счастливомъ. Не вѣрьте Вы Бога ради всѣмъ этимъ господамъ, ищущимъ во всемъ прежде всего худа, мѣряющимъ всѣхъ на свой аршинъ и приписывающимъ другимъ свои личныя лисьи и барсучьи черты. . . . .

. . . . . .

На-дняхъ я встрѣтился въ театрѣ съ однимъ петербургскимъ литераторомъ. Разговорились. Узнавъ отъ меня, что лѣтомъ въ разное время перебывали у меня Плещеевъ, Баранцевичъ, Вы, Свободинъ и другіе, онъ сочувственно вздохнулъ и сказалъ:

— Напрасно вы думаете, что это хорошая реклама. Вы слишкомъ ошибаетесь, если разсчитываете на нихъ.

То-есть Васъ я пригласилъ къ себѣ, чтобы было кому писать обо мнѣ, а Свободина приглашалъ, чтобы было кому всучить свою пьесу. И послѣ разговора съ литераторомъ у меня теперь во рту такое чувство, какъ будто вмѣсто водки я выпилъ рюмку чернилъ съ мухами. Все это мелочи, пустяки, но не будь этихъ мелочей, вся человѣческая жизнь всплошную состояла бы изъ радостей, а теперь она наполовину противна. Если Вамъ подаютъ кофе, то не старайтесь искать въ немъ пива. Если я преподношу Вамъ профессорскія мысли, то вѣрьте мнѣ и не ищите въ нихъ чеховскихъ мыслей. Покорно Васъ благодарю. Во всей повѣсти есть только одна мысль, которую я раздѣляю и которая сидитъ въ головѣ профессорскаго

зятя, мошенника Гнеккера, это «спятилъ старикъ»! Все же остальное придумано и сдѣлано... Гдѣ Вы нашли публицистику? Неужели Вы такъ цѣните вообще какія бы то ни было мнѣнія, что только въ нихъ видите центръ тяжести, а не въ манерѣ высказыванія ихъ, не въ ихъ происхожденіи и проч.? Значитъ, и «Disciple» Бурже публицистика? Для меня, какъ автора, всѣ эти мнѣнія по своей сущности не имѣютъ никакой цѣны. Дѣло не въ сущности ихъ; она перемѣнчива и не нова. Вся суть въ природѣ этихъ мнѣній, въ ихъ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и проч. Ихъ нужно разсматривать, какъ вещи, какъ симптомы, совершенно объективно, не стараясь ни соглашаться съ ними, ни оспаривать ихъ. Если я опишу пляску Св. Витта, то вѣдь Вы не взглянете на нее съ точки зрѣнія хореографа? Нѣтъ? То же нужно и съ мнѣніями. Я вовсе не имѣлъ претензіи ошеломить Васъ своими удивительными взглядами на театръ, литературу и проч; мнѣ только хотѣлось воспользоваться своими знаніями и изобразить тотъ заколдованный кругъ, попавъ въ который добрый и умный человѣкъ при всемъ своемъ желаніи принимать отъ Бога жизнь такою, какая она есть, и мыслить о всѣхъ по-христіански, волей-неволей ропщетъ, брюзжитъ, какъ рабъ, и бранитъ людей даже въ тѣ минуты, когда принуждаетъ себя отзываться о нихъ хорошо. Хочетъ вступиться за студентовъ, но кромѣ лицемѣрія и жителевской [1]) ругани ничего не выходитъ. Впрочемъ, все это длинная исторія.

. . . . . .

Пріѣзжайте въ Москву. Пойдемъ вмѣстѣ въ театръ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Сотрудникъ «Новаго Времени» Житель (Дьяковъ).

CCXXI.

И. Л. Щеглову.

(По копіи, доставленной адресатомъ).

21 Окт. (1889 г. Москва).

Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачнымъ мужьямъ въ Вашемъ лѣсу я уже достаточно наказанъ рокомъ: мой Лѣшій хлопнулся и лопнулъ. Успокойте Ваши щеглиные нервы и да хранитъ Васъ небо.

Новаго ничего нѣтъ. Читалъ я Вашего «Кожанаго актера» и очень радъ, что могу салютовать Вамъ. Разсказъ *превосходный*. Особенно пластично то мѣсто, гдѣ мелькаетъ малый въ дубленомъ полушубкѣ. Молодецъ Вы, Жанушка. Только на кой чортъ въ этомъ тепломъ, ласковомъ разсказѣ сдались Вамъ такіе жителевскіе перлы, какъ «*облыжный*», «*бутербродный*» и т. п? Къ такой нѣжной и нервной натурѣ каковою я привыкъ считать Васъ, совсѣмъ не идутъ эти ерническія слова. Бросьте Вы ихъ къ анаѳемѣ, будь они трижды прокляты...

Очень хорошо «нажми педаль», хороша рожа у гастролера. Заглавіе тоже хорошее.

Напишите съ десятокъ такихъ разсказовъ изъ театральной жизни, соберите въ одинъ томикъ. Успѣхъ будетъ полный!

Очень, очень радъ, что цензура запретила передѣлку «Гордіева узла». Такъ Вамъ и нужно! Это урокъ: въ другой разъ не будете покушаться на свои романы и повѣсти.

Въ Москвѣ былъ Тихоновъ.

Щеглова въ Москвѣ еще не было. Но его нетерпѣливо ждутъ. Когда онъ пріѣдетъ?

Ну, будьте счастливы. Родите поскорѣе еще кожанаго актера.

Кланяйтесь Вашей женѣ и позвольте пожать Вамъ щеглиную лапку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

21 Октябрь (1889 г. Москва).

Привѣтъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Большое спасибо за письмо. Что же касается моего здоровья и настроенія, о которыхъ Вы спрашиваете, то нельзя сказать, чтобы они были плохи. Живется сносно, изрѣдка выпадаютъ хорошія минуты, а въ общемъ, выражаясь языкомъ биржевиковъ, настроеніе вялое.

Одинъ докторъ [1]), очень милый человѣкъ (иль завистью его лукавый мучилъ, или медицинскій столъ ему наскучилъ) поручилъ мнѣ во что бы то ни стало послать въ Сѣв. Вѣстн. два стихотворенія, которыя и прилагаю. Хочетъ онъ, чтобы стихи эти были напечатаны непремѣнно и не позже декабря. Но такъ какъ Вы изъ свойственнаго всѣмъ поэтамъ духа конкуренціи, не пожелаете ихъ напечатать, то потрудитесь написать мнѣ, что стихи хороши, но что по случаю накопленія срочнаго и очереднаго матеріала, они могутъ быть напечатаны не раньше августа, а я прочту ему.

Свободинъ нисколько не виноватъ. Если пьеса въ самомъ дѣлѣ никуда не годится и если не велитъ начальство, то что подѣлаешь? Виноватъ онъ только въ нерасчет-

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

ливости: дорога ко мнѣ обошлась ему не меньше ста рублей.

О моей пьесѣ ни слуху, ни духу. Съѣли ли ее мыши, пожертвовала ли ее дирекція въ Публичную библіотеку, сгорѣла ли она со стыда за ложь Григоровича, который любитъ меня какъ родного сына—все можетъ быть, но мнѣ *ничего* не извѣстно. Никакихъ извѣщеній и мотивировокъ ни отъ кого я не получалъ, ничего не знаю, а запросовъ никакихъ не дѣлаю изъ осторожности, чтобы запросъ мой не былъ истолкованъ, какъ просьба или непремѣнное желаніе вѣнчать себя Александринскими лаврами. Я самолюбивъ вѣдь, какъ свинья.

Упорное молчаніе гг. членовъ того военно-полевого суда, который судилъ моего Лѣшаго, я могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только горячимъ сочувствіемъ къ моему таланту и желаніемъ продлить то райски-сладострастное наслажденіе, какое доставляетъ мнѣ пріятное невѣдѣніе. Кто знаетъ? Быть-можетъ, моя пьеса признана геніальной.. Развѣ не сладко гадать?

Петерб. газета извѣщаетъ, что моя пьеса признана «прекрасной драматизированной повѣстью». Очень пріятно. Значитъ, что-нибудь изъ двухъ: или я плохой драматургъ, въ чемъ охотно расписываюсь, или же лицемѣры всѣ тѣ господа, которые любятъ меня, какъ родного сына, и умоляютъ меня Бога ради быть въ пьесахъ самимъ собою, избѣгать шаблона и давать сложную концепцію.

Южаковъ ушелъ? Ничего, вернется. Если Михайловскій, Ю. и К°, въ концѣ-концовъ, не поступятъ въ болгарскіе министры, то рано или поздно они всѣ вернутся въ Сѣверный Вѣстникъ. Держу пари. Уходъ Ю.—это громадная, незамѣнимая потеря для тѣхъ читателей, которыхъ лѣтомъ одолѣваютъ мухи. Статьи Ю., какъ сонно-одуряющее средство, дѣйствительнѣе мухомора.

Не выпускайте Стасова. Онъ хорошо читается и возбуждаетъ разговоры. А статья его о парижской выставкѣ совсѣмъ-таки хорошая статья.

При той наклонности, какая существуетъ даже у очень хорошихъ людей, къ сплетнѣ, ничто не гарантировано отъ нечистыхъ подозрѣній. Таковъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ относительно невѣрно понимаемыхъ отношеній Кати къ профессору [1]). Ужъ коли отвыкли отъ вѣры въ дружбу, въ уваженіе, въ безграничную любовь, какая существуетъ у людей внѣ половой сферы, то хоть бы мнѣ не приписывали дурныхъ вкусовъ. Вѣдь если бы Катя была влюблена въ полуживого старика, то, согласитесь, это было бы половымъ извращеніемъ, курьезомъ, который могъ бы интересовать только психіатра, да и то, только какъ неважный и довѣрія не заслуживающій анекдотъ. Будь только одно это половое извращеніе, стоило бы тогда писать повѣсть?

Погода въ Москвѣ скверная, хуже полового извращенія. Буду скоро печатать новую книжку. Собираю разсказы и погубилъ нѣсколько дней на передѣлку *заново* нѣкоторыхъ вещей.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте счастливы и небомъ хранимы.

Вашъ душой *А. Чеховъ.*

CCXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

28 Окт. (1889 г. Москва).

Опять о дѣлахъ.

Кн. Сумбатовъ-Южинъ [2]) убѣдительно проситъ Васъ отвѣтить ему на его письмо. Онъ ставитъ въ свой бенефисъ

---

[1]) Изъ повѣсти «Скучная Исторія».

[2]) Артистъ Моск. Импер. Малаго Театра. Драматургъ.

Макбета и что-то писалъ Вамъ на счетъ постановки, прося указаній и проч.

Островскій [1]) опять былъ. Онъ проситъ Васъ поступить съ книгой его сестры такъ, какъ Вы найдете нужнымъ и лучшимъ. Онъ и она на все согласны, лишь бы имя Островской прогремѣло по всей Европѣ.

Былъ у меня В. С. Мамышевъ [2]), Звенигородскій Лекокъ. Онъ сильно похудѣлъ, постарѣлъ и какъ-то согнулся. У него болятъ и слегка парализованы ноги; повидимому, что-то скверное творится въ спинномъ мозгу.

Вы пишете, что презрѣннѣе нашей либеральной оппозиціи ничего выдумать нельзя. Ну, а тѣ, которые не составляютъ оппозиціи? Едва ли эти лучше. Мать всѣхъ россійскихъ золъ—это грубое невѣжество, а оно присуще въ одинаковой степени всѣмъ партіямъ и направленіямъ. А за то, что Вы хвалите нѣмецкую культуру и подчеркиваете всеобщую грамотность, Вы будете въ раю, а я Васъ за это глубоко уважаю.

Лѣшаго я Вамъ не дамъ читать изъ страха, что Вы о немъ будете говорить съ Григоровичемъ. Мѣсяцъ тому назадъ (или 20 дней—не помню) мнѣ многихъ усилій стоило, чтобы не писать Вамъ о своей пьесѣ, теперь же я совершенно успокоился и со спокойнымъ духомъ могу не писать о ней. Теперь развелось очень много ноющихъ, пострадавшихъ за правду драматурговъ. Они мнѣ такъ надоѣли и кажутся такими бабами, что мнѣ даже жаль, что я впутался въ ихъ кашу и написалъ пьесу, которой могъ бы совсѣмъ не писать.

Вы какъ-то лѣтомъ писали мнѣ о всеобщей вѣжливости, которую Вы наблюдали въ Тиролѣ. Напишите о ней въ газетѣ. Мало Вы писали и о Франціи. Шестъ, ко-

---

[1]) П. Н. Островскій—братъ драматурга.

[2]) Звенигородскій судебный слѣдователь, шуринъ адресата.

горый Вы рекомендовали при плаваніи, вспоминаю я съ содроганіемъ. Въ Ялтѣ меня имъ чуть не убили.

Кланяюсь Вашимъ.

Попросите Жителя не употреблять въ фельетонахъ слово «аппетитъ».

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

1 Ноябрь (1889 г. Москва).

При семъ посылаю Вамъ обратно 2 разсказа г-жи Орловой, посылаю заказною бандеролью — этакъ дешевле. Изъ «Таперши» не могъ выжать ничего; что-то вышло, но какъ бы авторша не обидѣлась. Изъ корабля я сдѣлалъ гвоздь. Изъ «Наташи» же получилось нѣчто во вкусѣ Достоевскаго, что, какъ мнѣ думается, можно напечатать, только Вы еще разъ прочтите въ корректурѣ. Г-жа Орлова не безъ наблюдательности, но ужъ больно груба и издергалась. Ругается, какъ извозчикъ, и на жизнь богачей-аристократовъ смотритъ окомъ прачки.

Очень радъ служить и впредь.

Поздравляю Васъ съ семейною радостью: а) Курепинъ женился и в) Вашъ сотрудникъ Ан. Чеховъ началъ родить субботникъ. Теперь я занятъ всякой чепухой, такъ что пришлю его не раньше будущей недѣли. Начало вышло ничего себѣ.

У меня есть только одинъ экз. «Лѣшаго», да и тотъ валяется у Ленскаго. Если хотите прочесть, то пошлите Андрея или Василія къ своему сосѣду Лессингу, живущему на М. Итальянской, 37. У него имѣется экземпляръ, даже два. Сей Лессингъ (сирѣчь Свободинъ), мудрствуя

по обыкновенію и роясь глубокомысленно въ классикахъ, нашелъ пьесу для своего бенефиса: «Студентъ» Грибоѣдова. Прочтите моего Лѣшаго, коли угодно, но не говорите о немъ никому ни единаго слова, ибо каждое мое слово въ Петербургѣ понимается какъ просьба, а каждое Ваше, какъ протекція. Ну ихъ къ ироду!

Выходитъ какая то глупая игра въ бирюльки: людямъ хочется сдѣлать мнѣ одолженіе и ждутъ они, чтобъ я попросилъ, а мнѣ хочется показать, что я ни въ грошъ ставлю свои пьесы, и я упрямо, какъ скотина, пишу въ своихъ письмахъ только о погодѣ, не заикаясь о пьесѣ. То же и въ Москвѣ.

Пьеса «Лѣшій», должно-быть, не сносна по конструкціи. Конца я еще не успѣлъ сдѣлать; сдѣлаю когда-нибудь на досугѣ. Но она лучше «Лучей и Тучъ», которые я видѣлъ и которые Вы будете видѣть въ пятницу.

Не будемъ торопиться....

Ахъ, какъ много пьесъ приходится читать мнѣ! Носятъ, носятъ, безъ конца носятъ и кончится тѣмъ, что я начну стрѣлять въ людей.

Завтра вышлю матеріалъ для новой книжки. Или подождать? Хорошо, погожу.. Если въ типографіи теперь много работы, то мѣсяцъ или два подождать можно.

Свободинъ гостилъ у меня лѣтомъ. Онъ, увѣряю Васъ, очень добрый, не хитрый и не скучный человѣкъ. Главное—не давайте ему разсуждать. Актерамъ нельзя позволять разсуждать. Ужъ очень скучно слушать. А въ остальномъ народъ весьма и весьма сносный. Будьте здоровы. Когда же въ Москву?

Хочу открыть въ Ялтѣ книжный магазинъ. Возьму мѣсто въ городскомъ саду и украшу городъ мавританскимъ павильономъ. Торговать буду шибко.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXV.

А. П. Ленскому.

2 ноября (1889 г. Москва).

Большое Вамъ спасибо, дорогой Александръ Павловичъ, за то, что прочли мою поганую пьесищу. Спасибо и за комментарій: въ другой разъ ужъ не буду писать большихъ пьесъ. Нѣтъ на сіе ни времени, ни таланта и, вѣроятно, нѣтъ достаточной любви къ дѣлу. И я занятъ по самое горло. Лѣшаго передѣлывать не стану, а продамъ его въ единое изъ частныхъ театральныхъ капищъ. Дамъ другое названіе, возьму 500 цѣлковыхъ и чортъ съ нимъ.

Когда выпадетъ снѣгъ, не поѣхать ли намъ вмѣстѣ къ Левитану? Я былъ бы очень радъ.

Сегодня напишу въ Питеръ, чтобы тамъ не ставили Лѣшаго. И въ Питерѣ пущу въ частный театръ. Пусть слоняется, аки тѣнь нераскаяннаго грѣшника, изъ вертепа въ вертепъ, изъ потемокъ во мглу. Пишу разсказикъ. Послѣ 20, кажется, поѣду въ Питеръ.

Почтеніе Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Еще разъ спасибо отъ души.

CCXXVI.

Н. А. Лейкину.

7 Ноябр. (Москва, 1889 г).

Первую страницу въ послѣднемъ номерѣ Осколковъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, принимаю не иначе, какъ выраженіе ко мнѣ особаго вниманія редакціи. Покорнѣйше благодаримъ. Когда будемъ издавать свой

юмористическій журналъ, то нарисуемъ Васъ на вершинѣ Эйфелевой башни, построенной изъ Вашихъ книгъ.

Упрекъ въ пристрастіи къ сценѣ и въ измѣнѣ беллетристической формѣ я принимаю, хотя онъ относится ко мнѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напримѣръ, къ Билибину, или Гнѣдичу. Я за всю свою жизнь работалъ для сцены въ общей сложности не больше мѣсяца, а теперь мечтаю о сценической дѣятельности такъ же охотно, какъ о вчерашней кашѣ. Не льститъ мнѣ конкуренція съ 536 драматургами, пишущими нынѣ для сцены, и нисколько не улыбается успѣхъ, который имѣютъ теперь всѣ драматурги, хорошіе и плохіе.

Кто то, кажется, Билибинъ писалъ мнѣ, что будто Вы сердитесь на меня за то, что я не увѣдомилъ Васъ о полученіи ста рублей. Я не понимаю, что дурного въ этомъ неувѣдомленіи.. Во-первыхъ, почта россійская исправна; во-вторыхъ, деньги, если бы я не получилъ ихъ, пришли бы къ Вамъ обратно, въ-третьихъ, я не находилъ нужнымъ увѣдомлять Васъ, такъ какъ Анна Ивановна, посылая мнѣ деньги, писала мнѣ, что высылаются онѣ по порученію Голике, въ-четвертыхъ, у меня въ головѣ все такъ перепуталось и я такъ занятъ, что заслуживаю снисхожденія.

Городецкому я не писалъ. Дѣло у него новое, онъ просилъ поддержки, а написать ему то, что Вы хотѣли, значило бы совершенно отказать ему. Я не думаю, чтобы 40% было не выгодно для издателей и авторовъ. Книжная торговля теперь такъ плоха, что, будь я хозяиномъ своихъ книгъ и не будь я лѣнивъ, я отпускалъ бы со скидкою 50% всякую свою книгу, которая уже окупилась. Окупившуюся книгу можно уподобить вольной птицѣ; чѣмъ раньше она уйдетъ изъ склада, тѣмъ раньше ея мѣсто можетъ занять новое изданіе. Если бы, повторяю, я былъ хозяиномъ своихъ книгъ, то мои бы «Въ Сумеркахъ»

и «Разсказы» теперь продавались бы не третьимъ изданіемъ, а восемнадцатымъ.

Какъ Вамъ путешествовалось и отчего Вы такъ не долго были за границей? Я и чихнуть не успѣлъ, какъ Вы уже вернулись.

Говорятъ, что Билибинъ болѣнъ. Въ чемъ дѣло? Онъ писалъ мнѣ, что болитъ сердце. Вѣроятно, развинтились нервы, ибо сердце въ его годы не болитъ. Вѣдь не грудная же жаба, не перерожденіе сердечныхъ сосудовъ, не аневриза же. Ему бы на югъ поѣхать, въ морѣ купаться. За 200 рублей можно цѣлый мѣсяцъ прожить на южномъ берегу Крыма; хватитъ не только на житье и харчи, но даже и на дѣвицъ, буде онъ на старости лѣтъ пожелаетъ имѣть ихъ.

Грузинскій совсѣмъ уже выписался и опредѣлился; онъ крѣпко сталъ на ноги и обѣщаетъ много. Ежовъ тоже выписывается; таланта у него, пожалуй, больше, чѣмъ у Грузинскаго, но не хватаетъ его ума. Про семгу уже оба не пишутъ. Журю ихъ обоихъ за мѣщанистый тонъ ихъ разговорнаго языка и за однообразно-бурый колоритъ описаній. Ихъ даже самые лучшіе разсказы своимъ колоритомъ напоминаютъ мнѣ деревянныя лѣстницы въ квартирѣ Пальмина. Кстати, гдѣ теперь сей любимецъ боговъ? Гдѣ живетъ, или вѣрнѣе, куда переѣхалъ? Не сообщите ли Вы мнѣ его семиэтажнаго адреса? Я у него давно уже не былъ и вѣроятно онъ теперь бранитъ меня:

— Мальчишка! Чегтъ!

Въ Москвѣ выпалъ снѣгъ.

Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедору Лейкину мой нижайшій поклонъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVII.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь (1889 г. Москва).

Отвѣчаю Вамъ тотчасъ же по полученіи Вашего письма. Въ редакціи Артиста я еще не былъ и потому сообщаю Вамъ пока то, что мнѣ извѣстно. Артисту нужны пьесы, разрѣшенныя *только* драматической цензурой; въ общей цензурѣ онъ не нуждается и обходится безъ нея. Засимъ, я уже видѣлъ корректуру ноябрьской книжки, стало-быть Ручи-Пучи могутъ быть напечатаны только въ декабр. или въ январск. Значитъ, я пойду въ Артистъ по полученіи отъ Васъ экземпляра, и пришлю Вамъ подробный отвѣтъ только послѣ того, какъ Куманинъ прочтетъ Вашу пьесу.

Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, которому я впрочемъ очень не радъ. Профессіональнымъ драматургамъ, пока они молоды, надо нещадно шикать, особенно за тѣ пьесы, которыя пишутся сплеча. А то, господа, балуетесь очень и о себѣ много понимаете. Если бъ я составлялъ собою публику, то поощрялъ бы молодежь только денежно, а лавры приберегалъ бы къ старости.

Говорятъ, что «Перекати-поле» Гнѣдича милая вещь. Надо бы пойти посмотрѣть. Я сему писателю очень сочувствую.

Будьте здоровы, счастливецъ, и да приснится Вамъ, мирно почивающему на лаврахъ, чортъ съ рогами!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXVIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Ноябрь (1889 г. Москва).

Разсказъ Ежова передѣланъ авторомъ и посылается Вамъ въ другой редакціи.

Миша ужъ уѣхалъ въ Петерб., такъ что Ваше письмо, гдѣ Вы писали о немъ, не застало его въ Москвѣ.

Получилъ отъ Евреиновой письмо. Не замѣтилъ ничего особеннаго, а ужъ я ли не психіатръ? А сойти съ ума есть изъ-за чего. Господа философы, соціологи и политико-экономы забираютъ авансы и уходятъ изъ журнала, оставляя пустую кассу. Ахъ, какъ мало на этомъ свѣтѣ денежно-порядочныхъ людей! Сегодня былъ у меня мой портной и жаловался. Платье носятъ, а платить за него не хотятъ.

Жаль, что Вы не пріѣдете въ Москву, очень жаль. Въ Москвѣ выпалъ снѣгъ и у меня теперь на душѣ такое чувство, какое описано Пушкинымъ «Снѣгъ выпалъ въ ноябрѣ, на третье въ ночь.. Въ окно увидѣла Татьяна»... и т. д. Пріѣзжайте, а вернемся въ Питеръ вмѣстѣ.

Аннѣ Ивановнѣ мой сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXIX.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

8 Ноябрь (1889 г. Москва).

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, на-дняхъ буду писать Вамъ подробно и длинно, теперь же буду кратокъ, ибо у меня гости и писать неудобно. Дѣло вотъ въ чемъ.

Недавно я послалъ Вамъ два стихотворенія, принадлежащія перу нашего талантливаго поэта Н. О.[1]), очень милаго человѣка. Авторъ въ настоящее время сидитъ у меня за столомъ и проситъ меня убѣдительно узнать о судьбѣ его стихотвореній.

Привѣтъ всѣмъ вашимъ. Мой братишка Миша теперь въ Питерѣ. Былъ ли онъ у васъ?

Вашъ до гробовой доски

А. Чеховъ.

CCXXX.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

(12 ноябрь 1889 г. Москва).

Ваше благородіе, г. Сарду!

На оборотѣ сего Вы узрите подробный отвѣтъ. Не высылаю Вамъ Вашей пьесы въ чаяніи получить отъ Васъ письмо или телеграмму съ распоряженіемъ снести пьесу къ Разсохину. Напишите скорѣе и я сдѣлаю все такъ, какъ Вамъ угодно, не медля ни одной минуты.

Будьте здоровы. Поклонитесь Червинскому. Онъ хорошій малый и съ настоящимъ талантомъ.

Вы пишете романъ? Ахъ, Вы разбойникъ! Созрѣть-то вы созрѣли, да вотъ въ чемъ запятая: лѣнь раньше Васъ созрѣла. Начнете романъ, допишете до середины, а потомъ ляжете на диванъ и будете лежать полгода.

Будьте здоровехоньки.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

CCXXXI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

12 Ноябрь (1889 г. Москва).

Посылаю разсказъ для фельетона [1]). Не серьезный пустячокъ изъ жизни провинціальныхъ морскихъ свинокъ. Простите мнѣ баловство.. Между прочимъ, сей разсказъ имѣетъ свою смѣшную исторію. Я имѣлъ въ виду кончить его такъ, чтобы отъ моихъ героевъ мокраго мѣста не осталось, но не легкая дернула меня прочесть вслухъ нашимъ; всѣ взмолились: пощади! пощади! Я пощадилъ своихъ героевъ и потому разсказъ вышелъ такъ киселъ. Въ фельетонъ онъ влѣзетъ, а если не влѣзетъ, то прійдется мнѣ сократить его..

Спасибо за прочтеніе пьесы. Я и самъ зналъ, что IV актъ никуда не годится, но вѣдь я же давалъ пьесу съ оговоркой, что сдѣлаю новый актъ. Больше половины вашихъ замѣчаній таковы, что я ими непремѣнно воспользуюсь. Абрамова покупаетъ у меня пьесу весьма выгодно. Пожалуй, продамъ. Если буду ставить, то многое измѣню такъ, что Вы не узнаете.

Я бы съ удовольствіемъ пріѣхалъ къ Вамъ повидаться, да меня пугаетъ мысль о 343 визитахъ, которые мнѣ прійдется дѣлать въ Петербургѣ.

У меня въ квартирѣ сплошной хохотъ.

Спѣшу послать сей пакетъ на почту.

Будьте здоровы. Отчего у Васъ голова болитъ? Должно-быть, погода виновата.

---

[1]) «Обыватели».

Influenza—болѣзнь давно уже извѣстная врачамъ а потому врачи и не находятъ нужнымъ кричать о ней Это гриппъ; болѣютъ имъ и люди и лошади.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Если не затруднитъ, пришлите мнѣ корректуру.

CCXXXII.

Л. Н. Ленской.

15 ноября (1889 г. Москва).

Уважаемая Лидія Николаевна.

Будьте моей благодѣтельницей, переведите мнѣ прилагаемую при семъ рецензію. Наши барышни бились два часа и, насколько я понялъ ихъ, сумѣли перевести только одно слово—«Antoine». Полный переводъ былъ бы не заслуженной роскошью; для меня было бы совершенно достаточно, если бы Вы взяли на себя трудъ перевести только по кусочку изъ начала, середины и конца; поймайте общій тонъ статьи—и на томъ спасибо, а подробности пусть читаютъ французы. Такъ какъ Александръ Павловичъ уже сбросилъ съ себя ложноклассическіе кандалы, о которыхъ писалъ, т.-е. ужъ не штудируетъ больше Эрнани, то стало-быть я могу пріѣхать, не рискуя помѣшать ему. Пріѣду за переводомъ въ пятницу или въ субботу. Если переводъ будетъ не готовъ, то не бѣда, спѣшить съ нимъ нѣтъ надобности.

Мнѣ вдвойнѣ совѣстно: безпокою Васъ и не знаю языковъ. Ахъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я себя выпоролъ!.. Безъ знанія языковъ чувствуешь себя какъ безъ паспорта. Учите Сасика тремъ языкамъ—не меньше.

Хочется поговорить съ Александромъ Павловичемъ. Поклонитесь ему и пожелайте всего хорошаго.

Простите за безпокойство уважающаго Васъ и преданнаго

А. Чехова.

CCXXXIII.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

20 Ноябрь (1889 г. Москва).

Возвращаю Вамъ разсказы. Изъ Пѣвички можно было сдѣлать «Птички пѣвчія», а другой разсказъ никуда не годится. Въ Пѣвичкѣ я середину сдѣлалъ началомъ, начало серединою и конецъ придѣлалъ совсѣмъ новый. Дѣвица, когда прочтетъ, ужаснется.....

Теперь о дѣлахъ, чортъ бы ихъ побралъ. На-дняхъ встрѣтился мнѣ прѣсный Левинскій и просилъ узнать у Васъ о судьбѣ его статьи, гдѣ онъ со свойственною, ему глубиною, трактуетъ о сожиганіи труповъ, которое онъ наблюдалъ гдѣ-то, кажется, въ Италіи. Сожиганіе труповъ—сюжетъ интересный. Велите поискать.

Вы обѣщали князю Сумбатову прислать нѣсколько книгъ или статей, касающихся Макбета. Онъ проситъ не затруднять Васъ присылкою; для него было бы совершенно достаточно, если бы Вы указали, какія это книги и статьи..

Я охотно вѣрю Здекауэру, который пророчитъ холеру. Это опытный старикъ. Трепещу заранѣе. Вѣдь во время холеры никому такъ не достанется, какъ нашему брату эскулапу. Объявятъ Русь на военномъ положеніи, нарядятъ насъ въ военные мундиры и разошлютъ по карантинамъ.. Прощай тогда субботники, дѣвицы и слава!

Пріѣзжайте въ Москву. Мой Лѣшій пойдетъ 10 декабря въ театрѣ Абрамовой. Кстати Вы посмотрите Эрнани, который идетъ въ Маломъ театрѣ. Играютъ въ общемъ недурно, но хуже французовъ, хотя впрочемъ Эрнани-Горевъ плохъ, какъ сапожникъ.

Прикажите бить въ набатъ: Лейкину не понравилась парижская выставка.

Щегловъ Жанъ собирается въ Москву показывать публикѣ горничную и влюбленнаго въ нее молодого человѣка. Очень пріятно.

Миша пошелъ въ Казенную палату.

Въ обществѣ драматическихъ писателей я, въ качествѣ Вашего прямого начальника, заглянулъ въ Вашъ счетъ. Я и другой Вашъ начальникъ, секретарь Кондратьевъ, стали считать и почувствовали трепетъ: мы должны выдать Вамъ за Татьяну Рѣпину болѣе пятисотъ рублей!

Вчера было у насъ засѣданіе комитета. Хлопочемъ о новомъ уставѣ.

Вы пишете, что Настя переросла Анну Ивановну. Нужно расти не вверхъ, а въ ширину. Высокій ростъ, когда плечи не широки, не въ ладу со здоровьемъ. Надо гимнастику дѣлать, а то я замужъ не возьму. Въ гимнастику я вѣрю сильно.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ. Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXIV.

Ему же.

(Съ подлинника).

25 Н. (1889 г. Москва).

Ѣдучи въ Москву, берите съ собой шубу и вообще одѣвайтесь потеплѣе, такъ какъ въ Москвѣ морозище и на улицѣ и въ домахъ. Снѣгу нѣтъ.

Вы пишете, что больше ужъ не будете присылать мнѣ разсказовъ. Сіе я понимаю такъ: мои поправки и сокращенія Вамъ не нравятся. Если я ошибаюсь, то

продолжайте высылать. Чтеніе разсказовъ и поправоки отнимаютъ у меня каждый разъ не болѣе $^1/_2$—1 часа и развлекаютъ меня. Гимнастика для ума, нѣкоторымъ образомъ.

Напрасно Вы бросили Марину Мнишекъ; изъ всѣхъ историческихъ б...ъ (риѳмъ къ Мнишекъ) она едва ли не самая колоритная. А что касается ея отношенія ко всему русскому, то вѣдь на это начихать можно. Русскіе сами по себѣ, а она сама по себѣ, да и слишкомъ она баба и мелка, чтобы придавать значеніе ея воззрѣніямъ.

Къ Рождеств. номеру разсказъ будетъ. Даже раньше будетъ. А мои «Обыватели»? Годятся?

Пьеса Додэ «Борьба за существ.» идетъ у насъ сразу въ трехъ театрахъ.

Сазоновъ скверно играетъ въ Медвѣдѣ. Это очень понятно. Актеры никогда не наблюдаютъ обыкновенныхъ людей. Они не знаютъ ни помѣщиковъ, ни купцовъ, ни поповъ, ни чиновниковъ. Зато они могутъ отлично изображать маркеровъ, содержанокъ, испитыхъ шулеровъ, вообще всѣхъ тѣхъ индивидуевъ, которыхъ они случайно наблюдаютъ, шатаясь по трактирамъ и холостымъ компаніямъ. Невѣжество ужасное.

Сегодня напишу Сумбатову Вашъ отвѣтъ.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь (1889 г. Москва).

Здравствуйте, дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ! Простите, что такъ долго не писалъ Вамъ. Въ лѣнности житіе мое, иждихъ, ошихся, безъ ума смѣяхся,

объѣдохся, или выражаясь болѣе выспренно, былъ малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта, ничего не дѣлалъ и никому не писалъ.

Съ чего начать? Начну съ Лѣшаго.. Попасть въ толстый журналъ для пьесы—честь превеликая; я благодарю, но прошу позволенія уклониться отъ этой чести; ибо пьеса моя, пока ее не дадутъ на сценѣ и не изругаютъ въ рецензіяхъ, для журнала не представляетъ цѣннаго матеріала и въ напечатаніи ея многіе справедливо узрятъ пристрастіе Сѣв. Вѣстн. къ Чехову. Скажутъ: пьеса Чехова нигдѣ не шла и напечатана, почему же не печатаютъ тѣхъ пьесъ, которыя шли на сценѣ и имѣли успѣхъ? Это разъ. Во-вторыхъ, я не считаю ту пьесу готовою для печати, которая еще не была исправлена на репетиціяхъ. Погодите, голубчикъ, время еще не ушло. Когда пьеса будетъ исправлена на репетиціяхъ, я обращусь къ Вашей любезности, не дожидаясь приглашенія.

Что Сѣв. Вѣстникъ? Въ Москвѣ упорно держится слухъ, что онъ переходитъ къ Чуйко. Я конечно не вѣрю этому. Толстыхъ журналовъ въ Россіи меньше, чѣмъ театровъ и университетовъ; судьбою ихъ заинтересована вся читающая и мыслящая масса; за ними слѣдятъ, отъ нихъ ждутъ и проч. и проч. Ихъ поэтому надо всячески оберегать отъ разрушенія—въ этомъ наша прямая обязанность. Вы писали мнѣ: будемъ держаться. Отвѣчаю: будемъ.

Мнѣ ужасно хочется поѣхать въ Питеръ, хочется повидаться съ Вами, съ Суворинымъ, съ Жаномъ, но меня пугаетъ тотъ милліонъ визитовъ, который я долженъ буду сдѣлать. Хорошо бы пріѣхать incognito. Суворинъ писалъ мнѣ, что онъ скоро будетъ въ Москвѣ. Если это вѣрно, то вернется онъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мною.

У насъ три недѣли гостила Наташа Линтварева. Стѣны нашего комодообразнаго дома дрожали отъ ея раскатистаго смѣха. Завидное здоровье и завидное настроеніе. Пока она у насъ жила, въ нашей квартирѣ даже въ воздухѣ чувствовалось присутствіе чего-то здороваго и жизнерадостнаго.

Вы перевели пьесу Додэ и ставите ее у Абрамовой? Говорятъ, что Абрамова уже не завѣдуетъ театромъ и что актеры составили изъ себя товарищество. Насколько это вѣрно, не знаю. Пьеса Додэ идетъ также у Горевой и у Корша..

Немировичъ Владиміръ говорилъ, что видѣлся съ Вами. Мнѣ кажется, что сей Немировичъ очень милый человѣкъ и что со временемъ изъ него выработается настоящій драматургъ. По крайней мѣрѣ съ каждымъ годомъ онъ пишетъ все лучше и лучше. Нравится онъ мнѣ и съ внѣшней стороны: прилично держится и старается быть тактичнымъ. Повидимому, работаетъ надъ собою.

У меня въ головѣ скопленіе сюжетовъ. Столько накопилось всякой чепухи, что можно ожидать въ скоромъ времени обвала.

Какъ Ваше здоровье? Миновала ли Васъ всеобщая influenza?

Всѣ мои любятъ Васъ попрежнему и каждый день вспоминаютъ, какъ Вы гостили у насъ на Лукѣ. Они кланяются. Сестра велитъ кланяться и Еленѣ Алексѣевнѣ.

Я тоже кланяюсь, крѣпко обнимаю Васъ и въ ожиданіи отъ Васъ письмеца, пребываю душевно преданнымъ

А. Чеховъ.

CCXXXVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Ноябрь (1889 г. Москва).

Ваше Превосходительство! Сегодня былъ у меня редакторъ «Артиста» и просилъ меня обратиться къ Вамъ съ слѣдующими предложеніями:

1) Редакція онаго журнала хотѣла бы имѣть свои отдѣленія въ Вашихъ петербургскомъ, одесскомъ и харьковскомъ магазинахъ—для пріемки подписки такъ и для продажи отдѣльными номерами частнымъ лицамъ и книжнымъ магазинамъ. За это Артистъ предлагаетъ повысить размѣръ скидки. Онъ хочетъ быть у Васъ на положеніи «Сельскаго хозяина» и, подобно ему, украшать по понедѣльникамъ объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ.

2) Редакція желала бы получать изъ московскаго магазина продающіяся у Васъ пьесы и книги со скидкою, какую Вы дѣлаете для книжниковъ и фарисеевъ; скидка эта необходима, ибо самъ Артистъ занимается продажею пьесъ, которыя выписываютъ у него театры и салоны. За это онъ обѣщаетъ печатать у себя объявленія о всѣхъ пьесахъ и книгахъ по искусству, продающихся у Васъ, печатать за одно съ тѣми пьесами, которыя продаются въ редакціи.

Просятъ скорѣйшаго отвѣта, конечно, утвердительнаго. Когда пріѣдете въ Москву, познакомьтесь съ Куманинымъ, редакторомъ Артиста. Дѣло стоитъ солидно, хотя и не широко. Хотятъ печатать ужъ второе изданіе первыхъ книжекъ.

У насъ морозъ, но снѣгу нѣтъ. Жду съ нетерпѣніемъ Васъ и нарочно величаю вашимъ превосходительствомъ, чтобы это напомнило Вамъ Славянскій Базаръ. Извозчики въ Кудринѣ ужъ и меня величаютъ превосходительствомъ.

Артистъ издается безтолково. Нѣтъ редактора. Денегъ тратятъ много, а не догадаются пригласить меня въ редакторы (по 1000 руб. въ мѣсяцъ). Первымъ дѣломъ я положилъ бы лапу на Гольцева и Стороженко. У меня зубъ на профессоровъ, хотя я и знаю, что они прекрасные люди. Какъ у авторовъ, у нихъ нѣтъ смѣлости и много важности.

Помните, что я жду Васъ. Въ день выѣзда телеграфируйте мнѣ, я пріѣду въ Слав. Базаръ.

Насчетъ головной боли. Не пожелаете ли Вы посовѣтоваться въ Москвѣ съ Захарьинымъ? Онъ возьметъ съ Васъ сто рублей, но принесетъ Вамъ пользы minimum на тысячу. Совѣты его драгоцѣнны. Если головы не вылѣчитъ, то побочно дастъ столько хорошихъ совѣтовъ и указаній, что Вы проживете лишнихъ 20—30 лѣтъ. Да и познакомиться съ нимъ интересно. Типъ.

Вышли лекціи Захарьина. Я купилъ и прочелъ. Увы! Есть либретто, но нѣтъ оперы. Нѣтъ той музыки, какую я слышалъ, когда былъ студентомъ. Изъ сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могутъ быть сносными писателями. Если я напишу рецензію объ его лекціяхъ и напечатаю ее въ Новомъ Времени, то онъ ничего не возьметъ съ Васъ за визитъ. Но я этого не сдѣлаю. Зачѣмъ Васъ баловать?

Будьте здоровы и бодры, и да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Аннѣ Ивановнѣ мой сердечный привѣтъ. Мнѣ ужасно хочется поговорить съ нею.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXVII.

А. П. Ленскому.

29 ноября (1889 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ!

Я давно уже боленъ, давно уже не выхожу изъ дому и забылъ, что значитъ свѣжій воздухъ и холодъ.

Дѣла мои пошли на поправку и скоро я стану выходить, и первымъ дѣломъ—къ Вамъ. Говорятъ, Вы на меня сердитесь за что-то, ну, а я попрежнему всей душой расположенъ къ Вамъ и для меня было бы большимъ удовольствіемъ повидаться съ Вами. У меня была инфлуэнца, а послѣ нея отчаянный кашель и скрипѣнье въ правомъ легкомъ. Поклонъ Лидіи Николаевнѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXXXVIII

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(1889 г. дек. Москва).

Страдающій инфлуэнцею, осложненною месопотамской чумой, сапомъ, гидрофобіей, импотенціей и тифами всѣхъ видовъ, симъ имѣетъ честь увѣдомить нашего мастистаго поэта Н. О., что стихотворенія его, въ которыхъ я и всѣ мои ближніе обозваны пошлыми и жалкими людьми, будутъ напечатаны въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ началѣ января 1890 г.

Съ почтеніемъ

Блокъ и К°.

CCXXXIX.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

7 Дек. (1889 г. Москва).

Сегодня утромъ я послалъ вамъ рукопись Овсянникова; я выкинулъ немножко меньше половины. Мнѣ было очень неловко вычеркивать Буренинскія поправки, но я не могъ оставить ихъ, такъ какъ онѣ касаются разстрѣленнаго писаря, котораго я въ корректурѣ упразднилъ до minimum'а, ибо считаю, что онъ Овсянниковымъ сдѣланъ препогано и прелицемѣрно. Буренинъ согласится со мной, если прочтетъ корректуру. Овсянниковъ просто глупъ и не расчетливъ. Онъ старается, чтобы его писарь мыслилъ, разсуждалъ и чувствовалъ возможно умнѣе, заставляетъ его полюбить Евангеліе и выпаливать чуть ли не афоризмами — и въ то же время, устами своего героя графа Толстого, старается убѣдить судъ и читателя, что этотъ умный писарь не что иное, какъ идіотъ, и что его нужно помиловать *только* ради этого идіотизма. Вообще странно.

Въ Петербургъ я поѣхалъ бы съ удовольствіемъ.. но у меня прежестокій кашель, мало денегъ и нужно писать къ празднику разсказы. На деньги можно наплевать, но съ кашлемъ нужно быть осторожнѣе, а ѣзда въ вагонѣ у меня всегда дѣлаетъ кашель. Боюсь кровохарканья, которое всегда меня пугало.

У Боткина камни въ печени. Такъ, повидимому, думаетъ самъ Боткинъ, основываясь, опять-таки повидимому, на боляхъ, которыя чувствуетъ. Печень—это слабая сторона, это пятка Боткина. Онъ всегда ошибался, ошибается и теперь. Если правда, что въ его скорой кон-

чинѣ прежде всего заинтересована печень, то виноваты не камни, *а ракъ*.

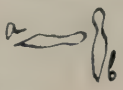
Доброславина жалко. Зря умеръ. Брюшной тифъ зарѣзалъ одного изъ злѣйшихъ враговъ своихъ.

Князь Сумбатовъ убѣдительно проситъ *выслать* тѣ книги, въ которыхъ есть хотя что-нибудь про Макбета. Обѣщаетъ возвратить въ исправности. Высылайте мнѣ, а я пошлю ему.

Въ понедѣльникъ или во вторникъ, въ $3^1/_2$ часа пополудни, пожалуетъ къ Вамъ московскій журналистъ С. Н. Филипповъ, тотъ самый, который когда-то писалъ Вамъ насчетъ Татьяны Рѣпиной и которому Вы послали экземпляръ Вашей пьесы и письмо. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ искать работы и убѣдительно просилъ меня рекомендовать его Вамъ. Я знаю его только какъ театральнаго рецензента, по преимуществу ругателя, и какъ автора книги «По Крыму». Работалъ онъ въ Русскомъ Курьерѣ, работаетъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Насчетъ его идей и прочаго я ничего не знаю, что же касается слога, бойкости, умѣнья обыкновенное слово поставить въ кавычки и показать кукишъ въ карманѣ сильному человѣку въ то время, когда тотъ посаженъ ужъ въ тюрьму, то въ этомъ отношеніи онъ можетъ дать Курепину 20 очковъ впередъ. Онъ хорошій работникъ, по крайней мѣрѣ можетъ быть таковымъ, но къ сожалѣнію онъ явится къ Вамъ не съ готовою работою, а съ просьбою о работѣ. Т.-е. Вы должны будете сочинить для него работу. Онъ годенъ для командировокъ. Для фельетона московской жизни и вообще для фельетона онъ не удобенъ, ибо во 1-хъ) у Васъ есть уже Курепинъ и во 2-хъ) онъ слишкомъ еще молодъ, чтобы садиться на такіе легкіе хлѣба, какъ фельетонъ о томъ, о семъ, съ обыкновенными словами въ ковычкахъ. Найдите ему какую-нибудь «каторжную работу», чтобы онъ

разъ пять вспотѣлъ—это для него будетъ самое лучшее. Братъ его—профессоръ Моск. универ. Повидимому, и изъ журналиста вышелъ бы большой толкъ, если бы ему удалось побывать въ хорошей школѣ. На Новое Время онъ возлагаетъ большія надежды и, кажется, ѣдетъ въ Петербургъ только ради Новаго Времени.

Что подѣлываетъ Алексѣй Алексѣевичъ? Какъ идетъ его Стоглавъ? . . . . . .

Инфлуэнца дѣлаетъ у меня чортъ знаетъ что. Заболѣли мать, сестра, кухарка и горничная. Я боленъ, но это не помѣшало мнѣ быть вчера на мальчишникѣ у одного доктора [1]), который женится на балеринѣ. У балерины я шаферомъ... Когда я былъ на 2-мъ курсѣ, то влюбился въ балерину и посѣщалъ балетъ. Потомъ я знавалъ драматическихъ актрисъ, перешедшихъ изъ балета въ драму. Вчера передъ мальчишникомъ я былъ съ визитомъ у одной такой актрисы. Балетъ она теперь презираетъ и смотритъ на него свысока, но все-таки не можетъ отдѣлаться отъ балетныхъ тѣлодвиженій. Ступни ея ногъ, когда она стоитъ, находятся всегда въ такомъ отношеніи  (а и б—это носки), что не кажется безобразнымъ.

Въ январѣ мнѣ стукнетъ 30 лѣтъ.. Здравствуй одинокая старость, догорай безполезная жизнь!

Аннѣ Ивановнѣ, Настюшѣ и Беркѣ сердечный привѣтъ. Алексѣю Алексѣевичу тоже.. Зачѣмъ онъ ежегодно катается въ Палестину? Не хочетъ ли онъ стать іерусалимскимъ патріархомъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. Н. Оболонскій.

CCXL.

В. А. Тихонову.

(Съ подлинника).

7 Дек. (1889 г. Москва).

Милый Сарду, у меня кашель, насморкъ, сыпь, и. . . гидрофобія и проч. и проч. Кромѣ того, я золъ, какъ ящерица, которой наступила собака на хвостъ, и занятъ по самое горло. Въ-третьихъ, квартира моя изображаетъ изъ себя госпиталь. Больны и моя фамилія, и прислуга.

Ваши «качучи-чучи» [1]) давно уже сданы *черезъ комитетъ* Разсохину и, вѣроятно, ужъ вышли въ свѣтъ. Отдалъ я пьесу въ тотъ самый часъ, когда получилъ отъ Васъ надлежащее распоряженіе.

Поздравляю Васъ съ дочкой. Желаю, чтобы она вышла замужъ за графа Шереметьева и чтобы въ будущемъ открыла «Театръ Тихоновой», въ которомъ платила бы Вамъ и мнѣ по 40% съ валового сбора.

Пріѣду я въ Питеръ не раньше января.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLI.

А. П. Ленскому.

8 декабря (1889 г. Москва).

Дорогой Александръ Павловичъ!

Моя инфлуэнца продолжается, такъ что я начинаю подозрѣвать, что у меня не инфлуэнца, а другое какое-нибудь свинство.

Сердечный привѣтъ Лидіи Наколаевнѣ и Сасику.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Оболонскій женится. Я у него шаферомъ.

---

[1]) «Лучи и Тучи».

CCXLII.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

XII, 12 (1889 г. Москва).

Милый Алексѣй Николаевичъ, пишу Вамъ сіи строки, сидя въ редакціи «Артиста». Оная Редакція проситъ меня написать Вамъ, что во 1-хъ) Вашъ переводъ опоздалъ; уже набирается и печатается переводъ Маттерна; во-2-хъ) редакція, прежде чѣмъ послать Вашъ переводъ Абрамовой, хотѣла бы поскорѣе узнать отъ Васъ: кому собственно она должна послать переводъ? Абрамова театромъ уже не завѣдуетъ; хозяйничаетъ товарищество съ Соловцевымъ, Чарскимъ и Киселевскимъ во главѣ. Прикажете послать товариществу?

Я хвораю. Инфлуэнца, кашель, болятъ зубы. Сестра тоже больна. Хочу поѣхать къ Вамъ и не могу выбрать дня. Если не вырвусь изъ Москвы раньше 18 дек., то пріѣду послѣ Новаго года. Ужасно я соскучился и ужасно мнѣ хочется повидаться. Буду у Васъ непремѣнно въ день своего пріѣзда; если не застану Васъ дома, то поѣду искать Васъ по Петербургу.

Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы.

Если не пріѣду скоро, то напишу Вамъ большое письмо.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLIII.

Н. Н. Оболонскому.

(Съ подлинника).

(Декабрь. 1889 г. Москва).

Счастливый избранникъ Гименея, добрѣйшій докторъ и восхитительный мужчина!

На оборотѣ сего Вы найдете письмо, полученное мною отъ дочери врача Ольги Шварцъ. Я у нея уже былъ

осенью и ничего хорошаго не сдѣлалъ, ибо у нея Базедова болѣзнь. Если у Васъ будетъ свободная четверть часа, если Вы пріѣдете ко мнѣ и если пожелаете проѣхаться по Большой Грузинской улицѣ, то не найдете ли Вы возможнымъ посмотрѣть больную? Быть-можетъ, Вы придумаете что-нибудь такое этакое... Больная живетъ въ 8 минутахъ ѣзды отъ меня. Если же не желаете, то такъ тому и быть.

Сестра лежитъ. Утромъ и вечеромъ t^0 повышена. Что-то тифоидное. Вся моя квартира превратилась въ госпиталь.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLIV.

А. Н. Плещееву.

(Съ подлинника).

25 Дек. (1889 г. Москва).

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ, поздравляю Васъ съ Рождествомъ и съ наступающимъ Новымъ годомъ!

Впрочемъ, начну съ самаго начала. Былъ я какъ-то въ редакціи «Артиста» и засталъ тамъ редактора, перелистывющаго Вашъ переводъ «Борьбы за существованіе». Около редактора сидѣлъ еще кто-то, какой-то иксъ на манеръ редакціоннаго секретаря или Гольцева. Оба сидѣли и разсуждали о томъ, что переводъ не будетъ напечатанъ. Боясь, чтобы они не наврали Вамъ чего-нибудь, я попросилъ позволенія сѣсть и написать Вамъ о судьбѣ Вашего перевода; будетъ напечатанъ переводъ Маттерна, которому давно уже было обѣщано и меня удивляетъ эта безшабашная редакція, утруждавшая Васъ

и знавшая навѣрное, что Вашъ переводъ не можетъ пойти. Я ихъ обругалъ. Теперь о театрѣ Абрамовой.

Насколько я могу понять Соловцова съ братіей, «Борьбу» они вовсе не будутъ ставить, хотя и врутъ, что поставятъ послѣ праздниковъ. Короче говоря, лучшій переводъ «Борьбы» останется при пиковомъ интересѣ, что страшно возмущаетъ меня. Кромѣ Вашего, мнѣ извѣстны еще три перевода, которые уже дѣлаютъ свое дѣло въ провинціи; переводы плохіе, языкъ драповый.. Говорятъ, что переводъ, идущій у Корша, плохъ до смѣшного. Порядки, чертъ бы ихъ взялъ!

Получилъ я «Струэнзе». Сердечно благодарю. Я прочелъ. Пьеса хорошая, но много въ ней красокъ, напоминающихъ нѣмецкую подносную живопись. Напримѣръ, сцены съ пасторомъ.. Конецъ меня не удовлетворилъ. Но въ общемъ пьеса мнѣ понравилась. Россіи тоже нуженъ свой Струэнзе, какъ былъ когда-то нуженъ Сперанскій. Господа въ родѣ Ранцау попадаются у насъ изрѣдка среди предводителей дворянства, въ земствѣ, въ арміи, но въ Петербургѣ ихъ нѣтъ. Зато много Келлеровъ и придворныхъ дамъ, которые одинаково вредны и безцвѣтны во всѣхъ дворахъ и во всѣхъ пьесахъ.

Я рвусь къ Вамъ въ Петербургъ, но не могу выѣхать раньше собранія членовъ О-ва драм. писателей, на которомъ я обязанъ присутствовать, какъ членъ комитета. Когда будетъ это собраніе, пока еще неизвѣстно. Должно быть, въ началѣ января. Ваше петербургское собраніе многаго не поняло и много напутало, такъ что и распутать трудно. Я жалѣю, что не поѣхалъ тогда въ Петербургъ; слѣдовало бы кому-нибудь изъ членовъ комитета присутствовать у Васъ на собраніи и дать разъясненія. При свиданіи я разскажу Вамъ, въ чемъ дѣло.

Мой Лѣшій идетъ въ театрѣ Абрамовой 27 Декабря.

Былъ я на репетиціи. Мужчины мнѣ понравились въ общемъ, а дамъ я еще не разглядѣлъ. Идетъ, повидимому, бойко. Актерамъ пьеса нравится. О печатаніи ея поговоримъ тоже при свиданіи. Насколько можно судить по репетиціи, пьеса шибко пойдетъ въ провинціи, ибо комическаго элемента достаточно и люди все живые, знакомые провинціи.

Зима въ Москвѣ плохая, хоть плюнь. Снѣгу нѣтъ.

Всѣ мои здоровы, я тоже. Инфлуэнца прошла у всѣхъ. А Вы какъ поживаете? Что Ваши? Видаете ли Жана Щеглова?

Голова у меня болитъ. Поѣду погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Всѣ мои кланяются. Сестра шлетъ свой привѣтъ и поздравленіе. Я кланяюсь всѣмъ Вашимъ и молю небо, чтобы оно охранило Вашу квартиру отъ всякаго врага и супостата. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго!

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLV.

Н. А. Лейкину.

(Съ подлинника).

25 Дек. (1889 г. Москва).

Съ праздникомъ Васъ поздравляю, добрѣйшій Николай Александровичъ! Спасибо за вниманіе ко мнѣ, за память и за долготерпѣніе. Вниманіе и память выражены Вами въ присылкѣ мнѣ двухъ книгъ (безъ факсимиле впрочемъ), что весьма пользительно для моей библіотеки и для меня, охотника посмѣяться; долготерпѣніе же Ваше я легко усматриваю въ Вашемъ отношеніи къ моему безнравственному, инквизиціи до-

стойному поведенію: я не отвѣтилъ на Ваше послѣднее письмо и не поблагодарилъ своевременно за книги..

Не писалъ я, потому что каждый день собираюсь въ Питеръ и каждый день увѣренъ бываю, что завтра увижу Васъ. Когда я пріѣду? Скоро; но дня назначить не могу. Остановлюсь у Суворина, а къ Вамъ пріѣду въ день своего пріѣзда, многое—на другой день. Визитовъ никому дѣлать не буду, ибо пріѣду incognito, на манеръ бразильскаго донъ-Педро. Побываю только у старыхъ знакомыхъ, по которымъ соскучился и у кое-кого изъ молодежи. Есть и дѣла.

Въ какомъ положеніи у васъ подписка? Лучше прошлогодней? Да? Должно-быть, хуже—это я сужу по той не охотѣ, съ какою вся Русь въ этотъ сезонъ посѣщаетъ театръ и читаетъ. Сезонъ пропащій, нужно на немъ крестъ поставить.

До скораго свиданія. Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ мой сердечный привѣтъ и поздравленіе. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

CCXLVI.

А. С. Суворину.

(Съ подлинника).

27 Дек. (Москва. 1889 г.).

Юныя дѣвы и агницы непорочные носятъ ко мнѣ свои произведенія; изъ кучи хлама я выбралъ одинъ разсказикъ, помаралъ его и посылаю Вамъ. Прочтите. Маленькій и безъ претензій. Вѣроятно, годится для субботника. Называется онъ «Утро нотаріуса Горшкова».

Томъ Жана Щеглова, просящаго Васъ поговорить съ нимъ о театрѣ, я прошу:—«Позвольте мнѣ поговорить съ Вами о литературѣ». Когда я въ одномъ изъ своихъ

послѣднихъ писемъ писалъ Вамъ о Бурже и Толстомъ, то меньше всего думалъ о прекрасныхъ одалискахъ и о томъ, что писатель долженъ изображать однѣ только тихія радости. Я хотѣлъ только сказать, что современные лучшіе писатели, которыхъ я люблю, служатъ злу, такъ какъ разрушаютъ. Одни изъ нихъ..... Другіе же..... не пресыщенные тѣломъ, но ужъ пресыщенные духомъ, изощряютъ свою фантазію до зеленыхъ чертиковъ и изобрѣтаютъ несуществующаго полубога Сикста и «психологическіе опыты». Правда, Бурже придѣлалъ благополучный конецъ, но этотъ банальный конецъ скоро забывается и въ памяти остаются только Сикстъ и «опыты», которые убиваютъ сразу сто зайцевъ: компрометируютъ въ глазахъ толпы науку, которая подобно женѣ Цезаря не должна быть подозрѣваема, и третируютъ съ высоты писательскаго величія совѣсть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя въ толпу увѣренность, что все это, что сдерживаетъ въ ней звѣря и отличаетъ ее отъ собаки, и что добыто путемъ вѣковой борьбы съ природою, легко можетъ быть дискредитировано «опытами», если не теперь, то въ будущемъ. Неужели подобные авторы «заставляютъ искать лучшаго, заставляютъ думать и признавать, что скверное дѣйствительно скверно?» Неужели они заставляютъ «обновляться»? Нѣтъ, они заставляютъ Францію вырождаться, а въ Россіи они помогаютъ дьяволу размножать слизняковъ и мокрицъ, которыхъ мы называемъ интеллигентами. Вялая, апатичная, лѣниво философствующая, холодная интеллигенція, которая никакъ не можетъ придумать для себя приличнаго образца для кредитныхъ бумажекъ, которая не патріотична, уныла, безцвѣтна, которая пьянѣетъ отъ одной рюмки и посѣщаетъ пятидесятикопеечный....., которая брюзжитъ и охотно отрицаетъ *все*, такъ какъ для лѣниваго мозга

легче отрицать, чѣмъ утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать дѣтей и т. д. Вялая душа, вялыя мышцы, отсутствіе движеній, неустойчивость въ мысляхъ—и все это въ силу того, что жизнь не имѣетъ смысла, что у женщинъ.... и что деньги—зло.

Гдѣ вырожденіе и апатія, тамъ половое извращеніе, холодный развратъ, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, тамъ паденіе искусствъ, равнодушіе къ наукѣ, тамъ *несправедливость* во всей своей формѣ. Общество, которое не вѣруетъ въ Бога, но боится примѣтъ и черта, которое отрицаетъ *всѣхъ* врачей и въ то же время лицемѣрно оплакиваетъ Боткина и поклоняется Захарьину, не смѣетъ и заикаться о томъ, что оно знакомо съ справедливостью.

Германія не знаетъ авторовъ въ родѣ Бурже и Толстого и въ этомъ ея счастье. Въ ней и наука, и патріотизмъ, и хорошіе дипломаты, и все что хотите. Она побьетъ Францію и союзниками ея будутъ французскіе авторы.

Мнѣ помѣшали писать, а то бы я накаталъ Вамъ сегодня пять листовъ. Когда-нибудь послѣ.

Сегодня идетъ «Лѣшій». IV актъ совсѣмъ новый. Своимъ существованіемъ онъ обязанъ Вамъ и Влад. Немировичу-Данченко, который, прочитавъ пьесу, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько указаній, весьма практическихъ. Мужчины не знаютъ ролей и играютъ недурно; дамы знаютъ роли и играютъ скверно. О томъ, какъ сойдетъ моя пьеса, напишетъ Вамъ нудный Филипповъ, который просилъ у меня на-дняхъ сюжета для письма къ Вамъ. Скучные люди.

Поздравляю Васъ съ праздникомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Всѣмъ Вашимъ привѣтъ изъ глубины души.

CCXLVII.

Ему же.

(Съ подлинника).

(Москва. 1889 г. Дек.)

(Начало утеряно).

.... очерковъ, фельетоновъ, глупостей, водевилей, скучныхъ исторій, многое множество ошибокъ и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премія, житіе Потемкина—и при всемъ томъ нѣтъ ни одной строчки, которая въ моихъ глазахъ имѣла бы серьезное литературное значеніе. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезнаго труда. Когда я на-дняхъ прочелъ «Семейную трагедію» Бѣжецкаго, то этотъ разсказъ вызвалъ во мнѣ что-то въ родѣ чувства состраданія къ автору; точно такое же чувство испытываю я, когда вижу свои книжки. Въ этомъ чувствѣ есть правда величиною съ муху, но мнительность моя и зависть къ чужимъ трудамъ раздуваютъ ее до размѣровъ слона. Мнѣ страстно хочется спрятаться куда-нибудь лѣтъ на пять и занять себя кропотливымъ, серьезнымъ трудомъ. Мнѣ надо учиться, учить все съ самаго начала, ибо я, какъ литераторъ, круглый невѣжда; мнѣ надо писать добросовѣстно, съ чувствомъ, съ толкомъ, писать не по пяти листовъ въ мѣсяцъ, а одинъ листъ въ пять мѣсяцевъ. Надо уйти изъ дому, надо начать жить за 700—900 р. въ годъ, а не за 3—4 тысячи, какъ теперь, надо на многое наплевать, но хохлацкой лѣни во мнѣ больше, чѣмъ смѣлости.

Продалъ Лѣшаго Абрамовой—это зря. Значитъ, разсуждаетъ моя вялая душа, на 3—4 мѣсяца хватитъ де-

нетъ. Вотъ моя хохлацкая логика. Ахъ, какіе нынче поганые молодые люди стали!

Здоровье у всѣхъ домочадцевъ поправилось. Я тоже уже не кашляю. Ужасно хочется повидаться съ Вами. Пріѣду, должно-быть, въ началѣ января.

Дни становятся больше. Къ веснѣ повернуло, а зимы еще не было.

Въ январѣ мнѣ стукнетъ 30 лѣтъ. Подлость. А настроеніе у меня такое, будто мнѣ 22 года.

Не болѣйте пожалуста и скажите Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она подарила свои болѣзни кому-нибудь.

Не пріѣхать ли мнѣ въ Питеръ встрѣчать Новый годъ?

Вашъ *А. Чеховъ.*

Хронологическій указатель писемъ.

						Стр.
I.	И. Л. Щеглову.	Москва,	1888 г.,	январь	1 . . .	1
II.	А. П. Ленскому.	„	„	„	6 . . .	3
III.	М. В. Киселевой.	„	„	„	6 . . .	—
IV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	. . .	5
V.	В. Г. Короленко.	„	„	„	9 . . .	7
VI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	19 . . .	9
VII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„	. . .	11
VIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	22 . . .	12
IX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	23 . . .	14
X.	Ему же.	„	„	февраль	3 . . .	16
XI.	М. В. Киселевой.	„	„	„	3 . . .	17
XII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	4 . . .	19
XIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	5 . . .	21
XIV.	Ему же.	„	„	„	9 . . .	23
XV.	Г. М. Чехову.	„	„	„	9 . . .	26
XVI.	Ф. О. Шехтелю.	„	„	„	10 . . .	28
XVII.	А. С. Киселеву.	„	„	„	15 . . .	29
XVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	. . .	31
XIX.	Ему же.	„	„	„	22 . . .	32
XX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	23 . . .	35
XXI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	24 . . .	37
XXII.	Ему же.	„	„	„	26 . . .	39
XXIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	мартъ	6 . . .	40
XXIV.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	7 . . .	42
XXV.	М. П. Чехову.	СПБ.	„	„	15 . . .	43
XXVI.	Ал. П. Чехову.	Москва	„	„	24 . . .	45
XXVII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	25 . . .	47
XXVIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	49
XXIX.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	29 . . .	50
XXX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	31 . . .	51
XXXI.	Ему же.	„	„	„	31 . . .	54
XXXII.	Г. М. Чехову.	„	„	апрѣль	1 . . .	55
XXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	3 . . .	57
XXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	4 . . .	60
XXXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	4 . . .	61
XXXVI.	М. В. Киселевой.	„	„	„	5 . . .	62
XXXVII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	9 . . .	64
XXXVIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	67

XXXIX.	В. Г. Короленко.	Москва,	1888 г.,	апрѣль	9 . . .	68
XL.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	15 . . .	69
XLI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	17 . . .	71
XLII.	Я. А. Корнѣеву.	„	„	„	. . .	73
XLIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	74
XLIV.	В. А. Тихонову.	„	„	„	21 . . .	76
XLV.	М. П. Чехову.	„	„	„	. . .	77
XLVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	25 . . .	78
XLVII.	В. Г. Короленко.	„	„	май	2 . . .	79
XLVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	3 . . .	80
XLIX.	П. А. Сергѣенко.	„	„	„	4 . . .	82
L.	И. П. Чехову.	Сумы	„	„	. . .	83
LI.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	84
LII.	И. П. Чехову.	„	„	„	10 . . .	86
LIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	10 . . .	88
LIV.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	11 . . .	90
LV.	А. С. Киселеву.	„	„	„	15 . . .	92
LVI.	И. П. Чехову.	„	„	„	23 . . .	93
LVII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	27 . . .	94
LVIII.	В. Г. Короленко.	„	„	„	. . .	95
LIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	30 . . .	96
LX.	И. Л. Щеглову.	„	„	іюнь	9 . . .	103
LXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	. . .	105
LXII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„	26 . . .	107
LXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	28 . . .	109
LXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	28 . . .	112
LXV.	Ему же.	„	„	іюль	. . .	114
LXVI.	М. П. Чеховой. Ѳеодосія	„	„	„	. . .	117
LXVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	120
LXVIII.	М. П. Чеховой.	„	„	„	22 . . .	122
LXIX.	Ей же.	„	„	„	. . .	126
LXX.	М. П. Чехову. (Съ парох.)	„	„	„	28 . . .	—
LXXI.	Неизвѣстному лицу.	Сухумъ	„	„	. . .	130
LXXII.	И. П. Чехову.	Поти	„	„	. . .	133
LXXIII.	Н. А. Лейкину.	Сумы	„	августъ	12 . . .	—
LXXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	13 . . .	135
LXXV.	Ему же.	„	„	„	27 . . .	137
LXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	29 . . .	140
LXXVII.	Г. М. Чехову.	Москва	„	сентябрь	10 . . .	144
LXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	11 . . .	145
LXXIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	14 . . .	147
LXXX.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . .	149
LXXXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	15 . . .	151
LXXXII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	17 . . .	154
LXXXIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	24 . . .	155
LXXXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	30 . . .	157
LXXXV.	А. С. Суворину.	„	„	октябрь	2 . . .	158
LXXXVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	4 . . .	159
LXXXVII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	5 . . .	161

LXXXVIII.	А. С. Суворину.	Москва,	1888 г.,	октябрь	. . . 163
LXXXIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 9	. . . 166
XC.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 9	. . . 169
XCI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 10	. . . 171
XCII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 10	. . . 174
XCIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 14	. . . —
XCIV.	Ему же.	„	„	„	. . . 177
XCV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 17	. . . 178
XCVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 18	. . . 179
XCVII.	А. С. Лазареву-Грузинскому.	„	„	„ 20	. . . 186
XCVIII.	А. С. Киселеву.	„	„	„ 20	. . . 187
XCIX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 23	. . . 189
C.	Ему же.	„	„	„ 24	. . . 192
CI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 25	. . . 193
CII.	А. П. Ленскому.	„	„	„ 26	. . . 195
CIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 27	. . . 196
CIV.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 27	. . . 201
CV.	М. В. Киселевой.	„	„	ноябрь 2	. . . 202
CVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 3	. . . 204
CVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . . 205
CVIII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„ 5	. . . 210
CIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 7	. . . 212
CX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 7	. . . 214
CXI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„ 8	. . . 216
CXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 10	. . . 217
CXIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 11	. . . 218
CXIV.	А. С. Суворину.	„	„	„ 11	. . . 220
CXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 13	. . . 222
CXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 15	. . . 224
CXVII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„ 16	. . . 226
CXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 18	. . . 228
CXIX.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	. . . 229
CXX.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„ 23	. . . 230
CXXI.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . . 232
CXXII.	Ему же.	„	„	„ 28	. . . 234
CXXIII.	А. П. Ленскому.	СПБ.	„	декабрь 8	. . . 236
CXXIV.	Л. Н. Ленской.	„	„	„ 15	. . . 237
CXXV.	А. С. Суворину.	Москва	„	„ 17	. . . 238
CXXVI.	Ему же.	„	„	„ 19	. . . 239
CXXVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 20	. . . 243
CXXVIII.	В. А. Тихонову.	„	„	„ 20	. . . 245
CXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„ 23	. . . 246
CXXX.	Ему же.	„	„	„ 26	. . . 252
CXXXI.	Ему же.	„	„	„ 28	. . . 255
CXXXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„ 30	. . . 257
CXXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„ 30	. . . 259
CXXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„ 31	. . . 268
CXXXV.	А. Н. Плещееву.	„	1889 г.	январь 2	. . . 270
CXXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„ 3	. . . 273
CXXXVII.	Ему же.	„	„	„ 4	. . . 275

CXXXVIII.	Е. М. Линтваревой.	Москва,	1889 г.,	январь	. . .	278
CXXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	6 . . .	279
CXL.	Ему же.	„	„	„	7 . . .	281
CXLI.	Ѳ. А. Юрковскому.	„	„	„	8 . . .	284
CXLII.	А. С. Суворину.	„	„	„	8 . . .	285
CXLIII.	Ему же.	„	„	„	. . .	287
CXLIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	15 . . .	288
CXLV.	Ему же.	СПБ.	„	„	. . .	290
CXLVI.	М. П. Чехову.	„	„	„	. . .	291
CXLVII.	А. С. Суворину.	Москва	„	февраль	4 . . .	—
CXLVIII.	Д. Т. Савельеву.	„	„	„	4 . . .	293
CXLIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	6 . . .	294
CL.	Ему же.	„	„	„	6 . . .	296
CLI.	Ему же.	„	„	„	8 . . .	298
CLII.	В. А. Тихонову.	„	„	„	10 . . .	300
CLIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	11 . . .	302
CLIV.	Н. М. Линтваревой.	„	„	„	11 . . .	303
CLV.	Н. А. Хлопову.	„	„	„	13 . . .	305
CLVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . .	307
CLVII.	Ему же.	„	„	„	14 . . .	—
CLVIII.	М. В. Киселевой.	„	„	„	17 . . .	311
CLIX.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18 . . .	313
CLX.	А. С. Суворину.	„	„	„	20 . . .	315
CLXI.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	21 . . .	318
CLXII.	Ему же.	„	„	„	25 . . .	319
CLXIII.	А. С. Суворину.	„	„	марта	5 . . .	320
CLXIV.	Ему же.	„	„	„	6 . . .	322
CLXV.	В. А. Тихонову.	„	„	„	7 . . .	323
CLXVI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	7 . . .	324
CLXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	11 . . .	326
CLXVIII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	11 . . .	329
CLXIX.	Н. А. Хлопову.	„	„	„	22 . . .	330
CLXX.	А. С. Суворину.	„	„	апрѣля	8 . . .	331
CLXXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	9 . . .	332
CLXXII.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	10 . . .	335
CLXXIII.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	11 . . .	337
CLXXIV.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	12 . . .	338
CLXXV.	А. С. Суворину.	„	„	„	17 . . .	340
CLXXVI.	Е. М. Линтваревой.	„	„	„	17 . . .	341
CLXXVII.	Ф. О. Шехтелю.	„	„	„	19 . . .	343
CLXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	22 . . .	—
CLXXIX.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	„	23 . . .	344
CLXXX.	М. П. Чеховой.	Лука	„	„	26 . . .	346
CLXXXI.	Ал. П. Чехову.	Сумы	„	май	2 . . .	347
CLXXXII.	А. С. Суворину.	„	„	„	. . .	348
CLXXXIII.	Ему же.	Лука	„	„	4 . . .	350
CLXXXIV.	Ему же.	„	„	„	7 . . .	354
CLXXXV.	Ал. П. Чехову.	Сумы	„	„	8 . . .	357
CLXXXVI.	А. Н. Плещееву.	Лука	„	„	14 . . .	360
CLXXXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	14 . . .	363
CLXXXVIII.	И. П. Чехову.	„	„	„	. . .	365

CLXXXIX.	А. С. Суворину.	Лука,	1889 г.,	май	15	. . . 366
CXC.	В. А. Тихонову.	„	„	„	31	. . . 369
CXCI.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	іюнь	4	. . . 371
CXCII.	А. С. Суворину.	„	„	„	9	. . . 373
CXCIII.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	„	17	. . . 376
CXCIV.	Ф. О. Шехтелю.	Сумы	„	„	18	. . . —
CXCV.	А. Н. Плещееву.	Лука	„	„	26	. . . —
CXCVI.	А. С. Суворину.	Сумы,	„	іюль	2	. . . 380
CXCVII.	И. П. Чехову.	Одесса	„	„	16	. . . 381
CXCXVIII.	М. П. Чеховой.	Ялта	„	„	18	. . . 384
CXCIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	августъ	3	. . . 386
CC.	И. Л. Щеглову.	Лука	„	„	29	. . . 388
CCI.	А. Н. Плещееву.	„	„	сентябрь	3	. . . 389
CCII.	Ѳ. А. Куманину.	Москва	„	„	5	. . . 391
CCIII.	Е. М. Линтваревой	„	„	„	6	. . . 392
CCIV.	Ал. П. Чехову.	„	„	„	7	. . . 394
CCV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	14	. . . —
CCVI.	В. А. Тихонову.	„	„	„	15	. . . 397
CCVII.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	18	. . . 398
CCVIII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	24	. . . 399
CCIX.	Ему же.	„	„	„	30	. . . 401
CCX.	А. П. Ленскому.	„	„	„		. . . 403
CCXI.	А. Н. Плещееву.	„	„	„		. . . 404
CCXII.	Ему же.	„	„	октябрь	1	. . . —
CCXIII.	А. П. Ленскому.	„	„	„		. . . 405
CCXIV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	6	. . . —
CCXV.	Ему же.	„	„	„		. . . 407
CCXVI.	Ѳ. А. Куманину.	„	„	„	10	. . . 408
CCXVII.	А. С. Суворину.	„	„	„	13	. . . —
CCXVIII.	Ему же.	„	„	„	15	. . . 411
CCXIX.	Ал. П. Чехову,	„	„	„		. . . 413
CCXX.	А. С. Суворину.	„	„	„	17	. . . 414
CCXXI.	И. Л. Щеглову.	„	„	„	21	. . . 417
CCXXII.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	21	. . . 418
CCXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	28	. . . 420
CCXXIV.	Ему же.	„	„	ноябрь	1	. . . 422
CCXXV.	А. П. Ленскому.	„	„	„	2	. . . 424
CCXXVI.	Н. А. Лейкину.	„	„	„	7	. . . —
CCXXVII.	В. А. Тихонову.	„	„	„	7	. . . 427
CCXXVIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	7	. . . 428
CCXXIX.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	8	. . . —
CCXXX.	В. А. Тихонову.	„	„	„	12	. . . 429
CCXXXI.	А. С. Суворину.	„	„	„	12	. . . 430
CCXXXII.	Л. Н. Ленской.	„	„	„	15	. . . 431
CCXXXIII.	А. С. Суворину.	„	„	„	20	. . . 432
CCXXXIV.	Ему же.	„	„	„	25	. . . 433
CCXXXV.	А. Н. Плещееву.	„	„	„	27	. . . 434
CCXXXVI.	А. С. Суворину.	„	„	„	27	. . . 437
CCXXXVII.	А. П. Ленскому.	„	„	„	29	. . . 439
CCXXXVIII.	Н. Н. Оболонскому.	„	„	декабрь		. . . —
CCXXXIX.	А. С. Суворину.	„	„	„	7	. . . 440

CCXL. В. А. Тихонову. Москва, 1889 г., декабрь 7 . . . 443
CCXLI. А. П. Ленскому. „ „ „ 8 . . . 443
CCXLII. А. Н. Плещееву. „ „ „ 12 . . . 444
CCXLIII. Н. Н. Оболонскому. „ „ „ . . . —
CCXLIV. А. Н. Плещееву. „ „ „ 25 . . . 445
CCXLV. Н. А. Лейкину. „ „ „ 25 . . . 447
CCXLVI. А. С. Суворину. „ „ „ 27 . . . 448
CCXLVII. Ему же. „ „ „ . . . 451

Указатель писемъ по адресатамъ.

1. Киселевой, М. В.—3, 17, 47, 62, 154, 202, 311.
2. Киселеву, А. С.—29, 92, 187.
3. Корнѣеву, Я. А.—73.
4. Короленко, В. Г.—7, 68, 79, 95.
5. Куманину, Ѳ. А.—391, 408.
6. Лазареву-Грузинскому. А. С.—11, 107, 186.
7. Ленской, Л. Н.—237, 431.
8. Ленскому, А. П.—3. 195, 236, 403, 405, 424, 439, 443.
9. Лейкину, Н. А.—37, 39, 42, 50, 90, 133, 161, 210, 216, 335, 424, 447.
10. Линтваревой. Е. М.—169, 201, 230, 278, 341, 392.
11. Линтваревой, Н. М.—303.
12. Неизвѣстному лицу—130.
13. Оболонскому, Н. Н.—344, 371, 376, 439, 444.
14. Плещееву, А. Н.—9, 14, 16, 21, 23, 35, 40, 51, 54, 61, 64. 71, 78, 105, 112, 114, 135, 137, 151, 157, 159, 166, 174, 178, 193. 204, 217, 222, 257, 270, 288, 290, 302, 324, 332, 360, 376, 386, 389, 394, 399, 401, 404, 404, 405, 407, 418, 428, 434, 444, 445.
15. Савельеву, Д. Т.—293.
16. Сергѣенко, П. А.—82.
17. Суворину, А. С.—57, 96, 109, 140, 145, 158, 163, 171, 174, 177, 179, 189, 192, 196, 205, 214, 220, 224, 228, 232, 234, 238, 239, 246, 252, 255, 259, 273, 275, 279, 281, 285, 287, 291, 294, 296, 298, 307, 307, 315, 320, 322, 326, 331, 340, 343, 348, 350, 354, 363, 366. 373, 380, 408, 411, 414, 420, 422, 428, 430, 432, 433, 437, 440, 448, 451.
18. Тихонову, В. А.—76, 245, 300, 323, 369, 397, 427, 429, 443.
19. Хлопову, Н. А.—305, 330.
20. Чехову, Ал. П.—45, 49, 67, 84, 94, 149, 155, 226, 229, 318, 319, 337, 347, 357, 394, 413.
21. Чехову, Г. М.—26, 55, 144.
22. Чехову, И. П.—83, 86, 93, 133, 365, 381.
23. Чеховой, М. П.—117, 122, 126, 346, 384.
24. Чехову, М. П.—43, 77, 126, 291.
25. Шехтелю, Ф. О.—28, 343, 376.
25. Щеглову, И. Л.—1, 5, 12, 19, 31, 32, 60, 69, 74, 80, 88, 103, 120, 147, 212, 218, 243, 268, 313, 329, 338, 388, 398, 417.
27. Юрковскому, Ѳ. А.—284.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографическій очеркъ . . . . . III—XVI

Письма (1888 — 1889) . . . . . 1—452

Хронологическій указатель писемъ . . . . . 453—458

Указатель писемъ по адресатамъ 459

ОПЕЧАТКИ.

Письмо II А. П. Ленскому должно быть помѣщено на стр. 279 передъ письмомъ CXXXIX А. С. Суворину.

Стран.		*Напечатано:*	*Надо:*
115	послѣд. строка	(стр. 118—119)	(стр. 116—117)
284	Въ письмѣ Ѳ. А. Юрковскому пропущено „(съ подлинника)“		
352	строка 3 снизу	какя	какая
359	„ 18 сверху	помятуй	памятуй
364	„ 16 „	Пиренеи	Пиринеи

Пьеса „Анна Каренина" — р 222 + 233

253 — Мурдін [illegible]

cpl. 316 - Cehov A. Pis'ma
Cl. III, 44 II 1889 (Cybyrany)

PG
3458
A4
1912a
t.2

Chekhov, Anton Pavlovich
Pis'ma A.P. Chechova

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY